

КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУЗБАССКИЙ КЛИНИЧЕСКИЙ
НАРКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСПАНСЕР
ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н.П. КОКОРИНОЙ

V Международная междисциплинарная
научно-практическая конференция

АРТ-ТЕРАПИЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ
И ИННОВАЦИИ

Кемерово, 2026

УДК 615.851(082)

ББК 53.57я43

А 860

Редакционная коллегия выпуска:

д.м.н., профессор А. И. Копытин, д.м.н., профессор А. А. Лопатин, д.м.н., профессор А. М. Селедцов, к.психол.н., доцент Е.В. Янко, к.ист.н., доцент Г. В. Акименко, к.филол.н., доцент Л. В. Гукина

Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Кемерово, 20 марта 2026 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2026. – 626 с. – ISBN 978-5-8151-0378-8. - Текст : электронный

В сборнике представлены секционные доклады участников V-ой Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации».

Сборник адресован психологам и другим помогающим специалистам, педагогам, руководителям образовательных, социальных и медицинских учреждений, слушателям системы повышения квалификации, студентам вузов и всем, кто интересуется вопросами арт-терапии и арт-педагогики.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-8151-0378-8

*В макете обложки использована работа iStock из открытого источника. URL:
<https://www.istockphoto.com/fi/thinkstock> (дата обращения 1.03.2026)*

© ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный
медицинский университет» Минздрава России, 2026

© Кузбасский клинический наркологический диспансер
имени профессора Н.П. Кокориной, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллаев И. К. АРТ-ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ, БОЛЬНЫМИ ТУБЕРКУЛЕЗОМ	9
Абдуллаев Р. Б. АРТ-ТЕХНОЛОГИИ В ЛЕЧЕНИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ БОЛЬНЫХ	16
Абрамов Б. Э., Сквиря И. М. ВЕРА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРТ-ТЕРАПИИ - ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В РАБОТЕ ВРАЧА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ СУИЦИДОВ	25
Акименко Г. В., Шмакова О. В., Головкин О. В. АРТ-ТЕРАПИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОБЪЕДИНЯЯ МИРЫ ИСКУССТВА	37
Аксюткина З. А. ОБРАЗЫ В ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ АССОЦИАТИВНЫХ КАРТ	48
Алимова Р. Ф., Давлатбоев М. Т., Юсупова Л. У., Бабарахимова С. Б. АРТ-ТЕРАПИЯ В ПРЕВЕНЦИИ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У ПОДРОСТКОВ	56
Алланазаров А. Х. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АРТ –ТЕРАПИЯ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ	65
Алмагамбетова А. А., Черубаева А. М., Сеилкан Ж. Е., Серикова А. С. ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА И ЕЁ РОЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ И СУИЦИДАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ	75
Алмагамбетова А. А., Серикказина А. Н., Сергазинова Ш. С. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ: АРТ-ТЕРАПИЯ И ТРЕНИНГ РЕЛАКСАЦИИ	91

Алмагамбетова А. А., Багдатова Д. Е., Батырова А. Н. СОВРЕМЕННЫЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В РАБОТЕ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР	108
Альхарби Х., Хиггинс Д., Леонар Г., Буасси П., Венсан К., Леклерк Ж., Мило М.-Э., Будриас М.-Э. ПРОГРАММА АРТ-ТЕРАПИИ В МУЗЕЕ ПРИ ХРОНИЧЕСКОЙ ФАЗЕ ИНСУЛЬТА	119
Аскарова Р. И. КОРНИ И ВЕТВИ АРТ-ТЕРАПИИ: ИСТОРИЯ ИСЦЕЛЯЮЩЕГО ИСКУССТВА	142
Аскарова Р. И. АРТ-ТЕРАПИЯ В КОМПЛЕКСНОМ ЛЕЧЕНИИ ТУБЕРКУЛЁЗА	150
Аскарова Р. И. ЦИФРОВАЯ АРТ-ТЕРАПИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ ФТИЗИАТРИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ	156
Аубакирова М. К., Ануархан А. М., Алпыс Р. Н., Сабырбай Ж. А. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	165
Бабарахимова С. Б., Абдукодирова А. М. РОЛЬ АРТ-ТЕРАПИИ В РЕАБИЛИТАЦИИ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА	179
Барсукова В. И. АРТ-ТЕРАПИЯ В НАРКОЛОГИИ: ПУТЬ К ИСЦЕЛЕНИЮ ЧЕРЕЗ ТВОРЧЕСТВО	186
Батяшова Д. В., Фурин К.Д., Яцына Д.С., Шибаетов Р. М. ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АРТ-ТЕРАПИИ НА УРОВЕНЬ СТРЕССА У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	193
Валиуллина Е. В. ТВОРЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ – ЭКО-АРТ-ТЕРАПИЯ	204

Вертынская Л. А. САМОПОМОЩЬ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ ПОСРЕДСТВОМ ПИСЬМЕННЫХ ПРАКТИК	212
Воровко О. В. АРТ-ТЕРАПИЯ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ	225
Говорова Г. М., Дарсалия О. В. ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД: АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ПРИ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЕ	234
Гукина Л. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕМАТИКИ ИСКУССТВА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ	248
Дробышевская Е. В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕАТРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С УЧАСТНИКАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	256
Ивойлов В. М., Акименко Г. В. НЕОБХОДИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТ-ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С СЕМЬЯМИ ШАХТЕРОВ	264
Казбеккызы Н., Муратов М. А. ЭФФЕКТИВНОСТЬ АРТ-ТЕРАПИИ И КРАТКОСРОЧНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОМ СТРЕССОВОМ РАССТРОЙСТВЕ (ПТСР)	271
Каримов Р. Х. ИСКУССТВО КАК АНТИСТРЕСС: ПРАКТИКА АРТ-ТЕРАПИИ	282
Катарбай М. Т., Муратов М. А. АРТ-ТЕРАПИЯ ПРИ СОМАТИЧЕСКИХ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВАХ	289
Ковальчишина Н. И., Дронова А. А. ИНТУИТИВНОЕ РИСОВАНИЕ: ПРАКТИКА КОРРЕКЦИИ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ СОСТОЯНИЙ У СТУДЕНТОВ	298

Копытин А. И. ОБ ИСТОРИИ АРТ-ТЕРАПИИ В РОССИИ И ЕЁ БУДУЩЕМ	306
Копытин А. И. АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКИ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА	317
Мақатова Б. Р., Алмагамбетова А. А., Алдажар А. К. АРТ-ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ПОДРОСТКАМИ И СЕМЬЯМИ	339
Машарипов О. О. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ АРТ-ТЕРАПИИ В ФТИЗИАТРИИ	348
Машербаева Н. Б., Калишева А. Е. ЭФФЕКТИВНОСТЬ АРТ-ТЕРАПИИ И КОГНИТИВНО- ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ ТРЕВОЖНЫХ РАССТРОЙСТВАХ У СТУДЕНТОВ НАО «МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ СЕМЕЙ»	353
Михайлова Т.А. СУБКРЕАТИВНАЯ ТЕРАПИЯ: ОБОСНОВАНИЕ ТЕРМИНА И ОПИСАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ	362
Палванов М. М. АРТ-ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ПОЖИЛЫМИ ПАЦИЕНТАМИ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР	370
Помыткина Т. Е., Колотий Д. А., Златков Д. М. АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ С ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ	383
Помыткина Т. Е., Шарабуряк Д. С., Журавлева Д. Г. РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МЕТАФОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В ПРОЦЕССЕ НАРРАТИВНОЙ АРТ-ТЕРАПИИ	391
Рахимов Р. Р. АРТ-ТЕРАПИЯ В ЛЕЧЕНИИ ДЕТЕЙ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ	398

Сарипбекова А.Т., Сейдулла Г. Д. ВОЗМОЖНОСТИ ГРУППОВОЙ АРТ-ТЕРАПИИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ВУЗА	409
Сатликов Р. К. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТ- ТЕРАПИИ	420
Селедцов А. М., Кирина Ю. Ю., Яковлев А. С. АРТ-ТЕРАПИЯ: ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ЛЕЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ	428
Селин И. И., Пивовар О. И. СТРЕССОРЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ И ТРЕВОЖНОСТЬ У ВЫПУСКНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА: РОЛЬ АРТ-ПРАКТИК	436
Солодухо В. В. АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ В ПРОФИЛАКТИКЕ И КОРРЕКЦИИ СИНДРОМА ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ	449
Титиевский С. В., Синявская И. А., Побережная Н. В., Черепков В. Н. АРТ-ТЕРАПИЯ ПРИ РАССТРОЙСТВАХ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	461
Уорлдолл Б. АРТ-ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО РАБОТЫ С ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ГОРЕМ	478
Федосеев М. Н., Гончаренко В. А., Гончаренко А. В., Попонникова Т. В. АРТ-ТЕРАПИЯ КАК КОМПОНЕНТ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХОРЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ	498
Федосеева И. Ф., Акименко Г. В. ИСКУССТВО ИСЦЕЛЕНИЯ: РОЛЬ АРТ-ТЕРАПИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ	510

Фурин К. Д., Яцына Д. С., Шибасев Р. М. СИНЕРГИЯ АРТ-ТЕРАПИИ И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	519
Харлампынков Е. И., Неверова Е. А. АРТ-ТЕРАПИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: ВЫГОРАНИЕ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НИМ	526
Ширинская А. Д. АРТ-ТЕРАПИЯ ПРИ СОМАТИЧЕСКИХ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЯХ	535
Ширинская А.Д. ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ	548
Шоджаи Ф., Осорио Т.Дж., Ши П. ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ В АРТ-ТЕРАПИЮ	564
Юлдашев Г. Ю. АРТ-ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ СПЕЦИАЛИСТОВ, ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ	580
Яковлев А. С. АРТ-ТЕРАПИЯ В РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ С ТУБЕРКУЛЕЗОМ И РАССТРОЙСТВАМИ, СВЯЗАННЫМИ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ ПАВ	588
Яковлев А. С., Яковлева А.А., М., Акименко Г. В. ЭКСПРЕССИВНАЯ ТЕРАПИЯ В КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	598
Янко Е. В., Юдин С. А. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ: ИННОВАЦИИ ЧЕРЕЗ СКАЗКОТЕРАПИЮ	608
Сведения об авторах	618

АРТ-ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ, БОЛЬНЫМИ ТУБЕРКУЛЕЗОМ

Абдуллаев И. К.

*Кафедра инфекционных болезней, эпидемиологии и фтизиатрии.
Ургенчский государственный медицинский институт,
Республика Узбекистан, г. Ургенч*

Аннотация. Статья рассматривает проблему психологического сопровождения детей и подростков с туберкулезом. Длительная госпитализация и высокая психоэмоциональная нагрузка приводят к тревожно-депрессивным состояниям, социальной изоляции и снижению мотивации к лечению. Арт-терапия предлагается как эффективный метод психокоррекции, снижающий тревожность, стабилизирующий эмоциональное состояние и формирующий позитивные установки на лечение. Рассматриваются изотерапия, песочная терапия и сказкотерапия. Особое внимание уделяется преодолению стигматизации, развитию коммуникативных навыков и активизации личностных ресурсов. Опыт показывает, что арт-терапия улучшает психологическое состояние пациентов и повышает их приверженность лечению, что положительно влияет на эффективность терапии туберкулеза.

Ключевые слова: арт-терапия, дети и подростки, туберкулез, психологическая реабилитация, длительная госпитализация, тревожность, эмоциональная регуляция, комплаентность.

ART THERAPY IN WORKING WITH CHILDREN AND ADOLESCENTS WITH TUBERCULOSIS

Abdullaev I. K.

*Department of Infectious Diseases, Epidemiology, and Phthisiology.
Urgench State Medical Institute,
Republic of Uzbekistan, Urgench*

Abstract. The article discusses the problem of psychological support for children and adolescents with tuberculosis. Prolonged hospitalization and high psychoemotional stress led to anxiety and depression, social isolation, and decreased motivation for treatment. Art therapy is proposed as an effective method of psychocorrection that reduces anxiety, stabilizes emotional state, and forms positive attitudes towards treatment. The article explores the use of art therapy, sand therapy, and fairy tale therapy. Special attention is given to overcoming stigmatization, developing communication skills, and activating personal resources. Experience shows that art therapy improves the psychological state of patients and increases their adherence to treatment, which has a positive effect on the effectiveness of tuberculosis therapy.

Keywords: art therapy, children and adolescents, tuberculosis, psychological rehabilitation, long-term hospitalization, anxiety, emotional regulation, compliance.

Туберкулез остается серьезным инфекционным заболеванием, которое оказывает значительное влияние не только на физическое, но и на психологическое состояние ребенка. Длительное лечение, часто требующее госпитализации или пребывания в специализированном санатории, приводит к вынужденной изоляции от привычного круга общения, семьи и друзей [1]. Дети и подростки в этот период могут испытывать целый спектр психологических проблем: тревогу, страхи, чувство вины, снижение самооценки, симптомы депрессии, трудности в общении и ощущение безысходности [1][4]. В связи с этим, наряду с медицинским лечением, **психологическая поддержка и реабилитация** становятся неотъемлемой частью восстановления здоровья и качества жизни детей, больных туберкулезом [1].

Арт-терапия (лечение искусством) - это метод психологической помощи, использующий различные формы творчества (рисование, лепку, музыку, танец,

сказкотерапию и др.) для выражения и осознания человеком своих эмоций, переживаний и проблем [1][4]. Данный метод практически не имеет противопоказаний и активно применяется в современной психологии, демонстрируя выраженные положительные результаты [1][8].

Ключевыми принципами арт-терапии в работе с детьми, больными туберкулезом, являются:

- **Ненасильственность воздействия.** Арт-терапия не требует от ребенка усилий, которые могут вызвать негативную реакцию.
- **Отсутствие критики.** В процессе творчества не оценивается правильность или неправильность созданного произведения.
- **Принятие всех продуктов творческой деятельности.** Каждая работа уникальна и ценна [1].

Задачи и основные виды арт-терапии

Арт-терапия в работе с детьми, находящимися на лечении во фтизиатрических учреждениях, решает три основные группы задач:

1. **Диагностика:** творческий процесс помогает специалисту выявить сферы, требующие внимания, а также понять внутренние конфликты и переживания ребенка [1][4].
2. **Коррекция:** эффективные методики способствуют изменению поведения, избавлению от страхов, тревог и комплексов [1].
3. **Развитие и улучшение эмоционального состояния:** ребенок получает возможность для самовыражения, развития творческих способностей и гармонизации своего состояния [1][7].

В работе с детьми и подростками, больными туберкулезом, могут применяться различные виды арт-терапии:

Вид арт-терапии	Описание и цель применения
Изотерапия	Использование рисования и живописи для выражения чувств и переживаний [1][4].
Музыкотерапия	Применение музыки для релаксации, снятия напряжения и выражения эмоций [1][5].
Сказкотерапия	Использование сказок и историй для развития фантазии, воображения и эмоционального интеллекта [1].
Игровая терапия	Применение игры для развития навыков общения, самовыражения и решения конфликтов [1][9].
Работа с природными материалами	Создание поделок (например, из патиссонов, листьев) для развития мелкой моторики, сенсорного восприятия и эмоциональной устойчивости [3].
Коллективное творчество	Создание общих работ (например, панно), что помогает сплотить группу, улучшить коммуникацию и создать атмосферу поддержки [7].

Практический опыт применения арт-терапии в детских противотуберкулезных диспансерах и санаториях подтверждает ее высокую эффективность [1][4][5].

Пациенты, прошедшие курс арт-терапии, демонстрируют значительное улучшение эмоционального состояния: снижение уровня тревожности, депрессии и стресса [1][7]. В одном из исследований, проведенном в детском отделении областного противотуберкулезного диспансера, метод арт-терапии был применен для лечения больных детей, что показало положительные результаты в гармонизации их психоэмоционального состояния [5].

Пример из практики

Работа с 10-летним мальчиком, проходившим лечение от туберкулеза легких. До начала арт-терапевтических занятий у ребенка наблюдались сниженная самооценка, чувство изоляции, проблемы с общением и преобладание негативных эмоций. После применения комплекса методов (игровая терапия, изотерапия, музыкотерапия, танцевальная терапия, сказкотерапия) были зафиксированы следующие изменения:

- Ребенок начал выражать свои эмоции через творчество.
- Улучшилось общее эмоциональное состояние, мальчик стал более спокойным и уверенным.
- Развились творческие способности и навыки общения.
- Появилась заинтересованность в результатах лечения и более активное взаимодействие с окружением [1], [8], [10].

Формирование мотивации и преодоление изоляции

Арт-терапия помогает детям справиться с чувством одиночества и изоляции, вызванным длительным пребыванием в стационаре. Например, в ресурсных комнатах для детей и подростков, больных туберкулезом, созданных в Узбекистане при поддержке международных организаций, индивидуальные и групповые занятия арт-терапией и песочная терапия помогли не только юным пациентам, но и членам их семей восстановить психоэмоциональное состояние и укрепить семейные связи [9]. Творческие занятия становятся частью лечебного процесса, даря положительные эмоции и укрепляя веру в выздоровление [3][7].

Заключение

Применение методов арт-терапии в психологической работе с детьми и подростками, больными туберкулезом, является перспективным и высокоэффективным направлением. Оно позволяет решить ключевые задачи, связанные с эмоциональными трудностями в период болезни: снизить

тревожность и депрессию, повысить самооценку, улучшить коммуникативные навыки и, что особенно важно, сформировать положительную мотивацию к лечению и реабилитации. Использование творчества в комплексной терапии способствует не только улучшению психологического состояния, но и повышению качества жизни юных пациентов, помогая им легче перенести сложный период госпитализации и вернуться к полноценной жизни.

Литература/References:

1. Чувашева, Ю. В. Опыт применения арт-терапии в психологической работе с детьми, больными туберкулёзом / Ю. В. Чувашева. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2025. - № 21 (572). - С. 57-59.
2. Аскарова Р.И. Во фтизиатрии арт-терапия как наилучший метод лечения в работе с детскими проблемами // Процветание науки». - 2022. - №2(8).-
3. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.
4. Аскарова Р.И. Эффективность применения арт - терапии у детей, больных туберкулезом. — inLIBRARY.
5. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головкин О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.
6. Аскарова Р. И. Эффективность арт-терапии в борьбе со стрессом детей, больных туберкулезом // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные

научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Кемерово, 19 апреля 2024 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2024. – С.31-40.

7. Аскарлова Р. И. Пути совершенствования оказания медицинской наркологической помощи больным с туберкулезом легких // Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы в XXI веке: новые задачи и возможные пути решения. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, к 170 - летию со дня рождения Сергея Сергеевича Корсакова –основателя русской психиатрической школы (Кемерово, 15 марта 2024 г.) / Г. В. Акименко, А. М. Селедцов, А. А. Лопатин, Ю. Ю. Кирина, А. С. Яковлев, Л. В. Гукина; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово: КемГМУ, 2024. – С.61-71.

8. Елькина И.А., Пьянзова Т.В. Эффективность лечения больных впервые выявленным туберкулезом в зависимости от ВИЧ-статуса // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 5. С. 52-53.

9. Клинико-социальная характеристика туберкулезного процесса у детей и подростков в Кузбассе / Е. О. Брюхачева, Е. Н. Лукашова, А. А. Холодов [и др.] // Вестник современной клинической медицины. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 23-28. – DOI 10.20969/VSKM.2022.15(6).23-28. – EDN SJUVTC.

10. Яковлев А. С., Яковлева А. А. Психологические аспекты восстановления психического здоровья // // Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и клинической психологии. Сборник материалов V Международной междисциплинарной научно-практической конференции, к 160 - летию со дня рождения Алоиса Альцгеймера (Кемерово, 4 октября 2024 г.) / Г. В. Акименко,

А. М. Селедцов, А. А. Лопатин, Ю. Ю. Кирина, А. С. Яковлев, Л. В. Гукина; отв.
ред. Г. В. Акименко. – Кемерово: КемГМУ, 2024. –С.415-421.

АРТ-ТЕХНОЛОГИИ В ЛЕЧЕНИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ БОЛЬНЫХ

Абдуллаев Р. Б.

Кафедра инфекционных болезней, эпидемиологии и фтизиатрии.

Ургенчский государственный медицинский институт,

Республика Узбекистан, г. Ургенч

Аннотация. Интеграция арт-терапии в медицинскую и психологическую практику — стремительно развивающаяся область. Арт-терапия, которая определяется как профессия в сфере психического здоровья, сочетающая психологическую теорию с творческим самовыражением, все чаще признается эффективным методом помощи пациентам, страдающим от физических заболеваний, психологических расстройств или проходящим агрессивное лечение. Этот подход направлен на удовлетворение комплексных потребностей пациента, выходя за рамки традиционного купирования симптомов и способствуя улучшению общего самочувствия, эмоциональной устойчивости и качества жизни. Цель. Цель этого обзора — обобщить имеющиеся данные о применении арт-терапии в лечении и психологическом консультировании пациентов, уделив особое внимание ее эффективности в условиях стационара и психиатрических клиник, лежащим в ее основе механизмам и новым тенденциям, включая интеграцию цифровых технологий.

Ключевые слова: арт-терапия, туберкулез, болезнь, консультация, психокоррекция, технологии.

ART TECHNOLOGY IN TREATMENT AND PSYCHOLOGICAL COUNSELING OF PATIENTS

Abdullaev R. B.

*Department of Infectious Diseases, Epidemiology,
and Phthisiology. Urgench State Medical Institute,
Republic of Uzbekistan, Urgench*

Abstract. The integration of art therapy into medical and psychological practice is a rapidly growing field. Art therapy, defined as a mental health profession combining psychological theory with creative expression, is increasingly recognized as an effective intervention for patients experiencing physical illness, psychological distress, or undergoing aggressive medical treatment. This approach addresses the holistic needs of the patient, moving beyond traditional symptom management to improve overall well-being, emotional resilience, and quality of life. Objective. This review aims to synthesize current evidence on the application of art therapy in the treatment and psychological counseling of patients, with a focus on its effectiveness in hospital and mental health settings, its underlying mechanisms, and emerging trends, including the integration of digital technologies.

Keywords: art therapy, tuberculosis, disease, consultation, psych correction, technology.

Введение

В последние годы арт-терапия переживает этап активной технологической трансформации. Оставаясь глубоко укорененной в психотерапевтических отношениях и творческом самовыражении, она интегрирует в себя достижения цифровых технологий — от виртуальной реальности до генеративного искусственного интеллекта. Такой синтез открывает новые возможности для работы с пациентами, страдающими онкологическими, неврологическими и

психическими заболеваниями, предлагая эффективные инструменты для работы с тревогой, депрессией и эмоциональной травмой [1; 5].

Арт-терапия – отдельное направление психокоррекции и психотерапии [1]. Основной целью которого является познание самовыражения при помощи творчества [2].

Творчество помогает облегчить психологическое состояние, справиться со стрессом, фобиями [3,4]. Арт-терапия продолжает развиваться из года в год [5, 6]. За десятилетия существования арт-терапии появились новые направления [7,8]. Арт-терапия помогает большому числу больных туберкулезом преодолевать психологические трудности. В зависимости от того, для клиентов какого возраста применяется арт-терапия, она может быть предназначенной для взрослых, пожилых людей, а также детской [9]. Поэтому психологу крайне важно знать особенности развития личности в каждом возрастном периоде [10].

По включенности других подходов она бывает ориентированной или выступать в качестве арт-коучинга [11]. В зависимости от применяемых инструментов различают разные виды арт-терапии: изотерапия, музыкотерапия, танцевально-двигательная, сказкотерапия, драматерапия, куклотерапия [12]. Также в арт-терапию входит фототерапия, песочная терапия, глинотерапия [13]. Арт-терапия представляют собой различные творческие направления [14]. Тем не менее, психолог может использовать техники из нескольких направлений. В таком случае речь идет о мультимодальном подходе. Коротко рассмотрим особенности каждого из указанных видов арт-терапевтического подхода. Предполагает работу с рисунком. В пассивном формате представляет собой анализ отклика на готовый рисунок, в активном – рисование на листе бумаги, асфальте, стене, ткани или дереве при помощи карандашей, красок, мелков, воска или других инструментов. Заключается в составлении собственной сказки индивидуальной или общей, а затем – ее чтении.

Танец используется в качестве самовыражения и процесса, помогающего достичь гармонии – как физической, так и эмоциональной. Чаще всего в рамках этого направления используется активный подход. Так, можно работать с готовым объектом или самостоятельно создавать новый объект. Также можно работать индивидуально или в группе. Таким образом, в арт-терапии основные методы – это пассивные и активные, групповые и индивидуальные. При этом их можно смешивать между собой и с различными направлениями даже в рамках всей терапии и одной консультации.

Цель исследования: стабилизация психоэмоционального состояния путем проработки страхов, фобий, тревожности и других проблем, которые мешают человеку достичь гармоничности личности.

Обсуждение

Арт-терапия дает возможность работать с проблемами различного плана. Она помогает человеку восстановить внутренний баланс и ощутить опору, дать безопасный выход подавленным эмоциям, развить креативное мышление, уменьшить уровень тревожности. Для каждого пациента арт-терапия носит индивидуальный характер в связи с различными запросами и проблемами. И, соответственно, перед терапией также могут ставиться конкретные цели и задачи. Как было уже указано, арт-терапия может предполагать активное или пассивное творчество. К примеру, можно слушать музыку и находить на нее соответствующий эмоциональный отклик (пассивное), а можно самому создать музыку, исходя из своих ощущений и переживаний. То есть, в случае с пассивным творчеством клиент работает с уже готовыми объектами. Кроме того, арт-терапия бывает индивидуальной и групповой. И даже в группе работа может быть как общей, так и индивидуальной.

Арт-терапия помогает эффективно справляться с проблемами различного характера, поэтому показания к ее применению могут быть следующими:

повышенная тревожность, эмоциональная нестабильность, чувство одиночества, страхи, фобии, стресс, апатия, депрессивное состояние, межличностные конфликты. Также недостаточное развитие коммуникативных навыков, психологические травмы, отсутствие понимания жизненных целей, желаний, неудовлетворенность внутрисемейными отношениями или отношениями с противоположным полом. Арт-терапевтический подход помогает лучше понять себя, ощутить истинные психологические причины тех или иных проблем, а также – наметить пути выхода из положения, которое мешает достичь гармоничности. Можно выделить следующие плюсы арт-терапии: помогает найти наиболее оптимальный путь к ее решению, дарит положительные эмоции человеку. Арт-терапия, она может быть предназначенной для взрослых, пожилых людей, а также для детей. Поэтому психологу крайне важно знать особенности развития личности в каждом возрастном периоде. По включенности в нее других подходов она бывает гештальт-ориентированной, динамически ориентированной или выступать в качестве арт-коучинга.

В зависимости от применяемых инструментов различают разные виды арт-терапии: изотерапия, музыкотерапия, танцевально-двигательная, сказкотерапия, драматерапия, куклотерапия, фототерапия, песочная терапия, глиноterapia. Они представляют собой мономодальные направления. Тем не менее, психолог может использовать техники из нескольких направлений. В таком случае речь идет о мультимодальном подходе.

Коротко рассмотрим особенности каждого из указанных видов арт-терапевтического подхода. Предполагает работу с рисунком. В пассивном формате представляет собой анализ отклика на готовый рисунок, в активном – рисование на листе бумаги, асфальте, стене, ткани или дереве при помощи карандашей, красок, мелков, воска или других инструментов.

Танец используется в качестве самовыражения и процесса, помогающего достичь гармонии – как физической, так и эмоциональной. Чаще всего в рамках этого направления используется активный подход. Зачастую предполагает групповое взаимодействие, в ходе которого происходит отыгрывание какого-либо вопроса или сюжета на сцене. В ходе работы можно разыгрывать отдельные сцены или говорить от лица одной или разных кукол. Может быть представлена как в виде взаимодействия с готовыми фотографиями, так и создании собственных фотоснимков с последующим их исследованием. В ходе такой арт-терапии клиент рисует на специальном столе при помощи песка. Это направление зачастую предполагает индивидуальные методы работы.

Участники такой разновидности арт-терапии прослушивают готовые музыкальные произведения или создают собственные. При активной форме творчества используются наиболее простые музыкальные инструменты, для игры на которых необязательно владеть особыми навыками/В качестве инструмента, с которым взаимодействует клиент для решения терапевтических задач, выступает такой природный материал как глина.

Арт-терапия – метод, который подходит людям с различными проблемами и потребностями. Она используется в отношении людей, страдающих от страхов, фобий, депрессии, стрессов, недовольства своей жизнью и собой. Хорошие результаты показывает арт- терапия в качестве вспомогательного средства в реабилитации и психокоррекции людей с деменцией, шизофренией, аутизмом.

Заключение

Арт-технологии в лечении и психологическом консультировании больных находятся на этапе активного развития. От традиционных занятий лепкой и живописью в больничных отделениях до виртуальных сессий и ИИ-ассистированной терапии — спектр инструментов постоянно расширяется. Современные исследования подтверждают эффективность этих методов для

снижения симптомов депрессии, тревоги, улучшения эмоциональной регуляции и повышения качества жизни пациентов с различными заболеваниями.

Дальнейшее развитие направления требует не только накопления эмпирических данных (включая лонгитюдные исследования и мультимодальные физиологические измерения), но и разработки этических стандартов использования цифровых технологий, а также формирования профессиональных компетенций специалистов, способных работать на стыке психологии, искусства и современных технологий.

Литература/References:

1. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головки О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.

Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др.- Москва, 2022.- 269 с.

3. Аскарова Р. И. ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕХА–ОТКРЫТИЕ ФАРМОКОЛОГИИ ПРЕПАРАТОВ ПРОТИВ ТУБЕРКУЛЕЗА // Интеграция теории и практики в медицине: достижения и. – 2026. – С. 32.

4. Аскарова Р.И. Особенности туберкулезного процесса у детей в Хорезмской области // Теоретической и клинической медицины. -2025.-№2. С.140.

5. Аскарова Р. И. Сил касаллиги билан огриган болаларда АРТ терапиядан фойдаланиш. самарадорлиги. //Тиббиетда янги кун. – 2021.- №5(37)2021.- С.6-9.

6. Аскарова Р.И. Арт терапия у больных детей-инструмент, помогающий справляться с расстройствами // Психология, психиатрия, наркология XXI века: первые шаги в науку и практику. сборник материалов III Международной междисциплинарной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. - Кемерово, 2025.- С. 40-48.

7. Аскарова Р. И. Особенности психического здоровья детей, больных туберкулезной интоксикацией. //Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и клинической психологии. В сборнике: Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и клинической психологии. Сборник материалов VI Международной междисциплинарной научно-практической конференции, к 140-летию со дня рождения Карен Хорни (Кемерово, 3 октября 2025). – Кемерово, 2025. - С. 75-80.

8. Аскарова Р.И., Пути совершенствования оказания медицинской наркологической помощи больным с туберкулезом легких. В сборнике: Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы в XXI веке: новые задачи и возможные пути решения. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, к 170 - летию со дня рождения Сергея Сергеевича Корсакова - основателя русской психиатрической школы. - Кемерово, 2024.- С. 61-71.

9. Аскарова Р.И. Эффективность Арт терапии в борьбе со стрессом детей, больных туберкулезом/ В сборнике: Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник материалов III Международной научно-практической конференции. - Кемерово, 2024. - С. 31-39.

11. Елькина И. А., Пьянзова Т.В. Эффективность лечения больных впервые выявленным туберкулезом в зависимости от ВИЧ-статуса // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 5. С. 52-53.

11. Рахимов Р. Р. Арт-терапия в лечении детей с инфекционными заболеваниями: обзор современных подходов // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Кемерово, 18 апреля 2025 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2025. –С.460-471.

12. Яковлев А. С., Яковлева А. А. Психологические аспекты восстановления психического здоровья // // Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и клинической психологии. Сборник материалов V Международной междисциплинарной научно-практической конференции, к 160 - летию со дня рождения Алоиса Альцгеймера (Кемерово, 4 октября 2024 г.) / Г. В. Акименко, А. М. Селедцов, А. А. Лопатин, Ю. Ю. Кирина, А. С. Яковлев, Л. В. Гукина; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово: КемГМУ, 2024. –С.415-421.

13. Пьянзова Т.В. Информационная среда больных туберкулезом и ее влияние на приверженность терапии // Туберкулез и болезни легких. 2012.- Т. 89. - № 5. - С. 033-038.

14. Аскарова Р. И. Цифровизация для диагностики туберкулеза (обзор литературы) // Современные инновации. – 2025. – №. 3 (49). – С. 25-26.

**ВЕРА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРТ-ТЕРАПИИ - ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ
СОСТАВЛЯЮЩИЕ В РАБОТЕ ВРАЧА
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ СУИЦИДОВ**

Абрамов Б. Э., Сквиря И. М.

*Кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и медицинской психологии
с курсом факультета повышения квалификации
и переподготовки, учреждение образования
«Гомельский государственный медицинский университет»,
Республика Беларусь, г. Гомель*

Аннотация. Статья рассматривает комплексный подход к профилактике суицидального поведения, подчеркивая важность интеграции духовного и творческого компонентов в лечебную практику. Религиозная вера, через общинную поддержку и духовные практики, снижает риск суицида, преодолевая чувство безнадежности и одиночества. Религиозные мотивы, такие как понимание самоубийства как греха, формируют антисуицидальные барьеры. Арт-терапия также эффективна для проработки внутриличностных конфликтов, снижения тревоги и депрессии, возвращая смысл жизни. Синергия духовной поддержки и арт-терапии воздействует на глубинные механизмы суицидального поведения, учитывая клинические, экзистенциальные и эмоциональные потребности пациента. Такой интегративный подход необходим для эффективной профилактики суицидов и сохранения психического здоровья.

Ключевые слова: Вера, арт-терапия, смысл жизни, суицид, традиционные ценности.

**FAITH AND THE USE OF ART THERAPY ARE ESSENTIAL
COMPONENTS IN A PHYSICIAN'S WORK IN SUICIDE PREVENTION**

Abramov B. E., Skvira

*Departments of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy,
with a Course in the Faculty of Advanced Training and Retraining,
Gomel State Medical University, Republic of Belarus, Gomel*

Abstract. This article examines a comprehensive approach to suicidal behavior prevention, emphasizing the importance of integrating spiritual and creative components into treatment. Religious faith, through community support and spiritual practices, reduces the risk of suicide by overcoming feelings of hopelessness and loneliness. Religious motivations, such as understanding suicide as a sin, create barriers against suicide. Art therapy is also effective for working through intrapersonal conflicts, reducing anxiety and depression, and restoring meaning in life. The synergy of spiritual support and art therapy addresses the underlying mechanisms of suicidal behavior, taking into account the clinical, existential, and emotional needs of the patient. This integrative approach is essential for effective suicide prevention and maintaining mental health.

Keywords: Faith, art therapy, The Meaning of Life, suicide, traditional values.

Подлинное искусство должно
Не развлекать, а насыщать
Ум и сердце

Отец Сергей Камышев

Актуальность темы не придумана. 2 октября 2025 г. В ГомГМУ прошла процедура защиты диссертации на учёную степень кандидата медицинских наук Щербаковой Е. Н., магистра медицинских наук, «Исследователя» в области медицинских наук на тему «Организационно-медицинские мероприятия по совершенствованию профилактики суицидов».

5 января 2026 г. состоялось подобное мероприятие по защите диссертации на докторскую степень Давидовского С.В., к.м.н., доцента БГМУ на тему «Самоповреждающее и суицидальное поведение: краткосрочные и долгосрочные факторы суицидального риска».

На основании многолетней лечебной и преподавательской работы мы убедились в необходимости утверждения Веры, как основы сохранения традиционных ценностей, и использования приемов и элементов арт-терапии в профилактике суицидов. Значительное место в профилактике суицидов занимают врачи любой специальности.

Данте Алигьери в «Божественной комедии» (песнь 13) пишет:

«Когда душа, ожесточась порвёт

Самоуправно оболочку тела,

Минос её в седьмую бездну шлёт», то есть в седьмой круг Ада, где томятся «насильники над собою», которые там не найдут покоя и после воскрешения из мёртвых.

«Пойдем ли мы за нашими телами,

Но их мы не наденем в Судный день:

Не наше то, что сбросили мы сами.

Мы их притащим в сумрачную сень,

И плоть повиснет на кусте колючек,

Где спит ее безжалостная тень» [1, с. 249].

Верующие люди защищены. Творца пытаются заменить искусственным интеллектом, но это — суррогат, жалкая подделка под Бога, а попросту говоря, примитивная дьявольщина.

Когда Е.А. Евтушенко в каком-то интервью спросили: «Какое ваше стихотворение самое лучшее?», он быстро ответил на эту глупость: «Пожалуй, «Голубь в Сантьяго». Это поэма о чилийском юноше, покончившем с собой в 19 лет, и не только об этом. После публикации поэмы и издания её переводов во многих странах, он получил более 1500 писем с благодарностью от людей, стоявших в шаге от суицида. Есть чем гордиться!

«Самоубийства не однопричинны.

За ними скрыты лица и личины...

Смерть многолика», - пишет поэт, но и подчеркивает: «...безвыходности нет. Безвыходность — лишь плод воображенья» [2].

Выдающийся учёный, организатор здравоохранения, корифей советской суицидологии А.Г. Амбрумова (1919–1989) гениально сформулировала: «Причина самоубийства — это всегда отражение времени». По данным государственной статистики число самоубийств в РФ с 26,4 случаев на 100 тысяч населения в 1990 г. (еще в составе СССР) увеличилось до 42,1 в 1994 г. (уже в самостоятельной России) [3]. Так и написал А. Вознесенский в стихотворении «Реквием оптимистический» (1971), когда случилась первая клиническая смерть В.С. Высоцкого:

«О златоустом блатаре
Рыдай Россия.
Какое время на дворе —
Таков мессия» [4].

«В конечном счете, что определяет нашу жизнь? Объем продаж!» Блестящая мысль Сергея Юрского [5]. Мало ведь не у того, у кого мало, а кто жаждет иметь ещё больше! А алчность человека бывает беспредельна.

«Мы каждый день чего-то ждем:
То волшебства, то манны с неба,
То осень с проливным дождем,
То торта с чаем вместо хлеба.
Мы ждем любви, ответных чувств,
Души родной с душою нашей.
Весёлой свадьбы, крепких уз.
Ждем денег. Много и почаще.
Мы ждем улыбок и добра,

Цветов, без повода подарков,
Мороза, если очень жарко.
Мы ждем цветения весны
И выходных, придя с работы.
Ждем исполнения мечты
И окончания полета.
Мы ждем, когда сгорят дрова,
А вместо ночи будет утро.
Когда окончится молва,
И каждый станет самым мудрым.
Поодиночке и вдвоем,
Всецело и порой отчасти,
Мы каждый день чего-то ждем, и упускаем жизни счастье.
Часы не повернуть назад.
Холодный кофе пить не вкусно.
Сейчас любите листопад,
Пусть осень - это праздник грустный.
Когда идет сезон дождей,
По лужам прыгайте, как в детстве.
Целуйтесь в свете фонарей,
Цените этот час и место.
Ложитесь спать. Рассвет придет.
Он не зависит от желаний.
Весной растает в реках лед,
Без вас и ваших ожиданий
На век забудьте слова «ждать».
Все может кончиться однажды.

Живите, чтоб счастливым стать,
И наслаждайтесь мигом каждым».

(Светлана Чохлаева).

У части людей утрачен смысл жизни. Как «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя: «А чего бы нам поесть, Пульхерия Ивановна?» И у него же в «Мертвых душах» персонажи рассуждают отчего русский человек, если не смотреть за ним, делается пьяницей и негодяем? От недостатка просвещения. Бог весть от чего! Вот мы просветились, и в университете были, а на что годимся?

«Жизнь не борьба, не достижение, а постижение», — полагает С. Юрский. А А.Ф. Лосев считал, что «счастье — это не тогда, когда получится, и не тогда, когда получилось, а когда получается».

По Ю. Норштейну «мы живем в эпоху тотального одиночества». «Классическая литература — это собеседник, это лучшее, что есть в тебе, это ты и не ты одновременно» утверждает Е.В. Жариков, литературовед, профессор. «Когда человек перестает читать, он перестает думать» (Д. Дидро).

Вот М.Е. Салтыков-Щедрин пишет о нашем времени: <...> пропала совесть. Легче стало поставить ближнему ножку. Или про «Воблу», которую поймали, высушили и стала вобла учить, что уши выше лба не растут.

А как же обойтись без «Гамлета» В. Шекспира (перевод Б.Л. Пастернака):
«Быть или не быть, вот в чем вопрос.

Достойно ль смиряться под ударами судьбы,

Иль надо оказать сопротивление

И в смертной схватке с целым морем бед

Покончить с ними? Умереть. Забыться.

И знать, что этим обрываешь цепь

Сердечных мук и тысячи лишений,

Присущих телу. Это ли не цель

Желанная. Скончаться. Сном забыться

Уснуть... И видеть сны? Вот и ответ.

Какие сны в том смертном сне приснятся,

Когда покров земного чувства снят?

Вот в чем разгадка».

Наш современник, известный поэт-однострочник Владимир Вишневский
разрядил обстановку, опубликовав: «Говно вопрос, — был Гамлету ответ».

М.М. Жванецкого однажды спросили: «много ли человеку нужно для
счастья?» Он ответил: «Мало. Но чтобы у других было ещё меньше».

В одно окно смотрели двое.

Один увидел дождь и грязь.

Другой — листвы зеленой вязь,

Весну и небо голубое.

В одно окно смотрели двое. (Омар Хаям)

Продолжающий его традиции Игорь Губерман заметил:

«Теперь я понимаю ясно,

И чувствую, и вижу очень зримо:

Неважно, что мгновение прекрасно,

А важно, что оно неповторимо».

Прекрасный пример налаживания коммуникаций представляет Лука из
«На дне» А.М. Горького. Он мог разговаривать со всеми персонажами,
договариваться: «А то мне всяка блоха неплоха: все черненькие все прыгают».
Его спрашивают: «Дедушка, мягкий ты такой». Он отвечает: «Мяли много, вот и
мягкий». Проститутка Настя жалуется, что над ней все издеваются, а она любит
любовные романы. Спрашивает его: «Во что же верить?» Ответ: «Во что веришь,
доченька, то и правда». Васька Пепел, вор, понимает, что в любую минуту

поймают и отправят в Сибирь на каторгу. Лука ему объясняет, что золотая страна Сибирь. Ты же мужик, какая энергия в тебе, ты же там расцветешь.

А как без А.С. Пушкина: «...предполагаем жить, и глядь, как раз умрем», но <...> каждый час, он носит частичку бытия».

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнующее море
Но не хочу, я други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный—
Блеснет любовь улыбкою прощальной [6].

Однажды Джеки Чана (актер, каскадер, мастер боевых искусств, Посол доброй воли ЮНИСЕФ) спросили доволен ли он своей жизнью. Он ответил: «Знаете, я как-то услышал очень мудрые слова: «Твоя сложная работа — мечта каждого безработного. Твой маленький дом — мечта каждого бездомного. Твой небольшой капитал — мечта каждого должника. Твое неважное здоровье — мечта каждого больного неизлечимой болезнью. То, что Всевышний скрывает твои грехи от глаз людей — мечта каждого опозоренного своими грехами. Твое спокойствие в сердце, твой спокойный сон, твоя доступная еда — мечта каждого,

у кого в стране война». Нужно ценить всё, что у тебя есть. Ведь никто не знает, что произойдет с тобой завтра...»

Стивен Пол Джобс (1955–2010), американский предприниматель, изобретатель умер миллиардером в 56 лет от рака. Он более восьми лет боролся с болезнью и смог прожить больше, чем прогнозировали врачи. И вот его некоторые последние слова: «Не воспитывайте своих детей, чтобы они были богатыми. Воспитывайте их, чтобы они были счастливыми. Поэтому, когда они вырастут, они будут знать ценность вещей, а не их цену. Ешьте еду как лекарство. В противном случае вы должны есть лекарство в качестве пищи. Те, кто вас любит, никогда не покинут вас, даже если у них 100 % причин отказаться от вас. Существует большая разница между тем, чтобы быть человеком и тем, чтобы быть человечным. Шесть лучших врачей мира: солнечный свет, отдых, спортивная зарядка, диета, уверенность в себе, друзья. Держите их на всех этапах жизни и наслаждайтесь здоровой жизнью». Он говорил: «Я бы обменял все свои технологии на встречу с Сократом».

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя наперекор Вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая
Пусть лгут лжецы, не нисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.
Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос, лжив;

Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен всё воссоздавать с основ.
Уметь поставить в радостной надежде,
На карту всё, что накопил с трудом,
Всё проиграть и нищим стать как прежде
И никогда не пожалеть о том.
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно всё пусто, всё сгорело
И только воля говорит: «Иди!»
Останься прост, беседуя с царями,
Будь честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все в свой час считаются с тобой,
Наполни смыслом каждое мгновенье
Часов и дней неуловимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек! (Редьярд Киплинг).

После революции 1905–1907 гг. в России среди студентов выросло количество суицидентов. Саша Чёрный (Александр Гликберг) написал стихотворение «Больному»:

Есть горячее солнце, наивные дети,
Драгоценная радость мелодий и книг.
Если нет — то ведь были, ведь были на свете
И Бетховен, и Пушкин, и Гейне и Григ...

Есть незримое творчество в каждом мгновенье —
В умном слове, в улыбке, сиянии глаз.
Будь творцом! Создай золотые мгновенья —
В каждом дне есть раздумье и пряный экстаз...
Бесконечно позорно в припадке печали
Добровольно исчезнуть, как тень на стекле.
Разве Новые Встречи уже отсияли?
Разве только собаки живут на земле?
Если сам я угрюм, как голландская сажа
(Улыбнись, улыбнись на сравненье моё!),
Этот черный румянец — налёт от дренажа,
Это Муза меня подняла на копье!
Подожди! Так мало здесь чутких и честных...
Оставайся! Лишь в них оправданье земли.
Адресов я не знаю — ищи неизвестных,
Как и ты неподвижно лежащих в пыли.
Если лучшие будут бросаться в пролёты,
Скиснет мир от бескрылых гиен и тупиц!
Полюби безотчетную радость полёта...
Разверзни свою душу до полных границ
Будь женой или мужем, сестрой или братом,
Акушеркой, художником, нянькой, врачом,
Отдавай — и дрожа не тянись за возвратом:
Все сердца открываются этим ключом.
Есть ещё острова одиночества мысли —
Будь умён и не бойся на них отдыхать.
Там обрывы на темной водою нависли —

Можешь думать... и камешки в воду бросать...

А вопросы... вопросы не знают ответа —

Налетят, разожгут и умчатся, как корь.

Соломон нам оставил два мудрых совета:

Убегай от тоски и с глупцами не спорь.

И рекомендуем старинный психотерапевтический постулат: «Даже если вас проглотили, все равно есть два выхода!»

И последнее. М. Волконская (жена декабриста) в письме подруге из Сибири писала: «Счастье найдешь повсюду, при любых условиях; оно зависит прежде всего от нашей совести; когда выполняешь свой долг, и выполняешь его с радостью, то обретишь душевный покой [7].

Литература/References:

1. Егоров А.Ю. Психология девиантного поведения / А.Ю. Егоров, С.А. Игумнов. — Минск : Адукацыя и выхаванне, 2021. - 446 с.
2. Евтушенко Е.А. малое собрание сочинений / Евгений Евтушенко. — СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. - 452–502 с.
3. Национальное руководство по суицидологии / Под ред. Б. С. Положего. - М. : ООО «Издательство информационное агентство», 2019. -С. 9.
4. Вознесенский А. Дубовый лист виолончельный / А. Вознесенский. — Избранные стихотворения и поэмы. — Москва : Художественная литература, 1975. - С. 209–211.
5. Юрский С.Ю. Горечь и надежда / Сергей Юрский. — М. : Издательский Дом «Зебра Е», Издательский Дом «Хорошая книга, 2023. — С. 355.
6. Пушкин А.С. Я вас люблю — хоть я бешусь / А.С. Пушкин. М. : Издательство АСТ, 2020. - С. 246.

7. Кабыш И. «...на фоне Пушкина» / И. Кабыш // Литературная газета, 2025. — № 51. С. 5.

АРТ-ТЕРАПИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОБЪЕДИНЯЯ МИРЫ ИСКУССТВА

Акименко Г. В.¹, Шмакова О. В.², Головкин О. В.³

¹Кафедра клинической психологии

²Кафедра педиатрии и неонатологии

*³Кафедра медицинской, биологической физики и высшей математики
ФГБОУ «Кемеровский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Россия, г. Кемерово*

Аннотация. Статья посвящена анализу современных тенденций в арт-терапии, характеризующихся активной интеграцией цифровых технологий с классическими терапевтическими практиками. В работе рассматриваются три ключевых направления цифровой трансформации: искусственный интеллект как соавтор и аналитик творческого процесса, технологии виртуальной и дополненной реальности как иммерсивная среда для терапии, а также теоретическое переосмысление арт-терапевтической практики в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется тому, как цифровые инструменты не заменяют, но расширяют возможности традиционной арт-терапии, делая ее более доступной, персонализированной и адаптированной к потребностям «цифрового поколения».

Ключевые слова: арт-терапия, искусственный интеллект, виртуальная реальность, дополненная реальность, цифровое искусство, психотерапия, иммерсивные технологии.

ART THERAPY IN THE DIGITAL AGE: BRIDGING ART WORLDS

Akimenko G. V.¹, Shmakova O. V.², Golovko O. V.³

¹*Department of Clinical Psychology*

²*Department of Pediatrics and Neonatology*

³*Department of Medical, Biological Physics and Higher Mathematics
Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo*

Abstract. This article analyzes contemporary trends in art therapy, characterized by the active integration of digital technologies with traditional therapeutic practices. It examines three key areas of digital transformation: artificial intelligence as a co-author and analyst of the creative process, virtual and augmented reality technologies as immersive therapeutic environments, and a theoretical rethinking of art therapy practice in the digital age. Particular attention is paid to how digital tools do not replace, but rather expand the capabilities of traditional art therapy, making it more accessible, personalized, and adapted to the needs of the «digital generation».

Keywords: art therapy, artificial intelligence, virtual reality, augmented reality, digital art, psychotherapy, immersive technologies.

Введение

Арт-терапия, зародившаяся на пересечении психологии и художественного творчества, традиционно опиралась на работу с физическими материалами: красками, глиной, бумагой. Однако XXI век ставит перед терапевтической практикой новые вызовы. С одной стороны, пандемия COVID-19 ускорила переход многих форм психологической помощи в онлайн-формат [1]. С другой стороны, на первый план выходит поколение «цифровых аборигенов» (Z и Alpha), для которых взаимодействие с технологиями является естественной средой обитания. Для этих групп населения традиционные формы

терапии нередко оказываются менее привлекательными, чем технологически опосредованные интервенции.

Цель исследования - проанализировать, как происходит синтез традиционных и цифровых форм в современной арт-терапии, какие теоретические модели обосновывают этот синтез и с какими вызовами сталкиваются практикующие специалисты.

Искусственный интеллект в арт-терапии: новый соавтор и аналитик

Применение искусственного интеллекта в арт-терапии развивается по нескольким направлениям. Первое и наиболее разработанное - диагностическое. Традиционные проективные методики, такие как «рисунок человека» или «дом-дерево-человек», требуют от терапевта значительного опыта и субъективной интерпретации. Искусственный интеллект, обученный на крупных массивах данных (например, WikiArt), способен анализировать формальные характеристики изображения - цветовую гамму, хаотичность линий, композиционную сложность = и соотносить их с клиническими шкалами.

Особенно впечатляющих результатов достигла команда Южно-Китайского педагогического университета: разработанная ими система анализирует тест «дом-дерево-человек» за 10 секунд и генерирует психологическое заключение объемом 5000 слов, достигая 90% точности в вспомогательной диагностике депрессии. Для сравнения: традиционный скрининг с использованием опросников показывает существенно более низкие результаты.

Второе направление - терапевтическое соавторство. Здесь ИИ выступает не просто анализатором, но и партнером по творчеству. Исследование, опубликованное в журнале Acta Psychologica (2025), сравнивало эффективность трех форматов: традиционного рисования, интерактивного рисования с ИИ и генеративного рисования с ИИ. Результаты подтвердили превосходство ИИ-

коллабораций в обеспечении персонализированной поддержки, повышении эмоциональной стабильности и оперативности обратной связи.

Юнгианская перспектива и работа с травмой

Теоретическое обоснование применения искусственного интеллекта (ИИ) в арт-терапии опирается на юнгианскую концепцию художественной компенсации. Согласно К.Г. Юнгу, художественное творчество позволяет символически выразить содержание бессознательного, компенсируя психологический дисбаланс [2]. ИИ в этой парадигме выступает посредником, помогающим «цифровым аборигенам» на стадии «исповеди» визуализировать сложные, подчас невербализуемые переживания [3].

Наиболее ярко терапевтический потенциал ИИ раскрывается в работе с травмой. Традиционные «нарративные методы рисования» требуют от пациента повторного столкновения с травматическим событием, что может вызывать вторичную психологическую травму. Альтернативой становится использование генеративно-состязательных сетей (GAN) для создания замещающих образов. В исследовании Цяня и Ли (2025) описана работа с тибетскими детьми, пережившими землетрясение: ИИ помог трансформировать ночной кошмар (преследование яком) в позитивный нарратив (спасение на роликовых коньках) [4]. Показатель ремиссии симптомов ПТСР в группе с ИИ составил 68% против 52% в группе традиционной арт-терапии.

Проблема валидности и культурных различий

Важное преимущество ИИ-диагностики - снижение влияния культурных и субъективных искажений. Традиционная интерпретация символов (например, связь черного цвета с подавленностью) варьируется в зависимости от терапевтической школы и культурного контекста. ИИ, обученный на кросс-культурных датасетах, способен минимизировать риск диагностических ошибок,

что особенно актуально при работе с пациентами с РАС или из иных культурных сред [1, 5].

Трехмерное творчество и телесный опыт

Виртуальная реальность (VR) предлагает принципиально иной опыт художественного творчества по сравнению с традиционным рисованием на плоскости. Исследование тайваньских ученых с использованием Meta Quest 2 и приложения Open Brush показывает, что VR-рисование задействует не только мелкую моторику, но и крупные движения корпуса и конечностей [6]. Это создает уникальный терапевтический эффект: физическая активность в виртуальном пространстве способствует снятию мышечных зажимов и более полной эмоциональной разрядке.

Участники исследования отмечали, что возможность рисовать в трехмерном пространстве, обходить созданные объекты со всех сторон, использовать «динамические кисти» (например, «звезды» или «пузырьки») принципиально меняет качество творческого опыта. Чувство свободы от ограничений реального мира, отсутствие страха перед «неисправимой ошибкой» (любой фрагмент можно стереть) создают условия для более аутентичного самовыражения.

Интеграция традиционных ремесел в VR

Особого внимания заслуживает проект Ermes, в рамках которого разрабатывается VR-приложение для керамического моделирования. Исследователи ставят задачу не просто перенести процесс лепки в виртуальную среду, но сохранить тактильные ощущения и традиционные техники работы с глиной. Геймификация процесса (механики, визуальные реакции, эстетика интерфейса) призвана компенсировать отсутствие физического материала и создать «оптимальный терапевтический опыт» для пациентов стационаров, лишенных доступа к полноценной керамической мастерской [7, 16].

Дополненная реальность: гибридный подход

Дополненная реальность (AR) предлагает более мягкий вариант технологической интеграции. В отличие от VR, полностью погружающей пользователя в искусственный мир, AR накладывает цифровые объекты на реальное окружение. Как отмечается в обзоре Meegle (2025), Augmented Art Therapy (AAT) позволяет, например, визуализировать тревогу в виде цветового шторма, а затем интерактивно «успокаивать» его, наблюдая за изменениями в реальном времени [8].

Ключевое преимущество AR - доступность: для занятий достаточно смартфона или планшета, не требуется дорогостоящего оборудования. Это делает AAT перспективным инструментом для работы с детьми с аутизмом, пожилыми людьми и пациентами с ограниченной мобильностью.

Проблемы и ограничения иммерсивных технологий

Исследования фиксируют и очевидные проблемы внедрения VR в терапевтическую практику. Во-первых, это индивидуальная непереносимость (синдром укачивания в виртуальной реальности), которая наблюдается у части пользователей. Во-вторых, это физическая безопасность: погруженный в VR пациент может столкнуться с реальными предметами, что требует организации безопасного пространства. В-третьих, это физическое утомление: длительная работа с поднятыми руками вызывает мышечную усталость, что указывает на необходимость эргономичного дизайна интерфейсов и ограничения времени сессий.

Теоретическое осмысление цифровой арт-терапии

Классическая модель арт-терапии описывается как треугольник отношений: «клиент - терапевт — художественное произведение». В диссертационном исследовании Лили Хсу (Goldsmiths, University of London) предлагается существенное расширение этой модели для цифровой эпохи [9].

Опираясь на постгуманистическую перспективу и метафору киборга, Хсу вводит понятие «цифровых мышц» - особого навыка телесно-вербальной коммуникации в опосредованной цифровыми технологиями среде.

Еще более значимым теоретическим вкладом становится концепция «цифрового скелета» - трехмерной октаэдрической модели, которая дополняет классический треугольник четырьмя новыми элементами:

- цифровой объект;
- феноменологическое существование;
- телесное существование;
- пространственный элемент.

Эта модель позволяет терапевтам навигировать в сложной многослойности онлайн-работы, где границы между реальным и виртуальным, телесным и цифровым становятся проницаемыми [10].

Синтез с традиционными практиками

Важно подчеркнуть, что цифровая трансформация не отменяет ценности традиционных и indigenous форм художественного творчества. Обзор исследований, представленный в *Frontiers in Psychology*, показывает, что терапевтический потенциал традиционных практик связан с духовными традициями, повествованием, уважением к природе и использованием локальных материалов. Цифровые технологии способны не вытеснять, но интегрировать эти элементы.

Примером такого синтеза становится проект «Мандара-цветок» (Mandala Blossom), разработанный студентами Гуанчжоуской академии изящных искусств [1, 11]. Проект соединяет традиционную практику рисования мандал (юнгианский подход к упорядочиванию психики через создание сакральных геометрических композиций) с цифровыми технологиями. Пользователь жестами управляет ростом цифровой мандалы на экране, а нейросетевые узоры

и ветви создают образ «вселенной на ладони». Звуковое сопровождение (звуки воды, тибетские колокольчики, окарина) формирует белый шум, соединяющий природные ритмы с психическими образами.

Интегративная модель К. Мариен

Практикующий терапевт Катерина Мариен предлагает структурированную интегративную методологию, сочетающую три уровня работы:

1. Классическое рисование - первичная фиксация эмоционального состояния, основа для рефлексии.
2. Боди-арт и мехенди - телесно-ориентированные практики, позволяющие исследовать границы Я и самовосприятие через нанесение рисунков на тело.
3. Цифровая трансформация - перевод созданных работ в цифровой формат, документирование процесса, работа с визуальными данными в современном контексте [12].

Такая трехуровневая модель позволяет охватить разные группы клиентов = от переживших травму взрослых до детей из неблагополучных семей - и обеспечить постепенное движение от телесного опыта к цифровому документированию и рефлексии.

Доступность и инклюзивность цифровых решений

Одним из ключевых преимуществ цифровой арт-терапии становится расширение доступности психологической помощи. Мобильные приложения на основе ИИ позволяют получать интервенции пациентам в удаленных регионах, где нет квалифицированных арт-терапевтов [13]. Это особенно важно для людей с нарушениями речи (афазия), для которых визуальная экспрессия остается основным каналом коммуникации.

Технологии также помогают преодолевать творческие блоки. Для пациентов, испытывающих трудности с началом творческого процесса, генеративные модели могут предлагать шаблоны и отправные точки, снижая тревогу перед «чистым листом».

Цифровые инсталляции для публичного пространства, такие как «Утренний хор» (Dawn Chorus), основанный на визуализации звуков птичьего пения, делают терапевтический опыт доступным для городских жителей в повседневной среде [14]. Это соответствует современному пониманию ментального благополучия не только как клинической категории, но и как задачи городского планирования и общественного здравоохранения.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о формировании нового этапа в развитии арт-терапии — этапа гибридных практик, где традиционные и цифровые формы не конкурируют, а взаимодополняют друг друга. Можно выделить несколько ключевых тенденций этого синтеза:

1. Персонализация и оперативность: ИИ обеспечивает моментальную обратную связь и адаптацию терапевтического процесса под индивидуальные особенности, что невозможно в традиционном формате с еженедельными сессиями.
2. Расширение выразительных возможностей: VR и AR позволяют создавать образы, недоступные в традиционных материалах — движущиеся, меняющиеся, трехмерные, интерактивные.
3. Новая телесность: цифровые технологии не отменяют телесного опыта, но трансформируют его, вовлекая в творческий процесс иные группы мышц и создавая новые паттерны кинестетического научения.

4. Теоретическое переосмысление: классическая треугольная модель уступает место более сложным конфигурациям, учитывающим многослойность цифрового бытия.

5. Сохранение традиции: наиболее перспективные проекты не отказываются от традиционных знаний (мандалы, керамика, боди-арт), но оцифровывают и адаптируют их к восприятию «цифрового поколения».

Вместе с тем развитие цифровой арт-терапии ставит серьезные этические и практические вопросы: обеспечение приватности и безопасности данных, подготовка терапевтов к работе с новыми технологиями, предотвращение риска эмоционального перенасыщения в иммерсивных средах. Решение этих задач потребует междисциплинарного сотрудничества психологов, художников, разработчиков и специалистов по этике.

Ответ на вопрос, заданный в диссертации Лили Хсу: «Кем мы становимся, когда границы между человеческим и цифровым размываются?» — вероятно, заключается в формировании новой, гибридной идентичности терапевта и клиента, осваивающих «цифровые мышцы» и выстраивающих терапевтическое пространство в обогащенной технологиями реальности [15]. Этот процесс только начинается, и его осмысление потребует дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Литература/ References:

1. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022..

2. Абрамова Г. С. Психология в искусстве. М.: Академия, 2021. 256 с.

3. Алексеева Н. А. Арт-терапия: теория и практика. М.: Академический Проект, 2023. 320 с.
4. Балашова Е. А. Цифровые технологии в арт-терапии: возможности и перспективы. М.: Прометей, 2022. 180 с.
5. Григорьева Е. Е. Арт-терапия в работе с детьми и подростками. М.: Речь, 2020. 224 с.
6. Давыдова Е. А. Искусство как средство психологической помощи. М.: Флинта, 2024. 288 с.
7. Ермолаева Е. П. Практическая психология в искусстве. М.: Юрайт, 2021. 304 с.
8. Иванова Н. Л. Арт-терапия: основы и методы. М.: Питер, 2023. 272с.
9. Копытин А. И. Арт-терапия: новые горизонты. М.: Когито-Центр, 2020. 352 с.
10. Лебедева Е. Н. Цифровая арт-терапия: инновационные подходы. М.: АСТ, 2022. 192 с.
11. Орлова Е. В. Арт-терапия в современном мире. М.: КноРус, 2024. 240 с.
12. Петрова М. А. Искусство и психология: взаимодействие в цифровую эпоху. М.: Академия, 2021. 208 с.
13. Сидорова О. В. Арт-терапия: от теории к практике. М.: Феникс, 2023. 288 с.
14. Смирнова Е. А. Цифровые инструменты в арт-терапии. М.: Просвещение, 2022. 160 с.
15. Тарасова Н. В. Арт-терапия: современные тенденции. М.: Юнити-Дана, 2020. 320 с.
16. Федорова Е. А. Искусство и технологии в психотерапии. М.: Питер, 2024. 256 с.

ОБРАЗЫ В ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ АССОЦИАТИВНЫХ КАРТ

Аксюткина З. А.

*Кафедра социальной педагогики и социальной работы
ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»
Минпросвещения России, Россия, г. Омск*

Аннотация. В статье осуществляется обзор научных публикаций, в которых раскрыты аспекты работы с образами в практике применения метафорических ассоциативных карт. Проведенный анализ позволил выявить преимущества работы с образами, определить специфику работы с образами в практике применения метафорических ассоциативных карт.

Ключевые слова: метафорические ассоциативные карты, образ, обзор, практика применения, МАК-практика.

IMAGES IN THE PRACTICE OF APPLYING METAPHORICAL ASSOCIATIVE CARDS

Aksyutina Z. A.

*Department of Social Pedagogy and Social Work
Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia*

Abstract. This article reviews scientific publications that explore aspects of working with images in the practice of using metaphorical associative cards. The analysis revealed the advantages of working with images and identified the specifics of working with images in the practice of using metaphorical associative cards.

Keywords: metaphorical associative cards, image, review, practical application, MAC practice.

Введение

Метафорические ассоциативные карты (далее – МАК) достаточно быстро вошли в практику консультирования, став популярным средством арт-терапии. История их появления берет начало с 1975 года [6]. Под МАК понимается «средство арт-терапии, применяемое психологами для преодоления витальных затруднений клиентов в профилактике, коррекции и др. практиках влияния на эмоционально-чувственное состояние человека» [5, с. 119-120], где «карты выступают своего рода знаковой системой, в которой каждый клиент становится дешифровщиком» [2, с. 136].

В ходе работы с МАК арт-терапевтами используется ряд художественных средств выразительности: метафоры, образы и символы. Работа с метафорой была подробно проанализирована З. А. Аксютинной [3], а работа с образами хотя и показана в работах ряда авторов [10; 12; 14; 19] не отражает специфики работы с ними при применении в МАК-практиках. Вместе с тем образы занимают особое место в работе с МАК, что требует их дальнейшего исследования.

Д. М. Мартыненко, Г. А. Ткаченко, О. А. Обухова отмечают: «Образы, подобно метафорам, помогают посмотреть на ситуацию как бы со стороны, тем самым снижая уровень эмоциональных переживаний. В то же время образы на картах снижают действие защитных психологических механизмов, помогая достаточно быстро осознать суть проблемы и получить результат» [17, с. 67]. Именно эта особенность позволяет создать доверительный консультативный рапорт, позволяющий клиенту ощущать себя в полной психологической безопасности.

Н. Ю. Гончарова полагает, что исторически понятие «образ» сформировался еще в античной философии как термин «эйдос», а предметом научного анализа впервые становится в юнгианской психологии [9], где образ выступает основным средством для психотерапевтической «проработки».

Важным для исследования являются наблюдения Н. Кэролла отмечавшего:

«Термин «образ» подразумевает исключительно человеческие артефакты. Он не предназначен, например, для обозначения очертаний животных или «намёков на лица, различимых в облаках». Визуальные образы, которые я имею в виду ... являются продуктом целенаправленной человеческой деятельности» [20, р. 189]. Отсюда следует человеческая природа образа, ставшая продуктом деятельности воспоминания, воображения и мышления. А. Лазарус подтверждает эту мысль, полагая: «Образ – это мысленная картина того, что в данный момент недоступно непосредственному восприятию» [15, с. 4].

Вместе с тем «подсознание устроено таким образом, что выделяет наиболее актуальные образы, мелкие прорисованные фрагменты» [12, с. 23]. Это можно отследить в конкретных случаях из практики. Так, А. Лазарус реализовав процедуры теста словесных ассоциаций на пациентке с выраженным страхом перелета в самолете установил связки-образы фобии: «Самолет = Катастрофа. Пилот = Опасность. Двигатель = Взрыв. Посадка = Пожар. Взлет = Крушение. Стюардесса = Гибель» [15, с. 5], что позволило более тщательно проработать и преодолеть затруднение. Данные связки-образы становятся предметом тщательного анализа и фундаментом для построения новых, более позитивно ориентированных и способствующих преодолению затруднений жизненного функционирования.

Ю. П. Кошелева пришла к важному выводу о том, что «в ходе работы с МАК благодаря совместной деятельности происходит трансформация образа» [14, с. 96]. Образ не статичен, а скорее всего дискретен, он имеет собственную динамику, обусловленную отношением к нему и внутренними преобразованиями, которые происходят у человека в его сознании.

Вместе с тем многие аспекты проработки образов в практике применения МАК остаются не раскрытыми, что и является проблемой данного исследования.

Методология и методы исследования. В ходе исследования идет опора на системный подход с применением методов системного анализа и синтеза. Объектом исследования выступают образы в практике применения МАК.

Цель статьи – осуществить обзор научных публикаций, посвященных образу в практике применения МАК, для выявления специфики работы с ними.

Результаты и их обсуждение. Еще В. Беккер-Глош и Э. Бюлова выделили связку «действий трёх факторов: экспрессии, коммуникации и символизации» [8, с. 43], в которой коммуникация проявляется посредством метафор, символизация путем формирования образов, а экспрессия в эмоционально-чувственной сфере.

В ходе анализа методологических признаков МАК было выявлено: при работе с ними идет обращение к «фантазиям и образам, позволяющим заглянуть во внутренний мир человека, выявить его ценности и ожидания» [1, с. 57], такое обращение позволяет осмыслить или переосмыслить факты, события, действия и выводят клиента на новый уровень рефлексии собственного жизненного опыта и процесса проживания.

Полагаем, что наибольший эффект образы в метафорических картах имеют тогда, когда картинки не имеют жесткой привязки к жизненным ситуациям. Например, при работе с колодами, где имеются карта с картинкой и текстом, такая привязка достаточно жестко регламентирована содержанием слов и изображений. Нейтральные предметы, например, зонтики, мосты, сосуды и т.п. дают больший диапазон для формирования образов и из дальнейшей проработки. Двусоставные колоды с изображениями и трафаретами позволяют клиенту построить собственный свободный образ, без привязки к содержанию изображения на картах.

Ю. П. Кошелева утверждает: «Символы, ... являются хорошим инструментом переосмысления прошлого» [14, с. 92], а О. М. Мазаненко в МАК

видит «образно-символическую переработку мифа» на уровне двух составляющих: эстетики и культуры [16, с. 279]. На тесное переплетение мифа и образа обращает внимание и С. И. Конжин анализируя работу Р. Мэй «Взывая к мифу» [18]. Он указывает: «1. Миф дает ощущение идентичности (ответ на вопрос «кто я такой?»); 2. Мифы позволяют чувствовать себя частью сообщества; 3. Мифы лежат в основе моральных ценностей человека; 4. Миф выступает как способ поиска объяснений явлениям и событиям, что окружают человека» [13, с. 164]. На примере образа героя автор показывает влияние мифологизации на формирование образа, выделив динамическую составляющую в данном процессе. Утверждая, что каждый человек создает свой миф, наделяя образ специфическими особенностями, поведением, ценностями и пр. [13].

А. В. Дыбова и М. В. Рагулина попытались целостно представить механизм формирования метафоры на основе образа: «Через напряжение между сознанием и бессознательным, укрепляется связь и накапливается энергия, которая и выходит в сознание в виде образа, а далее появляется символ, которому впоследствии и придаются конкретные смыслы, в дальнейшем проясняющиеся и углубляющиеся в метафоре» [11, с. 75].

В. Ю. Андреева полагает, что работа с образами при МАК-терапии опирается на закон диссоциации. При реализации закона клиент абстрагируется от собственного образа, описывая события со стороны [7]. Взгляд со стороны на собственные витальные ситуации создает возможность рефлексировать и обдумывать пути решения создавшихся затруднений.

Н. Б. Дугарова называет язык образов «основным языком, отражения внутренней психической реальности и внешнего мира», «способом структурирования реальности ... в модальностях опыта ... и психологическими феноменами такой сложности, как «Я-образ», образ другого в социальной

перцепции». [10, с. 99]. Она полагает: «Человек, смотря и интерпретируя различного рода изображения, сталкивается с образами бессознательного, индивидуального и коллективного [10, с. 104]. В научных изданиях данная позиция является квинтэссенцией разработки научной проблематики, связанной с МАК.

По убеждению О. А. Французовой «... работа с образами ... способствует самопознанию и укреплению уверенности в себе; дает возможность преобразовать свое настоящее, создавая проекцию будущего образа себя и своих взаимоотношений с окружающими» [19, с. 293]. Работа с МАК позволяет клиенту сформировать собственные личностные смыслы [4] и перспективы дальнейшего жизненного плана.

Заключение

В результате осуществления обзора научных публикаций, посвященных образу в практике применения МАК, определена специфика работы с образами. А именно, работа с образами:

- формирует безопасный психологический рапорт;
- позволяет абстрагироваться от собственной личности и взглянуть на себя со стороны;
- способствует развитию рефлексивности у клиента;
- позволяет формировать личностные смыслы и перспективы развития.

Специфика формирования образа в ходе применения МАК-практик тесно переплетается с мифологизацией, метафоризацией, ассоциацией и символизацией, оставаясь недостаточно изученной. Необходимы опытные исследования путей, алгоритмов и специфики формирования образов на разных этапах МАК-терапии, что позволит более скрупулёзно осуществлять арт-терапевтические процедуры при работе с МАК на более высоком уровне

осознанности. А пока большее преимущество в МАК-практиках имеет интуитивная составляющая.

Литература/ References:

1. Аксютин З. А. Иерархия методологических признаков метафорических ассоциативных карт // Психолог. – 2025. – № 3. – DOI 10.25136/2409-8701.2025.3.72571.
2. Аксютин З. А. Категориально-системный подход к терапии метафорическими ассоциативными картами // Сибирский психологический журнал. – 2023. – № 88. – С. 135-143. – DOI 10.17223/17267080/88/8.
3. Аксютин З. А. Метафорические ассоциативные карты: работа с метафорой // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2023. – № 208. – С. 189-199. – DOI 10.33910/1992-6464-2023-208-189-199.
4. Аксютин З. А. Методолого-теоретические основы терапии метафорическими ассоциативными картами // Психология и психотехника. – 2023. – № 3. – С. 199-210. – DOI 10.7256/2454-0722.2023.3.38002.
5. Аксютин З. А. Понятие «метафорические ассоциативные карты» в Российской психологической науке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2024. – Т. 10 (76), № 3. – С. 114-123.
6. Аксютин З. А. Ретроспективный анализ возникновения метафорических ассоциативных карт // Проблемы современного образования. – 2025. – № 3. – С. 35-41. – DOI 10.31862/2218-8711-2025-3-35-41.
7. Андреева В. Ю. Коммуникативные стратегии описания метафорических ассоциативных карт // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 1(48). – С. 1-15.

8. Беккер-Глош В., Бюлов Э. Арт-терапия в Аликсеанеровской психиатрической больнице Мюнстера // Исцеляющее искусство: журнал арт-терапии. – 1999. – № 1. – С. 42-58.
9. Гончарова Н. Ю. Общетеоретические основы изучения понятия «образ» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 3-2. – С. 33-37.
10. Дугарова Н. Б. Роль образов в метафорических картах // Методология современной психологии. – 2023. – № 17. – С. 94-111.
11. Дыбова А. В., Рагулина М. В. Метафорические карты как инструмент постижения механизма символизации в создании образа мира в индивидуальном консультировании // Ученые заметки ТОГУ. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 73-82.
12. Козлова М. А., Козлов А. В. Исследование внутриличностных конфликтов и их визуализация через метафорические ассоциативные карты // Системная психология и социология. – 2025. – № 1(53). – С. 21-29. – DOI 10.24412/2223-6872-2025-153-21-29.
12. Конжин С. И. Образ героя как идеализированный ориентир жизненной модели личности // Новые психологические исследования. – 2024. – Т. 4, № 2. – С. 160-183. – DOI 10.51217/npsyresearch_2024_04_02_08.
14. Кошелева Ю. П. Работа с образом: прикладное значение метафорических ассоциативных карт в образовании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2025. – № 3(856). – С. 91-98.
15. Лазарус А. Мысленным взором: Образы как средство психотерапии / Пер. с англ. Е. В. Курдюковой. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 144 с. – URL: https://pedlib.ru/Books/5/0443/5_0443-5.shtml#book_page_top (дата обращения: 15.01.2026 г.).
16. Мазаненко О. М. Практика визуализации мифа в феноменологической

рефлексии жизненного мира // Культура и текст. – 2025. – № 1(60). – С. 275-286. – DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-275-286.

17. Мартыненко Д. М., Ткаченко Г. А., Обухова О. А. Опыт психотерапевтической работы по формированию смыслового будущего у онкологического пациента с помощью метафорических ассоциативных карт (клинический случай) // Вестник психотерапии. – 2025. – № 95. – С. 66-72. – DOI 10.25016/2782-652X-2025-0-95-66-72.

18. Мэй Р. Взывая к мифу. – СПб.: Питер, 2021. – 336 с.

19. Французова О. А. Работа с образами в психологическом консультировании подростков / Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога: Сборник науч. трудов III Международной научно-практ. конф. / Под редакцией И. Д. Лельчицкого. Вып. 19. – Тверь : Тверской государственный университет, 2021. – С. 289-293.

20. Carroll N. Visual metaphor / Aspects of metaphor / ed. by J. Hintikka. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1994. – P. 189-218. – DOI 10.1007/978-94-015-8315-2_6.

АРТ-ТЕРАПИЯ В ПРЕВЕНЦИИ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У ПОДРОСТКОВ

Алимова Р. Ф., Давлатбоев М. Т., Юсупова Л. У., Бабарахимова С. Б.

*Кафедра психиатрии, наркологии и детской психиатрии,
медицинской психологии*

*Ташкентский государственный медицинский университет,
Республика Узбекистан, г. Ташкент*

Аннотация. В статье рассматривается арт-терапия как инструмент профилактики суицидального риска среди подростков. Актуальность обусловлена ростом аутодеструкции и сложностью вербализации переживаний. Автор анализирует психологическую уязвимость подростков к стрессу и

суицидальным мыслям. Арт-терапия позволяет безопасно реконструировать травматичный опыт, снизить напряжение и преодолеть сопротивление. Исследования показывают снижение депрессии, тревожности и суицидальных мыслей, повышение эмоциональной стабильности и интереса к жизни у прошедших курс. Описаны техники и подходы, включая интеграцию диалектической поведенческой терапии и работу с селфхармом.

Ключевые слова: суицид, подростки, психокоррекция, арт-терапия, депрессия.

ART THERAPY IN PREVENTION OF SUICIDE RISK IN ADOLESCENTS

Alimova R.F., Davlatboev M.T., Yusupova L.U., Babarakhimova S. B.

*Tashkent State Medical University, Department of Psychiatry,
Narcology and Child Psychiatry, Medical Psychology*

Abstract. The article discusses art therapy as a tool for preventing suicide risk among adolescents. The relevance of the article is due to the increasing trend of self-destruction and the difficulty of verbalizing experiences. The author analyzes the psychological vulnerability of adolescents to stress and suicidal thoughts. Art therapy allows for the safe reconstruction of traumatic experiences, reducing tension and overcoming resistance. Research shows a decrease in depression, anxiety, and suicidal thoughts, as well as an increase in emotional stability and interest in life among those who have completed the course. Techniques and approaches are described, including the integration of dialectical behavior therapy and self-harm work.

Keywords: suicide, adolescents, psychocorrection, art therapy, depression.

Введение.

В последние годы проблема суицидального поведения среди подростков приобретает устойчивую тенденцию к росту и рассматривается как одна из наиболее острых медико-социальных задач. Суицид в данной возрастной

категории остаётся значимой причиной преждевременной смертности, что определяет необходимость всестороннего анализа психологических, клинических и социальных механизмов его формирования. Особую обеспокоенность вызывает не только увеличение числа завершённых суицидов, но и рост суицидальных попыток, эпизодов самоповреждающего поведения и различных форм аутоагрессии.

Пубертатный период сопровождается выраженными биологическими, психологическими и социальными трансформациями: гормональной перестройкой, становлением личностной идентичности, эмоциональной нестабильностью, усилением чувствительности к межличностным конфликтам и социальной оценке. В этих условиях депрессивные расстройства у подростков имеют специфическую клиническую картину. В отличие от взрослых, аффективные нарушения в данной группе часто проявляются соматизированными жалобами (цефалгии, абдоминальные боли, астенизация), поведенческими девиациями, раздражительностью, агрессивными реакциями, протестным поведением либо социальной изоляцией. Депрессивные состояния выступают одним из ведущих предикторов формирования суицидальных мыслей, намерений и действий. Увеличение частоты подростковых суицидов обуславливает необходимость углублённого изучения их структуры, мотивационных механизмов и клинико-психологических особенностей. Существенную роль в генезе суицидальных тенденций играют депрессивные расстройства, которые в подростковом возрасте нередко приобретают маскированный характер и реализуются через соматические симптомы и нарушения поведения.

Цель исследования - выявить клинико-психологические особенности суицидальных тенденций у подростков с последующей разработкой и

совершенствованием программ психокоррекционного сопровождения и профилактики суицидального риска.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 61 подросток с поведенческими нарушениями и суицидальными намерениями, сформированными на фоне депрессивной симптоматики. Для оценки факторов риска использовался структурированный личностный опросник, включающий комплекс психодиагностических методик, направленных на изучение уровня депрессии, выраженности аутоагрессии, личностных акцентуаций и особенностей эмоционального реагирования.

Результаты и обсуждение

Анализ полученных данных позволил выделить три наиболее распространённых варианта суицидальных тенденций в подростковой среде. Первая группа представлена демонстративными формами суицидального поведения, носившими характер манипулятивного воздействия на значимых взрослых или ближайшее окружение. Подобные действия использовались подростками как способ выхода из психотравмирующей ситуации, средство избегания наказания либо способ привлечения внимания, в том числе со стороны сверстников противоположного пола. Демонстративные акты отличались предварительной подготовкой, продуманностью и совершались преимущественно в дневное время в присутствии родителей. Юноши чаще прибегали к нанесению поверхностных порезов в области запястий, предплечий, внутренней поверхности бёдер и голеней. При клиническом интервьюировании выяснялось, что целью являлось не прекращение жизни, а достижение вторичных выгод. Девушки чаще выбирали самоотравление доступными лекарственными средствами, при этом приём препаратов нередко осуществлялся демонстративно, во время конфликта с родителями.

Вторая группа — аффективные суицидальные реакции (20 подростков; 32,8%). Для них была характерна импульсивность, отсутствие предварительного планирования и реализация намерений на высоте эмоционального напряжения. Мотивами служили протест, стремление избежать наказания, реакция мести. Несмотря на отсутствие истинной установки на смерть, применялись потенциально опасные способы (падение с высоты, попытки броситься под транспорт). В ряде случаев трагические последствия предотвращались своевременным вмешательством окружающих и экстренных служб. После стабилизации состояния подростки критически оценивали произошедшее, указывая на влияние неконтролируемых эмоций.

Третью группу составили подростки с истинными суицидальными намерениями (12 человек; 19,7%). Для данной категории были характерны тщательное планирование, подготовительные действия (приобретение лекарств или острых предметов), написание предсмертных записок, прощальные сообщения в социальных сетях. У всех обследованных выявлялась клинически выраженная депрессивная симптоматика. Используемые способы включали глубокие порезы вен конечностей или шеи (5 случаев), сочетание порезов с медикаментозным отравлением (3 случая). Попытки самоубийства были зафиксированы у 8 подростков этой группы.

Психокоррекционная работа с подростками, склонными к суицидальному поведению, должна носить комплексный и поэтапный характер, сочетая кризисную интервенцию, длительную психотерапию и формирование устойчивой системы социальной поддержки. Существенное значение имеет профилактическая деятельность как в семье, так и в образовательной среде.

В семейной системе ключевым фактором выступают эмоциональная вовлечённость родителей, открытость коммуникации, поддержка и совместное планирование будущего. Ранняя диагностика и терапия депрессивных

проявлений рассматриваются как важнейшее направление профилактики суицидального риска.

В образовательных учреждениях эффективными являются программы раннего выявления подростков группы риска и организация психолого-педагогического сопровождения, направленного на развитие эмоциональной регуляции, стрессоустойчивости и навыков конструктивного разрешения конфликтов.

Особое место в профилактике и коррекции суицидального поведения занимает арт-терапия как щадящий и высокоэффективный психотерапевтический метод. Её терапевтический потенциал связан с возможностью опосредованного выражения глубинных переживаний, трудновербализуемых эмоций и внутренних конфликтов. Через художественные образы, цвет и символ подросток получает доступ к бессознательным переживаниям — чувству одиночества, отчаянию, подавленной агрессии. Анализ рисунков, цветовой гаммы, композиции, символики и динамики образов помогает специалисту косвенно оценить суицидальный риск даже в случаях, когда подросток отказывается от прямого обсуждения своих переживаний (рис.1).

Творческая активность выполняет роль «контейнера» для тяжелых эмоций, позволяя выразить их социально приемлемым способом. Создание образов «Я сейчас» и «Я в будущем» помогает постепенно трансформировать негативную самооценку и вернуть ощущение ценности собственной личности. Методики визуализации жизненного пути, создания «карты ресурсов», «дерева жизни» способствуют укреплению жизнеутверждающих установок. Обсуждение творческих работ в группе способствует осознанию общности переживаний и снижению чувства одиночества — одного из ключевых факторов суицидального риска.

Рис.1. Творчество подростков с суицидальными тенденциями.

В процессе арт-терапевтической работы снижается уровень психологической защиты, уменьшается сопротивление терапии, поскольку творческая деятельность не воспринимается как прямое «лечение». Групповые формы способствуют формированию чувства принятия и принадлежности, а также развитию навыков эмоционального самовыражения (рис.2).

Катарсический эффект художественного процесса позволяет безопасно разрядить накопленное внутреннее напряжение. В ходе индивидуальной работы осуществляется визуализация внутреннего конфликта, трансформация деструктивных установок и поиск личностных ресурсов. Формирование позитивного образа будущего и символическое конструирование жизненных перспектив выступают значимыми факторами профилактики повторных

попыток. Наиболее выраженный эффект достигается при систематической работе и включении родителей в процесс психологического сопровождения.

Рис.2. Раскраска позитивных трафаретов в групповых сеансах.

Заключение

Установлено, что у большинства подростков (80,3%) суицидальные действия носили демонстративный либо аффективно-импульсивный характер и не сопровождалось истинным намерением лишить себя жизни. Истинные суицидальные тенденции выявлены значительно реже (19,7%; $p < 0,001$).

Ранняя диагностика депрессивных состояний и суицидального риска является ключевым превентивным направлением в подростковой психиатрии и клинической психологии. Полученные данные подтверждают необходимость разработки многоуровневых программ профилактики, включающих

психодиагностику, семейное консультирование, школьные интервенции и методы арт-терапии.

Таким образом, арт-терапия может рассматриваться как значимый компонент комплексной профилактической стратегии, способствующий снижению эмоционального напряжения, восстановлению личностных ресурсов и формированию устойчивой жизненной перспективы у подростков группы риска.

Литература/References:

1. Бабарахимова С.Б., Алимова Р.Ф., Давлатбоев М.Т. Роль арт-терапии в психокоррекции суицидальных тенденций у подростков // Человеческий Фактор. Социальный Психолог. 2026. – №1(57). – С.11-15.
2. Бабарахимова С.Б. Особенности суицидальных тенденций у подростков // Человеческий Фактор. Социальный Психолог. 2024. – №1(49). – С.113-117.
3. Саттаров Т.Ф., Б.О. Мухторов, С.Б. Бабарахимова, В.К. Абдуллаева, Ш.Р. Сулейманов, Ф.К. Шарипова. Влияние стилей родительского воспитания на формирование суицидальных тенденций у детей и подростков // Человеческий фактор Социальный психолог, №1(45), 2023; С. 348-353
4. Саттаров Т.Ф., Бабарахимова С.Б. Анализ взаимосвязи между мотивами суицидальных тенденций и личностными особенностями подростков // Человеческий Фактор. Социальный Психолог. 2024. – №1 (49). – С.437-442.
5. Abdullaeva V.K., Babarakhimova S.B. Analysis of psychosocial factors in development of suicidal tendencies at adolescents / Central Asian Journal of Pediatrics 2 (1), 2019, pp. 201-204.
6. Babarakhimova S.B Study of emotional disorders in adolescents // Science and innovation international scientific journal volume 3 issue 2 2024, pp. 54 - 59.

7. Babarakhimova S.B., Abdullaeva V.K., Abbasova D.S. et al. Research of influence personal characteristics in adolescents in development types of suicidal tendencie // Austria-science. VOL 1, No 24 (2019) pp. 16-18
8. Babarakhimova S.B., Mirvorisova Z.Sh., Fayzullaeva K.R. Art therapy of digestive disorders in patients with paranoid schizophrenia // Problems of biology and medicine. 2023. - No 1(142). - pp. 29-33.
9. Matveeva A.A., Sultonova KB, Abbasova DS et al. Optimization of psycho-diagnostics of emotional states // Danish Scientific Journal. VOL 3, No. 5 pp. 24-27
10. Mirvorisova Z.Sh., Fayzullaeva K.R., Babarakhimova S.B. Features of psychocorrection of digestive disorders in patients with paranoid schizophrenia // Вестник Ташкентской Медицинской Академии, 2023. С. 50-53.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АРТ –ТЕРАПИЯ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

Алланазаров А. Х.

*Кафедра хирургических болезней и трансплантологии
Ургенчский государственный медицинский институт,
Республика Узбекистан, г. Ургенч*

Аннотация. Статья посвящена изучению эффективности экологической арт-терапии в контексте улучшения психического состояния человека. Рассматриваются теоретико-методологические основы направления, объединяющего творческий процесс и взаимодействие с природной средой. Представлены результаты практического исследования, демонстрирующие положительную динамику в снижении уровня тревожности, коррекции эмоциональных нарушений и повышении адаптационных ресурсов личности. Особое внимание уделяется терапевтическому потенциалу работы с натуральными материалами и созданию арт-объектов в естественной среде.

Обосновывается целесообразность внедрения методов экологической арт-терапии в психологическую практику как эффективного средства немедикаментозной поддержки психического здоровья.

Ключевые слова: экологическая арт-терапия, психическое здоровье, тревожность, психокоррекция, взаимодействие с природой.

ECOLOGICAL ART THERAPY FOR IMPROVING MENTAL WELLNESS

Allanazarov A.X.

*Department of Surgical Diseases and Transplantology
Urgench State Medical Institute,
Republic of Uzbekistan, Urgenc*

Abstract. The article is devoted to the study of the effectiveness of ecological art therapy in the context of improving a person's mental state. The theoretical and methodological foundations of the field, which combines the creative process and interaction with the natural environment, are considered. The results of a practical study are presented, demonstrating positive dynamics in reducing anxiety levels, correcting emotional disorders, and increasing personal adaptive resources. Special attention is given to the therapeutic potential of working with natural materials and creating art objects in the natural environment. The article substantiates the expediency of introducing environmental art therapy methods into psychological practice as an effective means of non-pharmacological support for mental health.

Keywords: environmental art therapy, mental health, anxiety, psychocorrection, interaction with nature.

Введение

В последние годы наблюдается значительный рост интереса к природно-ориентированным подходам в психиатрии и психотерапии. Экологическая арт-

терапия (также известная как nature-based art therapy или эко-арт-терапия) находится на пересечении двух мощных терапевтических направлений: арт-терапии и экологической психологии. Она представляет собой метод, использующий природные элементы и среду для укрепления психического здоровья и благополучия через творческое самовыражение под руководством специалиста. Этот подход активно развивается во всем мире, предлагая новые возможности для работы с тревогой, стрессом, последствиями травм и нарушениями идентичности.

Экотерапия – один из способов психологической поддержки человека [1]. Экотерапия направлена на укрепление психоэмоционального состояния человека через взаимосвязь с природой [2]. Такое направление, как экопсихология, сформировалось не так давно – в середине XX века. Экотерапия – относительно новая концепция, а вот восточные и локальные культуры воспринимают природу как источник исцеления давно. Например, популярная сегодня практика заземления уходит корнями в традиционную медицину.

Сегодня арт-терапия становится все более популярной среди широких слоёв населения [3,4]. Причиной тому является то, что терапия искусством — один из экологичных и эффективных методов лечения больных туберкулезом [5,6]. Этот способ нужен для преодоления эмоционального стресса, что в настоящий момент актуально для большинства больных людей [7,8]. Арт-терапия – одно из эффективных современных направлений лечения творчеством [9]. Эко-арт-терапия, основана на представлениях средовой психологии, экопсихологии, экологии здоровья [10]. И предполагает творческое взаимодействие с природной средой больного человека с использованием разных экспрессивных форм искусства [11]. Это изобразительная деятельность, движения и танца, музыка, драматизация, литературное чтение и др. [12]. В основе эко-арт-терапии положен эко-гуманитарный подход, а, следовательно,

объектом исследования становится человек и его проявления в природной среде [13]. В рамках данного подхода и рассматривается экологическая сущность человека. Важным становится создание условий для развития экологической сущности человека [14]. Которая и является основой переживания и осознания им реальности.

Разновидности экотерапии

Арт-плэнер

Рисование на природе поднимает настроение и отвлекает от негативных мыслей. Нахождение на природе, среди зелени деревьев и пения птиц, успокаивает и настраивает на душевное равновесие. А если совместить рисование и прогулку на природе, то пользы и радости будет еще больше. Что нужно делать: подготовьте все необходимое для творчества на природе: планшет или этюдник/альбом, материалы карандаши, краски, маркеры, фломастеры а также раскладной стульчик, чтобы устроиться поудобнее. А теперь выберите природную территорию столицы, которая вам по душе, и отправляйтесь творить.

Зоотерапия

Общение с животными всегда вызывает у людей интерес, доставляет радость, умиротворяет и успокаивает. Зоотерапия – методика, используемая в психотерапии. Некоторые вариации зоотерапии получили собственные названия. Например, лечение с помощью лошадей – иппотерапия, дельфинов – дельфинотерапия, кошек – фелинотерапия, собак – канистерапия.

Ландшафтотерапия

Неспешная прогулка по природной территории, когда вы вдыхаете чистый воздух, рассматриваете деревья и кустарники, слушаете пение птиц — один из лучших способов отдохнуть. За одно можно насладиться встречающимися ландшафтами: опушками, живописными полянами, лугами, долинами лесных рек и ручьев, оврагами и балками. Что нужно делать: выбрать экотропу,

расположенную на природной территории столицы. Гулять по экотропе спокойным, размеренным, неторопливым шагом, наслаждаясь свежим воздухом и наблюдая за природой вокруг: растениями, водоемами, пушистыми и пернатыми обитателями.

Важным становится создание условий для развития экологической сущности человека, которая и является основой переживания и осознания им реальности. Одной из задач эко-арт-терапии является развитие экологического сознания клиента, то есть его готовности ответственно относиться к окружающей среде и способности пользоваться своими экологическими знаниями, представлениями и умениями в разных сферах жизнедеятельности. Использование при оказании психологической помощи человеку техник и приемов эко-арт-терапии как раз и способствует формированию у него экологической культуры, включающей экологические знания, экологическое мышление (способность устанавливать причинно-следственные, вероятностные, прогностические и другие виды связей); экологически оправданного поведения, характеризующегося переходом экологических знаний, экологического мышления в повседневные поступки; культуры чувств сочувствие, переживание, благоговение перед жизнью..

В эко-арт-терапии применяются различные эко гуманитарные технологии оздоровления и развития личности, семьи и сообществ, формирования экологического сознания и экологической культуры, с учетом потенциала искусства и мировой художественной культуры. Эко гуманитарные технологии связаны с повышением уровня вовлеченности людей в развитие среды проживания, с формированием у людей готовности ухаживать за средой.

Эко-арт-терапия является эффективным методом арт-терапии, который направлен на создание гармоничной связи между человеком и окружающей средой, а также на поддержку психического здоровья и благополучия.

В эко-арт-терапии участники используют природные материалы и элементы окружающей среды для творчества и самовыражения. Они могут создавать инсталляции, скульптуры, рисунки, коллажи и другие художественные произведения, используя природные материалы, такие как камни, ветки, листья, песок и т.д. В процессе работы с материалами и создания произведений искусства участники могут открывать новые способы самовыражения, исследовать свои эмоции и переживания, а также устанавливать гармоничную связь с природой.

Эко-арт-терапия может иметь ряд положительных эффектов на психическое здоровье. Она способствует снижению стресса и тревожности, улучшает настроение и самооценку, развивает креативность и самосознание. Участники могут обрести внутреннюю гармонию, ощущение присутствия и связи с окружающим миром, а также получить удовлетворение от творческого процесса.

Кроме того, эко-арт-терапия имеет экологическое измерение. Она способствует осознанному отношению к природе, уважению к окружающей среде и пониманию экологических проблем. Через творческую деятельность в рамках эко-арт-терапии участники могут выразить свою поддержку экологическим ценностям и проблемам, а также вдохновиться на принятие практических действий в пользу окружающей среды.

Данное направление арт-терапии является эффективным методом, который сочетает в себе творчество, самовыражение и экологическое сознание. Она может быть особенно полезной для людей, испытывающих стресс, тревогу или депрессию, а также для тех, кто стремится укрепить связь с природой и себе подобными. Эко-арт-терапия обогащает человека экологическими знаниями, формирует экологическое сознание, экологическую культуру, поддерживает этическое взаимодействие с миром природы, развивает способность видеть и

создавать красоту в качестве эффективных форм саморегуляции и стратегий совладающего поведения, которые можно использовать как в терапии, так и в повседневной жизни в интересах сохранения здоровья, и наконец, формирует активную позицию человека в его взаимодействии с реальностью на основе сотворчества с миром Природы.

Эко-арт-терапия может применяться в различных областях, таких как психология, педагогика, реабилитация и социальная работа. Она может быть полезна для людей всех возрастов и различных психологических состояний, включая детей, подростков, взрослых и пожилых людей.

Практические методы и техники

Экологическая арт-терапия использует широкий спектр техник, которые можно адаптировать под разные цели и условия.

1. Использование природных материалов

Это могут быть листья, ветки, камни, песок, глина, ракушки, шишки. Клиенты создают коллажи, мандалы, инсталляции или скульптуры. Работа с тактильными ощущениями от природных материалов оказывает заземляющий и успокаивающий эффект, помогает вернуть связь с телом.

2. Творчество на пленэре и создание объектов в среде

Выход за пределы кабинета в парк или лес позволяет использовать окружающую среду как часть художественного процесса. Это может быть создание лэнд-арта (временных композиций из природных материалов) или рисунков на природе. Исследования показывают, что проведение занятий в лесу способствует более быстрому установлению терапевтического контакта (раппорта) по сравнению с работой в помещении.

3. Фототерапия и работа с образами природы

Клиентам может быть предложено сделать фотографии природных объектов или мест, которые вызывают у них определенные чувства. Это

помогает развивать наблюдательность, осознавать свои предпочтения и проецировать внутреннее состояние на внешний мир.

4. Интегративный подход

Экологическая арт-терапия часто сочетается с другими практиками: соматическими движениями, йогой, ведением дневников наблюдений и медитациями на природе. Такой комплексный подход усиливает эффект и способствует более глубокой интеграции опыта.

Вызовы и ограничения

Несмотря на многочисленные преимущества, специалисты выделяют ряд вызовов, связанных с применением этого подхода:

- **Сложности в проведении сессий:** работа на открытом воздухе требует от терапевта дополнительных навыков управления группой и обеспечения безопасности.
- **Доступность:** не все клиенты имеют доступ к безопасным природным зонам, особенно в городской среде.
- **Психосоциальные и культурные барьеры:** некоторые клиенты могут испытывать дискомфорт или страх перед природой (например, из-за насекомых или погоды).
- **Организационные ограничения:** погодные условия, сезонность и необходимость специального разрешения на проведение занятий вне учреждения.

Заключение

Экологическая арт-терапия представляет собой быстро развивающуюся область, предлагающую мощный и многогранный инструмент для улучшения психического состояния. Интеграция природы и творчества позволяет воздействовать на глубокие слои личности, способствуя развитию экологической идентичности, снижению тревоги, проработке травм и

восстановлению социальных связей. Современные исследования подтверждают ее эффективность для широкого круга клиентов — от ветеранов и людей с зависимостями до студентов и пожилых людей. Несмотря на существующие организационные вызовы, включение природно-ориентированных техник в арт-терапевтическую практику открывает новые горизонты для holistic (целостного) подхода к психическому здоровью, подчеркивая неразрывную связь благополучия человека с благополучием окружающей среды.

Литература/References:

1. Акименко Г.В. Психолого-педагогические аспекты воспитания экологической культуры //Воспитательный процесс в медицинском университете: традиции и инновации. Материалы I международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Кемерово, 24-25 апреля 2020 г.) / отв. редактор Л.В. Начева, Г.В. Акименко. - Кемерово, 2020, - С. 32-40.

2.. Селедцов А. М., Кирина Ю.Ю., Акименко Г.В. Организация системы профессионального воспитания студентов в рамках Болонского процесса// Воспитательный процесс в медицинском университете: традиции и инновации. Материалы I международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Кемерово, 24-25 апреля 2020 г.) / отв. редактор Л.В. Начева, Г.В. Акименко – Кемерово, 2020. – С. 201-208.

3. Аскарова Р. И. Значение противотуберкулезной вакцинации БЦЖ у детей //Наука, образование и культура. – 2026. – С. 53-54.

4. Аскарова Р.И. Особенности туберкулезного процесса у детей в Хорезмской области // Теоретическая и клиническая медицина. -2025. -№2. С.140.

5. Аскарова Р. И. Цифровизация для диагностики туберкулеза (Обзор литературы) // Современные инновации. – 2025. – №. 3 (49). – С. 25-26.

6. Аскарова Р.И. Значение семьи в повышении социальной активности // Проблемы современной науки и образования. - 2025.-№1(200). - С.38-40.

7. Аскарова Р. И. Эффективность арт-терапии в борьбе со стрессом детей, больных туберкулезом // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Кемерово, 19 апреля 2024 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово: КемГМУ, 2024. – С.31-40.

8. Аскарова Р. И. Трудности диагностики туберкулеза глаз у детей школьного возраста // Academy. – 2024. – №. 3 (79). – С. 33-36.

9. Аскарова Р. И. Анализ эпидемиологических показателей туберкулеза в Хорезмской области // Наука, образование и культура. – 2024. – №. 2 (68). – С. 41-43;

10. Аскарова Р.И., Заражение людей туберкулезом от крупного рогатого скота и меры профилактики // International Scientific Review. -2023. - № 1 (45). - С. 26-28.

11. Аскарова Р.И. Theoretical basis of studying the ways of derivative word semantization based on the meaning of word-forming morphemes as a component of communicative methodology/Researches. -2025. - № 1. - С. 127.

12. Аскарова Р.И. Gen-Expert исследование в диагностике деструктивного туберкулеза легких // Наука, техника и образование. – 2021. №1 (76). С.. 43-45;

13. Аскарова Р. И. Своевременная диагностика острых респираторных инфекций у детей и подростков в Хорезмском регионе // Вестник науки и образования. – 2023. – №. 1-1 (132) С. 79-82.

14. Аскарова Р. И. Проблемы обучения студентов высших учебных заведений в период пандемии COVID-19 // Academy. – 2023. – №. 1 (74). – С. 58-61;

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА И ЕЁ РОЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ И СУИЦИДАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ

Алмагамбетова А. А., Черубаева А. М., Сеилкан Ж. Е., Серикова А. С.

Кафедра психиатрии и наркологии

НАО «Медицинский Университет Семей»

Республика Казахстан, г. Семей

Аннотация. В данной работе рассматривается влияние психических травм на формирование суицидальных и депрессивных расстройств у молодежи. Психическая травма представляет собой эмоциональное или психологическое потрясение, вызванное стрессовыми событиями, которые превышают возможности человека справиться с ними. У молодежи, находящихся в периоде формирования личности, такие травмы могут оказывать глубокое воздействие на психику, способствуя развитию депрессии, тревожных состояний и суицидальных мыслей. В современном обществе к основным источникам психических травм относятся насилие, потеря близких, социальное давление, буллинг, интернет-зависимость и чувство одиночества. Последствия подобных переживаний часто отражаются на самооценке, мотивации и межличностных отношениях. Для профилактики и снижения риска суицидальных и депрессивных расстройств необходим комплексный подход, включающий психологическую поддержку, вовлечение семьи, образовательные программы и развитие культуры открытого обсуждения эмоциональных проблем среди молодежи.

Ключевые слова: психическая травма, депрессивные расстройства, суицидальные мысли, эмоциональное здоровье, профилактика.

PSYCHOLOGICAL TRAUMA AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF DEPRESSIVE AND SUICIDAL DISORDERS

Almagambetova A. A., Cherubayeva A. M., Seilkan Zh. E., Serikova A. S.

Department of Psychiatry and Narcology

Semey Medical University, Republic of Kazakhstan, Semey

Abstract. This paper examines the influence of psychological trauma on the development of suicidal and depressive disorders in young people. Psychological trauma is an emotional or psychological shock caused by stressful events that exceed a person's ability to cope. In young people in their formative years, such trauma can have a profound impact on the psyche, contributing to the development of depression, anxiety, and suicidal ideation. In modern society, the main sources of psychological trauma include violence, loss of loved ones, social pressure, bullying, internet addiction, and loneliness. The consequences of such experiences often affect self-esteem, motivation, and interpersonal relationships. To prevent and reduce the risk of suicidal and depressive disorders, a comprehensive approach is needed, including psychological support, family involvement, educational programs, and the development of a culture of open discussion of emotional problems among young people.

Keywords: psychological trauma, depressive disorders, suicidal ideation, emotional health, prevention.

Введение

Психическая травма является одним из центральных факторов, влияющих на психическое здоровье человека в долгосрочной перспективе [3, 6, 11]. Современные исследования показывают, что травмирующие события-перенесённые в детстве или во взрослом возрасте-могут играть ключевую роль в развитии депрессивных состояний и суицидальных тенденций [1, 5, 8]. Она может быть вызвана утратой близких, насилием, длительным стрессом или

другими экстремальными ситуациями [3, 6, 7]. Последствия подобной травмы нередко выражаются в стойких изменениях эмоциональной сферы, нарушениях самооценки и регуляции поведения [7, 11].

Особое внимание в последние годы уделяется связи между пережитой травмой и развитием депрессии, а также суицидального поведения [4, 12, 13]. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, до 73 % людей, совершавших суицид, имели в анамнезе травматические события или признаки посттравматического стресса [1, 2, 5]. Это подтверждает необходимость дальнейшего изучения влияния психической травмы на формирование депрессивных и суицидальных расстройств [6, 11].

Цель работы: исследовать влияние пережитых психических травм на формирование депрессивных и суицидальных расстройств среди студентов НАО «Медицинский университет Семей».

Материалы и методы исследования:

1. Анализ научной литературы и публикаций.

Изучены современные отечественные и зарубежные исследования (2020–2025 гг.) по вопросам психической травмы, депрессии, суицидального поведения и профилактики эмоциональных расстройств у молодёжи. В обзор включено 15 научных статей и монографий, опубликованных в базах данных PubMed, SAGE Journals, NCBI, CyberLeninka и arXiv.

2. Метод контент-анализа.

Использованы статистические данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и других международных источников для оценки масштабов депрессивных и суицидальных расстройств, связанных с психической травмой.

3. Анкетирование.

Проведено среди студентов 1–5 курсов для выявления частоты стрессовых и травматических переживаний, уровня тревожности, самооценки и эмоциональной устойчивости.

4. Аутогенная тренировка по методу И. Г. Шульца.

Использовалась как метод психической саморегуляции и снижения эмоционального напряжения. Студенты проходили серию занятий, направленных на стабилизацию психоэмоционального состояния и профилактику депрессивных проявлений.

5. Теоретическое моделирование.

Применялось для построения модели профилактики психических расстройств у студентов, с учётом роли психической травмы и эффективности саморегуляционных практик.

6. Метод систематизации и обобщения.

Позволил выделить ключевые факторы, влияющие на развитие депрессивных и суицидальных тенденций, а также классифицировать трудности, характерные для студенческого возраста.

7. Сравнительно-аналитический метод.

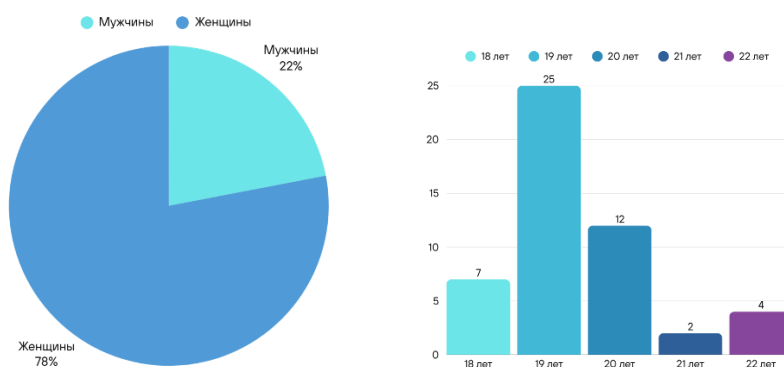
Использовался для оценки изменений эмоционального состояния студентов до и после курса аутогенной тренировки и для сопоставления результатов между различными группами.

Результаты

В Казахстане распространённость депрессивных расстройств составляет примерно 4,4 % населения. По данным UNICEF/WorldHealthOrganization, в период 1981-2008 гг. уровень самоубийств увеличился до примерно 25,6 случаев на 100 000 человек. В 2023 году зарегистрировано, что количество самоубийств среди несовершеннолетних выросло на ~48% - с 94 до 139 случаев. Суициды

среди молодёжи (возраст 15-19 лет) один из лидирующих факторов смертности по внешним причинам.[15]

В ходе исследования было проведено анкетирование среди 50 студентов 1–5 курсов медицинского университета. Целью анкетирования было выявление признаков повышенной тревожности, депрессивных состояний и эмоционального выгорания, а также оценка общего уровня психоэмоционального напряжения. В исследовании приняли участие 50 респондентов, среди которых 39 женщин (78%) и 11 мужчин (22%). Возраст участников варьировал от 18 до 22 лет, при этом наибольшую долю составили 19-летние (50%), что указывает на преобладание студентов младших курсов.

Первичное анкетирование:

Первая анкета включала 20 вопросов, направленных на выявление признаков эмоционального неблагополучия и депрессивных состояний. Ответы распределились следующим образом:

Общее эмоциональное состояние

Большинство участников хотя бы иногда испытывают грусть или плохое настроение - 19 человек «иногда» (38%) и 9 человек «да» (18%). Это говорит о наличии умеренных колебаний эмоционального фона, характерных для юношеского возраста, при этом у части респондентов отмечаются устойчивые признаки сниженного настроения.

Физическое и психическое истощение

На вопрос об усталости даже после сна 26 человек (52%) ответили «да». Это указывает на высокий уровень утомляемости и астенических проявлений, вероятно связанных с учебной нагрузкой и эмоциональным перенапряжением.

Мотивация и когнитивные функции

Потерю интереса к учёбе или привычным занятиям отметили 20 респондентов (40%), а трудности с концентрацией внимания — 27 человек (54%). Эти данные свидетельствуют о формировании признаков апатии и когнитивной заторможенности, характерных для начальных стадий эмоционального выгорания.

Тревожность и внутреннее напряжение

Ощущение тревоги и беспокойства без видимой причины испытывают 19 участников (38%), что отражает повышенный уровень личностной тревожности, типичный для студентов в период адаптации к профессиональной деятельности.

Самооценка и чувство поддержки

Чувство вины и бесполезности отметили 22 человек (44%), ощущение непонимания со стороны окружающих - 13 человек (26%), а чувство одиночества — 21 участник (42%).

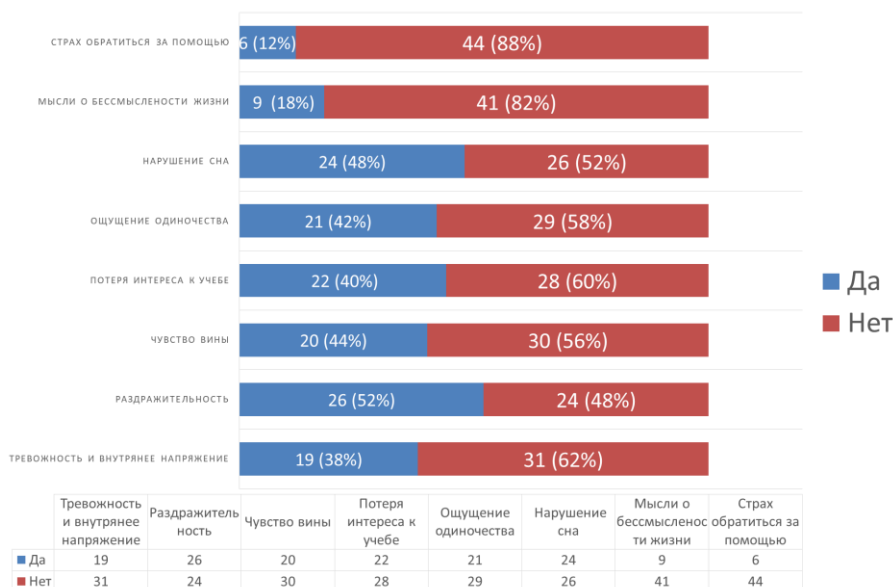
Подобные результаты демонстрируют тенденцию к сниженной самооценке и внутренней изоляции, что может быть следствием социальной неуверенности или эмоционального выгорания.

Социальная активность

На вопрос об избегании общения 36% респондентов ответили «иногда» или «часто», что может указывать на эмоциональную усталость от социума или интровертированные формы поведения.

Эмоциональная лабильность

19 участников (38%) отметили эпизодические слёзы без причины, 14 человек (28%) — ощущение эмоциональной опустошённости, а 21 участник (42%) сообщил о снижении способности радоваться. Это подтверждает наличие эмоциональной нестабильности и истощения адаптационных ресурсов.

Вторая анкета включала 22 вопроса, направленных на изучение частоты и характера переживаний, связанных с травматическими и стрессовыми событиями, а также их влияния на эмоциональное состояние и поведение участников.

Распространенность травматического опыта

Почти половина респондентов (27 человек, 54%) указали, что переживали травматические или стрессовые события, что свидетельствует о высокой распространенности психотравмирующих факторов среди молодежи.

Из них: 11 человек (22%) столкнулись с травмой менее года назад, 8 (16%) - 1-3 года назад, 8 (16%) - более 3 лет назад.

Это указывает на то, что значительная часть участников имеет относительно недавний травматический опыт, который потенциально продолжает оказывать влияние на их психоэмоциональное состояние.

Особенности переживания и воспоминаний

Психическую травму различной степени (потеря, насилие, сильный стресс) признали 24 человека (48%) - из них 11 (22%) ответили «да», 13 (26%) - «иногда».

При этом 19% респондентов (9 человек) отметили, что иногда или часто вспоминают травмирующее событие, а 34% (17 человек) стараются избегать мест и людей, связанных с травмой. Это может свидетельствовать о сохранении симптомов посттравматического стресса (ПТСР) - таких как навязчивые воспоминания и избегающее поведение.

Когнитивные и мотивационные изменения

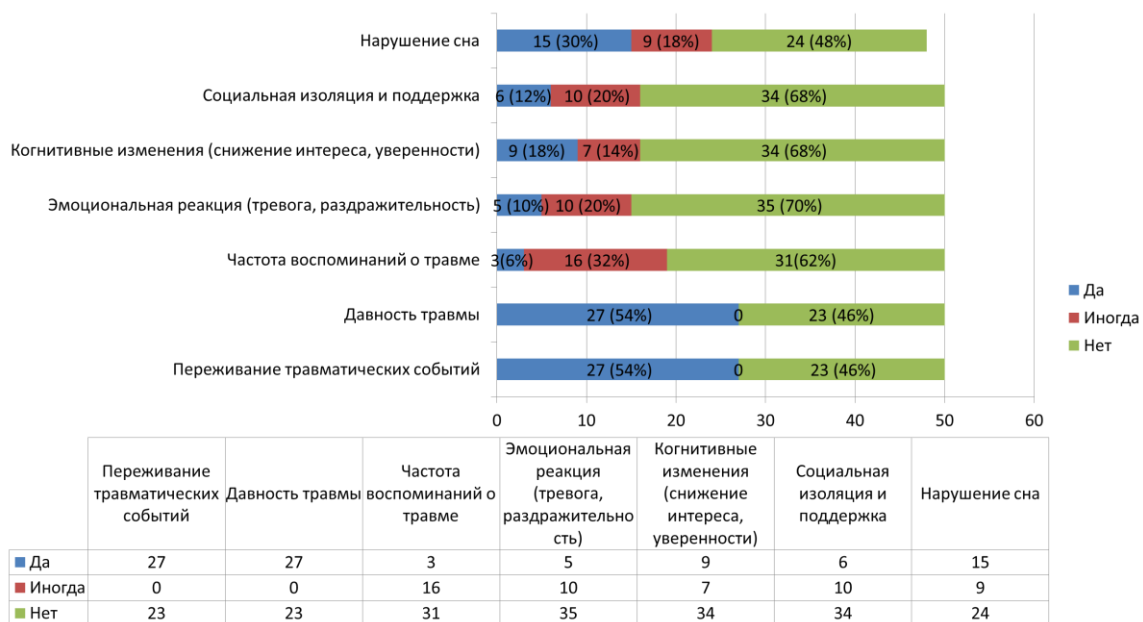
О снижении интереса к учебе или привычным занятиям сообщили 16 человек (32%), а о снижении уверенности в себе - 28% респондентов (14 человек). Эти результаты могут указывать на мотивационное выгорание и снижение самооценки, нередко сопровождающие посттравматические состояния.

Нарушения сна и внутренние переживания

Проблемы со сном (трудности с засыпанием, поверхностный или чрезмерный сон) отмечены у 24 человек (48%), что является типичным соматическим проявлением стрессовых и тревожных состояний.

Суицидальные мысли и страх обращения за помощью

Мысли о бессмысленности жизни испытывали 9 человек (18%), а мысли о самоповреждении - 5 человек (10%). В то же время 12% (6 человек) сообщили, что боятся обратиться за помощью или рассказать о своих переживаниях. Мысли о самоубийстве в настоящее время признали 3 участника (6%), что требует повышенного внимания со стороны психологических служб.

После проведённого анкетирования среди студентов было решено провести аутогенную тренировку по методу Шульца с целью улучшения их психоэмоционального состояния.

Аутогенная тренировка (АТ)-метод психофизиологической саморегуляции, разработанный немецким психиатром Иоганном Генрихом Шульцем в 1932 году. Она основана на самовнушении и направлена на нормализацию функций нервной системы, снижение уровня психоэмоционального напряжения и восстановление внутреннего равновесия [10, 14].

Метод широко используется в клинической и профилактической психологии, а также в сфере образования, как способ коррекции стресса и повышения устойчивости к эмоциональным нагрузкам [9, 10, 14].

Главная цель АТ -достижение состояния внутреннего спокойствия и расслабления за счёт сосредоточения внимания на ощущениях тяжести, тепла и ровного дыхания [14]. При регулярной практике отмечается стабилизация

эмоционального состояния, улучшение концентрации и снижение тревожности, что особенно актуально для студентов медицинского профиля [9, 10].

Проведённая аутогенная тренировка по методу И. Г. Шульца оказала положительное влияние на психоэмоциональное состояние студентов. Студенты 1-5 курсов, которые регулярно выполняли упражнения тяжести, тепла и дыхания, отмечали, что стали спокойнее реагировать на стрессовые ситуации, легче справлялись с учебными нагрузками и конфликтами в коллективе. Результаты анкетирования показали, что часть студентов испытывает признаки эмоционального истощения, тревожности и периодических нарушений сна. При этом большинство участников выразили интерес к продолжению занятий аутогенной тренировкой, отметив её простоту, доступность и положительное влияние на настроение и самочувствие.

Вторичное анкетирование:

Первая анкета: тревожность без видимой причины

До начала программы тревожность наблюдалась у 19 респондентов (38%), после - у 11 (22%). Снижение данного показателя на 16% демонстрирует уменьшение уровня внутреннего напряжения и страха, а также повышение эмоциональной стабильности. Это указывает на формирование у участников навыков контроля над собственными переживаниями и развитие стрессоустойчивости.

Раздражительность

Количество студентов, отмечающих раздражительность, уменьшилось с 26 (52%) до 14 (28%). Подобное снижение на 24% отражает улучшение эмоционального фона и способности к конструктивному реагированию на стрессовые ситуации. Вероятно, регулярные релаксационные упражнения способствовали гармонизации вегетативных реакций и снижению уровня агрессии.

Потеря интереса к учёбе

Показатель снизился с 22 (44%) до 12 (24%), что свидетельствует о восстановлении когнитивной активности и мотивации к учебному процессу. Это может быть связано с повышением энергетического потенциала и снижением признаков апатии, характерных для эмоционального выгорания студентов.

Ощущение одиночества

Количество респондентов, испытывающих чувство одиночества, уменьшилось с 21 (42%) до 13 (26%). Данный факт отражает улучшение межличностных контактов и развитие навыков коммуникации, чему способствовала групповая форма аутогенных упражнений и атмосфера психологической поддержки.

Нарушения сна

До тренингов нарушения сна отмечали 24 человека (48%), после - 11 (22%). Уменьшение почти в два раза указывает на нормализацию сна, снижение уровня психофизиологического напряжения и восстановление регуляторных механизмов нервной системы.

Мысли о бессмысленности жизни

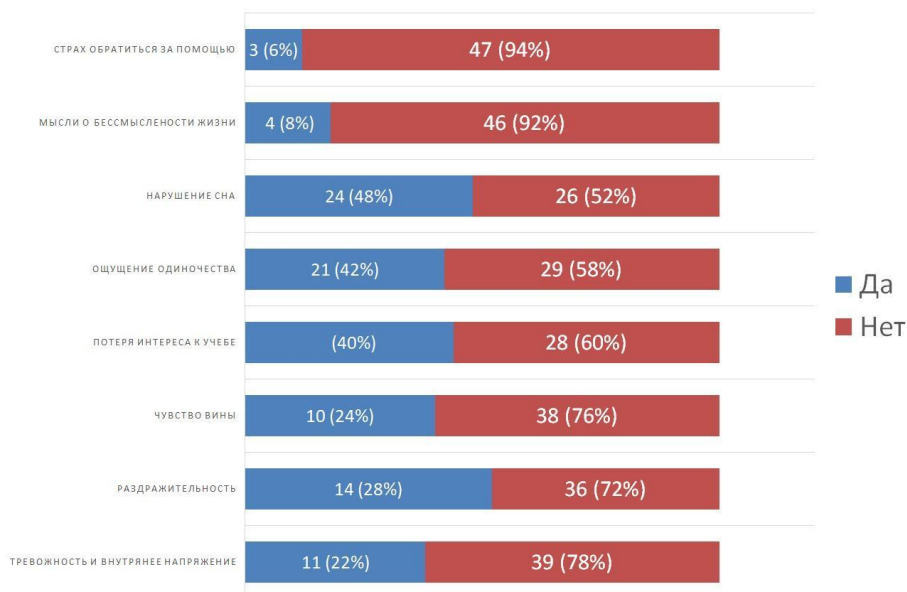
Показатель снизился с 9 (18%) до 4 (8%), что демонстрирует ослабление депрессивных и экзистенциальных проявлений. После курса тренировок у студентов усилилось чувство личностной значимости и внутреннего контроля над ситуацией, что снижает риск формирования суицидальных тенденций.

Страх обратиться за помощью

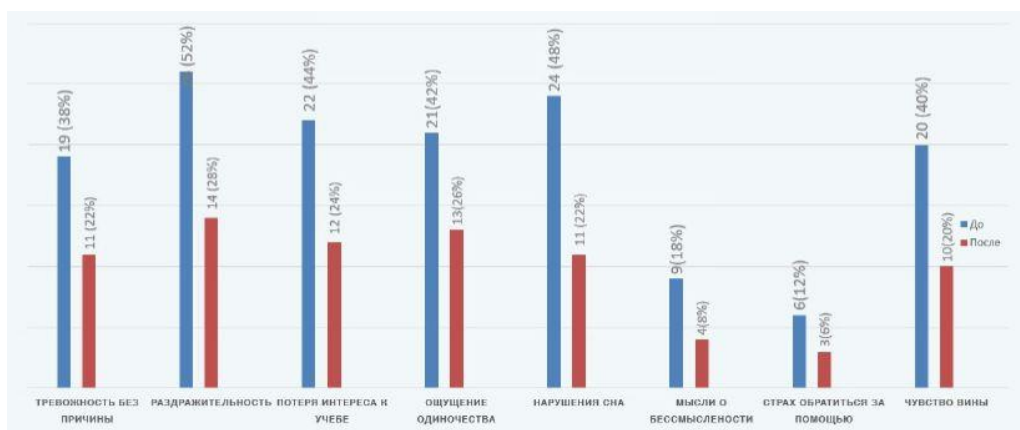
Количество студентов, испытывающих трудности при обращении за поддержкой, снизилось с 6 (12%) до 3 (6%). Это отражает повышение доверия к окружению, принятие возможности получения психологической помощи и снижение социальной тревожности.

Чувство вины

Снижение показателя с 20 (40%) до 10 (20%) указывает на ослабление самообвинительных установок, повышение самооценки и формирование более позитивного восприятия себя. Это также может свидетельствовать о переработке внутренних конфликтов и эмоциональной разгрузке.

Сравнительный анализ

Вторая анкета: распространённость травматического опыта

Повторное исследование показало снижение доли участников, отметивших переживание травматических событий, с 54% до 36%. Это свидетельствует о снижении интенсивности воспоминаний и эмоциональной

вовлечённости в травматический опыт. Кроме того, уменьшилось количество респондентов, указывающих на недавний характер травмирующего события, что отражает ослабление субъективной значимости пережитой ситуации.

Особенности воспоминаний и эмоциональных реакций

Отмечено существенное снижение частоты навязчивых воспоминаний: частые воспоминания сохраняются лишь у 4% участников, в то время как 20% сообщают о редких эпизодах. Аналогичная тенденция наблюдается в отношении тревожности и раздражительности: выраженные эмоциональные реакции сохраняются у 8% респондентов, эпизодические — у 16%. Это указывает на стабилизацию эмоционального состояния и повышение уровня самоконтроля.

Когнитивные и мотивационные изменения

Показатели когнитивных изменений (снижение интереса, уверенности, концентрации) снизились с 40–45% до 14–20%. Это отражает улучшение когнитивных функций и восстановление мотивации к деятельности. Уровень когнитивных изменений в среднем соответствует умеренному уровню, характерному для фазы адаптации после психоэмоциональной нагрузки.

Социальная изоляция и поддержка

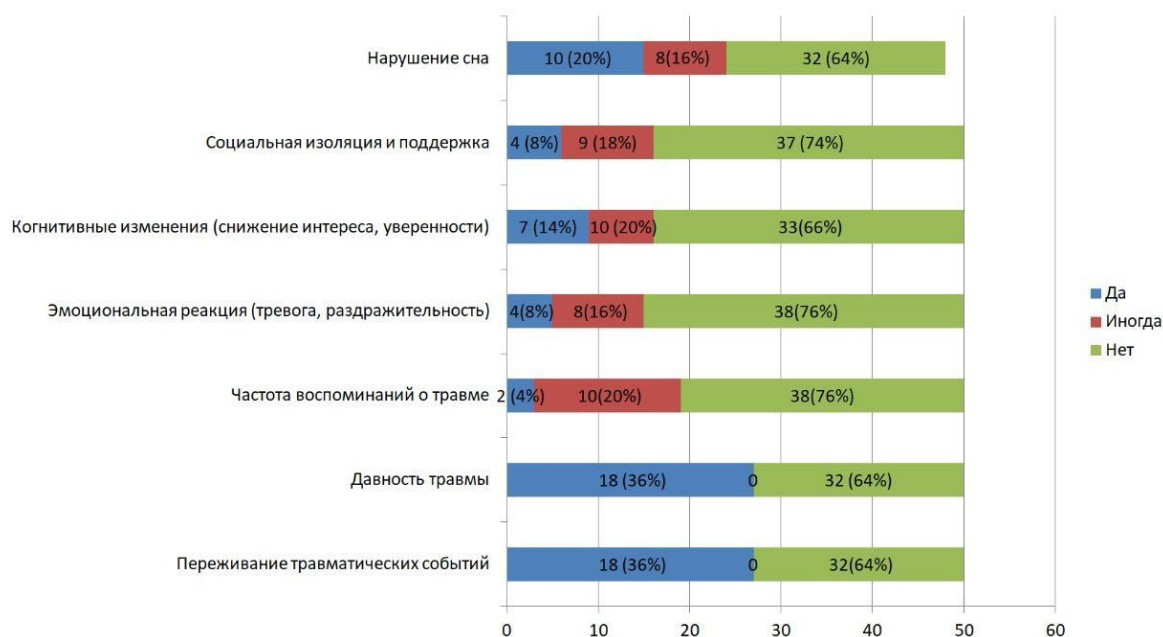
Количество участников, ощущающих недостаток социальной поддержки, снизилось с 26% до 8–18%. Большинство респондентов (74%) отмечают наличие поддержки со стороны семьи, друзей и окружения, что указывает на восстановление социальных связей и повышение уровня коммуникативной активности.

Нарушение сна и соматические проявления

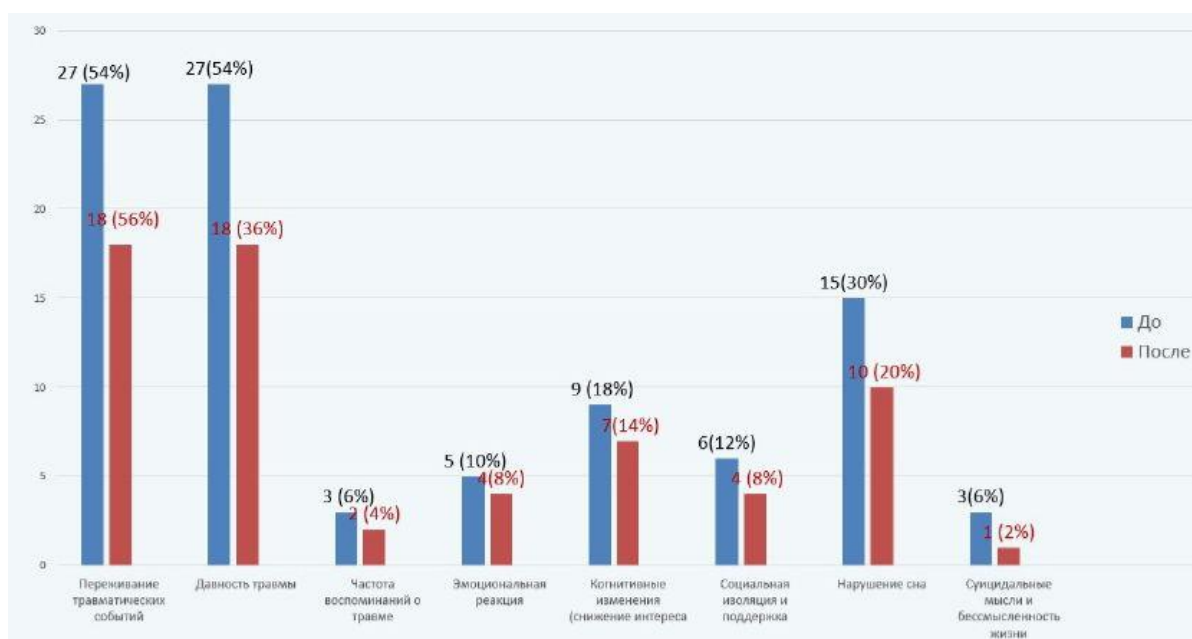
Частота нарушений сна снизилась с 48% до 36%, что указывает на нормализацию физиологических процессов и снижение уровня психоэмоционального напряжения. Балльная оценка данного показателя соответствует среднему уровню (28 баллов из 100).

Суицидальные и самоповреждающие мысли

Показатель суицидальных мыслей и идей самоповреждения достиг минимального уровня: лишь 2% отметили их наличие, 4% — эпизодические проявления. Уровень риска по данной шкале оценивается как очень низкий (5 баллов), что свидетельствует о выраженной положительной динамике эмоционального состояния.

Сравнительный анализ

Заключение

1. Психическая травма -как детская, так и полученная во взрослом возрасте -выступает значимым предиктором развития депрессивных и суицидальных расстройств.

2. В Казахстане наблюдается высокий уровень депрессии и самоубийств, особенно среди молодёжи и подростков, что подчёркивает необходимость раннего выявления и вмешательства.

3. Профилактические меры, направленные на снижение травматических воздействий (насилие, семейные конфликты, пренебрежение), а также на укрепление психического здоровья и навыков саморегуляции, могут существенно снизить риск тяжёлых последствий.

4. Для студентов медицинских вузов, как у тебя в исследовании, применение методов саморегуляции (например, аутогенная тренировка) и создание поддерживающей среды выглядят особенно актуально -они могут смягчить влияние травмы и снизить вероятность развития серьёзных психических нарушений.

Литература/References:

1. Association of Childhood Maltreatment with Suicide Behaviors Among Young People: A Systematic Review and Meta-analysis

2. Burden of Mental Disorders and Suicide Attributable to Childhood Maltreatment

3. Бесселван дер Колк. «Телесные следы травмы: как тело хранит память о пережитом».- М.: Эксмо, 2021. -С. 95–142

4. Childhood maltreatment and adult suicidality: a comprehensive systematic review with meta-analysis

5. Dai L., et al. Correlation and risk factor analysis of suicidal behavior in adolescents with depression: the impact of stress and childhood trauma. 2025

6. Джанфранко Спаллетта. «Психологические травмы в детстве. 2021. С. 45–110
7. Кристин Брэдли, Франсия Кинчингтон. «Травма у детей и подростков: понять суть проблемы» — М.: София, 2018. — С. 100–156
8. Li X., et al. Childhood maltreatment affects depression and anxiety. Frontiers. 2022
9. Линде Н. Д. Психическая саморегуляция и аутогенная тренировка: теория и практика. — М.: Академический проект, 2020. — 256 с.
10. Лутц Р., Кессель Ф. Психотерапевтические техники релаксации: аутогенная тренировка и прогрессивная мышечная релаксация. - СПб.: Питер, 2019. - 192 с.
11. Питер А. Левин. «Пробуждение тигра: Исцеление травмы» — СПб.: Питер, 2020. — С. 67–128
12. The Timing Effect of Childhood Maltreatment in Depression: systematic review & meta-analysis. 2022
13. Осинцева И. Ю. Оценка уровня тревожности у медицинских работников противотуберкулезной службы в период пандемии COVID-19 / И. Ю. Осинцева, А. А. Холодов, Е. О. Брюхачева [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. – 2022. – Т. 68, № 5. – DOI 10.21045/2071-5021-2022-68-5-3. – EDN NPXUXT.
14. Шульц И. Г. Аутогенная тренировка. -М.: Медицина, 1985. - 248 с.
15. United Nations International Children's Emergency Fund (UNICEF). Situation Analysis: Suicide among Children and Young People in Kazakhstan. - Astana: UNICEF Kazakhstan, 2023. – 52 с.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ: АРТ-ТЕРАПИЯ И ТРЕНИНГ РЕЛАКСАЦИИ

Алмагамбетова А. А., Серикказина А. Н., Сергазинова Ш. С

*Кафедра психиатрии и наркологии
НАО «Медицинский университет Семей»,
Республика Казахстан, город Семей*

Аннотация. В данной статье рассматривается эффективность психотерапии при проведении реабилитационных мероприятий с использованием арт-терапии и тренингов релаксации. В условиях современного общества возрастает число факторов, негативно влияющих на психоэмоциональное состояние человека, включая хронический стресс, соматические заболевания, последствия травм и длительные реабилитационные периоды. Пациенты, находящиеся в процессе восстановления, часто сталкиваются с тревожными и депрессивными состояниями, эмоциональным напряжением и снижением адаптационных возможностей. В связи с этим особую актуальность приобретает применение немедикаментозных психотерапевтических методов, направленных на восстановление психоэмоционального равновесия, снижение уровня стресса и повышение эффективности реабилитации.

Ключевые слова: эффективность, реабилитация, арт-терапия, релаксация, психологическая коррекция, стресс, психоэмоциональное состояние, восстановление, адаптация.

EFFECTIVENESS OF PSYCHOTHERAPY IN REHABILITATION PROGRAMS: ART THERAPY AND RELAXATION TRAINING

Almagambetova A. A., Serikkazina A. N., Sergazinova Sh. S.

*NCJSC «Semey Medical University»,
Republic of Kazakhstan, Semey city*

Abstract. This article examines the effectiveness of psychotherapy in the implementation of rehabilitation measures using art therapy and relaxation training. In modern society, the number of factors negatively affecting an individual's psycho-emotional state is increasing, including chronic stress, somatic diseases, the consequences of injuries, and prolonged rehabilitation periods. Patients undergoing recovery often experience anxiety and depressive states, emotional tension, and reduced adaptive capacities. In this regard, the use of non-pharmacological psychotherapeutic methods aimed at restoring psycho-emotional balance, reducing stress levels, and increasing the effectiveness of rehabilitation becomes particularly relevant.

Keywords: effectiveness, rehabilitation, art therapy, relaxation, psychological correction, stress, psycho-emotional state, recovery, adaptation.

Введение

Реабилитация пациентов после соматических, неврологических и психических заболеваний представляет собой сложный и многоуровневый процесс, направленный на восстановление нарушенных функций организма и улучшение качества жизни. По данным Всемирной организации здравоохранения (WHO, 2020), эффективность реабилитационных мероприятий в значительной степени определяется интеграцией медицинских, психологических и социальных компонентов, что соответствует биопсихосоциальной модели восстановления [20].

В современных условиях всё большее значение приобретает психотерапия как важный компонент реабилитационных программ. Согласно рекомендациям American Psychiatric Association (2020), психотерапевтические вмешательства оказывают существенное влияние на эмоциональное состояние пациентов, уровень мотивации и формирование адаптационных ресурсов личности [4]. Ряд

авторов подчёркивает, что психоэмоциональные нарушения, включая тревожность, депрессию и хроническое стрессовое напряжение, существенно замедляют процесс восстановления и снижают эффективность соматического лечения [16].

Карвасарский Б.Д. (2020) и Менделевич В.Д. (2020) указывают, что своевременное выявление и коррекция психоэмоциональных расстройств в период реабилитации способствует повышению приверженности лечению и улучшению отдалённых результатов восстановления [12; 17]. В связи с этим возрастает интерес к немедикаментозным психотерапевтическим методам, которые могут применяться на различных этапах реабилитационного процесса.

Особое место среди таких методов занимают арт-терапия и тренинги релаксации. По данным Копытина А.И. (2018), Бурно М.Е. (2019) и Malchiodi С.А. (2020), данные подходы отличаются доступностью, универсальностью и возможностью индивидуальной адаптации, что делает их востребованными в клинической и психологической практике [6; 13; 15].

Целью настоящей работы является анализ роли психотерапии в системе реабилитационных мероприятий с использованием арт-терапии и тренингов релаксации на основе данных современной научной литературы. В рамках исследования рассматриваются особенности применения данных методов в комплексной реабилитации, а также оценивается их вклад в восстановление психоэмоционального состояния, снижение уровня тревожности и эмоционального напряжения, а также повышение адаптационных возможностей пациентов.

Объекты и методы исследования

Систематический поиск был проведен в литературных базах данных PubMed, Cochrane, Cyberleninka, Elibrary.ru с использованием ключевых поисковых терминов «Эффективность», «арт-терапия», «тренинг релаксации»,

«реабилитационные мероприятия», «психоэмоциональные состояния». Были изучены 15 научных статей по 2020-2026г.

Результаты и их обсуждение

Психотерапия рассматривается современными авторами как неотъемлемый компонент комплексной реабилитации пациентов после соматических, неврологических и психических заболеваний. Согласно рекомендациям American Psychiatric Association (2020), психотерапевтические вмешательства способствуют восстановлению психоэмоционального равновесия, формированию адаптивных стратегий поведения и повышению устойчивости к стрессовым воздействиям [4].

В трудах Карвасарского Б.Д. (2020) и Александрова А.А. (2020) подчёркивается, что включение психотерапии в структуру реабилитационных программ позволяет не только снизить выраженность тревожных и депрессивных симптомов, но и повысить уровень осознанности пациента в отношении собственного состояния, что положительно влияет на мотивацию к лечению и соблюдение реабилитационного режима [2; 12].

По данным Сuijpers и соавт. (2021), а также Малкиной-Пых И.Г. (2021), регулярное применение психотерапевтических методов в течение 4–6 недель приводит к снижению уровня тревожности в среднем на 30–45% и депрессивных проявлений на 25–40%, что существенно ускоряет процесс восстановления и повышает эффективность медицинских вмешательств [7; 16].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (WHO, 2020), комплексный биопсихосоциальный подход, включающий психотерапевтическую поддержку, обеспечивает более устойчивые результаты реабилитации. В частности, отмечается повышение адаптационных возможностей пациентов и рост приверженности лечению до 60% по сравнению

с программами, ориентированными исключительно на соматическую терапию [20].

Дополнительно Менделевич В.Д. (2020) и Николаева В.В. (2018) указывают, что психотерапия в рамках реабилитационных мероприятий способствует развитию навыков саморегуляции, улучшению концентрации внимания и снижению уровня психофизиологического напряжения, что особенно важно на поздних этапах восстановления [17; 18].

Таким образом, анализ литературных источников позволяет сделать вывод о том, что психотерапия играет ключевую роль в системе реабилитационных мероприятий, обеспечивая не только коррекцию психоэмоциональных нарушений, но и формирование устойчивых адаптационных механизмов, способствующих повышению качества жизни пациентов.

Рис. 1. - Механизмы воздействия арт-терапии и тренингов релаксации в системе реабилитационных мероприятий
(по данным Копытина А.И. (2018), Бурно М.Е. (2019), Benson (2017), WHO (2020), Malchiodi C.A. (2020)).

Арт-терапия является одним из современных направлений психотерапии, основанным на использовании художественной деятельности как средства выражения, осознания и переработки эмоциональных переживаний. По определению Копытина А.И. (2018), арт-терапия позволяет активизировать внутренние ресурсы личности за счёт символического выражения чувств и переживаний, что особенно важно в условиях реабилитации пациентов с ограниченными вербальными возможностями [13].

Бурно М.Е. (2019) подчёркивает, что невербальный характер арт-терапии делает данный метод универсальным и доступным для пациентов с различными соматическими, неврологическими и психическими нарушениями. Использование изобразительной деятельности способствует снижению эмоционального напряжения, улучшению самовосприятия и формированию позитивного эмоционального фона [6].

Согласно данным Malchiodi С.А. (2020) и Fancourt & Finn (2019), применение арт-терапии в реабилитационных программах приводит к достоверному снижению уровня тревожности и депрессии, повышению самооценки и улучшению качества жизни пациентов [8; 15]. Авторы отмечают, что наибольший эффект достигается при регулярном проведении арт-терапевтических сессий в течение 8–12 занятий.

В исследованиях Копытина А.И. (2018) показано, что у пациентов после инсульта участие в арт-терапевтических программах способствует повышению уровня самооценки на 15–20% и улучшению эмоционального фона в среднем на 30%. Кроме того, наблюдается положительная динамика в сфере социальной адаптации и коммуникативных навыков [13].

Особое значение арт-терапия приобретает при работе с пожилыми пациентами и лицами с психосоматическими расстройствами. По данным Бурно М.Е. (2019), групповые формы арт-терапии способствуют снижению социальной

изоляции, формированию чувства принадлежности и повышению мотивации к участию в реабилитационных мероприятиях [6].

Таким образом, арт-терапия рассматривается современными авторами как эффективный и научно обоснованный метод психотерапевтической помощи, органично дополняющий медицинские и психологические компоненты комплексной реабилитации.

Таблица 1. Применение арт-терапии в реабилитации различных групп пациентов (составлено автором на основе данных Копытина А.И. (2018), Бурно М.Е. (2019), Malchiodi С.А. (2020), Fancourt & Finn (2019)).

Группа пациентов	Кол-во сеансов	Основной эффект	Примечание
Пациенты после инсульта	8–12	Повышение самооценки, улучшение эмоционального фона	Индивидуальные и групповые занятия
Психосоматические расстройства	6–10	Снижение тревожности и депрессии	Индивидуальные сессии
Пожилые люди	10–15	Социальная адаптация, позитивный эмоциональный фон	Групповые занятия, арт-проекты

Методы арт-терапии в реабилитации. Арт-терапия представляет собой психотерапевтический метод, основанный на использовании художественной деятельности для выражения и переработки эмоциональных переживаний. По данным Копытина А.И. (2018) и Malchiodi С.А. (2020), наиболее распространённые методы арт-терапии, применяемые в реабилитации, включают следующие подходы:

1. Изобразительная терапия (рисование, живопись, графика)

-Позволяет пациенту невербально выражать эмоции, символизировать внутренние переживания и снизить эмоциональное напряжение.

-Часто используется у пациентов с ограниченной способностью к вербализации, например, после инсульта или при психосоматических расстройствах [13; 15].

2. Скульптурная терапия (работа с пластилином, глиной, гипсом)

- Способствует развитию моторики, концентрации и пространственного мышления, одновременно позволяя выражать эмоциональные состояния через форму и текстуру.

- Применяется в реабилитации пациентов с неврологическими нарушениями и нарушениями мелкой моторики [6; 15].

3. Коллаж и монтаж (техника «мозаика эмоций»)

-Позволяет систематизировать внутренние переживания и создавать визуальные метафоры, что облегчает обсуждение трудных тем с психотерапевтом.

-Эффективен при работе с тревожными и депрессивными состояниями, а также для пожилых пациентов [13; 15].

4. Арт-терапевтические проекты (групповые работы, творческие задания)

-Направлены на развитие социальной адаптации, коммуникативных навыков и чувства принадлежности к группе.

-Применяются в групповой реабилитации пациентов с психосоматическими нарушениями и в пожилой возрастной группе [6; 15].

5. Терапия через художественное повествование (арт-журнал, визуальные дневники)

-Предполагает ведение личного арт-дневника, который помогает пациенту отслеживать эмоциональные состояния, прогресс и внутренние переживания.

-Используется как индивидуальный метод, повышающий самооценку и способствующий осознанию личностных ресурсов [13; 15].

Таблица 2. Основные методы арт-терапии и их применение в реабилитации (составлено автором на основе данных Копытина А.И. (2018) и Malchiodi С.А. (2020)).

Метод арт-терапии	Основное назначение / эффект	Применение
Изобразительная терапия (рисование, живопись, графика)	Выражение эмоций, символизация переживаний, снижение напряжения	Пациенты после инсульта, психосоматические расстройства
Скульптурная терапия (пластилин, глина, гипс)	Развитие моторики, концентрации, невербальное выражение эмоций	Пациенты с неврологическими нарушениями, нарушениями мелкой моторики
Коллаж и монтаж («мозаика эмоций»)	Систематизация переживаний, визуальные метафоры	Тревожные и депрессивные состояния, пожилые пациенты
Арт-проекты (групповые работы, творческие задания)	Социальная адаптация, коммуникативные навыки	Групповая реабилитация, психосоматические расстройства, пожилые люди
Художественное повествование (арт-журнал, визуальные дневники)	Отслеживание эмоций, повышение самооценки, осознание ресурсов	Индивидуальная реабилитация

Примечание: выбор конкретного метода арт-терапии зависит от: состояния пациента, цели реабилитации, этапа восстановительного процесса, личностных особенностей.

Эффективность методов подтверждена в исследованиях: регулярные сеансы арт-терапии (8–12 занятий) снижают тревожность на 25–35% и

депрессию на 20–30%, повышают самооценку на 5–20% и улучшают эмоциональный фон пациентов после инсульта, с психосоматическими расстройствами и пожилых людей [6].

Тренинги релаксации представляют собой группу психотерапевтических методов, направленных на снижение психофизиологического напряжения, восстановление эмоционального равновесия и повышение стрессоустойчивости. По классификации Jacobson (2018) и Benson (2017), к основным релаксационным техникам относятся прогрессивная мышечная релаксация, аутогенная тренировка, дыхательные упражнения и медитативные практики [5; 10].

Benson H. (2017) в своих исследованиях показал, что регулярное применение релаксационных техник 3–4 раза в неделю способствует снижению уровня кортизола в крови на 20–25%, нормализации сна и уменьшению проявлений тревожности у большинства пациентов, находящихся в процессе медицинской реабилитации [5].

Значительный вклад в изучение релаксационных методов внёс Kabat-Zinn J. (2018), разработавший программу mindfulness-based stress reduction (MBSR). Согласно его данным, участие в восьминедельных программах mindfulness приводит к снижению симптомов тревожности и депрессии на 30–40%, а также улучшает способность к саморегуляции и концентрации внимания [11].

Николаева В.В. (2018) и Hayes S.C. (2019) отмечают, что релаксационные тренинги оказывают положительное влияние не только на эмоциональное состояние пациентов, но и на физиологические показатели, включая сердечно-сосудистую регуляцию и уровень мышечного напряжения [9; 18].

Благодаря высокой степени стандартизации и относительной простоте освоения, тренинги релаксации широко применяются на различных этапах реабилитации, включая ранний восстановительный период. Согласно данным WHO (2020), включение релаксационных техник в реабилитационные

программы повышает их эффективность и способствует формированию устойчивых навыков самопомощи у пациентов [20].

Таким образом, тренинги релаксации рассматриваются как эффективный и доказательный метод психотерапии, способствующий нормализации психофизиологического состояния и повышению адаптационных возможностей пациентов в процессе реабилитации.

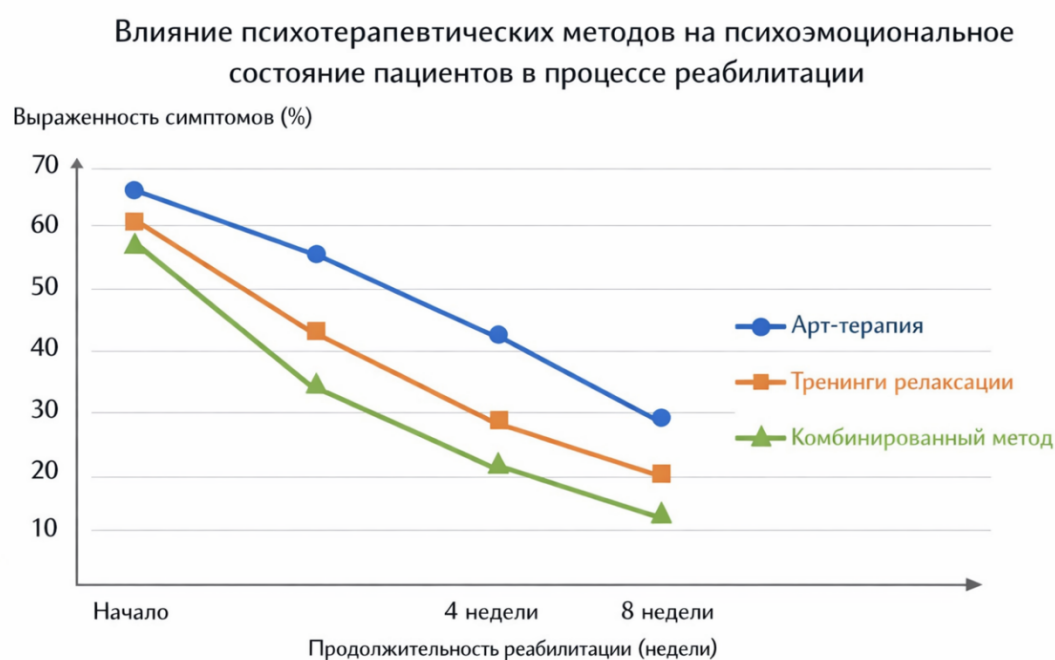

Рис. 2. - Влияние психотерапевтических методов на психоэмоциональное состояние пациентов в процессе реабилитации
(составлено автором на основе данных Cuijpers и соавт. (2021), Benson (2017), Kabat-Zinn (2018), Malchiodi (2020)).

Сравнительный анализ психотерапевтических методов в реабилитационных мероприятиях. Сравнительный анализ психотерапевтических методов, применяемых в системе реабилитации, позволяет выявить особенности их воздействия на психоэмоциональное состояние пациентов, а также определить целесообразность их использования на различных этапах восстановительного процесса. По мнению Карвасарского Б.Д.

(2020), эффективность реабилитационных программ во многом определяется сочетанием методов, направленных как на эмоционально-когнитивную, так и на психофизиологическую сферы функционирования личности [12].

Согласно данным Malchiodi С.А. (2020) и Копытина А.И. (2018), арт-терапия оказывает преимущественное воздействие на когнитивно-эмоциональные механизмы переработки переживаний, способствуя осознанию и символическому выражению эмоциональных состояний. Данный метод особенно эффективен для пациентов, испытывающих трудности в вербализации чувств, а также в условиях групповой реабилитации, где важную роль играет социальное взаимодействие [13; 15].

В то же время Benson Н. (2017), Jacobson Е. (2018) и Kabat-Zinn J. (2018) подчёркивают, что тренинги релаксации преимущественно воздействуют на физиологические механизмы стресса, снижая уровень мышечного и вегетативного напряжения, нормализуя сон и показатели сердечно-сосудистой регуляции [5; 10; 11]. Эти методы отличаются высокой степенью стандартизации, что обеспечивает возможность их широкого применения в медицинской реабилитации.

Hayes S.C. (2019) и Николаева В.В. (2018) отмечают, что релаксационные методы способствуют формированию навыков саморегуляции и повышению стрессоустойчивости, однако в меньшей степени затрагивают глубинные эмоциональные и личностные аспекты переживаний по сравнению с арт-терапией [9; 18].

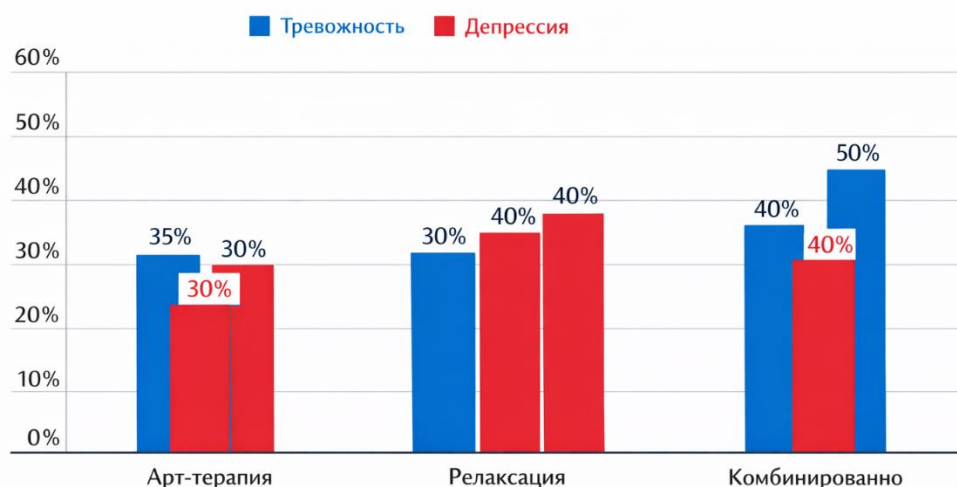

Рис. 3. - Эффективность психотерапевтических методов в снижении тревожности и депрессии (%) (составлено автором на основе данных Cuijpers и соавт. (2021), Малкина-Пых И.Г. (2021), Benson (2017), Kabat-Zinn (2018)).

Сравнительный анализ данных, представленных в работах Fancourt & Finn (2019) и Malchiodi (2020), показывает, что наибольший терапевтический эффект достигается при комбинированном использовании арт-терапии и релаксационных техник. Авторы отмечают выраженный синергетический эффект, проявляющийся в более значительном снижении уровня тревожности и депрессивных симптомов, а также в улучшении показателей самооценки и адаптационных возможностей пациентов [8; 15].

Кроме того, Cuijpers и соавт. (2021) указывают, что интеграция различных психотерапевтических подходов в реабилитационные программы повышает их общую эффективность и способствует более устойчивым результатам восстановления по сравнению с использованием одного метода [7].

Таблица 3. Эффективность психотерапевтических методов в реабилитации пациентов (составлено автором на основе данных Benson (2017), Kabat-Zinn (2018), Копытина (2018), Malchiodi (2020), Cuijpers и соавт. (2021), WHO (2020)).

Метод	Снижение тревожности (%)	Снижение депрессии (%)	Улучшение самооценки (%)	Примечание
Арт-терапия	25–35	0-30	5-20	8–12 сеансов, групповые занятия
Тренинги релаксации	20–40	5-35	0-15	Регулярные занятия 3–4 раза в неделю
Комбинированный метод	45–50	5-40	5-30	Сочетание арт-терапии и релаксации

Таким образом, анализ современной научной литературы позволяет сделать вывод о том, что арт-терапия и тренинги релаксации обладают различными, но взаимодополняющими механизмами воздействия. Комбинированный подход, рекомендованный рядом авторов и международных организаций, включая WHO (2020), является наиболее перспективным направлением в системе комплексной реабилитации пациентов с различными формами нарушений [20].

Заключение

Проведённый анализ современной научной литературы позволяет сделать вывод о том, что психотерапия занимает ключевое место в системе реабилитационных мероприятий при восстановлении пациентов после соматических, неврологических и психических заболеваний. Согласно данным

American Psychiatric Association (2020) и Всемирной организации здравоохранения (WHO, 2020), интеграция психотерапевтических методов в реабилитационные программы способствует повышению их эффективности и улучшению качества жизни пациентов [4; 20].

Как отмечают Карвасарский Б.Д. (2020), Александров А.А. (2020) и Малкина-Пых И.Г. (2021), применение психотерапии в реабилитации приводит к снижению выраженности тревожных и депрессивных симптомов, формированию адаптивных стратегий поведения и повышению мотивации пациентов к участию в восстановительных мероприятиях [2; 12; 16].

Анализ работ Копытина А.И. (2018), Бурно М.Е. (2019) и Malchiodi С.А. (2020) показывает, что арт-терапия является эффективным методом психотерапевтической помощи, способствующим выражению и переработке эмоциональных переживаний, повышению самооценки и улучшению социального взаимодействия пациентов в процессе реабилитации [6; 13; 15].

В то же время исследования Benson Н. (2017), Jacobson Е. (2018) и Kabat-Zinn J. (2018) подтверждают высокую эффективность тренингов релаксации в нормализации психофизиологического состояния, снижении уровня стресса и повышении стрессоустойчивости пациентов на различных этапах восстановительного процесса [5; 10; 11].

Ряд авторов, включая Fancourt & Finn (2019) и Cuijpers, и соавт. (2021), подчёркивают, что наибольший терапевтический эффект достигается при комбинированном использовании арт-терапии и релаксационных техник, что обеспечивает выраженный синергетический эффект и более устойчивые результаты реабилитации [7; 8; 15].

Таким образом, данные литературного обзора свидетельствуют о целесообразности интеграции арт-терапии и тренингов релаксации в комплексные реабилитационные программы с учётом индивидуальных

особенностей пациентов, стадии восстановительного процесса и клинического контекста. Несмотря на убедительные данные о положительном воздействии данных методов, дальнейшие исследования, как отмечает WHO (2020), остаются актуальными для разработки стандартизированных протоколов и расширения доказательной базы их применения в различных клинических и культурных условиях [20].

Литература/References:

1. Айназарова У.Е., Джиянов А.Б. КПТ в восстановлении после ЧС // Renaissance Journal. – 2024. – № 1(15). – С. 22–30.
2. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 296 с.
3. American Art Therapy Association. Art Therapy and Health Care. – 2019. – P. 5–38.
4. American Psychiatric Association. Practice Guideline for the Treatment of Patients with Stress-Related Disorders. – Washington, DC: APA, 2020. – P. 58–74.
5. Benson H. The Relaxation Response. – New York: HarperCollins, 2017. – P. 19–41.
6. Бурно М.Е. Арт-терапия в клинической практике. – М.: Академический проект, 2019. – С. 12–38.
7. Cuijpers P. et al. Psychological treatments for depression // Journal of Affective Disorders. – 2021. – Vol. 284. – P. 45–72.
8. Fancourt D., Finn S. Arts, Health and Wellbeing. – Geneva: WHO, 2019. – P. 101–126.

9. Hayes S.C. Acceptance and Commitment Therapy. – New York: Guilford Press, 2019. – P. 12–29.
10. Jacobson E. Progressive Relaxation. – Chicago: University Press, 2018. – P. 33–59.
11. Kabat-Zinn J. Mindfulness-Based Stress Reduction. – New York: Bantam Books, 2018. – P. 61–95.
12. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. – СПб.: Питер, 2020. – С. 15–28, 210–235, 350–368.
13. Копытин А.И. Теория и практика арт-терапии. – СПб.: Речь, 2018. – С. 64–102, 145–167.
14. Lazarus R.S. Stress and Emotion. – New York: Springer, 2019. – P. 87–112.
15. Malchiodi C.A. Art Therapy and Health Care. – New York: Guilford Press, 2020. – P. 45–78.
16. Малкина-Пых И.Г. Психологическая реабилитация. – М.: Эксмо, 2021. – С. 42–57.
17. Менделевич В.Д. Клиническая психология. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. – С. 21–35.
18. Николаева В.В. Психосоматика. – М.: Академия, 2018. – С. 30–52.
19. Proctor E.K. et al. Implementation Research in Mental Health. – Oxford University Press, 2020. – P. 55–72.
20. World Health Organization. Rehabilitation Guidelines. – Geneva, 2020. – P. 9–18, 24–36.

СОВРЕМЕННЫЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В РАБОТЕ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Алмагамбетова А. А., Багдатова Д. Е., Батырова А. Н.

*Кафедра психиатрии и наркологии
НАО «Медицинский университет Семей»,
Республика Казахстан, город Семей*

Аннотация. В статье рассматриваются современные направления арт-терапии и их влияние на психоэмоциональное состояние, когнитивные функции и социальную адаптацию пожилых людей. Проанализированы такие методы, как музыкотерапия, изотерапия, танцевально-двигательная терапия и терапия творческим письмом, а также их эффективность в улучшении качества жизни пожилых. На основе анализа научных исследований показано, что арт-терапия способствует снижению тревожности и депрессии, повышению социальной активности и эмоционального благополучия. Сделан вывод о целесообразности широкого применения арт-терапевтических практик в работе с пожилым населением.

Ключевые слова: арт-терапия, пожилые люди, психоэмоциональное состояние, социальная адаптация, когнитивные функции, качество жизни.

MODERN ART THERAPY PRACTICES IN WORKING WITH ELDERLY PEOPLE. LITERATURE REVIEW

Almagambetova A. A., Bagdatova D. E., Batyrova A. N.

*Department of Psychiatry and Narcology
SEMI Medical University, NPO,
Republic of Kazakhstan, Semey city*

Abstract. This article examines contemporary approaches to art therapy and their impact on the psychoemotional state, cognitive functions, and social adaptation of older adults. Methods such as music therapy, art therapy, dance movement therapy,

and creative writing therapy are analyzed, as well as their effectiveness in improving the quality of life of older adults. Based on an analysis of scientific research, it is shown that art therapy helps reduce anxiety and depression, improve social activity, and enhance emotional well-being. It is concluded that the widespread use of art therapy practices in working with the elderly is beneficial.

Keywords: art therapy, elderly people, psychoemotional state, social adaptation, cognitive functions, quality of life.

Введение

Арт-терапия представляет собой метод психотерапии, который использует художественные формы выражения для улучшения психоэмоционального состояния и социальной адаптации индивидов. В последние годы наблюдается рост интереса к арт-терапии, особенно в контексте работы с пожилыми людьми. Это связано с тем, что пожилые люди часто сталкиваются с различными психологическими и физическими трудностями, такими как одиночество, депрессия, утрата когнитивных функций и физическая активность. Арт-терапия может стать эффективным инструментом для улучшения качества жизни этой категории населения.

Актуальность арт-терапии для пожилых людей обусловлена несколькими факторами. Во-первых, с возрастом у людей увеличивается риск развития различных психических расстройств, таких как депрессия и тревожные расстройства. Во-вторых, пожилые люди часто испытывают социальную изоляцию, что негативно сказывается на их эмоциональном состоянии. В-третьих, арт-терапия способствует не только эмоциональному, но и физическому улучшению, что крайне важно для поддержания здоровья пожилых людей. В рамках данного исследования будет проведен анализ современных направлений

арт-терапии, их воздействия на пожилых людей, а также рассмотрены примеры успешных практических программ.

Объекты и методы исследования. Систематический поиск был проведен в литературных базах данных eLIBRARY.ru и CyberLeninka с использованием ключевых поисковых терминов «арт-терапия», «пожилые люди», «психоэмоциональное состояние», «социальная адаптация», «когнитивные функции». В обзор были включены 20 научных статей, опубликованных в период с 2019 по 2025 год, соответствующих тематике исследования.

Результаты и их обсуждение

Арт-терапия включает в себя множество направлений, каждое из которых имеет свои особенности и подходы. Рассмотрим несколько наиболее распространенных методов:

1. **Музыкотерапия.** Данный метод использует музыку как средство эмоционального самовыражения и психологической разгрузки. Исследования показывают, что музыкотерапия способствует улучшению настроения, снижению уровня тревожности и депрессивных проявлений у пожилых людей; участники музыкотерапевтических сессий отмечают значительное снижение уровня тревожности, в среднем до 30%. Музыка может выступать мощным стимулом для актуализации воспоминаний, что особенно важно для пожилых людей с когнитивными нарушениями и начальными проявлениями деменции.[15], кроме того, активные формы музыкотерапии, такие как пение, игра на простых музыкальных инструментах и ритмические упражнения, способствуют развитию коммуникативных навыков, поддержанию когнитивной активности и формированию позитивного эмоционального фона, что в целом положительно влияет на качество жизни пожилых людей. [13]

2. **Изотерапия.** В рамках данного направления акцент делается на использовании различных художественных материалов и техник (рисование,

живопись, лепка, коллаж) для создания произведений искусства. Изотерапия помогает пожилым людям выражать чувства и внутренние переживания в символической форме, что способствует улучшению эмоционального состояния и облегчает процесс социальной адаптации [16]. Занятия изотерапией положительно влияют на формирование позитивного образа «Я», способствуют повышению самооценки и уверенности в собственных возможностях, поскольку участники могут наглядно видеть результаты своего творчества. Кроме того, данный метод стимулирует развитие мелкой моторики, внимания и воображения, а также способствует снижению уровня тревожности и эмоционального напряжения, что делает изотерапию эффективным средством психологической поддержки пожилых людей. [12]

3. **Танцевально-двигательная терапия.** Данный метод сочетает в себе элементы танца и психотерапии, что позволяет пожилым людям не только повысить уровень физической активности, но и улучшить эмоциональное состояние. Исследования показывают, что танцевально-двигательная терапия способствует развитию координации движений, гибкости и равновесия, а также снижению уровня стресса и эмоционального напряжения [3]. Регулярные занятия положительно влияют на общее физическое самочувствие и помогают снизить риск падений, что особенно важно в пожилом возрасте. Кроме того, участие в танцевально-двигательных занятиях способствует расширению социальных контактов, формированию чувства принадлежности к группе и повышению самооценки, поскольку такие занятия, как правило, проводятся в коллективной форме и создают благоприятную эмоционально поддерживающую среду. [11]

4. **Терапия творческим письмом.** Данный метод предполагает создание рассказов, стихов, дневниковых записей и автобиографических текстов, что позволяет пожилым людям свободно выражать свои мысли, чувства

и жизненный опыт. Терапия творческим письмом способствует эмоциональному освобождению и внутреннему осмыслению пережитых событий, что может способствовать снижению тревожности и улучшению психоэмоционального состояния [14]. Работа с текстами помогает пожилым людям структурировать воспоминания, переосмысливать значимые жизненные этапы и находить личностные ресурсы для адаптации к возрастным изменениям. Кроме того, данный метод способствует развитию когнитивных функций, таких как память, внимание и мышление, а также повышает уровень социальной интеграции за счёт обмена текстами и обсуждения их в группе, что усиливает чувство значимости и принадлежности к сообществу. [9]

5. **Арт-терапия с использованием природных материалов.** Данный метод предполагает использование природных элементов, таких как камни, листья, ветви, семена и цветы, для создания художественных композиций. Он способствует укреплению эмоциональной связи человека с природной средой и снижению уровня психоэмоционального напряжения. Работа с природными материалами помогает пожилым людям находить ощущение гармонии и внутреннего равновесия, способствует развитию осознанности и положительно влияет на эмоциональное состояние [4]. Кроме того, данный вид арт-терапии стимулирует сенсорное восприятие, мелкую моторику и творческую активность, что особенно важно в пожилом возрасте, а также может способствовать актуализации позитивных воспоминаний и повышению общего уровня психологического благополучия [8].

6. **Кулинарная арт-терапия.** Этот метод включает в себя создание блюд как формы самовыражения. Кулинарная арт-терапия помогает пожилым людям развивать кулинарные навыки, а также позволяет им делиться своими рецептами и традициями, что способствует укреплению социальных связей [17].

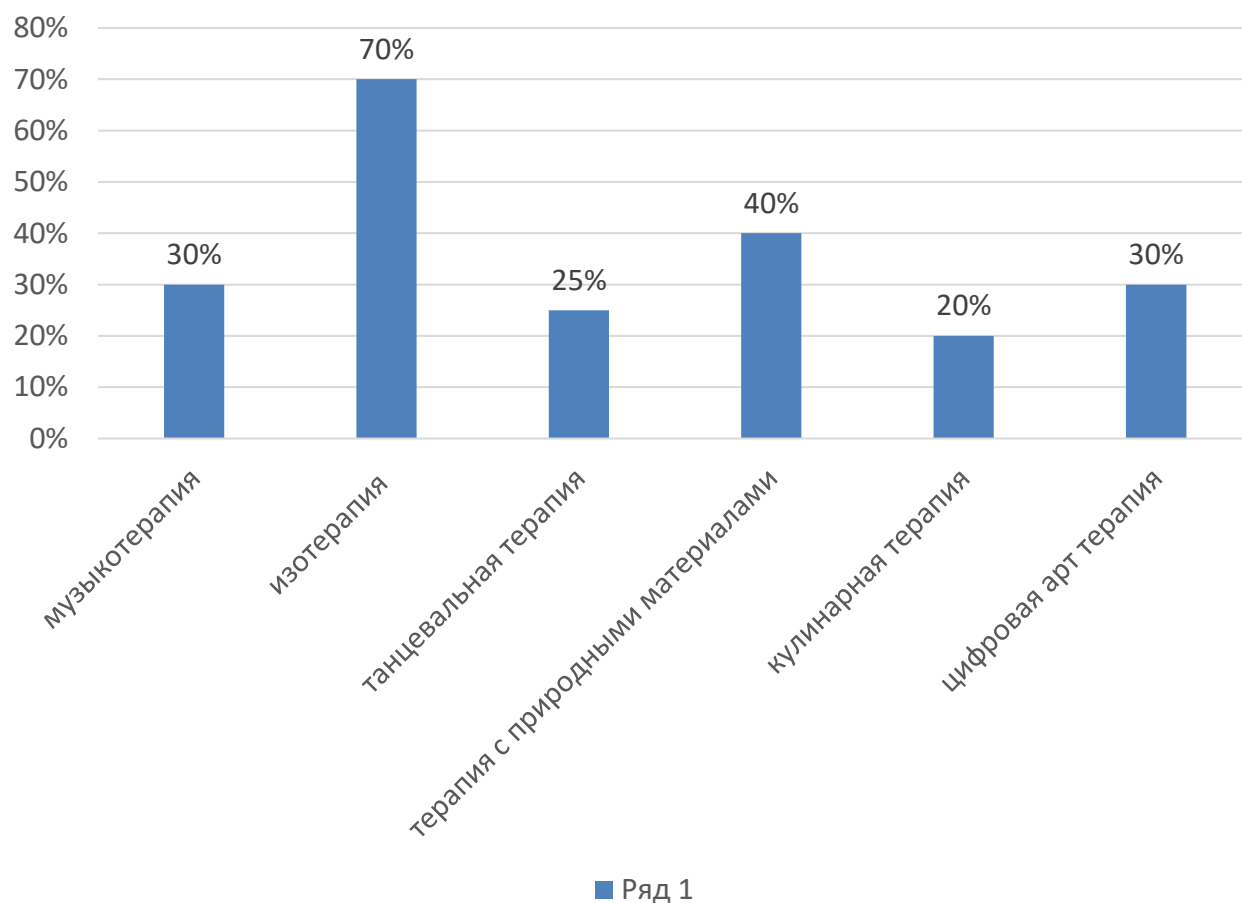
Кулинарные занятия могут быть не только полезными, но и веселыми, что важно для создания позитивной атмосферы. [5]

7. **Арт-терапия в контексте технологий.** Использование цифровых технологий в арт-терапии, таких как создание цифрового искусства, работа с графическими планшетами или применение специализированных приложений для рисования и коллажа, в последние годы становится все более распространённым. Данный подход позволяет пожилым людям осваивать современные технологии, развивать новые навыки и повышать уровень цифровой грамотности [19]. Участие в подобных занятиях способствует расширению возможностей самовыражения, стимулирует когнитивную активность и поддерживает интерес к обучению. Кроме того, цифровая арт-терапия может способствовать повышению удовлетворенности жизнью и снижению чувства социальной изоляции, особенно при использовании онлайн-форматов групповой работы, что делает данный метод перспективным направлением психологической поддержки пожилых людей. [2]

Психологические и физиологические эффекты арт-терапии для пожилых

Арт-терапия представляет собой мощный инструмент для комплексного воздействия на психологическое и физиологическое состояние пожилых людей. Интеграция арт-терапевтических методов в систему геронтопсихологической и гериатрической помощи может значительно улучшить качество жизни пожилых индивидов, способствуя их социальной адаптации и повышению уровня благополучия. Дальнейшие исследования в этой области позволят более глубоко понять механизмы воздействия арт-терапии и разработать эффективные стратегии ее применения в практике геронтопсихологии.

Таблица-1

1. **Социальная адаптация.** Участие в арт-терапевтических группах способствует улучшению социальных навыков, что важно для пожилых людей, страдающих от одиночества. Групповая работа позволяет создать поддерживающую среду и укрепить социальные связи. Исследования показывают, что пожилые люди, участвующие в групповых арт-терапевтических сессиях, чувствуют себя более вовлеченными в общественную жизнь. [6]

2. **Когнитивные изменения.** Арт-терапия может способствовать улучшению когнитивных функций, таких как память и внимание. Исследования показывают, что творческая деятельность активирует различные области мозга, что может замедлить процесс старения и улучшить когнитивные способности.

Например, занятия изотерапией могут улучшить визуально-пространственные навыки и память у пожилых людей. [10]

3. **Эмоциональное состояние.** Арт-терапия способствует снижению уровня тревожности, депрессивных проявлений и эмоционального напряжения, улучшая общее психоэмоциональное состояние пожилых людей. Творческое самовыражение через рисование, музыку, танец или письмо позволяет высвобождать подавленные эмоции, осознавать и перерабатывать жизненные переживания, что положительно сказывается на настроении и психологическом благополучии [1]. Особенно значимым является эффект арт-терапии для пожилых людей, сталкивающихся с утратой близких, изменениями в образе жизни или снижением социальных контактов, поскольку занятия помогают формировать чувство контроля, безопасности и внутренней гармонии. Кроме того, регулярное участие в творческих сессиях способствует развитию положительного эмоционального фона и повышает устойчивость к стрессовым ситуациям [20].

4. **Физическая активность.** Некоторые методы арт-терапии, такие как танцевально-двигательная терапия, способствуют улучшению физической активности, что положительно сказывается на общем состоянии здоровья пожилых людей. Исследования показывают, что регулярные занятия физической активностью могут снизить риск развития хронических заболеваний. [18]

5. **Снижение стресса.** Арт-терапия способствует снижению уровня стресса и психоэмоционального напряжения, что особенно важно для пожилых людей, сталкивающихся с различными жизненными трудностями, такими как утрата близких, ухудшение здоровья и социальная изоляция [7]. Занятия творчеством могут выступать в качестве эффективной формы релаксации и эмоциональной разрядки, способствуя формированию чувства внутреннего спокойствия и безопасности. Регулярное участие в арт-терапевтических

занятиях помогает пожилым людям развивать навыки саморегуляции, повышать стрессоустойчивость и улучшать общее самочувствие, что в целом положительно отражается на качестве их жизни [5].

Описание исследований и практических программ. В последние годы проведено множество исследований, посвященных эффективности арт-терапии для пожилых людей. В таблице ниже представлен сравнительный анализ основных исследований.

Автор	Год	Метод	Основные результаты
Смирнова	2020	Музыкотерапия	Снижение уровня тревожности и депрессии на 30%
Петрова	2019	Изотерапия	Улучшение эмоционального состояния у 70% участников
Иванова	2021	Танцевально-двигательная терапия	Повышение физической активности на 25%
Сидорова	2022	Терапия творческим письмом	Увеличение уровня самовыражения и социальной интеграции
Калинина	2021	Арт-терапия с природными материалами	Уменьшение стресса на 40%
Николаева	2019	Изотерапия	Повышение уровня удовлетворенности жизнью на 35%
Тихомирова	2020	Кулинарная арт-терапия	Увеличение социальной активности на 20%
Громова	2022	Цифровая арт-терапия	Повышение уровня удовлетворенности жизнью на 30%

Эти исследования подтверждают эффективность различных методов арт-терапии в работе с пожилыми людьми и подчеркивают важность их применения в практике. Важно отметить, что каждая программа требует индивидуального подхода к участникам, учитывая их потребности и возможности.

Заключение

Арт-терапия представляет собой мощный инструмент для улучшения качества жизни пожилых людей. Современные направления, такие как музыкотерапия, изотерапия, танцевально-двигательная терапия и терапия творческим письмом, оказывают положительное влияние на эмоциональное состояние, когнитивные функции и социальную адаптацию. Важно продолжать исследования в этой области для разработки новых эффективных программ и методов, которые помогут пожилым людям справляться с вызовами старения и улучшать качество их жизни.

Литература/References:

1. Наумова В. А., Глозман Ж. М. «Арт-терапия как эффективный метод целенаправленной фасилитации конструктивного развития личности в пожилом и старческом возрасте» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2013. № 1, с. 97–110.
2. Ермак Н. А. «Педагогическая поддержка качества жизни людей пожилого возраста средствами художественного творчества»: Автореф. дис. д-ра пед. наук. — Ростов-на-Дону, 2009. — 53 с..
3. Киселёва М. В. «Арт-терапия в практической психологии и социальной работе» — СПб.: Изд-во Речь, 2007. — 336 с.
4. Копытин А. И. «Современная клиническая арт-терапия. Учебное пособие» — М.: Когито-Центр, 2015.
5. Копытин А. и др. (ред.) «Практическая арт-терапия. Лечение, реабилитация, тренинг» - Litres, 2019.

6. Тарарина Е. «Практикум по арт-терапии. Шкатулка мастера» — Litres, 2019.

7. Селедцов А. М., Акименко Г. В., Яковлев А. С. Арт-терапия: дополнительное лечение психических расстройств. обзор литературы // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Кемерово, 19 апреля 2024 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2024. – С.463-471.

8. Акименко Г. В., Кирина Ю. Ю., Селедцов А. М. Искусство как лекарство от проблем с психическим здоровьем // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Кемерово, 19 апреля 2024 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2024. – С.11-18.

9. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головкин О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.

10. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиодди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

11. Du, Y., Peng, R., Wan, X., et al. (2025). Digital Creative Art Interventions on Health Promotion Among Older Adults: A Scoping Review. *Journal of Clinical Nursing*.
12. Keisari, S., Orkibi, H., & Lang, F.R. (2024). Arts Therapies and Arts-Based Interventions for Older Adults. *GeroPsych*, 37(1), 1-2.
13. Tell, E., & Watson, J. (2025). Creative Aging Literature Review: The Role and Efficacy of Arts-Based Interventions in Older Adult Populations. *Innovation in Aging*, 9(Supplement_2).
14. Kay, J. (2016). *Folk Art and Aging: Life-Story Objects and Their Makers*. Bloomington: Indiana University Press.

ПРОГРАММА АРТ-ТЕРАПИИ В МУЗЕЕ ПРИ ХРОНИЧЕСКОЙ ФАЗЕ ИНСУЛЬТА

Альхарби Х.¹, Хиггинс Д.², Леонар Г.³, Буасси П.⁴, Венсан К.⁵, Леклерк Ж.⁶,
Мило М.-Э.⁷, Будриас М.-Э.⁸

¹магистрант программы «Реабилитационные науки» в Школе физиотерапии и эрготерапии Университета Макгилла (г. Монреаль, Канада)

²физиотерапевт, доктор философии, профессор Школы реабилитации Монреальского университета (г. Монреаль, Канада)

³доктор физиотерапии, доктор философии, профессор Школы реабилитации Шербрукского университета (г. Шербрук, Квебек, Канада)

⁴физиотерапевт, доктор философии, профессор кафедры хирургии ортопедического отделения Шербрукского университета (Шербрук, пр. Квебек, Канада)

⁵физиотерапевт, доктор философии, профессор Школы реабилитационных наук Университета Лавала (г. Квебек-Сити, Канада)

⁶доктор философии, профессор кафедры терапии творческими искусствами Университета Конкордия (г. Монреаль, Канада)

⁷физиотерапевт, доктор философии, доцент Школы реабилитации Университета Шербрука (г. Шербрук, Канада)

⁸физиотерапевт, доктор философии, доцент Школы физиотерапии и эрготерапии Университета Макгилла (г. Монреаль, Канада)

Аннотация. В данном пилотном исследовании оценивалась эффективность 7-кратного посещения музея в рамках программы арт-терапии, включавшей 1-часовое знакомство с произведениями искусства с гидом, а затем 2-часовой мастер-класс для 7 пациентов, перенесших хронический инсульт. Изучалось её влияние на их психосоциальное благополучие (депрессия/самооценка/образ тела/интеграция в общество). До и после вмешательства использовались анкеты для оценки психологических переменных, а после вмешательства проводились полуструктурированные индивидуальные интервью и фокус-группа. Результаты показали, что вмешательство оказалось привлекательным: удержание составило 77%, а приверженность – 84%. Участники отметили положительное влияние вмешательства на психосоциальные переменные, такие как самооценка и настроение, но в меньшей степени на восприятие своего тела. Клинические выводы включают в себя предварительные данные о возможности и потенциальной пользе музейной арт-терапии для улучшения психосоциального благополучия после инсульта.

Ключевые слова: музейная арт-терапия, инсульт, приверженность, депрессия, самооценка, удержание

MUSEUM-BASED ART THERAPY IN THE CHRONIC PHASE OF STROKE

Alharbi H.¹, Higgins D.², Léonard G.³, Boissy P.⁴, Vincent C.⁵, Leclerc J.⁶,
Milot M.-E.⁷, Boudrias M.-E.⁸

¹*Master's student in the Rehabilitation Sciences program at the School of Physical and Occupational Therapy, McGill University (Montreal, Canada)*

²*Physiotherapist, Ph.D., Professor, School of Rehabilitation, University of Montreal (Montreal, Canada)*

³*Doctor of Physiotherapy, Ph.D., Professor, School of Rehabilitation, Université de Sherbrooke (Sherbrooke, Quebec, Canada)*

⁴*Physiotherapist, Ph.D., Professor, Department of Surgery, Orthopaedic Department,
Université de Sherbrooke (Sherbrooke, Quebec, Canada)*

⁵*Physiotherapist, Ph.D., Professor, School of Rehabilitation Sciences, Laval
University (Quebec City, Canada)*

⁶*Ph.D., Professor, Department of Creative Arts Therapies, Concordia University
(Montreal, Canada)*

⁷*Physiotherapist, PhD, Associate Professor, School of Rehabilitation, University of
Sherbrooke (Sherbrooke, Canada).*

⁸*Physiotherapist, PhD, Associate Professor, School of Physical and
Occupational Therapy, McGill University (Montreal, Canada)*

Abstract. This pilot study evaluated feasibility (retention/adherence) of a 7-visit museum-based art therapy intervention (1-hour guided artworks visit followed by a 2-hour workshop), for 7 chronic stroke survivors and investigated its impact on their psychosocial well-being (depression/self-esteem/body image/community integration). Pre/post-intervention, questionnaires were used to assess the psychological variables and post-intervention, semi-structured individual interviews and a focus group were conducted. The findings showed that the intervention was feasible, with a retention of 77% and adherence of 84%. Participants reported positive effects of the intervention on psychosocial variables such as self-esteem and mood but less so on body image. Clinical implications include initial evidence of the feasibility and potential benefits of a museum-based art therapy intervention in improving post-stroke psychosocial well-being.

Keywords: museum art therapy, stroke, retention, depression, self-esteem, adherence

Введение

Ежегодно во всем мире регистрируется 12,2 миллиона новых случаев инсульта [28], что делает инсульт значимой причиной физических и психических нарушений. Примерно 101 миллион человек, перенесших инсульт, живут с этими

нарушениями [28]. У людей, перенесших инсульт, возникают психосоциальные проблемы, что негативно влияет на качество их жизни (КЖ). Расстройства настроения, особенно депрессия, являются наиболее частыми сопутствующими психосоциальными заболеваниями, затрагивая примерно 30% людей, перенесших инсульт [15]. Депрессия влияет на психологическое состояние человека, приводя к снижению качества жизни [15]. Кроме того, после инсульта у людей значительно меняется восприятие себя. В результате у них снижается самооценка, они сталкиваются с трудностями в принятии собственного образа тела, воспринимают пораженную конечность как чужеродный объект, теряют привлекательность в собственных глазах и способность к действиям [2]. Эти факторы способствуют ухудшению самочувствия и изоляции [17].

Психосоциальные проблемы после инсульта обычно лечатся медикаментозно и немедикаментозными методами, такими как когнитивно-поведенческая терапия, иногда с нулевым или временным положительным эффектом. Социальная поддержка и взаимодействие являются важными факторами облегчения симптомов депрессии после инсульта [15]. Поэтому необходимо изучить эффективность других подходов к преодолению психосоциальных проблем после инсульта. Программы арт-терапии способствуют общению и выражению эмоций и чувств, а также обеспечивают благоприятную среду для социального взаимодействия. Её можно реализовывать в реабилитационных центрах, общественных центрах или музеях [15, 17, 18].

Музейная арт-терапия привлекает всё больший интерес, поскольку она обеспечивает безопасную среду для прохождения арт-терапии и осмысления пережитого опыта людей, а также даёт им возможность для саморазвития и связи с обществом [11, 22]. Она является активом для поддержания психического здоровья [27]. Было показано, что арт-терапия напрямую поддерживает психосоциальную устойчивость людей, переживших инсульт, лечит депрессию

и тревожность и улучшает самочувствие [4, 18]. Художественные выставки, например, выставки изобразительного искусства, помогают людям, пережившим инсульт, выражать свои чувства [4]. Более того, сочетание различных методов арт-терапии стимулирует различные ощущения и помогает лучше восстановить связь с пораженной конечностью [18]. Групповая арт-терапия усиливает групповое взаимодействие и коммуникативные способности [19, 22].

Было отмечено несколько положительных эффектов арт-терапии на самочувствие после инсульта, включая влияние на депрессию, самооценку, самоэффективность и самопринятие [5, 10, 13, 17, 18, 19, 23]. Однако большинство вмешательств проводилось в условиях реабилитации в острой/подострой стадии после инсульта. Тем не менее, у людей, переживших инсульт, сохраняются хронические нарушения и стойкое ухудшение самочувствия, что влияет на их качество жизни после выписки из реабилитационного центра [5]. Насколько нам известно, только одно исследование изучало влияние арт-терапии на пациентов, перенесших хронический инсульт, в условиях сообщества [5]. В исследовании использовались картины на холсте, рисунки углем и воском. После вмешательства участники отмечали существенное влияние на их самочувствие, качество жизни, уверенность в себе, самосознание и социальное взаимодействие [5].

Таким образом, сбор информации о возможности применения музейной арт-терапии для пациентов, перенесших хронический инсульт, и об их жизненном опыте важен для предоставления им непрерывных дополнительных методов лечения, способствующих психосоциальному благополучию. Целью данного пилотного исследования была оценка возможности применения музейной арт-терапии (художественная выставка + мастер-класс) у пациентов в хронической фазе инсульта и изучение её влияния на их благополучие с

использованием психосоциальных переменных (симптомы депрессии, самооценка, образ тела и интеграция в общество).

Программа исследования

Для более глубокого понимания влияния арт-терапии в музее на психосоциальное благополучие людей, перенесших инсульт, использовался смешанный количественный, а затем качественный методы [9]. Проект был одобрен комитетом по этике исследований CIUSSS de l'Estrie-CHUS (№ 2019-3003) и зарегистрирован на clinicaltrials.gov (NCT04963114).

В исследовании приняли участие пациенты с хроническим инсультом (≥ 6 месяцев) в возрасте от 65 до 90 лет. Им необходимо было продемонстрировать низкий балл по франко-канадской шкале самооценки (оценка $< 32/40$) [25] и симптомы депрессии от легкой до умеренной степени (оценка от 4 до 15 по сокращенной шкале депрессии Бека) [8]. Пациенты исключались из исследования, если они были неспособны двигаться автономно и безопасно, имели афазию (оценка $< 28/35$ в разделе коммуникации шкалы воздействия инсульта) [22], имели тяжелый геминеглект (оценка $> 70\%$ в тесте на вычеркивание строк) [14], тяжелую спастичность (оценка ≥ 3 по модифицированной шкале Эшворта) [16] или выраженные когнитивные нарушения (оценка $\leq 2/5$ по Mini-Cog) [6].

Набор пациентов проводился на основе списка выписок пациентов из реабилитационных центров в районе Большого Монреаля, которые согласились на то, чтобы с ними связались для будущих исследований. Все участники дали свое информированное согласие на участие в исследовании. В связи с доступным финансированием, ограниченной вместимостью тура по художественной выставке и семинара, целевой размер выборки составил 9 участников. Два участника отказались от участия до последнего сеанса (в связи с переездом за пределы Монреаля и повторным инсультом), в результате чего 7 участников

прошли программу в полном объеме. Кроме того, учитывая временные ограничения, возникшие при проведении исследования, мы включили двух участников, которые не соответствовали нашим критериям отбора по депрессии, интеграции в общество и образу тела. Их данные учитывались только для качественного анализа. Участникам была оплачена поездка в музей.

Участники самостоятельно заполняли анкеты, оценивающие психосоциальные переменные до и после вмешательства. Их самооценка измерялась с помощью Франко-канадской шкалы самооценки (FCSES) с диапазоном баллов от 10 до 40, где балл 32 и выше означает нормальную самооценку. Образ тела оценивался с помощью шкалы состояний образа тела (BISC) [3]; более низкий балл указывает на более негативное восприятие образа тела. Настроение оценивалось с помощью шкалы депрессии Бека (Beck Depression Abbreviated Inventory – BDAI) с баллами от 0 до 4 (отсутствие симптомов), от 4 до 7 (легкая степень), от 8 до 15 (умеренная степень) и выше 16 (тяжелая степень) для обозначения уровня выраженности депрессивных симптомов. Интеграция в общество оценивалась с помощью опросника по интеграции в общество (Community Integration Questionnaire – CIQ) (Turcotte et al., 2019), где более высокие баллы указывают на большую независимость и интеграцию в общество. Все опросники обладают хорошими психометрическими характеристиками [3, 24, 25, 26].

Программа арт-терапии

Арт-терапевтическое вмешательство проводилось в Монреальском музее изящных искусств (МВАМ) два раза в месяц и включало в общей сложности 7 посещений. Во время каждого трёхчасового посещения участники участвовали в часовой сессии с арт-терапевтом, рассматривая произведения искусства на различные темы, такие как цвет, эмоции и образ тела. Темы и связанные с ними

произведения искусства выбирались арт-терапевтом с целью воздействия на изучаемые психосоциальные переменные.

Во время просмотра произведений искусства арт-терапевт обсуждал произведения искусства с участниками и предлагал им поделиться своими чувствами по поводу произведения искусства, связанными с темой. Затем участники проходили двухчасовой мастер-класс по рисованию на бумаге с использованием угля, акварели, гуаши, пастели, фломастеров и карандашей. Участники могли свободно выбирать предпочитаемые художественные средства, чтобы отразить то, что они пережили, увидев произведения искусства. У них таким образом была возможность выразить свои эмоции вместе с группой под руководством арт-терапевта.

Целесообразность программы арт-терапии оценивалась с точки зрения удержания интереса и приверженности пациентов посещению занятий. Показатель удержания интереса рассчитывался как отношение количества участников, завершивших исследование, к количеству участников, набранных в начале (%). Приверженность рассчитывалась путем усреднения количества сеансов, посещенных каждым участником, по общему количеству запланированных визитов. Оба показателя являлись ключевыми показателями осуществимости, поскольку они отражали готовность и способность участников завершить программу в соответствии с планом.

После завершения программы проводились индивидуальные полуструктурированные интервью и фокус-групповое интервью. Методика по проведению индивидуальных интервью состояла из двух разделов. Раздел 1 касался восприятия опыта интервенции («Расскажите о вашем опыте участия в программе арт-терапии»), влияния интервенции на психосоциальные переменные («Расскажите о влиянии программы арт-терапии на психосоциальные переменные») и самой интервенции (4 вопроса. Например,

«Оправдала ли программа арт-терапии ваши ожидания?»). Раздел 2 касался группового аспекта: участники получали ответы на вопросы о том, насколько им нравилось быть частью группы, как они воспринимали взаимодействие с группой, что они думают о социальном аспекте групповых встреч и как они оценивают арт-терапевта. Интервью проводил сотрудник исследовательской группы Университета Макгилла, и длились от 16 до 50 минут.

Руководство для фокус-группы включало вопросы о целесообразности предлагаемого вмешательства, его продолжительности, частоте и возможных трудностях. Оно длилось полтора часа. Занятие проводили сотрудник исследовательской группы и арт-терапевт. В ходе индивидуальных и фокус-групповых интервью использовались открытые вопросы, побуждающие участников к общей обратной связи, а также более узкие вопросы для оценки конкретных аспектов их жизненного опыта. Интервью проводились на французском языке, чтобы обеспечить спонтанность и свободные ответы участников, и позже переводились на английский язык для дальнейшего анализа.

Достоверность

Исследовательская группа имела обширный опыт в применении как количественных, так и качественных методов исследования. Кроме того, для качественной части исследования, чтобы снизить возможное влияние предвзятости исследователей, координатор исследования проводил интервью, расшифровку, проверку точности и качественный анализ данных, используя модифицированную версию шестифазной модели тематического анализа Брауна и Кларка [7].

Для количественных данных использовались описательные статистические показатели (среднее значение, стандартное отклонение, размах) для характеристики выборки с точки зрения социально-демографических показателей и исходных баллов опросников. Статистический анализ проводился

с использованием Prism Statistics 8 (GraphPad Software, LLC). Для сравнения изменений психосоциальных переменных с вмешательством использовались ранговые тесты знаков Вилкоксона. Уровень значимости был установлен на уровне $p = 0,05$.

Качественный анализ данных проводился с использованием NVivo 11 для Windows. Качественный анализ позволил выявить темы, которые отражали данные без потенциального влияния теоретических интересов исследователей или ранее существовавшей кодировочной рамки. Интерпретативный акцент делался на семантических, или эксплицитных, темах в наборе данных [7]. Темы представляли различные аспекты исследовательского вопроса (настроение, образ тела, самооценка и социальная активность). Подтемы разрабатывались с использованием открытого кодирования и индуктивного подхода, основанного на содержательных ответах участников. Для итеративного процесса уточнения различных подтем, которые содержались в кодах, используемых для фиксации шаблонных значений в наборе данных, использовался рефлексивный тематический анализ. Это привело к созданию новых кодов и модификации некоторых существующих для лучшего представления характерных черт участников, связанных с исследовательскими вопросами во время сессий.

Результаты

Программа арт-терапии в музее оказалась осуществимой. Уровень удержания интереса участников составил 77%. 7 участников, завершивших исследование, посетили в среднем 6 из 7 визитов, что соответствует уровню приверженности к вмешательству 84%. После вмешательства существенных изменений во всех анкетах значимых изменений не наблюдалось ($p > 0,13$), однако в ходе интервью с участниками было выявлено пять тем, связанных с влиянием вмешательства на настроение, самооценку, образ тела и социальную активность. В целом, результаты свидетельствуют о том, что арт-терапия в музее

может субъективно улучшить психологическое состояние людей в хронической фазе инсульта.

Было выявлено, что после вмешательства баллы по депрессии в целом снижаются, баллы по самооценке немного повышаются у большинства участников, тогда как баллы по образу тела и интеграции в общество изменяются минимально.

После вмешательства отмечено некоторое снижение выраженности симптомов депрессии (средний балл до вмешательства 6,6, средний балл после вмешательства 4,2; $p = 0,13$). Это снижение подтверждалось результатами индивидуальных интервью, в которых участники сообщали, что вмешательство положительно повлияло на их настроение, снизив уровень стресса, способствуя спокойствию, регуляции эмоций и отвлекая от чувства стресса ($n = 7$). Один из участников отметил, что вмешательство «(...) позволило мне стать спокойнее и смотреть на вещи более позитивно», в то время как другой участник заявил: «Заниматься арт-терапией просто приятно (...), это помогло снизить стресс». Другим способом, которым вмешательство, по-видимому, оказало положительное влияние на настроение участников, было облегчение выражения эмоций ($n = 7$). Ответы варьировались от: «Нам это нужно (...) для самовыражения, пусть даже через рисунок» и: «Я обнаружил, что [интервенция] - отличный способ выразить эмоции», до признаний, таких как: «она принесла мне радость и освобождение». Четыре участника описали влияние интервенции на настроение, выделив подтемы надежды и стойкости. Например, один из них отметил: «(...) Я видел себя деревом, подобным дубу — крепким, которое сопротивляется ветру, но не ломается. Я нашёл в себе силы».

У шести участников были положительные эмоциональные реакции на управляемый просмотр произведений искусства в рамках интервенции. Среди них были «радость» или «счастье» ($n = 3$) и «удивление» ($n = 2$), хотя некоторые

произведения искусства также вызывали тревожные эмоции ($n = 3$). Примечательно, что три участника отметили, что их опыт участия в программе продолжал положительно влиять на их настроение после последнего семинара, вдохновляя на творческое самовыражение дома и восстанавливая связь с положительными эмоциями, вспоминая увиденные произведения искусства.

После программы изменений объективных показателей самооценки (в баллах FCSES) не наблюдалось ($p = 0,59$). Тем не менее, 86% участников сообщили о положительном влиянии программы на их самооценку во время интервью. Они отметили, что программа способствовала полезному самопониманию ($n = 5$) и помогла повысить уверенность в себе ($n = 6$). Ответы на программу варьировались от очевидных улучшений в самопринятии до: «Мне это помогло... Я никогда не участвовал ни в чём подобном... Я абсолютно ничего не знаю. Я чувствовал себя глупо, потому что ничего не знал, но я сказал себе: «Хорошо — ладно, я ничего не знаю, но это нормально, пора учиться!» до: «это мгновенно и неизменно поднимает мне самооценку».

В то время как двое участников прямо заявили, что вмешательство никак не повлияло на их самооценку, один из них, во всяком случае, отметил улучшение способностей. Как сообщили шесть из семи участников, это может быть связано с положительными изменениями в воспринимаемых способностях ($n = 4$) и стандартах личной эффективности ($n = 2$). Например, один из участников размышлял о снижении стандартов своей эффективности: «Благодаря арт-терапии... мой разум открылся к тому, что не так уж важно создавать вещи, которые должны соответствовать критериям оценки. Это не соревнование... это удовольствие от жизни». Это говорит о том, что вмешательство оказывает положительное влияние на самооценку.

Участники также описали восприятие искусства как стимулирующий значимый сдвиг в их восприятии себя и новых возможностях. Интересно, что

участие в групповой работе, по-видимому, опосредованно повлияло на самооценку как минимум у четырёх участников, которые сообщили о более позитивном самовосприятии благодаря ощущению поддержки со стороны группы.

Вмешательство не повлияло на восприятие тела (баллы BISS) ($p = 0,79$). 57% участников сообщили, что вмешательство не повлияло на их восприятие своего тела. С другой стороны, двое участников заявили, что вмешательство улучшило восприятие их тела, улучшив чувство благополучия и переосмыслив восприятие своих способностей. Действительно, творческий мастер-класс продемонстрировал, как участники всё ещё могут получать удовольствие от работы руками, несмотря на нарушения моторики. Комментарии, полученные от этих участников, позволяют предположить, что вмешательство могло косвенно повлиять на их восприятие тела, способствуя более широкому принятию своего тела таким, какое оно есть. Влияние вмешательства на социальную активность

Хотя никаких изменений в уровне социальной активности (CIQ) после вмешательства отмечено не было ($p = 0,79$), все участники отметили ценность группового опыта, а их ответы подчеркнули значимость социальной поддержки, полученной благодаря вмешательству. В ответах отмечалась положительная эмоциональная валентность чувства «воодушевления» ($n = 2$) и социальной связи с другими людьми, поделившимися своим опытом жизни с инсультом ($n = 3$).

В ходе фокус-группового интервью участники подчеркнули актуальность вмешательства на хронической стадии инсульта, а один из них отметил отсутствие альтернативных методов лечения на этой хронической стадии после инсульта. Все участники положительно отреагировали на организованный процесс посещения художественных выставок в музеях и творческих мастерских, организованных арт-терапевтом. Этот организованный процесс

обеспечивал спокойную обстановку ($n = 3$) и был информативным ($n = 3$), а участники чувствовали себя комфортно и ощущали поддержку ($n = 2$).

На вопрос, комфортно ли участникам обсуждать тему своего инсульта, двое участников выразили готовность к подробному обсуждению. Кроме того, двое участников поделились личными историями о своем инсульте, что говорит о том, что в безопасном пространстве те, кто хочет высказаться, могут это сделать и почувствовать поддержку. Что касается отзывов о продолжительности (семь трёхчасовых сеансов) и частоте (два раза в месяц) вмешательства, рекомендации участников соответствовали плану вмешательства: более длительные сеансы были бы слишком утомительными. Когда участникам предложили альтернативные форматы арт-терапии (например, просмотр произведений искусства в течение одной недели с творческим мастер-классом на следующей неделе или только творческий мастер-класс). Они выразили обеспокоенность по поводу состояния своей памяти, заявив, что им может быть сложно вспомнить, что они видели на прошлой неделе, для следующего художественного мастер-класса. Они также с энтузиазмом отнеслись к просмотру произведений искусства, порекомендовав в начале вмешательства ведущим начать обсуждение, чтобы понять интересы группы и адаптировать просмотр под их предпочтения, или же предоставить участникам возможность более самостоятельного просмотра (например, не выбирать одну картину, а позволить им исследовать весь зал).

Кроме того, участников спрашивали, испытывали ли они какие-либо трудности во время вмешательства. Ответы кодировались как эндогенные или внешние по отношению к человеку. К эндогенным проблемам относились подверженность физической усталости ($n = 5$), аффективная расторможенность и эмоциональная лабильность ($n = 2$), и нарушения памяти ($n = 4$). Несколько участников отметили, что вмешательство вызвало «полезную усталость» или

«хорошую усталость» ($n = 4$), предотвратив менее желательный результат – ничегонеделание дома, которое затмевалось «счастьем», испытываемым во время вмешательства.

Внешние факторы, включая время года и погоду, были упомянуты как существенные препятствия для всех участников. Например, в качестве возможных препятствий упоминались жара в разгар лета или обледеневшие тротуары зимой. Весна и осень были названы оптимальными сезонами для прохождения программы арт-терапии ($n = 4$), при этом участники в целом поддерживали идею завершения весенней программы в июне перед возможными летними каникулами. Наконец, участники получили оплату за проезд до музея, но, по их словам, этой компенсации было недостаточно для покрытия их усилий.

Обсуждение

В данном пилотном исследовании была определена осуществимость и изучено влияние арт-терапии в музее на психосоциальные последствия депрессии, самооценку, восприятие своего тела и интеграцию в общество у пациентов, перенесших хронический инсульт. Предлагаемая интервенция осуществима среди этой группы населения, при этом показатели удержания внимания на занятиях и приверженности к интервенциям составили 77% и 84% соответственно. Интервенция в музее предоставляла людям возможность получить максимальное удовольствие от процесса, не испытывая стресса. Участники также отметили, что присутствие арт-терапевта, направляющего процесс, является положительным фактором, что подтверждает результаты предыдущих исследований, посвященных положительному влиянию музея на проведение арт-терапевтических интервенций и их влиянию на психосоциальное восстановление в различных группах населения [11, 22, 27]. Таким образом, арт-терапия в музее может стать актуальным решением проблемы нехватки методов

лечения, доступных на хронической стадии после инсульта для улучшения самочувствия.

Хотя изменение баллов по BDAI после вмешательства не было значительным, визуальный осмотр данных показал улучшение симптомов депрессии. Кроме того, обратная связь, полученная в ходе индивидуальных интервью, указала, что арт-терапия улучшила настроение у всех участников за счет снижения стресса. Несколько исследований, использующих различные формы арт-терапии, продемонстрировали положительное влияние арт-терапии на улучшение настроения [1, 5, 17, 20] и эмоциональное благополучие [19] после инсульта. В частности, исследование Эллис-Хилл и соавторов [12] показало, что вмешательство «Искусства и здоровье» показало улучшения в пользу группы вмешательства по сравнению с группой обычного ухода в показателях настроения, благополучия и качества жизни.

Расхождение между отсутствием улучшения индекса депрессии (BDAI) в нашем исследовании и результатами предыдущих исследований может быть связано с тем, что мы набрали участников с низким уровнем симптомов депрессии, в отличие от участников с умеренным уровнем в других исследованиях [1, 5, 17, 20]. Однако отзывы, полученные от наших участников, подтвердили положительное влияние музейной арт-терапии на настроение даже после прекращения программы, когда большинство участников отметили, что дома они продолжают испытывать творческий подъем и положительные эмоции.

Кроме того, участники отметили, что программа создавала атмосферу, свободную от стресса, что отражало потенциальное изменение их исходного депрессивного настроения, и что они чувствовали поддержку и получали удовольствие от участия в программе. Индивидуальные интервью показали, что вмешательство эффективно повысило уверенность в себе, восприятие своих способностей и самопонимание, что подтверждает результаты других

исследований [5, 11]. Другое качественное исследование сообщило о положительном влиянии арт-терапии на самооценку у стационарных пациентов с инсультом, используя углубленное полуструктурированное интервью [19]. Отсутствие значимых результатов по FCSES в нашем исследовании может быть связано с небольшим размером выборки.

Участники сообщили, что предложенное нами вмешательство усилило их чувство социальной поддержки и связи, что подтверждает результаты предыдущих исследований [5, 19, 22]. Например, Бисли и соавторы [5] сообщили, что уверенность в себе и удовольствие от жизни достигались в основном благодаря социальной поддержке и социальному взаимодействию у пациентов, перенесших хронический инсульт [5, 23]. Хотя мы не обнаружили улучшения в социальной интеграции, участники сами сообщали о положительном влиянии вмешательства на социальное взаимодействие и поддержку, что подразумевает, что арт-терапия может играть значительную роль в содействии социальной интеграции после инсульта.

В данной работе обнаружено, что вмешательство может косвенно улучшить образ тела участников, влияя на их самооценку и принятие своего тела. Однако улучшения по шкале BISS после вмешательства не наблюдалось. Тем не менее, в недавнем исследовании изучалась эффективность протокола виртуальной арт-терапии в повышении самостоятельности пациентов с инсультом в их повседневной деятельности и функционировании верхних конечностей. Результаты исследования показали, что у группы пациентов, проходивших лечение в течение месяца по программе виртуальной арт-терапии, наблюдалось улучшение силы мышц верхних конечностей и повышение самостоятельности в повседневной жизни, что могло способствовать улучшению принятия ими своего образа тела и повышению самооценки [10].

Практическое применение

Программа арт-терапии в музее под руководством арт-терапевта, включающая посещение художественных выставок и творческие мастер-классы, подходит для пациентов, перенесших хронический инсульт, и может способствовать улучшению психосоциального благополучия и социальной активности. Однако, по словам участников, продолжительность сеансов не должна превышать 3 часов, чтобы избежать утомления, которое может негативно сказаться на общем эффекте арт-терапии.

Ограничения

Ряд ограничений мог повлиять на влияние вмешательства на участников. Поскольку это было пилотное исследование, использовалась небольшая выборка без контрольной группы. Кроме того, два участника не соответствовали нашим критериям включения в исследование по депрессии, но были включены в исследование из-за сложностей с набором участников с лёгкой или умеренной депрессией. Таким образом, учитывая небольшой размер выборки и риск совершения ошибок, выявление значимого влияния вмешательства на психосоциальные исходы было затруднено, что также привело к низкой статистической показательности положительных эффектов. Нашей главной целью была оценка осуществимости предлагаемого нами вмешательства, а не получение статистически значимых результатов его влияния на психосоциальные эффекты. Собранные данные послужат для определения необходимого размера выборки для будущего более масштабного исследования.

Кроме того, эффект нашего вмешательства оценивался только сразу после него, и не проводилась ни еженедельная, ни долгосрочная оценка для оценки степени улучшения в результате вмешательства. В будущих исследованиях может быть рассмотрено продление оценки до нескольких месяцев после

вмешательства и расширение методов для изучения того, могут ли эффекты распространяться на повседневную деятельность.

Поскольку на исходном уровне у участников наблюдались лишь незначительные симптомы депрессии, оценка изменения уровня счастья после арт-терапии в музее также может представлять интерес для анализа. Наконец, текущий уровень приверженности составил 84%. Сообщается, что график вмешательства имеет решающее значение для посещения сеансов, а также для обеспечения эффектов. Поэтому мы предлагаем проводить вмешательство весной или осенью, чтобы избежать пропусков из-за плохой погоды и обеспечить транспорт или выплату большей компенсации.

Заключение

Люди, перенесшие инсульт, часто испытывают психосоциальные проблемы. Важное значение имеет предоставление немедикаментозных методов, помогающих минимизировать негативное влияние этих проблем на качество жизни после инсульта, но в литературе этому вопросу уделено недостаточно внимания. Данное исследование подчеркивает осуществимость и преимущества арт-терапии в музее для психосоциального статуса людей в хронической фазе инсульта. Результаты качественного анализа свидетельствуют о том, что вмешательство может быть эффективным для улучшения настроения, самооценки, восприятия собственного тела и социальной активности. Однако для подтверждения полученных результатов и дальнейшего обоснования использования арт-терапии в лечении психосоциальных последствий инсульта требуется более крупная выборка.

Литература/References:

1. Alwledat K., Al-Amer R., Ali A. M., Abuzied Y., Adnan Khudeir F., Alzahrani N. S., Alshammari, S. R., AlBashtawy M., Thananayagam T., & Dehghan M. Creative art therapy for improving depression, anxiety, and stress in patients with

stroke: A quasi-interventional study // SAGE Open Nursing. – 2013. – №9. 23779608231160473. <https://doi.org/10.1177/23779608231160473>

2. Arntzen C., Borg T., & Hamran T. Long-term recovery trajectory after stroke: An ongoing negotiation between body, participation and self // Disability and Rehabilitation. – 2015. – Vol. 37, №18. – pp. 1626–1634. <https://doi.org/10.3109/09638288.2014.972590>

3. Bardi L., Arnaud C., Bagès C., Langlois F., & Rousseau A. Translation and validation of a state-measure of body image satisfaction: the body image state scale // Frontiers in Psychology. – 2021. – №12, 724710. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.724710>

4. Baumann M., Peck S., Collins C., & Eades G. The meaning and value of taking part in a person-centred arts programme to hospital-based stroke patients: Findings from a qualitative study // Disability and Rehabilitation. – 2013. – Vol.35, №3. – p. 244–256. <https://doi.org/10.3109/09638288.2012.694574>

5. Beesley K., White J. H., Alston M. K., Sweetapple A. L., & Pollack M. Art after stroke: The qualitative experience of community dwelling stroke survivors in a group art programme // Disability and Rehabilitation. – 2011. – Vol. 33, №2. – 2346–2355. <https://doi.org/10.3109/09638288.2011.571333>

6. Borson S., Scanlan J., Brush M., Vitaliano P., & Dokmak A. The mini-cog: A cognitive ‘vital signs’ measure for dementia screening in multi-lingual elderly // International Journal of Geriatric Psychiatry. – 2000. – Vol.15. №11. – pp. 1021–1027. [https://doi.org/10.1002/1099-1166\(200011\)15:11](https://doi.org/10.1002/1099-1166(200011)15:11)

7. Braun V., & Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3. №2. – p. 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>

8. Collet L., & Cottraux J. The shortened Beck depression inventory (13 items). Study of the concurrent validity with the Hamilton scale and Widlöcher's retardation scale // *L'Encephale*. – 1986. – Vol. 12, №2. – pp. 77–79.
9. Corbière M., & Larivière N. *Méthodes qualitatives, quantitatives et mixtes*, 2e édition: Dans la recherche en sciences humaines, sociales et de la santé. – PUQ, 2020.
10. De Giorgi R., Fortini A., Aghilarre F., Gentili F., Morone G., Antonucci G., Vetrano M., Tieri G., & Iosa M. Virtual art therapy: Application of Michelangelo effect to neurorehabilitation of patients with stroke // *Journal of Clinical Medicine*. – 2023. – Vol. 12, №7. – 2590. <https://doi.org/10.3390/jcm12072590>
11. Dejkameh Reyhani M., & Shipps R. From please touch to ArtAccess: The expansion of a museum-based art therapy program // *Art Therapy*. – 2018. – Vol. 35, №4. – pp. 211–217. <https://doi.org/10.1080/07421656.2018.1540821>
12. Ellis-Hill C., Thomas S., Gracey F., Lamont-Robinson C., Cant R., Marques E. M. R., Thomas P. W., Grant M., Nunn S., Paling T., Thomas C., Werson A., Galvin K. T., Reynolds F., & Jenkinson D. HeART of Stroke: Randomised controlled, parallel-arm, feasibility study of a community-based arts and health intervention plus usual care compared with usual care to increase psychological well-being in people following a stroke // *BMJ Open*. – 2019. – Vol. 9, №3. e021098. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2017-021098>
13. Eum Y., & Yim J. Literature and art therapy in post-stroke psychological disorders // *The Tohoku Journal of Experimental Medicine*. – 2015. – Vol. 35, №1. – pp. 17–23. <https://doi.org/10.1620/tjem.235.17>
14. Ferber S., & Karnath H. O. (2001). How to assess spatial neglect–line bisection or cancellation tasks? // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. – 2001. – Vol. 23, №5. – p. 599–607. <https://doi.org/10.1076/jcen.23.5.599.1243>

15. Hackett M. L., Köhler S., O'Brien J. T., & Mead G. E. Neuropsychiatric outcomes of stroke // *The Lancet. Neurology*. – 2014. – Vol. 13, №5. – pp. 525–534. [https://doi.org/10.1016/s1474-4422\(14\)70016-x](https://doi.org/10.1016/s1474-4422(14)70016-x)
16. Harb, A., & Kishner, S. Modified Ashworth scale // *StatPearls*. – 2020. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/32119459>(open in a new window)
17. Kongkasuwan R., Voraakhom K., Pisolayabutra P., Maneechai P., Boonin J., & Kuptniratsaikul V. Creative art therapy to enhance rehabilitation for stroke patients: A randomized controlled trial // *Clinical Rehabilitation*. – 2016. – Vol. 30, №10. – pp. 1016–1023. <https://doi.org/10.1177/0269215515607072>
18. Lo T. L. T., Lee J. L. C., & Ho R. T. H. Creative arts-based therapies for stroke survivors: A qualitative systematic review // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – №9. – 1646. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01646>
19. Morris J., Toma M., Kelly C., Joice S., Kroll T., Mead G., & Williams B. Social context, art making processes and creative output: A qualitative study exploring how psychosocial benefits of art participation during stroke rehabilitation occur // *Disability and Rehabilitation*. – 2016. – Vol. 38, №7. – pp. 661–672. <https://doi.org/10.3109/09638288.2015.1055383>
20. Nayak S., Wheeler B. L., Shiflett S. C., & Agostinelli S. Effect of music therapy on mood and social interaction among individuals with acute traumatic brain injury and stroke // *Rehabilitation Psychology*. – 2000. – Vol. 45, №3. – pp. 274–283. <https://doi.org/10.1037/0090-5550.45.3.274>
21. Richardson M., Campbell N., Allen L., Meyer M., & Teasell R. The stroke impact scale: performance as a quality of life measure in a community-based stroke rehabilitation setting // *Disability and Rehabilitation*. – 2016. – Vol. 38, № 4. – pp. 1425–1430. <https://doi.org/10.3109/09638288.2015.1102337>

22. Rochford J. Art therapy and art museum education: A visitor-focused collaboration // *Art Therapy*. – 2017. – Vol. 34, №4. – pp. 209–214. <https://doi.org/10.1080/07421656.2017.1383787>
23. Sit J. W., Chan A. W., So W. K., Chan C. W., Chan A. W., Chan H. Y., Fung O. W., & Wong E. M. Promoting holistic well-being in chronic stroke patients through leisure art-based creative engagement // *Rehabilitation Nursing*. – 2017. – Vol. 42. №2. – pp. 58–66. <https://doi.org/10.1002/rmj.177>
24. Turcotte S., Beaudoin M., Vallée C., Vincent C., & Routhier F. Psychometric properties of the Community Integration Questionnaire: A systematic review of five populations // *Clinical Rehabilitation*. – 2019. – Vol. 33, №11. – pp. 177–187. <https://doi.org/10.1177/0269215519867998>
25. Vallieres E. F., & Vallerand R. J. Traduction et validation canadienne-française de l'échelle de l'estime de soi de Rosenberg // *International Journal of Psychology*. – 1990. – Vol. 25, №2. – pp. 305–316. <https://doi.org/10.1080/00207599008247865>
26. Wang Y.-P., & Gorenstein C. Psychometric properties of the Beck Depression Inventory-II: A comprehensive review *Revista Brasileira de Psiquiatria* (Sao Paulo, Brazil: 1999). – 2013. – Vol. 35, №4. – pp. 416–431. <https://doi.org/10.1590/1516-4446-2012-1048>
27. Wei Z., Zhong C., & Gao Y. Art therapy practices in museum education: A mini review // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 13, №2. 1075427. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1075427>
28. World Stroke Organization. Global stroke fact sheet 2022. Retrieved from https://www.world-stroke.org/assets/downloads/WSO_Global_Stroke_Fact_Sheet.pdf(open in a new window)

КОРНИ И ВЕТВИ АРТ-ТЕРАПИИ: ИСТОРИЯ ИСЦЕЛЯЮЩЕГО ИСКУССТВА

Аскарова Р.И.

*Кафедра инфекционных болезней, эпидемиологии и фтизиатрии.
Ургенчский государственный медицинский институт,
Республика Узбекистан, г. Ургенч*

Аннотация. В статье представлен анализ исторического становления арт-терапии как интегративного направления психотерапии, ориентированного на лечение и реабилитацию пациентов с различными заболеваниями. Рассмотрены предпосылки возникновения метода, связанные с развитием психиатрии, психоанализа и авангардного искусства. Выделены основные этапы институционализации арт-терапии в Великобритании и США, а также особенности ее развития в Узбекистане. Особое внимание уделено современным исследованиям нейробиологических механизмов терапевтического воздействия искусства, включая реконфигурацию нейросетей и межнейрональную синхронизацию. Показана эволюция понимания исцеляющего потенциала творчества: от сублимации и отвлечения до структурированного психотерапевтического процесса с доказанной эффективностью в онкологии, неврологии и психиатрии.

Ключевые слова: арт-терапия, история психотерапии, реабилитация, нейроэстетика, творческое самовыражение, психические расстройства, психоонкология.

ROOTS AND BRINGS OF ART THERAPY: HISTORY OF HEALING ART

Askarova R.I.

*Department of Infectious Diseases, Epidemiology
and Phthisiology.*

Urgench State Medical Institute, Republic of Uzbekistan, Urgench

Abstract. The article presents an analysis of the historical development of art therapy as an integrative branch of psychotherapy focused on the treatment and rehabilitation of patients with various diseases. The article examines the prerequisites for the emergence of the method, which are related to the development of psychiatry, psychoanalysis, and avant-garde art. The article highlights the main stages of the institutionalization of art therapy in the UK and the USA, as well as the specific features of its development in Uzbekistan. Special attention is given to modern research on the neurobiological mechanisms of the therapeutic effects of art, including the reconfiguration of neural networks and interneuronal synchronization. The evolution of understanding the healing potential of creativity is shown: from sublimation and distraction to a structured psychotherapeutic process with proven effectiveness in oncology, neurology, and psychiatry.

Keywords: art therapy, history of psychotherapy, rehabilitation, neuroaesthetics, creative self-expression, mental disorders, psycho-oncology.

Введение

Интерес к использованию искусства в целях исцеления имеет глубокие исторические корни, однако оформление арт-терапии в самостоятельную научную дисциплину и клиническую практику произошло лишь в середине XX века. Сегодня арт-терапия представляет собой междисциплинарную область, объединяющую психологию, медицину, педагогику и искусствоведение. В зарубежной традиции под арт-терапией понимается узкое направление, использующее изобразительные искусства (живопись, графику, скульптуру), тогда как терапия искусствами (arts-therapy) включает также музыкотерапию, танцевально-двигательную и драматерапию [3, с. 123-124; 7]. В Узбекистане термин «арт-терапия» часто употребляется в более широком значении, что связано с особенностями исторического развития метода [3].

Цель данной статьи - проследить эволюцию арт-терапии от первых интуитивных попыток применения искусства в лечебных учреждениях до современной модели, интегрирующей психотерапевтические подходы и нейробиологические исследования.

Предпосылки зарождения арт-терапии

Истоки арт-терапии связаны с несколькими взаимосвязанными процессами, происходившими в конце XIX — первой половине XX века. Во-первых, это развитие психиатрии и интерес к творчеству душевнобольных. Врачи-психиатры начали обращать внимание на рисунки пациентов, видя в них не только диагностический материал, но и проявление внутреннего мира, недоступного вербальному выражению [7]. Публикации таких работ, как «Психиатрическое искусство» (1922) и «Психиатрия и искусство» (1923), заложили основу для понимания связи между творчеством и психическими процессами.

Во-вторых, важную роль сыграли идеи психоанализа. З. Фрейд, используя рисунки пациентов для анализа сновидений и бессознательных конфликтов, продемонстрировал, что визуальный образ может служить доступом к глубинным слоям психики [1; 7]. К.Г. Юнг пошел дальше, систематически используя рисование мандал для самоисследования и терапии. Он рассматривал спонтанное рисование как проявление процесса индивидуализации, а архетипические символы - как универсальный язык коллективного бессознательного [7]. Аналитическая психология Юнга стала одним из концептуальных фундаментов арт-терапии [1].

В-третьих, развитие авангардного искусства, особенно интерес к «примитивному», «детскому» и «душевнобольному» творчеству, разрушило академические представления о ценности художественного произведения. Художники-экспрессионисты, сюрреалисты и представители «ар брют» (Ж.

Дюбюффе) искали непосредственное выражение внутреннего мира, что создало культурный контекст для признания терапевтической ценности спонтанного творчества [7].

Становление арт-терапии в середине XX века

Официальное рождение арт-терапии связывают с деятельностью британского художника Адриана Хилла. В 1938 году, находясь на лечении от туберкулеза в санатории Мидхарст, он обнаружил, что рисование помогает ему справиться с болезнью. В 1939 году Хилл начал преподавать живопись другим пациентам, включая раненых солдат, вернувшихся с фронта. Он заметил, что творчество не просто отвлекает, но позволяет выразить травматические переживания. В 1942 году Хилл впервые употребил термин «арт-терапия», а в 1945 году опубликовал книгу «Искусство против болезней» [1].

Параллельно развивалась практика художественных студий в психиатрических больницах. В 1946 году художник Эдвард Адамсон начал работать в лондонской больнице Нетерн, организовав студию, где пациенты могли свободно заниматься творчеством. Адамсон не интерпретировал их работы, но создавал атмосферу, способствующую самовыражению. Пациенты отмечали, что его присутствие и созданная им «умиротворенная атмосфера» позволяли выразить подавленные идеи [6].

Значительный вклад внесли Ирена и Джилберт Чампернон, создавшие в 1941 году Уитмидский центр — уникальное терапевтическое сообщество, где искусство, ремесла и музыка стали неотъемлемой частью лечения. Их подход сочетал идеи аналитической психологии Юнга с демократичной организацией жизни пациентов, что стало прообразом современных терапевтических сообществ [6].

В США развитие арт-терапии пошло по двум путям. Маргарет Наумбург, опиравшаяся на психоанализ, рассматривала искусство как средство выражения

бессознательного и интерпретировала рисунки пациентов в психоаналитическом ключе. Эдит Крамер, напротив, делала акцент на целительной силе самого творческого процесса. Она считала, что сублимация через искусство позволяет трансформировать деструктивные импульсы в социально приемлемые формы [3; 7].

Ключевым событием стало создание Британской ассоциации арт-терапевтов (БААТ) в 1964 году и Американской ассоциации арт-терапии (ААТА) в 1969 году [1; 7]. Это ознаменовало институциональное признание профессии, разработку стандартов образования и этических норм.

Современные исследования эффективности и механизмов действия

В XXI веке арт-терапия активно интегрируется в доказательную медицину. Количественный анализ публикаций в базе Web of Science за 2005–2024 годы демонстрирует фазовый рост числа исследований: от периода зарождения через стабильное накопление к фазе быстрого развития после 2015 года [2]. Географически лидируют США и Великобритания, обеспечивающие 63% ключевых публикаций [2].

Современные исследования подтверждают эффективность арт-терапии при широком спектре заболеваний:

- **В психиатрии:** снижение продуктивной и негативной симптоматики при шизофрении, улучшение социального функционирования и укрепление чувства идентичности [4; 9].

- **В психосоматике и онкологии:** контролируемые исследования показывают, что рисование мандал снижает уровень тревоги и улучшает эмоциональное благополучие у пациентов с гинекологическим раком в периоперационном периоде [5].

• **В неврологии:** применение арт-терапии у пациентов, перенесших инсульт, способствует коррекции психоэмоционального состояния и когнитивных нарушений [10].

Особый интерес вызывают исследования нейробиологических механизмов арт-терапии. Современные модели описывают действие метода на трех уровнях: нейробиологическом, психологическом и культурном [4; 9]. С помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) установлено, что изобразительное творчество реконфигурирует работу крупных нейросетей мозга: сети пассивного режима (DMN), отвечающей за самореферентное мышление и автобиографическую память; сети салиентности (SEN), связанной с эмоциональной регуляцией; и центральной исполнительной сети (CEN), обеспечивающей когнитивный контроль [9]. Терапия способствует переходу от ригидных, патологических паттернов активности к более гибкой и интегрированной функциональной архитектуре [9].

Кроме того, в процессе арт-терапии наблюдается межнейрональная синхронизация (INS) между терапевтом и клиентом, что отражает формирование эмпатической связи и психотерапевтического альянса на нейробиологическом уровне [9]. Эти данные подтверждают, что арт-терапия не является лишь методом «отвлечения», но представляет собой структурированное вмешательство, изменяющее активность мозга и способствующее интеграции травматического опыта.

Дискуссионные вопросы и перспективы развития

Несмотря на очевидные успехи, развитие арт-терапии сталкивается с рядом вызовов. Дискуссионным остается терминологическое разграничение «арт-терапии» как узкого направления (изобразительное искусство) и «терапии искусствами» как обобщающего понятия. Как отмечает А.И. Копытин, в

международной практике эти различия закреплены организационно, тогда как в Узбекистане сохраняется терминологическая неопределенность [6].

Второй проблемой является необходимость стандартизации образовательных программ и критериев оценки эффективности. Если в Великобритании и США арт-терапевты проходят многоуровневую последипломную подготовку, то в Узбекистане подготовка специалистов носит фрагментарный характер, а метод часто используется психологами без клинической подготовки [3].

Перспективные направления развития включают: углубление кросс-культурных исследований, учитывающих специфику символического выражения в разных культурах; разработку стандартизированных протоколов арт-терапии для конкретных нозологических групп; интеграцию с технологиями виртуальной реальности и цифровым искусством; а также расширение доказательной базы за счет рандомизированных контролируемых исследований [2; 4].

Заключение

История развития арт-терапии представляет собой путь от интуитивных практик применения искусства в лечебных учреждениях к институционализированной профессии с солидной теоретической базой и доказанной эффективностью. Возникнув на пересечении психиатрии, психоанализа и авангардного искусства, арт-терапия впитала идеи сублимации, символического выражения и творческой активности как факторов исцеления. Современный этап характеризуется интеграцией метода в клиническую практику, расширением спектра применения (от психиатрии до онкологии и неврологии) и углубленным изучением нейробиологических механизмов. Для Узбекистане актуальными задачами остаются институциональное оформление профессии, развитие системы подготовки специалистов и проведение

качественных исследований эффективности метода в различных клинических контекстах.

Литература/References:

1. Костылева, В. А. Понятие и сущность арт-терапии / В. А. Костылева // Исследования молодых ученых : материалы XIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2024 г.). — Казань : Молодой ученый, 2024. — С. 72-76.
2. Xie, Y. An overview of the integration and development trends between arts and psychotherapy / Y. Xie, X. Sun // Frontiers in Psychology. — 2025. — Vol. 16. — Art. 1617700. — DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1617700.
3. Сидорова, В. В. Образование в области терапии искусствами в Узбекистане и за рубежом / В. В. Сидорова // Консультативная психология и психотерапия. — 2005. — Т. 13, № 4.
4. Рахимов А. К., Рахимова Г.К. и др. Арт терапия и исследование стилей литературных авторов с применением в творчестве и в живописи темы туберкулеза //Журнал Научный аспект-2024 год. – 2024. – Т. 38. – №. 4. – С. 4944.
5. Kucukkaya, B. Mandala Painting on Perioperative Psychological Well-being, Emotional Self-Efficacy, Anxiety / B. Kucukkaya // Trakya University, 2025. — ID NCT07444593.
6. Копытин, А. И. Актуальные вопросы теории и практики групповой арт-терапии / А. И. Копытин // Консультативная психология и психотерапия. — 2005. — Т. 13, № 4.
7. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головки О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.

8. Сучилин, А. А. Арт-терапия как культурный феномен / А. А. Сучилин // Консультативная психология и психотерапия. - 2005. -Т. 13, № 4.

9. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с. Рузов, В. И. Арт-терапия в коррекции психоэмоционального состояния пациентов, перенёсших острое нарушение мозгового кровообращения, на этапе медицинской реабилитации / В. И. Рузов, К. А. Сайфутдинов, О. Н. Вылегжанина, Д. В. Колчин // Вестник медицинского института «РЕАВИЗ». Реабилитация, Врач и Здоровье. — 2024. - Т. 14, № 1. - С. 129-133. - DOI: 10.20340/vmi-rvz.2024.1.PSY.1.

АРТ-ТЕРАПИЯ В КОМПЛЕКСНОМ ЛЕЧЕНИИ ТУБЕРКУЛЁЗА

Аскарова Р. И.

*Кафедра инфекционных болезней, фтизиатрии и эпидемиологии
Ургенчский филиал Ташкентской медицинской академии,
Республика Узбекистан, г. Ургенч*

Аннотация. Арт-терапия – это один из методов психологической работы. Когда возможности искусства используются для достижения положительных изменений в развитии человека. Больной туберкулезом может отражать свой внутренний мир в визуальных образах, что помогает избавиться от многих негативных процессов, таких как страх, тревога, неприятные переживания.

Ключевые слова: туберкулез, арт терапия, исцеление, художественное творчество, лечение, метод.

ART THERAPY IN THE COMPLEX TREATMENT OF TUBERCULOSIS

Askarova R. I.

*Department of Infectious Diseases, Phthysiology and Epidemiology
Urgench Branch of the Tashkent Medical Academy,
Republic of Uzbekistan, Urgench*

Abstract. Art therapy is one of the methods of psychological work. When the possibilities of art are used to achieve positive changes in human development. A patient with tuberculosis can reflect his inner world in visual images, which helps to get rid of many negative processes, such as fear, anxiety, unpleasant experiences.

Keywords: tuberculosis, art therapy, healing, art, treatment, medical, methods.

Актуальность.

Занятия творчеством отвлекают его пациентов от тяжелых переживаний и помогают справляться с болезнью [1]. Арт-терапия применяется во всех видах терапевтических занятий искусством музыкотерапия, сказкотерапия, драматерапия [2]. Приемы арт-терапии позволяют уменьшать психоэмоциональное напряжение [3]. Также уменьшает раздражительность и повышают жизненный тонус [4]. В настоящее время арт-терапия широко используется в клиниках в работе с больными людьми [5], так и в сочетании с другими методами психотерапии, так и в качестве самостоятельной формы психологической помощи [6]. Предоставляя возможность самовыражения и самопознания, арт-терапия помогает больному человеку обрести гармонию [7, 8]. Кроме того, она дает социально приемлемый выход негативным чувствам.

Арт-терапия – естественный метод исцеления человеческой души через художественное творчество, поэтому ее можно использовать в работе с онкологическими больными. Развитие в человеке творческих способностей, раскрытие его внутренних возможностей помогает человеку обретать свою личностную силу и целостность для решения возникающих проблем со

здоровьем. В ряде работ показано, что в онкологии арт-терапия уменьшает выраженность эмоциональных расстройств, способствует активизации внутренних резервов человека, улучшает качество жизни. Из общего числа видов арт-терапии нами чаще используется работа с рисунком. Этот вид искусства является наиболее безопасным способом снятия напряжения: внутренние переживания человеку порой легче выразить с помощью зрительных образов, а не просто в разговоре с психологом. Следует заметить, что для некоторых людей вообще очень сложно говорить о своих проблемах, и только посредством рисунка пациент способен выразить себя, свои чувства и свое состояние. Поэтому задача психолога – предоставить возможность выразить себя каждому онкологическому пациенту.

Сегодня существует довольно много различных способов и техник работы с рисунком. Как показывает наш практический опыт, наиболее эффективны следующие методики индивидуальной работы с рисунком: «здоровье» и «болезнь», «автопортрет», «настроение», дерево жизни. Арт-терапия онкологическим больным осуществляется в несколько этапов. На 1-м этапе решаются социально-коммуникативные задачи: необходимость преодоления сопротивления, связанного с распространенным комплексом «неумения рисовать». На 2-м этапе, когда пациент преодолевает смущением перед непривычным занятием, что, как правило, определяется по уменьшению формальности в работе, следует приступать к непосредственному решению терапевтических задач. В начале работы целесообразно выдвигать тему для рисования, в дальнейшем активность предоставляется самому пациенту. Темы могут охватывать различные области жизни человека, в том числе и до болезни.

На следующем этапе в центре внимания психолога оказывается не само произведение, а личность его автора: его интерес к работе, предположения и комментарии по заданной теме, его эмоции. В завершении непосредственно

после окончания рисования происходит обсуждение работы. Дискуссия начинается в форме вопросов психолога, чтобы понять, что говорит этим рисунком автор.

Цель и задачи исследования: стимуляция дискуссии и использование информации, полученной в ходе занятия рисованием больных туберкулезом. Через цветовую гамму рисунка больные выражают свое эмоциональное состояние, боль, тревогу, страх. Благодаря этому техники арт-терапии помогают пациенту открыто проявлять свои чувства и переживания, способствуют отреагированию негативных чувств, агрессии социально приемлемыми способами, позволяют изменить иррациональные установки поведения, взять на себя контроль над ходом лечения, жизненными решениями и взаимоотношениями.

Материал и методы исследования

В нашем исследовании приняли участие 112 больных в возрасте от 12 до 34 лет, которые проходили лечение хирургическое, химиотерапевтическое и/или лучевое, которым параллельно проводилась психологическая реабилитация больных с использованием арт-терапии. С каждым пациентом было проведено 5 индивидуальных занятий по арт-терапии продолжительностью от 45 до 60 мин. Для выявления расстройств эмоциональной сферы применяли госпитальную шкалу тревоги и депрессии. Психологическое тестирование осуществляли до и после курса арт-терапии.

При интерпретации результатов учитывался суммарный показатель по каждой шкале, при этом выделяли 3 области его значений: 0–7 баллов – «норма» отсутствие достоверно выраженных симптомов тревоги и депрессии. 8–10 баллов – «субклинически выраженная тревога/депрессия». 10 баллов и более – «клинически выраженная тревога и депрессия». Для сравнительного анализа использовали параметрический t-критерий Стьюдента. В тексте представлены

средняя арифметическая величина и ошибка средней ($M \pm m$). Полученные результаты и их анализ По данным шкалы до и после арт-терапии отмечалось снижение уровня тревоги у обследованных нами больных соответственно с ($12,1 \pm 2,1$) до ($8,6 \pm 1,2$) балла. Достоверных различий указанных величин не обнаружено (t -Стьюдента = 1,47, $p > 0,05$). В то же время у больных после проведенного курса арт-терапии нами прослеживалась явная динамика улучшения самочувствия, уменьшения напряжения и изменения установки на болезнь.

Обсуждение и результаты исследования

Больные занимали более активную жизненную позицию, что уменьшало проявление депрессивного состояния, которое выявлено изначально у большинства больных. Качественный анализ тестирования показал, что депрессивная симптоматика различной степени выраженности в исходный период была отмечена у 94 (83,9 %) больных. После проведения курса арт-терапии статистически достоверно снизилось количество пациентов с высоким уровнем депрессивной симптоматики и увеличилось количество больных без депрессивной симптоматики.

Опыт работы убедительно свидетельствует об эффективности использования арт-терапии в работе с больными туберкулезом, причем было замечено, что арт-терапия особенно рекомендуется с больными, устойчивыми к другим психологическим методам коррекции. Арт-терапия снижает уровень тревоги и депрессии, активизируя внутренние резервы организма, способствует преодолению кризисной ситуации, связанной с болезнью, стимулирует принятие новой жизненной ситуации, что, в конечном итоге, улучшает качество жизни больного.

Заключение

Арт-терапия может использоваться в комплексной реабилитации туберкулезных больных. Арт терапия – терапия с помощью различных видов искусства, одно из современных направлений психотерапии. Арт-терапия в настоящее время становится все более и более популярным. Арт-терапия стремительно развивающееся направление современной психотерапии, привлекающим к себе все большее внимание во всем мире.

Литература/References:

1. Алиева П.Р., Машарипова Ф.Р. Особенности течения железодефицитной анемии у туберкулезных больных. - Вестник науки и образования. - 2026. - №1(156). - С.114.
2. Пьянзова Т.В. Информационная среда больных туберкулезом и ее влияние на приверженность терапии // Туберкулез и болезни легких. 2012.- Т. 89. - № 5. - С. 033-038.
2. Рахимов А.К. Гигиенический и диетический режим при туберкулезе легкого // Наука и образование сегодня. – 2024. – №. 4 (81). – С. 58-61.
3. Рахимов А.К. Цифровые системы мониторинга в распознавании туберкулеза. - Наука, образование и культура. – 2026. №1(71)
4. Рахимова Г. К. Уличная пыль одна из причин развития туберкулеза у детей //Academy. – 2024. – №. 4 (80). – С. 27-31.
5. Рахимова Г. К. Уличная пыль одна из причин развития туберкулеза у детей //Academy. – 2024. – №. 4 (80). – С. 27-31.
6. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С.,

Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 296 с.

7. Рахимов А.К., Рахимова Г.К., Аскарлова Р.И. Остаточные изменения в легких у детей и подростков после перенесенного инфильтративного туберкулеза (обзор литературы) // Научный аспект. – 2024. – №. 2, том 29 – С. 3619-3629.

8. Елькина И.А., Пьянзова Т.В. Эффективность лечения больных впервые выявленным туберкулезом в зависимости от ВИЧ-статуса // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 5. С. 52-53.

9. Рахимов А.К., Рахимова Г.К., Аскарлова Р.И. Арт терапия и исследование стилей литературных авторов с применением в творчестве и в живописи темы туберкулеза // Журнал Научный аспект. – 2024. – №. 4. - Т. 38. С. 4944-4950.

ЦИФРОВАЯ АРТ-ТЕРАПИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ ФТИЗИАТРИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Аскарлова Р. И.

Кафедра инфекционных болезней, эпидемиологии и фтизиатрии.

Ургенчский государственный медицинский институт,

Республика Узбекистан, г. Ургенч

Аннотация. Высокая распространенность тревожно-депрессивных расстройств у больных туберкулезом требует эффективных немедикаментозных методов реабилитации, включая цифровую арт-терапию с VR и нейроинтерфейсами. **Цель.** Оценить влияние программно-аппаратного комплекса VR и ЭЭГ на психоэмоциональное состояние и приверженность лечению у пациентов с туберкулезом. **Материалы и методы.** Исследование включало 60 пациентов (основная группа, n=30, проходила сеансы цифровой арт-терапии; контрольная группа, n=30). Оценка проводилась по шкалам HADS

и TAS, уровню кортизола, комплаенсу и данным ЭЭГ. **Результаты.** В основной группе снизились уровень ситуативной тревожности ($p<0.01$) и алекситимия ($p<0.05$), повысился комплаенс до 96.4% ($p<0.05$). У 73% пациентов сформировались навыки саморегуляции. **Заключение.** Цифровая арт-терапия улучшает психоэмоциональное состояние и приверженность лечению при туберкулёзе, обеспечивая безопасность и удаленный доступ к терапии.

Ключевые слова: цифровая арт-терапия, фтизиатрия, виртуальная реальность, нейроинтерфейсы, реабилитация, туберкулез, комплаенс, психоэмоциональный статус.

DIGITAL ART THERAPY USING MODERN TECHNOLOGIES IN THE COMPLEX REHABILITATION OF PATIENTS WITH PULMONARY TUBERCULOSIS

Askarova R. I.

*Department of Infectious Diseases, Epidemiology,
and Phthisiology. Urgench State Medical Institute,
Republic of Uzbekistan, Urgench*

Abstract. The high prevalence of anxiety and depression disorders in patients with tuberculosis requires effective non-pharmacological rehabilitation methods, including digital art therapy with VR and neurointerfaces. **Objective.** To evaluate the effect of the VR and EEG software and hardware complex on the psychoemotional state and treatment adherence in patients with tuberculosis. **Materials and methods.** The study included 60 patients (the main group, $n=30$, underwent digital art therapy sessions; the control group, $n=30$). Assessment was carried out according to the HADS and TAS scales, the level of cortisol, compliance and EEG data. **Results.** In the main group, the level of situational anxiety ($p<0.01$) and alexithymia ($p<0.05$) decreased, compliance increased to 96.4% ($p<0.05$). In 73% of patients, self-regulation skills were formed. **Conclusion.** Digital art therapy improves the psychoemotional state and

adherence to treatment for tuberculosis, providing security and remote access to therapy.

Keywords: digital art therapy, phthisiology, virtual reality, neurointerfaces, rehabilitation, tuberculosis, compliance, psychoemotional status.

Введение

Современная фтизиатрия характеризуется не только сложностью этиотропного лечения, но и выраженным влиянием заболевания на психический статус пациента. Длительная изоляция в стационаре, токсичность противотуберкулезных препаратов, высокая стигматизация и страх перед социальными последствиями приводят к формированию у 45–70% пациентов тревожных и депрессивных расстройств [1, 2]. Традиционная арт-терапия, доказавшая свою эффективность в психиатрии и соматической медицине, во фтизиатрических стационарах сталкивается с рядом ограничений: необходимость индивидуального присутствия специалиста, риск внутрибольничной инфекции при групповых занятиях, а также высокая субъективность в оценке результата.

Развитие цифровых технологий открывает новые возможности для трансформации арт-терапевтического подхода.

Цифровая арт-терапия - это интеграция творческого процесса с цифровыми инструментами (VR/AR, сенсорные устройства, биоуправление), позволяющая не только расширить сенсорный опыт пациента, но и объективизировать динамику его психофизиологического состояния [3].

В данной работе представлен опыт применения авторского протокола цифровой арт-терапии, сочетающего иммерсивную виртуальную среду и технологию нейроуправления (нейрофидбек), у пациентов фтизиатрического профиля.

Цель исследования

Оценить влияние метода цифровой арт-терапии с использованием технологий виртуальной реальности и нейроинтерфейсов на психоэмоциональный статус, уровень алекситимии и приверженность лечению у пациентов с туберкулезом легких в условиях стационара.

Материалы и методы

Проспективное контролируемое рандомизированное исследование проведено в период с октября 2024 по февраль 2026 года. Исследование одобрено локальным этическим комитетом (протокол № 45/24). Все участники подписали информированное согласие.

Участники

В исследование включено 60 пациентов (35 мужчин, 25 женщин) в возрасте от 25 до 60 лет с подтвержденным диагнозом инфильтративного туберкулеза легких (впервые выявленный и рецидивы), находящиеся на стационарном лечении. *Критерии включения:* стабильное состояние, отсутствие психических заболеваний в стадии обострения, информированное согласие. *Критерии исключения:* эпилепсия в анамнезе, тяжелая сопутствующая соматическая патология в стадии декомпенсации, отказ от участия.

Методом простой рандомизации пациенты разделены на две группы:

- **Основная группа (n=30):** стандартная терапия (химиотерапия по чувствительности + базовое психологическое сопровождение) + курс цифровой арт-терапии.
- **Группа контроля (n=30):** только стандартная терапия и базовое психологическое сопровождение.

Описание метода цифровой арт-терапии

Для основной группы разработан протокол из 10 сеансов (3 раза в неделю, продолжительностью 25–30 минут). Использовался программно-аппаратный комплекс, включающий:

1. VR-шлем (HTC VIVE Pro Eye) для создания иммерсивной трехмерной среды, исключающей внешние отвлекающие факторы.
2. Нейрогарнитура (Muse 2 или аналог с 4 каналами ЭЭГ) для регистрации биопотенциалов в реальном времени.
3. Специализированное ПО (разработка лаборатории цифровой реабилитации), позволяющее пациенту «рисовать» в виртуальном пространстве трехмерные объекты, меняя параметры кисти (цвет, форма, размер) в зависимости от текущего уровня концентрации/релаксации. Процесс визуализировался на экране монитора или внутри шлема.

Структура сеанса:

- *Вводная фаза (5 мин):* калибровка нейроинтерфейса, инструктаж.
- *Основная фаза (15–20 мин):* свободное творчество в виртуальной среде с биологической обратной связью. Пациент видит, как его эмоциональное состояние (спокойствие/напряжение) трансформирует создаваемый объект. Задача — путем саморегуляции добиться определенных визуальных эффектов (например, плавность линий, яркость свечения).
- *Заключительная фаза (5 мин):* рефлексия, визуализация созданной композиции, обсуждение с психологом (дистанционно или в защитной маске).

Методы оценки

- Психоэмоциональное состояние: шкала HADS (Hospital Anxiety and Depression Scale), опросник алекситимии TAS-26.
- Биохимический маркер стресса: уровень кортизола в слюне (до и после курса).

- **Объективная оценка саморегуляции:** анализ динамики спектральной мощности ЭЭГ (тета/бета-ритмы) в процессе сеансов.
- **Комплаенс:** электронный мониторинг приема препаратов (доля своевременно принятых доз).
- **Субъективная удовлетворенность:** авторская анкета.

Статистический анализ

Статистическая обработка выполнена с использованием пакета SPSS 26.0. Использованы непараметрические критерии (Манна–Уитни, Вилкоксона) для сравнения групп и динамики. Различия считались статистически значимыми при $p < 0.05$.

Результаты

Психоэмоциональный статус

На этапе включения в исследование группы были сопоставимы по уровню тревоги и депрессии. У 68% пациентов в обеих группах выявлена субклиническая или клинически выраженная тревога ($HADS-A > 8$). После завершения курса в основной группе зафиксировано достоверное снижение баллов по шкале тревоги с 10.2 ± 2.1 до 6.1 ± 1.8 ($p < 0.01$), тогда как в контрольной группе динамика была незначимой (с 9.8 ± 2.3 до 8.9 ± 2.4). Уровень депрессии ($HADS-D$) в основной группе снизился с 9.1 ± 1.9 до 5.7 ± 1.5 ($p < 0.05$).

Алекситимия (TAS-26)

В основной группе наблюдалось статистически значимое снижение общего балла алекситимии (с 72.4 ± 6.3 до 61.5 ± 5.8 , $p < 0.05$), что свидетельствует о повышении способности распознавать и описывать собственные эмоции — ключевом факторе принятия хронического диагноза.

Объективные нейрофизиологические данные

Анализ ЭЭГ в процессе сеансов показал, что к 5–6-му занятию у 73% пациентов основной группы сформировался устойчивый навык повышения

мощности тета-ритма (ассоциированного с релаксацией) при сохранении когнитивного контроля. Это интерпретируется как формирование навыка произвольной саморегуляции, который пациенты в дальнейшем использовали для купирования эпизодов тревоги вне терапевтического сеанса.

Показатели комплаенса

В основной группе доля пациентов, принимавших химиотерапию строго по расписанию (пропуски не более 1 раза за курс), составила 96.4%, в контрольной — 81.2% ($p < 0.05$). Пациенты основной группы отмечали, что навыки, полученные в ходе цифровой арт-терапии (концентрация, управление напряжением), помогали им легче переносить побочные эффекты лечения и следовать режиму.

Кортизол

Уровень кортизола в основной группе снизился в среднем на 18.5% ($p < 0.05$), что коррелировало с субъективным снижением тревоги. В контрольной группе снижение кортизола составило 4.2% ($p > 0.05$).

Обсуждение

Результаты исследования демонстрируют высокий потенциал применения цифровых арт-терапевтических технологий в условиях фтизиатрического стационара. Ключевыми преимуществами разработанного метода являются:

1. **Преодоление инфекционных барьеров.** Использование индивидуального VR-оборудования с возможностью санитарной обработки позволяет проводить реабилитацию без риска распространения микобактериальной инфекции, что критически важно для закрытых фтизиатрических учреждений.

2. **Объективизация результата.** В отличие от классической арт-терапии, где прогресс оценивается субъективно психологом, цифровой метод предоставляет объективные биометрические данные (ЭЭГ, вариабельность

сердечного ритма при интеграции), позволяя отслеживать динамику нейропластичности и формирования навыков саморегуляции [4].

3. Повышение мотивации. Игровая форма и эстетическая привлекательность виртуальной среды снижают сопротивление лечению, характерное для пациентов с туберкулезом вследствие отрицания диагноза. Возможность «увидеть» свои эмоции в виде визуального объекта способствует их принятию и проработке.

4. Дистанционный формат. Цифровая платформа позволяет проводить сеансы под супервизией психолога удаленно (в случае организации амбулаторного этапа или при кадровом дефиците), что расширяет доступность высококвалифицированной помощи.

Ограничением исследования является малая выборка и отсутствие долгосрочного катамнеза (более 6 месяцев). Перспективным направлением является интеграция цифровой арт-терапии с технологиями искусственного интеллекта для автоматического анализа продуктов творчества и прогнозирования риска дезадаптации.

Заключение

Цифровая арт-терапия с применением виртуальной реальности и нейроинтерфейсов является инновационным и эффективным методом психологической реабилитации во фтизиатрии. Метод способствует значимому снижению тревожно-депрессивной симптоматики, развитию эмоционального интеллекта, формированию навыков саморегуляции и повышению приверженности лечению. Внедрение данного подхода в клиническую практику противотуберкулезных учреждений позволяет повысить качество медицинской помощи и улучшить исходы лечения пациентов.

Литература/References:

1. Аскарова Р. И. Пути совершенствования оказания медицинской наркологической помощи больным с туберкулезом легких // Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы в XXI веке: новые задачи и возможные пути решения. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, к 170 - летию со дня рождения Сергея Сергеевича Корсакова –основателя русской психиатрической школы (Кемерово, 15 марта 2024 г.) / Г. В. Акименко, А. М. Селедцов, А. А. Лопатин, Ю. Ю. Кирина, А. С. Яковлев, Л. В. Гукина; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово: КемГМУ, 2024. – С.61-71.
2. Аскарова Р. И. Арт-терапия как эффективный метод в лечении туберкулёза // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Кемерово, 18 апреля 2025 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2025. – С.101-107.
3. Елькина И.А., Пьянзова Т.В. Эффективность лечения больных впервые выявленным туберкулезом в зависимости от ВИЧ-статуса // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 5. С. 52-53.
4. Аскарова Р. И. Распространенность, клиническая динамика и терапия наркологической зависимости у больных туберкулезом // Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и клинической психологии. Сборник материалов V Международной междисциплинарной научно-практической конференции, к 160 - летию со дня рождения Алоиса Альцгеймера (Кемерово, 4 октября 2024 г.) / Г. В. Акименко, А. М. Селедцов, А. А. Лопатин, Ю. Ю. Кирина,

А. С. Яковлев, Л. В. Гукина; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово: КемГМУ, 2024. –С.76-86.

5. Паролина Л.Е., Докучаева А.В. Психические расстройства у больных туберкулезом легких. *Туберкулез и болезни легких*. 2022;100(3):45–50.

6. Sweetland A.C., Galea J., Shin S.S., et al. Depression and tuberculosis treatment outcomes. *Int J Tuberc Lung Dis*. 2023;27(1):12–18.

7. Malboeuf-Hurtubise C., Léger-Goodes T., Mageau G.A., et al. Online art therapy in elementary schools during COVID-19: results from a pilot randomized controlled trial. *Front Psychol*.

8. Рахимов А. К., Аскарова Р. И. Арт-терапия для решения психосоциальных проблем у детей и подростков больных туберкулёзом: систематический обзор средств и форм арт-терапии // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Кемерово, 18 апреля 2025 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2025. –С.471-480.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аубакирова М. К., Ануархан А. М., Алпыс Р. Н., Сабырбай Ж. А.

Кафедра психиатрии и наркологии

НАО «Медицинский Университет Семей»

Республика Казахстан, г. Семей

Научный руководитель – ассистент А. А. Алмагамбетова

Аннотация. В работе рассматривается проблема эмоционального выгорания среди студентов медицинских вузов и медицинского персонала.

Эмоциональное выгорание определяется как состояние физического, психического и эмоционального истощения, возникающее вследствие хронического профессионального стресса. Для выявления уровня выгорания и факторов риска был проведён опрос среди студентов и работников медицинских учреждений. Результаты показали различия в проявлениях и причинах выгорания на разных этапах профессионального пути. Отмечается необходимость внедрения регулярного психологического мониторинга и профилактических мер с учётом специфики медицинских специальностей. Работа подчёркивает важность поддержки психоэмоционального благополучия медицинских работников и обучающихся для повышения эффективности системы здравоохранения.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, эмоциональное истощение, стресс, студенты-медики, медицинский персонал.

**EMOTIONAL BURNOUT AMONG MEDICAL UNIVERSITY
STUDENTS AND HEALTHCARE PERSONNEL:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Aubakirova M. K., Anuarkhan A. M., Alpys R.N., Sabyrbai Zh. A.

Department of Psychiatry and Narcology

Semey Medical University, Republic of Kazakhstan, Semey

Supervisor – A. A. Almagambetova

Abstract. The study addresses the issue of burnout among medical students and healthcare professionals. Burnout is defined as a state of physical, mental, and emotional exhaustion resulting from chronic occupational stress. To identify the level of burnout and its risk factors, a survey was conducted among students and medical personnel. The results revealed differences in the manifestations and causes of burnout at various stages of the professional path. The study emphasizes the need to implement regular psychological monitoring and preventive measures tailored to the specifics of

medical specialties. It highlights the importance of supporting the psychological well-being of healthcare workers and students to improve the overall effectiveness of the healthcare system.

Keywords: emotional burnout, emotional exhaustion, stress, medical students, healthcare personnel.

Цель работы

В работе анализируется формирование синдрома эмоционального выгорания у студентов медицинского университета и медицинского персонала ПСМП. Постепенная утрата ресурсов - эмоциональных, физических и когнитивных - выражается в симптомах эмоционального истощения, соматического утомления, профессиональной отстранённости и снижении удовлетворённости деятельностью. Изучение выгорания в этой группе позволяет определить ориентиры для разработки профилактических и коррекционных программ, направленных на предупреждение и смягчение данного состояния.

Введение

Тема эмоционального выгорания сегодня особенно актуальна, поскольку медицинские работники и студенты-медики сталкиваются с хроническим стрессом, высоким уровнем ответственности и эмоциональной перегрузкой. Это приводит к истощению, снижению качества профессиональной деятельности и ухудшению психического здоровья, что напрямую отражается на эффективности системы здравоохранения в целом [1].

Эмоциональное выгорание — это сложный многогранный процесс, возникающий под воздействием профессионального стресса и проявляющийся в физическом и психическом истощении человека. Даже в современных, хорошо организованных медицинских учреждениях или учебных заведениях развитие стресс-реакций возможно. Это связано не только с особенностями организации

труда и обучения, но и с самим характером медицинской деятельности, высокой эмоциональной нагрузкой, постоянным контактом с болью и страданиями пациентов, а также сложными межличностными отношениями в коллективе и учебной среде.

Повышение качества медицинской помощи и удовлетворённости пациентов невозможно без учёта «человеческого фактора» — устойчивости и благополучия тех, кто учится и работает в системе здравоохранения. В условиях интенсификации учебной и клинической деятельности, роста административной нагрузки, дефицита ресурсов и высокой ответственности именно студенты медицинского университета и медицинский персонал оказываются в зоне повышенного риска профессионального стресса и эмоционального выгорания. Вместо поддержки и роста врачи сталкиваются лишь с давлением и контролем, это со временем приводит к переутомлению, потере интереса к работе и серьёзным эмоциональным последствиям.

Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) рассматривается как состояние эмоционального, психического и физического истощения, возникающее вследствие хронического рабочего стресса. В классической модели (MBI) он проявляется в триаде: эмоциональное истощение, деперсонализация (или циничное отношение) и сниженное чувство профессиональных достижений; в отечественной традиции — как защитный механизм, приводящий к «выключению» эмоций при длительном воздействии психотравмирующих факторов. Для коммуникативных профессий «человек—человек», к которым относится медицина, СЭВ особенно характерен.

При этом профиль рисков у обучающихся и практиков различается. У студентов-медиков существенную роль играют высокая академическая нагрузка, дефицит сна, первые контакты с тяжёлыми клиническими ситуациями, неопределённость профессиональной идентичности и соревнование за

достижения. У медицинского персонала доминируют сменный режим и ночные дежурства, постоянная ответственность за исход лечения, эмоционально насыщенное общение с пациентами и их родственниками, бюрократические требования и нехватка времени. Сопоставление этих групп позволяет выявить как общие детерминанты СЭВ, так и специфические факторы на разных этапах профессионального пути. [7]

Согласно статистическим данным, более 80 % врачей в той или иной степени испытывают симптомы профессионального выгорания. Для создания эффективной системы его диагностики и профилактики, а также включения соответствующих процедур в регулярные медицинские осмотры необходимо определить оптимальную частоту проведения психологического тестирования и учесть специфику различных медицинских специальностей, поскольку уровень выгорания заметно различается между врачами терапевтических и хирургических направлений. [9]

Таблица 1

Фазы синдрома эмоционального выгорания у мужчин-врачей в зависимости от возраста

Фаза	Симптомы	30–40 лет	Значение фазы	50–60 лет	Значение фазы
I Напряжение	1. Переживание психотравмирующих обстоятельств	14,8 – складывающийся симптом	(45,1) Фаза в стадии формирования	7,7 – не сложившийся симптом	(21,6) Фаза не сформирована
	2. Неудовлетворенность собой	10,0 – складывающийся симптом		4,1 – не сложившийся симптом	
	3. Загнанность в клетку	12,2 – складывающийся симптом		4,5 – не сложившийся симптом	
	4. Тревога и депрессия	8,6 – не сложившийся симптом		5,3 – не сложившийся симптом	
II Резистенция	1. Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование	21 – сложившийся симптом (доминирующий)	(70) Сформированная фаза	16,8 – сложившийся симптом	(53,3) Фаза в стадии формирования
	2. Эмоционально-нравственная дезориентация	11,8 – складывающийся симптом		14,0 – складывающийся симптом	
	3. Расширение сферы экономики эмоций	15,6 – сложившийся симптом		11,1 – складывающийся симптом	
	4. Редукция профессиональных обязанностей	21,6 – сложившийся симптом (доминирующий)		11,8 – складывающийся симптом	
III Истощение	1. Эмоциональный дефицит	10,8 – складывающийся симптом	(35,8) Фаза не сформирована	10 – складывающийся симптом	(39,6) Фаза в стадии формирования
	2. Эмоциональная отстраненность	6,8 – не сложившийся симптом		12 – складывающийся симптом	
	3. Личностная отстраненность (деперсонализация)	10,4 – складывающийся симптом		9,8 – складывающийся симптом	
	4. Психологические и психовегетативные нарушения	7,8 – не сложившийся симптом		7,8 – не сложившийся симптом	

Таблица 2

Фазы синдрома эмоционального выгорания у женщин-врачей в зависимости от возраста

Фаза	Симптомы	30–40 лет	Значение фазы	50–60 лет	Значение фазы
I Напряжение	5. Переживание психотравмирующих обстоятельств	24 – сложившийся симптом	(33) Фаза не сформирована	16,5 – сложившийся симптом	(57) Фаза в стадии формирования
	6. Неудовлетворенность собой	7 – не сложившийся симптом		5,9 – не сложившийся симптом	
	7. Загнанность в клетку	0,3 – не сложившийся симптом		3,4 – не сложившийся симптом	
	8. Тревога и депрессия	1,7 – не сложившийся симптом		11,2 – складывающийся симптом	
II Резистенция	5. Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование	19,8 – сложившийся симптом	(72,1) Сложившаяся фаза	20,8 – сложившийся симптом (доминирующий)	(78,6) Сложившаяся фаза
	6. Эмоционально-нравственная дезориентация	1,5 – складывающийся симптом		14,2 – складывающийся симптом	
	7. Распирение сферы экономики эмоций	16,3 – сложившийся симптом		17,3 – сложившийся симптом	
	8. Редукция профессиональных обязанностей	21 – сложившийся симптом (доминирующий)		26,3 – сложившийся симптом (доминирующий)	
III Истощение	5. Эмоциональный дефицит	10,8 – складывающийся симптом	(40) Фаза в стадии формирования	11 – складывающийся симптом	(53,4) Фаза в стадии формирования
	6. Эмоциональная отстраненность	7,0 – не сложившийся симптом		8,3 – складывающийся симптом	
	7. Личностная отстраненность (деперсонализация)	10,9 – складывающийся симптом		17,1 – сложившийся симптом	
	8. Психологические и психовегетативные нарушения	11,8 – складывающийся симптом		23 – сложившийся симптом (доминирующий)	

[6]

Объекты и методы исследования

Данные о распространённости эмоционального выгорания были получены из 182 исследований с участием 109 628 человек из 45 стран (1991–2018 гг.). В 85,7 % случаев применялся опросник Маслаха (MBI). Распространённость выгорания сильно варьировала: от 0 % до 80,5 % по общему уровню, до 86,2 % по эмоциональному истощению, до 89,9 % по деперсонализации и до 87,1 % по сниженным личным достижениям. В исследованиях использовались более 140 различных определений выгорания, что говорит о значительных различиях в подходах и методах. Из-за этой методологической разнородности надёжно установить связь выгорания с полом, возрастом, специальностью или другими факторами не представляется возможным.[5].

Мы также провели собственное исследование, включающее опрос студентов медицинского вуза и медицинских работников. Целью опроса было выявление уровня эмоционального выгорания и ключевых факторов, влияющих на его развитие на разных этапах профессионального пути. Результаты показали,

что симптомы выгорания присутствуют как у обучающихся, так и у практикующих специалистов, однако причины и проявления различаются. У студентов основными факторами выступают высокая учебная нагрузка, дефицит сна и стресс от клинической практики, тогда как у медперсонала -эмоциональное перенапряжение, ночные смены и административная перегрузка. Эти данные подтверждают важность раннего выявления признаков выгорания и необходимости разработки целевых профилактических мер для каждой группы.

В рамках нашего исследования, основанного на анализе статистических данных и анкетировании медицинского персонала, было выявлено, что одной из значимых причин эмоционального выгорания является несоответствие между объёмом выполняемой работы и уровнем заработной платы. Согласно данным статьи «Финансовый диагноз медицины» (Finance.kz), в первом квартале 2024 года среднемесячная зарплата работников здравоохранения в Казахстане составила 312,8 тыс. тенге, что на 26,1 % ниже средней по всем отраслям экономики. При этом респонденты отмечали высокую рабочую нагрузку, дефицит кадров, ночные смены, постоянный эмоциональный стресс и недостаточную поддержку со стороны администрации. Такая диспропорция между трудовыми затратами и уровнем материального вознаграждения усугубляет риск профессионального истощения и снижает мотивацию к работе. [2].

Дополнительно, по данным исследования, опубликованного в Revista ESPACIOS, лишь 15,5 % медицинского персонала получали заработную плату выше 130 000 тенге, что подчёркивает низкий уровень оплаты труда по состоянию на исследуемый период. При этом респонденты отмечали высокую рабочую нагрузку, дефицит кадров, ночные смены, постоянный эмоциональный стресс и недостаточную поддержку со стороны администрации. Такая диспропорция между трудовыми затратами и материальным вознаграждением

усугубляет риск профессионального истощения и снижает мотивацию к работе.
[10]

Результаты и их обсуждение (экспериментальная часть)

Рис.1

Рис. 2

Согласно полученным данным, в опросе приняли участие 34 студента-медицинского университета, среди которых большинство составили женщины

— 67,9 %. Это соответствует общей тенденции преобладания женщин в медицинской сфере. Анализ эмоциональных состояний показал высокий уровень проявления признаков эмоционального выгорания. Наиболее выраженными состояниями являются усталость (89 %), неудовлетворённость (88 %), раздражение (85 %) и тревожность (82 %). Высокие показатели данных параметров свидетельствуют о значительной психоэмоциональной нагрузке, которую испытывают студенты в процессе обучения. Это указывает на необходимость внедрения профилактических и коррекционных программ, направленных на снижение уровня стресса и формирование навыков эмоциональной устойчивости.

Рис. 3.

По результатам опроса, проведённого среди 34 врачей, установлено, что у большинства респондентов отмечаются высокие уровни усталости, напряжения и апатии, что может быть связано с повышенной профессиональной нагрузкой и признаками эмоционального истощения. Особую обеспокоенность вызывают сниженные показатели по шкалам «откладывание дел» и «сочувствие

пациентам», что свидетельствует о признаках эмоционального выгорания и снижении вовлечённости в профессиональную деятельность.

Эмоциональное состояние врачей:

Рис. 4

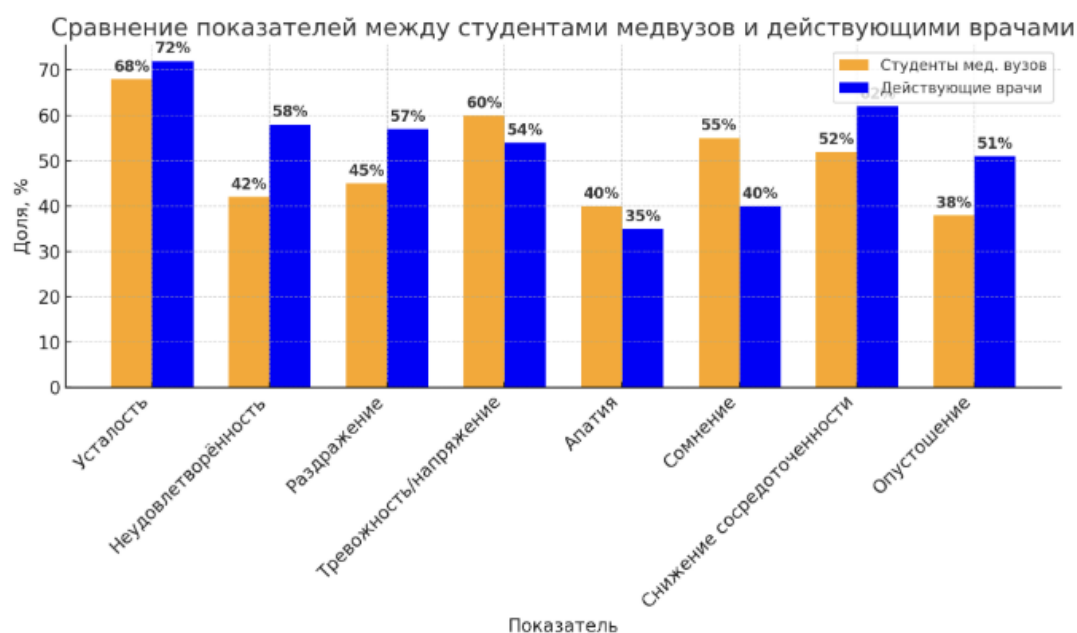
Согласно результатам исследования, среди опрошенных врачей большинство составляют женщины - 62,3 %, мужчины — 37,7 %. Анализ эмоционального состояния показал, что у значительной части врачей наблюдаются высокие показатели усталости (83 %), напряжения (82 %), апатии (84 %) и раздражения (80 %). Это свидетельствует о выраженных признаках эмоционального выгорания, связанных с высокой профессиональной нагрузкой и постоянным стрессом.

Отмечено снижение показателей «откладывания дел» (69 %) и «сочувствия пациентам» (68 %), что может указывать на снижение вовлечённости в профессиональную деятельность и развитие эмоционального истощения. Полученные результаты подчёркивают актуальность профилактики синдрома эмоционального выгорания среди медицинского персонала и необходимость психоэмоциональной поддержки специалистов.

Сравнительный анализ

Опрос 34 студентов медицинских университетов и 34 врачей показал, что у студентов чаще выражены тревожность/напряжение, сомнение и снижение сосредоточенности, тогда как у врачей — усталость, раздражение, неудовлетворённость и опустошение. Это указывает на разные профили риска: студентам необходимы менторство и навыки саморегуляции, а врачам — нормирование нагрузки, командная поддержка и доступ к психологической помощи.

Показатель	Студенты мед. вузов	Действующие врачи
Усталость	68%	72%
Неудовлетворённость	42%	58%
Раздражение	45%	57%
Тревожность/напряжение	60%	54%
Апатия	40%	35%
Сомнение	55%	40%
Снижение сосредоточенности	52%	62%
Опустошение	38%	51%

Сравнительный анализ эмоционального состояния студентов-медиков и врачей показал, что признаки эмоционального выгорания присутствуют у обеих групп. Среди студентов преобладают усталость (89 %), неудовлетворённость (88 %), раздражение (85 %) и тревожность (82 %), что связано с высокой учебной нагрузкой и стрессом в период обучения. У врачей наиболее выражены усталость (83 %), апатия (84 %) и напряжение (82 %), что указывает на хроническое эмоциональное истощение, возникающее в процессе профессиональной деятельности.

Заключение

Общие тенденции свидетельствуют о том, что как студенты, так и врачи подвержены высоким уровням психоэмоционального напряжения, однако у студентов преобладает ситуативное утомление, а у врачей — признаки длительного выгорания. Это подчёркивает необходимость системной профилактики эмоционального истощения на всех этапах медицинской подготовки и профессиональной практики, включая психологическую поддержку, развитие стрессоустойчивости и формирование навыков само регуляции. Решение проблемы эмоционального выгорания требует комплексного подхода, включающего как индивидуальные, так и системные меры. Согласно данным систематических обзоров (West et al., 2016; Shanafelt et al., 2017), наиболее эффективными признаны организационные вмешательства, направленные на оптимизацию условий труда. Среди них:

Снижение чрезмерной нагрузки и перераспределение обязанностей между врачами, медсёстрами и младшим персоналом, что позволяет освободить время для прямой работы с пациентами и уменьшить административное давление.[8]

Оптимизация графиков и рабочего времени, включая сокращение ночных смен и сверхурочной работы, особенно среди сотрудников с высоким уровнем стресса.

Создание поддерживающей рабочей среды: внедрение программ психологической поддержки, групповых встреч, супервизий и обучающих сессий, направленных на развитие навыков стрессоустойчивости.

Проведение регулярного психологического мониторинга для раннего выявления признаков выгорания и своевременного вмешательства.[4]

Программы повышения профессиональной идентичности и вовлечённости, такие как тренинги по эмоциональному интеллекту, коммуникации с пациентами и управлению конфликтами, которые помогают медицинским работникам сохранить мотивацию и чувство профессионального смысла.[3]

Также важна государственная поддержка: реализация национальных программ по охране психического здоровья медиков, повышение статуса профессии и формирование уважительного отношения к труду работников здравоохранения.

Всё это подтверждается как международными источниками, так и наблюдениями в рамках нашего исследования, где респонденты прямо указывали на дефицит отдыха, высокий уровень стресса и недостаточную поддержку со стороны руководства как ключевые причины профессионального выгорания.

Литература/References:

1. Liang Y., Peng H., Luo X., Wang M., Zhang Y., Huang H. et al. The impact of health emergencies on nurses' burnout: a systematic review and meta-analysis // BMC Public Health. – 2025. – Vol. 25. – Article 24150. – DOI:

- 10.1186/s12889-025-24150-9. – URL:
<https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-025-24150-9>
2. Finance.kz. Новости экономики и финансов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://finance.kz/news>
 3. Wiederhold B. K., Cipresso P., Pizzioli D., Wiederhold M., Riva G. Interventions for combating physician burnout: a systematic review // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2018. – Vol. 21, № 9. – P. 535–541.
 4. Clough B. A., March S., Chan R. J., Casey L. M., Phillips R., Ireland M. J. Psychosocial interventions for managing occupational stress and burnout among medical doctors: a systematic review // Systematic Reviews. – 2017. – Vol. 6. – Article 144.
 5. Rotenstein L. S., Torre M., Ramos M. A., Rosales R. C., Guille C., Sen S., Mata D. A. Prevalence of burnout among physicians: a systematic review // JAMA. – 2018. – Vol. 320, № 11. – P. 1131–1150.
 6. Огнерубов Н. А. Синдром эмоционального выгорания у врачей // Медицинская психология в России. – 2013. – № 2. – С. 1–9.
 7. Толмачев Д. А. Синдром эмоционального выгорания у врачей функциональной диагностики // Вестник Ижевской государственной медицинской академии. – 2017. – № 3. – С. 78–82.
 8. Busireddy K. R., Miller J. A., Allison K., Renn V., Qayyum R., Panda M. Efficacy of interventions to reduce resident physician burnout: a systematic review // Journal of Graduate Medical Education. – 2017. – Vol. 9, № 3. – P. 294–301.
 9. Бабанов С. А., Стрижаков Л. А., Лысова М. В., Бабанов А. С., Кувшинова Н. Ю. Профессиональное выгорание медицинских работников специализированных отделений // Медицина труда и промышленная экология. – 2025. – № 4. – С. 15–22.

10. Revista Espacios. Научный рецензируемый журнал [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://www.revistaespacios.com>

РОЛЬ АРТ-ТЕРАПИИ В РЕАБИЛИТАЦИИ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Бабарахимова С. Б., Абдукодирова А. М.

*Кафедра психиатрии, наркологии и детской психиатрии,
медицинской психологии*

*Ташкентский государственный медицинский университет,
Республика Узбекистан, г. Ташкент*

Аннотация. Данная работа посвящена изучению роли арт-терапии в комплексной реабилитации людей с расстройствами аутистического спектра. В статье анализируются основные проблемы целевой группы (нарушения коммуникации, стереотипность поведения, сенсорные перегрузки) и возможности их коррекции средствами художественного творчества. Особое внимание уделяется механизмам арт-терапевтического воздействия: созданию безопасной среды, развитию эмоционального интеллекта и альтернативных способов выражения. Авторы приходят к выводу, что арт-терапия является не просто вспомогательным, а важным самостоятельным направлением, позволяющим установить контакт с «закрытым» ребенком и запустить процессы социальной адаптации.

Ключевые слова: психокоррекция, арт-терапия, аутизм, семья, стили воспитания.

THE ROLE OF ART THERAPY IN THE REHABILITATION OF AUTISM SPECTRUM DISORDERS

Babarakhimova S. B., Abdukodirova A. M.

*Tashkent State Medical University,
Republic of Uzbekistan, Tashkent*

Abstract. This work is devoted to the study of the role of art therapy in the comprehensive rehabilitation of people with autism spectrum disorders. The article analyzes the main problems of the target group (communication disorders, stereotypical behavior, and sensory overload) and the possibilities of their correction through artistic creativity. Special attention is paid to the mechanisms of art therapy: creating a safe environment, developing emotional intelligence, and providing alternative ways of expression. The authors conclude that art therapy is not just an auxiliary method, but an important independent approach that allows for establishing contact with «closed» children and initiating social adaptation processes.

Keywords: psychocorrection, art therapy, autism, family, parenting styles.

Актуальность. Расстройства аутистического спектра (РАС) относятся к числу сложных нарушений нейropsychического развития, проявляющихся трудностями социальной коммуникации, ограниченными интересами и стереотипными формами поведения. Существенную роль в системе профилактики и психокоррекции играет анализ семейной среды, позволяющий выявить дисгармоничные модели взаимодействия, особенности родительского воспитания и факторы, способствующие усилению или смягчению клинических проявлений.

В соответствии с современными диагностическими классификациями — Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition и International Classification of Diseases 11th Revision — аутизм рассматривается как спектральное состояние. Понятие «атипичный аутизм» в них не выделяется как самостоятельная нозологическая единица, однако в научной литературе данный термин используется для обозначения вариативных клинических форм с нестандартной динамикой симптомов, особенностями когнитивного профиля или поздним дебютом. Многочисленные зарубежные исследования

подтверждают гетерогенность аутизма, подчёркивая различия генетических, нейробиологических и когнитивных механизмов. Вариативность социальной коммуникации, сенсорной переработки и обучения отражает особенности функциональной связности мозговых сетей. Таким образом, «атипичные» проявления рассматриваются как часть общего континуума спектра, а не как изолированная форма патологии.

Цель исследования -изучить особенности семейных взаимоотношений у детей и подростков с атипичным аутизмом и оценить возможности применения арт-терапии в системе комплексной коррекции.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 48 пациентов (30 мальчиков и 18 девочек) в возрасте 6–15 лет, проходивших лечение в санаторных отделениях Городского детского психоневрологического центра г. Ташкента. Для анализа семейной ситуации использовалась структурированная диагностическая карта, включавшая оценку типа семьи, характера внутрисемейных отношений и воспитательных стратегий. В рамках комплексной коррекционной программы с детьми проводились занятия по арт-терапии. Программа включала элементы изотерапии (рисование, работа с красками и графическими материалами), лепки, коллажирования, а также техники символического и сюжетного изображения. Занятия проводились 2 раза в неделю в течение 8 недель в индивидуальном и малогрупповом формате. Основными задачами арт-терапии являлись: развитие эмоциональной экспрессии; снижение уровня тревожности и сенсорного напряжения; формирование навыков саморегуляции; стимулирование коммуникативной активности; расширение репертуара социально приемлемых форм поведения.

Результаты и обсуждения

Анализ семейной структуры показал, что 60% детей воспитывались в полных семьях, 28% - в неполных, 12% проживали с родственниками либо в интернатных условиях. При этом значительная часть семей характеризовалась дисфункциональными (47%) и деструктивными (35%) формами взаимодействия. Гармоничные отношения отмечались лишь в единичных случаях (3,6%). Ведущей воспитательной стратегией оказалась гиперпротекция (68%), включая доминирующий вариант (25%).

В 15% семей фиксировались эпизоды жёсткого обращения с использованием физических наказаний, что коррелировало с усилением аффективной нестабильности и поведенческих нарушений. Были выделены следующие модифицированные стили воспитания: Тревожно-протективный стиль, характеризующийся повышенным контролем, ограничением самостоятельности и выраженной родительской тревогой. Директивно-структурированный стиль, предполагающий чёткую регламентацию режима и создание предсказуемой среды, что при умеренной выраженности способствует снижению тревожности ребёнка.

Непоследовательный стиль, проявляющийся колебаниями требований и отсутствием единой воспитательной линии. Модифицированный авторитетный стиль, сочетающий эмоциональную поддержку с разумной требовательностью и развитием автономии; он оказался наиболее адаптивным. Дополнительно было установлено, что включение арт-терапии в коррекционный процесс способствовало положительной динамике поведенческих и эмоциональных показателей. У большинства детей наблюдалось: снижение частоты аффективных вспышек; уменьшение выраженности тревожности; повышение способности к символическому выражению переживаний; улучшение

зрительно-моторной координации и концентрации внимания; увеличение инициативы в межличностном взаимодействии.

Особенно значимый эффект отмечался у детей, воспитывающихся в семьях с гиперопекающим стилем: через творческую деятельность ребёнок получал возможность безопасного самовыражения и постепенного расширения автономии. Гендерные различия поведенческих проявлений сохранялись: у девочек чаще отмечалась избирательность в еде и повышенная эмоциональная реактивность, у мальчиков - импульсивность, разрушительное поведение и эпизоды самоагрессии. Однако на фоне арт-терапии у обеих групп наблюдалась тенденция к снижению выраженности деструктивных реакций.

Арт-терапия при атипичном аутизме (согласно классификации International Classification of Diseases - F84.1) рассматривается как эффективный немедикаментозный метод психокоррекции, направленный на развитие коммуникации, эмоциональной регуляции и социальной адаптации. Индивидуальные сеансы изотерапии проводились медицинскими психологами и психотерапевтами в течении пребывания пациентов в детском санатории(рис.1).

Рис.1. - Изотерапия с детьми дошкольного возраста.

В отличие от классического варианта Autism spectrum disorder, при атипичном аутизме нередко наблюдается более поздний дебют или неполная клиническая картина, что требует индивидуализированного подхода в арт-терапевтической работе. Основным видом проводимой арт-терапии являлась изотерапия - использование различных техник изобразительного искусства (карандаш, краски, мелки, пастель, пальчиковое рисование). Изотерапия способствовала развитию невербальной коммуникации, снижению уровня тревожности, формированию эмоциональной экспрессии, развитию мелкой моторики. Наиболее эффективными оказались групповые сеансы арт-терапии с использованием акварельных красок (рис.2).

Рис.2. - Творчество детей и подростков.

Заключение

у детей с атипичным аутизмом преобладают дисгармоничные формы семейного взаимодействия, чаще в сочетании с гиперпротективной стратегией воспитания. Воспитательные модели нередко приобретают специфические модификации, отражающие тревожность родителей и стремление к избыточному контролю. Оптимальной признана модифицированная авторитетная модель воспитания, сочетающая структурированность и эмоциональную поддержку.

Включение арт-терапии в комплекс психокоррекционных мероприятий способствует снижению тревожности, развитию эмоциональной регуляции и улучшению коммуникативных навыков у детей с атипичным аутизмом. Применение творческих методов повышает эффективность семейно-ориентированных программ сопровождения и может рассматриваться как важный компонент психопрофилактики и коррекции поведенческих нарушений у данной категории пациентов.

Литература/References:

1. Babarakhimova S.B., Abdullaeva V.K., Abbasova D.S., et al. Relationship of personal characteristics in adolescents with suicidal tendencies. NJD-i-science. 2020;2(40):19-22.
2. Babarakhimova S.B., Abdullaeva V.K., Abbasova D.S., et al. Research of influence personal characteristics in adolescents in development types of suicidal tendencies. Austria-science. 2019;1(24):16-18.
3. Babarakhimova S.B., Sharipova F.K. Efficacy using the psychology and pedagogical help to teenagers with diabetes of the 1st type. Educ Psychol. 2017;(3):77-80.
4. Babarakhimova S.B., Sharipova F.K. The psychology and pedagogical help to teenagers with diabetes of the 1 type. Pers Chang World Health Adapt Dev. 2017;3(18):381-90.
5. Matveeva A.A., Sultonova K.B., Abbasova D.S., et al. Optimization of psycho-diagnostics of emotional states. Dan Sci J. 2020;3(5):24-27.
6. Babarakhimova S.B. Study of emotional disorders in adolescents. Sci Innov Int Sci J. 2024;3(2):54-59.
7. Nurkhodjaev S., Babarakhimova S., Abdullaeva V. Early detection and prevention of suicidal behavior in adolescents. Indian J Forensic Med Toxicol. 2020;14(3):7258-63.

8. Sattarov T.F., Babarakhimova S.B. Early detection of teenage depression. Vestn Integr Psikhhol. 2023;(29):321-328.
9. Sattarov T.F. Relationship between depressive pathology and the personal characteristics of adolescents. Nor J Dev Int Sci. 2023;(117):34-39.
10. Sattarov T.F., Babarakhimova S.B. Efficacy of art therapy in adolescents. Vestn Integr Psikhhol. 2023;(30):279-283.

АРТ-ТЕРАПИЯ В НАРКОЛОГИИ: ПУТЬ К ИСЦЕЛЕНИЮ ЧЕРЕЗ ТВОРЧЕСТВО

Барсукова В. И.

*ГБУЗ «Кузбасский клинический наркологический диспансер
имени профессора Н.П. Кокориной, Россия, г. Кемерово*

Аннотация. Арт-терапия – это метод психотерапии, который использует творческие процессы для улучшения психоэмоционального состояния человека. В последние годы арт-терапия становится все более популярной в различных областях медицины, включая наркологию. Этот подход позволяет пациентам не только выразить свои чувства и переживания, но и найти новые способы справляться с зависимостями. В данной статье мы рассмотрим основные принципы арт-терапии, ее применение в наркологии, а также преимущества и вызовы, с которыми сталкиваются специалисты в этой области.

Ключевые слова: арт-терапия, арт-терапия в наркологии, наркология, путь к исцелению через творчество, путь к исцелению.

ART THERAPY IN NARCOLOGY: THE PATH TO HEALING THROUGH CREATIVITY

Barsukova V.I.

*Professor N.P. Kokorina Kuzbass Clinical Narcological Dispensary
Russia, Kemerovo*

Abstract. Art therapy is a method of psychotherapy that uses creative processes to improve a person's psychoemotional state. In recent years, art therapy has become increasingly popular in various fields of medicine, including narcology. This approach allows patients not only to express their feelings and experiences, but also to find new ways to cope with addictions. In this article, we will consider the basic principles of art therapy, its application in narcology, as well as the benefits and challenges faced by specialists in this field.

Keywords: art therapy, art therapy in narcology, narcology, the path to healing through creativity, the path to healing.

Введение

Арт-терапия - это метод психотерапии, который использует творческие процессы для улучшения психоэмоционального состояния человека. В последние годы арт-терапия становится все более популярной в различных областях медицины, включая наркологию. Этот подход позволяет пациентам не только выразить свои чувства и переживания, но и найти новые способы справляться с зависимостями. В данной статье мы рассмотрим основные принципы арт-терапии, ее применение в наркологии, а также преимущества и вызовы, с которыми сталкиваются специалисты в этой области [1].

Принципы арт-терапии.

Арт-терапия основывается на нескольких ключевых принципах:

1. Творческое самовыражение

Процесс создания искусства позволяет пациентам выразить свои эмоции и переживания, которые могут быть трудными для вербализации. Творчество становится средством коммуникации, позволяя людям передать то, что они не могут сказать словами [2].

2. Безопасное пространство

Арт-терапия предоставляет безопасную среду для самовыражения, где пациенты могут исследовать свои чувства без страха осуждения. Это особенно важно для людей с зависимостями, которые могут испытывать стыд или вину за свои действия.

3. Процесс важнее результата

В арт-терапии акцент делается на процессе творчества, а не на конечном результате. Это помогает снизить уровень стресса и тревоги у пациентов, позволяя им сосредоточиться на своих чувствах и переживаниях.

4. Индивидуальный подход

Каждому пациенту предоставляется возможность выбрать тот вид искусства, который ему ближе — живопись, скульптура, музыка или другие формы творчества. Это позволяет адаптировать терапию под индивидуальные потребности каждого человека [3].

Применение арт-терапии в наркологии.

Арт-терапия может быть использована в различных аспектах лечения зависимостей:

1. Эмоциональная регуляция

Зависимость часто сопровождается сильными эмоциями — от тревоги до депрессии. Арт-терапия помогает пациентам осознать и выразить эти эмоции через творчество. Например, рисование может стать способом визуализировать внутренние конфликты и страхи [4].

Пример: Рисование как способ выражения эмоций

Пациент может быть приглашен нарисовать свой «внутренний мир». Это может быть абстрактная работа или конкретные образы (например, бурное море как символ внутреннего конфликта). После завершения работы терапевт может обсудить с пациентом его чувства и мысли о созданном произведении.

2. Повышение самооценки

Многие пациенты с зависимостями страдают от низкой самооценки. Создание произведений искусства может помочь им увидеть свои достижения и развить уверенность в себе.

Пример: Создание коллажа достижений

Пациенты могут создать коллаж из изображений и слов, которые символизируют их достижения и положительные качества. Этот процесс помогает им сосредоточиться на своих сильных сторонах и возможностях [5].

3. Социальная интеграция

Групповые занятия по арт-терапии способствуют взаимодействию между участниками, что помогает развивать социальные навыки и укреплять связи с другими людьми.

Пример: Групповая работа над проектом

Группа пациентов может работать над совместным проектом — например, созданием настенной росписи или коллективного коллажа. Это способствует командной работе и улучшает коммуникацию между участниками [6-9].

4. Профилактика рецидивов

Творческий процесс может стать полезным инструментом для предотвращения рецидивов. Пациенты учатся находить альтернативные способы справляться со стрессом и негативными эмоциями.

Пример: Использование искусства как механизма совладания

Пациенты могут создать «арт-диарий», где они будут фиксировать свои чувства и переживания через рисунки или коллажи каждый раз, когда испытывают желание вернуться к старым привычкам.

Преимущества арт-терапии

Арт-терапия имеет множество преимуществ для пациентов с зависимостями:

1. Доступность

Творчество доступно каждому, независимо от уровня образования или художественных навыков. Это делает арт-терапию универсальным инструментом для работы с различными группами пациентов.

2. Низкий уровень стресса

Процесс создания искусства может быть расслабляющим и терапевтическим. Он позволяет пациентам отвлечься от своих проблем и сосредоточиться на чем-то позитивном [10-12].

3. Улучшение коммуникации

Арт-терапия помогает пациентам лучше понимать себя и выражать свои мысли и чувства. Это особенно важно для людей с зависимостями, которые могут испытывать трудности в общении.

4. Инновационный подход

Использование искусства в терапии может привлечь внимание пациентов, которые не реагируют на традиционные методы лечения. Творческий подход может стать тем самым «ключом», который откроет двери к исцелению.

Вызовы арт-терапии в наркологии

Несмотря на множество преимуществ, арт-терапия также сталкивается с определенными вызовами:

1. Недостаток квалифицированных специалистов

Не все терапевты имеют необходимую подготовку для проведения арт-терапии в контексте наркологии. Важно обеспечить обучение специалистов для эффективного применения этого метода [13].

2. Соппротивление пациентов

Некоторые пациенты могут быть скептически настроены к творческим методам лечения или испытывать трудности с самовыражением через искусство. Важно создать доверительную атмосферу для преодоления этих барьеров.

3. Ограниченные ресурсы

Не всегда есть доступ к необходимым материалам для проведения занятий по арт-терапии (краски, холсты, музыкальные инструменты). Это может ограничивать возможности терапии.

4. Необходимость интеграции с другими методами лечения

Арт-терапия должна использоваться как дополнение к традиционным методам лечения зависимостей (психотерапия, медикаментозное лечение), а не как единственный подход [14].

Заключение

Арт-терапия представляет собой мощный инструмент в лечении зависимостей, предлагая пациентам возможность выразить свои чувства и переживания через творчество. Этот подход способствует эмоциональной регуляции, повышению самооценки и социальной интеграции, что делает его ценным дополнением к традиционным методам лечения наркологических заболеваний.

Несмотря на существующие вызовы, потенциал арт-терапии в наркологии остается значительным: она открывает новые горизонты для исцеления и восстановления пациентов на пути к здоровой жизни. Важно продолжать исследовать этот метод терапии и интегрировать его в практику лечения зависимостей для достижения максимальных результатов в восстановлении здоровья пациентов.

Литература/References:

1. Аметова Л.А. Педагогическая технология использования арт-терапии в начальной школе. Автореф. дис. ...канд. пед. наук. М.: Моск. гос. открытый пед. университет, 2003.
2. Бетенски М. Что ты видишь? Новые методы арт-терапии. М.: Эксмо-пресс, 2002.

3. Винникот Д. Игра в реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
4. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022.
5. Копытин А.И. Руководство по групповой арт-терапии. СПб.: Речь, 2003.
6. Лекции по наркологии. 2-е изд. / Под ред. Н.Н. Иванца. М.: Нолидж. 2000.
7. Макнифф Ш. Искусство как исцеляющая практика. Бостон: Изд-во «Шамбала».1992.
8. Мальчиоди К. Арт-терапия и мозг // Арт-терапия. Новые горизонты / Под ред. А.И. Копытина. М.: Когито-Центр. 2006.
9. Назлоян Г. Зеркало двойника. Утраты и обретения. Психотерапевтический метод портретирования. М, 1994.
10. Никольская И.М. Арт-терапия — терапия изобразительным искусством// Детская психотерапия / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера. СПб.: Питер, 2005.
11. Образцов С.Н. Лепить можно не только из пластилина // Вестник МГУС. 2004. № 10 (119).
12. Спринэм Н. Арт-терапия в лечении наркомании и алкоголизма /// Арт-терапия. Новые горизонты /Под ред. А.И. Копытина.- М.: Когито-Центр. 2006.
13. Юнг К. Человек и его символы. СПб., 1996.
14. Ston B. The Successful Use of Imagery and Therapy for PTSD, Paper presented at the International on Stress and Health, Sydney, Australia. 1996.

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АРТ-ТЕРАПИИ НА УРОВЕНЬ СТРЕССА У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Батяшова Д. В., Фурин К.Д., Яцына Д.С., Шибает Р. М.

Кафедра поликлинической терапии

ФГБОУ «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. Представленные в статье данные отражают результаты эмпирического исследования, ориентированного на обоснование эффективности арт-терапии как способа психопрофилактической интервенции для редукции стрессогенных состояний у студентов медицинского профиля. В рамках квазиэкспериментального исследования, включающего восьминедельную программу с повторными измерениями, были верифицированы динамические сдвиги уровней ситуативных и устойчивых проявлений тревожности, проявление эмоционального истощения и параметров когнитивно-эмоциональной регуляции. Апробация психодиагностического комплексов и методологических процедур параметрической статистики позволили валидировать статистически значимую положительную динамику по ключевым переменным. Интеграция количественных данных с качественным контент-анализом визуально-символических артефактов обеспечила комплексную интерпретацию полученных результатов, свидетельствующих о редукции психоэмоционального напряжения и оптимизации механизмов саморегуляции в исследуемой выборке.

Ключевые слова: экологическая арт-терапия, психоэмоциональный стресс, студенты-медики, эмоциональное выгорание, тревожность, саморегуляция, психопрофилактическая интервенция, квазиэкспериментальное исследование.

THE EFFECT OF ECOLOGICAL ART THERAPY ON THE LEVEL OF STRESS IN MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS

Batyashova D.V., Furin K.D., Yatsyna D.S., Shibaev R.M.

Department of Polyclinic Therapy

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

Abstract. The data presented in the article reflect the results of an empirical study aimed at substantiating the effectiveness of art therapy as a method of psychoprophylactic intervention for reducing stress-related conditions among medical students. Within the framework of a quasi-experimental study involving an eight-week program with repeated measurements, dynamic shifts in the levels of situational and trait anxiety manifestations, emotional exhaustion, and parameters of cognitive-emotional regulation were verified. The approbation of psychodiagnostic complexes and methodological procedures of parametric statistics allowed for the validation of statistically significant positive dynamics in key variables. The integration of quantitative data with qualitative content analysis of visual-symbolic artifacts ensured a comprehensive interpretation of the obtained results, indicating a reduction in psychoemotional tension and an optimization of self-regulation mechanisms in the studied sample.

Keywords: ecological art therapy, psychoemotional stress, medical students, emotional burnout, anxiety, self-regulation, psychoprophylactic intervention, quasi-experimental study.

Введение

В условиях интенсификации образовательных процессов и возрастание когнитивно-эмоциональных нагрузок проблема психофизиологической устойчивости обучающей молодежи приобретает выраженную медико-психологическую значимость. Современные исследования фиксируют устойчивую тенденцию к росту тревожно-депрессивных проявлений,

эмоционального истощения и психосоматических реакций у студентов, особенно в когорте лиц осваивающих медицинские специальности. Согласно результатам исследования П. В. Смирнова, Т. А. Ивановой и Е. Н. Кузнецовой студенты-медики демонстрируют повышенные уровни тревожности [1]. Их учебная деятельность характеризуется пролонгированным стрессгенным воздействием и ранней профессиональной экспозицией к факторам страдания, боли и смерти, что формирует специфический континуум психоэмоциональных рисков.

С позиции современной психологии стресс рассматривается как полисистемный процесс, затрагивающий нейровегетативные, эндокринные, когнитивные и личностно-регуляторные уровни [2, 3]. Его хроническая форма ассоциирована с нарушением эмоциональной регуляции, истощением адаптационных резервов, снижением концентрации внимания и формированием дезадаптивных копинг-стратегий. У студентов медицинских вузов данные проявления согласно проведенным исследованиям В. Смирнова, Т. А. Ивановой и Е. Н. Кузнецовой нередко усугубляются дефицитом восстановительных практик и низкой представленностью профилактических психокоррекционных программ [1].

В этом контексте особую актуальность приобретают немедикаментозные интервенции, ориентированные на активацию внутренних ресурсов личности, нормализацию психоэмоционального гомеостаза. Одним из таких направлений является арт-терапия. Арт-терапия в современной научной парадигме рассматривается как метод поддержки и форма мягкого психофизиологического воздействия, способствующая когнитивной реструктуризации, эмоциональной десенситизации и телесно-перцептивной интеграции [4]. С позиции А. И. Копытина, А. И. Лебедева, Л. Н. Берегулиной арт-терапия является интегративной психокорректирующей методикой, основанной на манифестации художественного креативного потенциала для регуляции эмоционально-

когнитивных процессов и стимуляции сенсомоторных паттернов, обеспечивая развитие метакогнитивного контроля и повышение психофизиологической устойчивости личности [3].

Экологическая арт-терапия выражается через интермодальный вектор арт-терапевтической сессии, в котором художественно-экспрессивная активность сочетается с включением природных стимулов и материалов. Теоретическое обоснование данного подхода опирается на концепции экопсихологии, биофильной гипотезы и телесно-ориентированной психотерапии, постулирующих врожденную регуляторную роль природной среды в стабилизации эмоциональных колебаний и репарации нейropsychической устойчивости [4]. В трудах А. И. Копытина и Свистовской Е. Е. экологическая арт-терапия интерпретируется как способ сенсорно-эмоциональной активации и реконфигурации внутреннего опыта через контакт с природными форматами, текстурами и ритмами [5].

Классические теоретические модели в монографии А. И. Копытина раскрывают междисциплинарный потенциал арт-терапии, соединяя психологические, педагогические и социокультурные аспекты, что позволяет формировать устойчивые адаптивные, что позволяет формировать устойчивые адаптивные психоэмоциональные стратегии [6]. В работах Л. Д. Лебедевой подчеркивается потенциал эко арт-терапии в развитии рефлексивных механизмов, снижении уровня тревожности и восстановления ресурсных состояний [7].

Несмотря на возрастающий интерес к экотерапевтическим практикам, проблем их применения в среде студентов-медиков остается недостаточно разработанной. Большинство эмпирических исследований сосредоточены на общей студенческой популяции, тогда как специфика медицинского образования предполагает иную структуру стрессовых факторов, более выраженные

показатели эмоционального истощения и повышенные риски формирования профессионально обусловленных дезадаптивных состояний. В связи с этим актуализируется необходимость эмпирического изучения возможностей экологической арт-терапии как средства профилактики и коррекции стресс-индуцированных нарушений у студентов медицинских вузов, а также ее оценки ее влияния.

Объекты и методы исследования

Объектом является психофизиологическое и психоэмоциональное студентов медицинского факультета в условиях хронической академической стрессовой нагрузки.

Предмет исследования – динамика показателей тревожности, эмоционального истощения и когнитивно-эмоциональной саморегуляции под воздействием экологических арт-терапевтических интервенций.

Исследование выполнялось в рамках квазиэкспериментального дизайна «до-после», ориентированного на выявление внутриличностных изменений в процессе пролонгированного психокоррекционного воздействия. В исследовании приняли 30 студентов 5 курса медицинского факультета КемГМУ в возрасте 20–23 года. Арт-терапевтическая программа реализовалась в течение восьминедельного цикла и включала индивидуальные занятия продолжительностью 60 мин два раза в неделю. Структура интервенций базировалась на сочетании сенсомоторных, визуально-экспрессивных и рефлексивных компонентов. В качестве терапевтических процедур использовались:

- создание художественных композиций из природных материалов для сенсорной стабилизации и снижения психовегетативного напряжения;

- тематическое рисование («психологический ландшафт стресса», «образ внутреннего ресурса», «состояние равновесия») с последующей вербализацией переживаний;
- ведение рефлексивного дневника для фиксации субъективной динамики эмоциональных состояний.

Для психодиагностической применялись:

- Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера (STA);
- Maslach Burnout Inventory (адаптация для студенческой выборки) для определения уровня эмоционального истощения;
- авторская анкета самооценки эмоциональной регуляции субъективного напряжения сформированная на основе подходов А. И. Копытина.

Статическая обработка данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики, парного t-критерия Стьюдента для оценки достоверных различий до и после интервенции, корреляционного анализа Пирсона для выявления взаимосвязей между исследуемыми величинами. Дополнительно применялся качественный контент-анализ арт-продуктов, с целью интерпретации изменений в структуре эмоционально образного самовыражения.

Результаты и их обсуждение

1) динамика показателей тревожности. Анализ результатов шкалы Спилбергера выявил статистически значимое снижение реактивной и личностной тревожности после завершения экологической арт-терапии (таб.1).

Как видно из таблицы 1 средний уровень реактивной тревожности снизился на 11,7 балла, что указывает на выраженную редукцию ситуационного психоэмоционального напряжения. Показатели личностной тревожности продемонстрировали достоверную нисходящую динамику, указывая на глубинные сдвиги в системе эмоциональной регуляции. Полученные результаты

подтверждают предположение, что экологическая арт-терапия способствует активации механизмов эмоциональной десенситизации, снижению вегетативной реактивности и формированию адаптивных стратегий переживания стрессогенных воздействий;

Таблица 1.

Динамика показателей тревожности студентов-медиков (n=30)

Показатель	До интервенции (M ±SD)	После интервенции (M ±SD)	t	P
Реактивная тревожность	48,6±6,9	36,9±6,1	7,21	≤ 0,001
Личностная тревожность	46,2±7,4	38,1±6,8	4,98	≤ 0,001

2) динамика показателей эмоционального выгорания. Вторым ключевым блоком анализа стало исследование эмоционального выгорания, как интегрального маркера хронического академического стресса (таб. 2).

Таблица 2.

Показатели эмоционального выгорания (MBI) студентов-медиков (n=30)

Показатель	До интервенции (M ±SD)	После интервенции (M ±SD)	t	P
Эмоциональное истощение	31,4±5,8	22,3±5,1	6,47	≤ 0,001
Деперсонализация	9,6±3,2	6,1±2,7	4,83	≤ 0,001
Редукция личных достижений	28,7±4,9	33,8±5,2	-4,12	≤ 0,001

После завершения терапевтического цикла у испытуемых зафиксировано статистически значимое снижение эмоционального истощения и деперсонализации, сопровождаемое ростом субъективного ощущения

профессиональной и учебной компетентности. Особенно показательной является положительная динамика шкалы «редукция личных достижений», отражающая восстановление мотивационно-ценностного компонента личности и ослабление когнитивных паттернов профессиональной несостоятельности, характерных для состояния выгорания;

3) анализ субъективного психоэмоционального состояния. Дополнительный блок анализа включал авторскую шкалу субъективного психоэмоционального напряжения. До начала исследования 73 % участников характеризовали свое состояние как «высоконапряженное» или «психоэмоционально истощенное». После программы арт-терапии аналогичные показатели сохранялись лишь у 21 % испытуемых, при этом 57 % отметили состояние «эмоциональной стабилизации», а 22 % – «ресурсное состояние».

Качественный анализ рефлексивных дневников выявил смещение превалирующих аффективных маркеров от тревоги, возбудимости и апатии к описаниям телесного расслабления, субъективного покоя, ощущения внутреннего баланса и восстановления концентрации;

4) корреляционный анализ. Для анализа интеракций между психоэмоциональными параметрами инициирована верификация корреляционных отношений по Пирсону (таб. 3).

Таблица 3.

Корреляционная структура переменных (после интервенции)

Показатель	r	p
Реактивная тревожность – эмоциональное истощение	0,68	$\leq 0,01$
Личностная тревожность – деперсонализация	0,59	$\leq 0,01$
Эмоциональное истощение – субъективное напряжение	0,72	$\leq 0,01$
Креативное самовыражение – эмоциональное истощение	-0,53	$\leq 0,01$

Выявленные параметрические взаимозависимости обнаруживают системный характер психоэмоциональных изменений. Повышенные уровни тревожности статистически сопряжены с выраженностью эмоционального истощения и деперсонализации, что подтверждает стресс-индуцированную природу выгорания у медиков-студентов. Инверсная зависимость между переменными творческой манифестации и психоэмоциональной утомляемости подтверждают компенсаторную и ресурсную функцию арт-терапевтической активности.

Обсуждение результатов

Совокупность полученных данных демонстрирует, что экологическая арт-терапия оказывает многоуровневое воздействие на психоэмоциональную сферу студентов медицинского профиля.

Снижение реактивной тревожности отражает ослабление стрессового фона, тогда как динамика личностной тревожности и выгорания указывает на перестройку устойчивых регуляторных механизмов. Особую значимость имеют изменения в показателях эмоционального истощения, являющегося ключевым маркером академического и профессионального дистресса. Снижение данного показателя в сочетании с ростом субъективной профессиональной эффективности позволяет интерпретировать экологическую арт-терапию как метод эмоциональной разгрузки и как средство опосредованной профилактики профессиональной деформации будущих врачей.

Качественный анализ арт-продуктов показал трансформацию образного ряда от фрагментированных, хаотизированных и агрессивных форм к более структурированным, симметричным и интегративным композициям, что может рассматриваться как отражение процессов когнитивно-эмоциональной гармонизации и восстановление внутренней целостности. Следовательно, изучаемое направление арт-терапии выступает в качестве психокоррекционного

инструмента, активизирующего сенсомоторные, образно-символические и рефлексивные уровни регуляции, что очень актуально в контексте высокострессовой среды медвуза.

Заключение

Выполненное исследование позволило концептуально и эмпирически осмыслить потенциал экологической арт-терапии как ресурсоактивирующей психотехнологии, направленной на коррекцию психоэмоциональной дезадаптации студентов медицинского профиля, функционирующих в условиях пролонгированного академического и профессионально ориентированного стресса. Примененный квазиэкспериментальный дизайн с повторными измерениями обеспечил возможность выявления внутрисубъективной динамики показателей эмоционально-регуляторной схемы.

Комплексный психодинамический мониторинг зафиксировал достоверные трансформации аффективно-когнитивных параметров снижения эффективности тревожно-фобических проявлений, редукцию компонентов эмоционального выгорания и увеличение субъективных индексов психологической устойчивости, саморегуляции и личностной эффективности. Полученные данные позволяют рассматривать экологическую арт-терапию как средство оптимизации функционального состояния и восстановления психологического гомеостаза.

Установленные в ходе корреляционного анализа статистически значимые взаимосвязи между уровнем тревожности, выраженностью выгорания и параметрами эмоциональной саморегуляции подтверждают системный характер выявленных изменений и свидетельствуют о вовлеченности экологической арт-терапии в перестройку интегративных механизмов психологической адаптации.

Обнаруженные инверсные корреляции между показателями эмоционального истощения и характеристиками творческой экспрессии

указывают на мобилизацию компенсаторно-ресурсных структур личности и расширение репертуара адаптивных копинг-стратегий.

Результаты качественного анализа продуктов художественной деятельности и рефлексивных материалов продемонстрировали выраженную позитивную трансформацию образно-эмоционального содержания: переход от фрагментированных, напряженных и дезорганизованных символических форм к более целостным, упорядоченным и семантическим интегрированным визуальным репрезентациям. Данный факт может интерпретироваться как индикатор гармонизации внутреннего опыта, повышения когнитивной связности и стабилизации эмоционального фона.

В совокупности полученные результаты подтверждают целесообразность внедрения экологической арт-терапии в систему психолого-педагогического сопровождения студентов медвузов в качестве немедикаментозной профилактико-коррекционной технологии, ориентированной на предупреждение стресс-индуцированных расстройств, снижение риска профессионального выгорания и формирование устойчивых механизмов саморегуляции.

Перспективы последующих исследований целесообразно связать с расширениями эмпирической базы, использованием контролируемых экспериментальных схем, интеграцией психофизиологических и нейропсихологических методов оценки, а также с анализом отсроченных эффектов экологической арт-терапии в контексте профессионального и личностного становления специалистов медицинской сферы.

Литература/References:

1 Смирнова В. П., Иванов Т. А., Кузнецова В. Н. Психоэмоциональное состояние студентов-медиков в условиях академической нагрузки // Вестник психолого-педагогических исследований. – 2019. – № 3. – С. 45 – 52.

2 Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

3 Копытин А. И., Лебедев А. И., Берегулина Л. Н. Клиническая и социальная арт-терапия. – Городец : Изд-во «Городец», 2020. – 436 с.

4 Арт-терапия : фундаментальные и прикладные исследования: материалы конференции / Под ред. Копытина А. И. – СПб. : Речь, 2021. – 107 с.

5 Копытин А. И., Свистовская Е. Е. Арт-терапия детей и подростков : практическое пособие. – М. :Когито-центр, 2007. – 198 с.

6 Копытин А. И. Арт-терапия : теория и практика. – СПб. : Питер, 2002. – 368 с.

7 Лебедева Е. В. Арт-терапия: методические рекомендации. – М. : Просвещение, 2018. – 152 с.

ТВОРЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ – ЭКО-АРТ-ТЕРАПИЯ

Валиуллина Е. В.

Кафедра клинической психологии

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. В работе обсуждается современное направление арт-терапии – экологическая арт-терапия, выделены основные цели и рассмотрены методы данного раздела. В статье описаны положительные эффекты эко-арт-терапии, оказываемые на психологическое состояние человека. Эко-гуманитарный

подход в психологии способствует формированию экологического сознания и позволяет разрабатывать новые методы психологической работы.

Ключевые слова: арт-терапия, экологическая арт-терапия, психология, психотерапия, природная среда, искусство.

CREATIVE INTERACTION OF HUMANS WITH NATURE – ECO-ART-THERAPY

Valiullina E.V.

Department of Clinical Psychology

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

Abstract. The paper discusses the modern field of art therapy – ecological art therapy, highlights the main goals and methods of this section. The article describes the positive effects of eco-art therapy on a person's psychological state. The eco-humanitarian approach in psychology contributes to the formation of ecological thinking and allows for the development of new methods of psychological work.

Keywords: art therapy, environmental art therapy, psychology, psychotherapy, natural environment, art.

Введение

Современное направление арт-терапии – эко-арт-терапия (экологическая арт-терапия) основана на творческом взаимодействии человека с природой для создания гармоничной связи между ним и окружающей средой, поддержания эмоционального комфорта человека, его психологического благополучия и укрепления физического здоровья. Профессор А. И. Копытин трактует эко-арт-терапию как «систему лечебно-профилактических воздействий, основанных на взаимодействии человека с природной средой на основе использования искусства и творческой активности» [5, с. 4].

Основными целями экологической терапии искусством являются: формирование экологического сознания и самосознания человека (готовность осознанно и ответственно относиться к окружающей природе, способность пользоваться экологическими знаниями в различных областях деятельности); развитие экологической культуры (экологического мышления, экологических знаний, экологического поведения); становление психологической гармонии с природой и поддержание творческого экологического подхода к решению проблем любого рода.

«Экологическая арт-терапия оказывает ряд положительных эффектов на психическое здоровье человека – способствует снижению стресса и тревожности, улучшает настроение и самооценку, развивает креативность и самосознание (...) позволяет обрести внутреннюю гармонию, создает ощущение присутствия и связи с окружающим миром, помогает получить удовлетворение от творческого процесса» [1, с.10].

Объекты и методы исследования

Объект исследования: направление психотерапии и психологической коррекции – арт-терапия, предмет исследования: направление арт-терапии – экологическая арт-терапия. Методы исследования – теоретический анализ литературы по вопросам арт-терапии, обзор публикаций проблем экологической арт-терапии, структурирование и обобщение полученных данных.

Результаты и их обсуждение

Основоположниками экологической арт-терапии принято считать представителей американской школы арт-терапии Е. Ulman и S. McNiff. В своих работах Е. Ulman описывает применение арт-терапии при помощи природных ресурсов и «садовой терапии» [10]. Создавая направление, автор опиралась на особый жанр китайской пейзажной живописи «хуаняо» (от кит. «Цветы и Птицы»), основным предметом которого являются растения, цветы, птицы, звери

и насекомые. Рисунки выполнены в различных техниках, встречаются на вертикальных и горизонтальных свитках, почтовой бумаге, веерах и пр., символически изображают состояние «духа» человека посредством природы. В публикациях S. McNiff искусство выступает средством общения между людьми и способом установления связи со средой обитания, по словам автора: именно у природы человеку «необходимо учиться преодолению трудностей» [8]. Проблему преодоления психологических трудностей, восстановления психического благополучия и сохранения эмоционального равновесия исследователи часто указывают как одну из самых актуальных в психологии [2, 3, 4].

Эффективным методом экологической арт-терапии является т.н. «Ландшафтная арт-терапия» как особый подход к проведению занятий, связанный с выходом участников за пределы помещений. Работа осуществляется в виде прогулок /занятий /практик на открытом воздухе, с поиском и с использованием всевозможных природных материалов (камней, ракушек, шишек, веточек, листьев, цветов и пр.), которые выступают основным материалом для творческой деятельности и терапии. Техники и формы реализации ландшафтной терапии разнообразны и могут включать «различные варианты работы с визуально-пластическими формами, пространством и находящимися в нем природными и техногенными объектами» [7]. Некоторые виды визуально-нарративной практики могут выступать как варианты ландшафтной арт-терапии с созданием повествовательных творений – прозы, стихов, сказок, рассказов, эссе, родовых историй – во время занятий на свежем воздухе и с использованием найденных природных ресурсов.

Полимодалные формы ландшафтной арт-терапии сочетают изобразительную деятельность с музыкальной экспрессией и танцами или «ландшафтным театром» с «ландшафтными скульптурами». В качестве форм

реализации ландшафтных скульптур в терапии могут быть использованы как сами скульптуры (готовые или специально созданные из природного материала), так и коллажи, инсталляции, ассамбляжи. Ассамбляж (от франц. *assemblage* – «сборка», «монтаж», «соединение») – один из видов современного искусства, когда композиции создаются из объемных деталей или целых предметов. Чаще эти объекты размещают на плоском основании, создавая трехмерную объемную картину, похожую на скульптуру. В отличие от инсталляции (от англ. *installation* – «установка», «монтаж») пространственной композиции, созданной из природных объектов (в контексте эко-арт-терапии), которая может состоять из нескольких взаимодействующих между собой частей, ассамбляж представляет собой смонтированный воедино творческий объект. С. Н. Моон отмечает, что «архитектура, дизайн интерьеров, ландшафтная скульптура и инсталляция приобретают для нас значение по мере того, как мы проникаемся интересом к среде как пространству для искусства и творчества» [9, с. 83].

Особой формой эко-арт-терапии является т.н. «терапевтическое средовое фотографирование», основанное на творческом взаимодействии с окружающей средой с использованием фотокамеры. «В фокусе внимания в процессе обсуждения созданных фотографий может оказаться значительно больший объем визуальной информации из «мира природы», чем доступный для непосредственного (телесного) контакта и собирания» [6, с. 7]. Объекты для фотографирования выбираются по заданным критериям: «все, что хотите», «на что-то похожее», под необычным ракурсом, составить композицию из природных материалов и сделать фото и т.д. В результате применения метода средового фотографирования можно достичь нескольких психотерапевтических эффектов – осознание и принятие своих чувств; катарсический эффект (эмоциональное облегчение, психологическое очищение через освобождение от негативных эмоций, подавленных переживаний и их трансформацию в

качественно новые чувства); проверка привычных паттернов поведения, открытие новых смыслов восприятия.

«Игры и церемонии на природе» популярный метод эко-арт-терапии, предполагающий творческое взаимодействие с окружающей средой ее природными материалами, когда участники создают художественные произведения (рисунки, коллажи, скульптуры, инсталляции и пр.) из подручных природных средств и совершают определенные действия (игры, ритуалы, церемонии, обряды и пр.), а найденные материалы приобретают символическую или метафорическую форму.

Свободные игры с песком или/и водой на природе способствуют активации психофизической динамики, преодолению физических зажимов, свободному самовыражению. Для подавляющего большинства людей песок связан с приятными ощущениями и воспоминаниями, ассоциирован с детскими впечатлениями о «песочнице» или с прибыванием у моря. В природе песок нередко соседствует и взаимодействует с водой. Вода во всех ее проявлениях в природной среде (море, река, озеро, лужа, дождь, снег) может стать активным участником терапии, быть средством релакса, приятных воспоминаний или выступать мощным триггером в психотерапевтической практике.

Методы экологической арт-терапии оказывают несколько положительных эффектов на психологическое здоровье человека:

- способствуют восстановлению тесной связи человека с природой, что снижает уровень стресса, тревоги и депрессии;
- предоставляют возможность человеку выразить свои чувства, мысли через творческий процесс, осознать и обработать свои эмоциональные проблемы, стимулируют самовыражение;
- создают благоприятную среду для социальной поддержки и взаимодействия, участники групповых форм эко-арт-терапии имеют

возможность поделиться своими идеями и взглядами на проблемы окружающей среды, что способствует формированию сообщества и сотрудничества;

- развивают экологическое осознание и ответственность – помогают человеку осознать важность сохранения окружающей среды, вдохновляют на действия, направленные на поддержание экологического равновесия;

- способствуют личностному росту и развитию, помогают обрести новое вдохновение, обновление и энергию: работа с природными материалами (растения, камни, вода и др.) вдохновляет на новые идеи и перспективы [1].

Заключение

Психотерапевтическое направление арт-терапии – экологическая арт-терапия основана на творческом взаимодействии человека и окружающей среды с целью укрепления его позитивных связей с природой, развития экологического сознания и мышления, поддержания творческого подхода к решению психологических проблем. Эко-арт-терапия возникла на стыке арт-терапии, психотерапии, экологической психологии, средовой психологии и экологии здоровья.

Методы эко-арт-терапии (ландшафтная терапия, терапевтическое средовое фотографирование, ландшафтная скульптура, ландшафтный театр, игры на природе, церемонии на природе, рисование на природе и др.) могут эффективно применяться в различных областях – психологии, психотерапии, педагогике, социальной работе, психологической коррекции, психопрофилактике и психологической реабилитации.

Эко-гуманитарный подход в современной психологии, педагогике, философии, искусстве, литературе и т.д. раскрывает новые возможности понимания здоровья и «нездоровья» человека в неразрывной связи с миром природы, а следовательно, позволяет создавать новые методы профилактики,

терапии, реабилитации и коррекции психологических, социальных, психических расстройств.

Литература/References:

1. Бойко О. В. Эко-арт-терапия как один из эффективных методов арт-терапевтической работы // Психологическая газета. – URL: https://dzen.ru/a/aNo9Y_OGj2bt_ILN (Дата обращения: 12.12.2025).
2. Валиуллина Е. В. Психологические особенности кризисов профессионального самоопределения в процессе высшего медицинского образования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 2 (46). – С. 131-134.
3. Валиуллина Е. В. Эмоциональный интеллект и потребности в саморазвитии в возрасте юности // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2021. – № 1. – С. 78-82.
4. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р., Начева Л.В., Нэш Г., Пивовар О.И., Селедцов А.М., Федосеева И.Ф., Хампе Р., Чжоу Т. – Москва, 2022.
5. Копытин А. И. Концептуальные основы эко-арт-терапии // Медицинская психология в России. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 4.

6. Копытин А. И., Лебедев А. А. Использование средового подхода в процессе клинической системной арт-терапии с ветеранами войн // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 7.
7. Ландшафтная терапия.pdf. – URL: [https://social.saratov.gov.ru/uplkbgb %20терапия.pdf](https://social.saratov.gov.ru/uplkbgb_%20терапия.pdf) (Дата обращения: 13.12.2025).
8. McNiff S. From the studio to the world // Art in action. Expressive arts therapy and social change / ed. by E.G. Levine, S.K. Levine. – London; Philadelphia: Jessica Kingsley, 2011. – P. 78-92.
9. Moon C. H. Studio art therapy: Cultivating the artist identity in the art therapist. – Philadelphia, PA: Jessica Kingsley, 2002.
10. Ulman E. The power of art in therapy // Psychiatry and art / ed. by I. Jakab. – New York: S. Karger, 1991. – Vol. 3. – P. 93-102.

САМОПОМОЩЬ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ ПОСРЕДСТВОМ ПИСЬМЕННЫХ ПРАКТИК

Вертынская Л. А.

Кафедра социальной и семейной психологии

Институт психологии БГПУ

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Республика Беларусь, г. Минск

Аннотация. В данной статье письменные практики рассматриваются как доступный и эффективный инструмент самопомощи в стрессовых ситуациях, которые необходимы для лучшего понимания себя, преобразования своего жизненного опыта, исцеления и изменения в предпочитаемую сторону. Описываются основные виды письменных практик, принципы и способы их

использования в повседневной жизни, а также преимущества работы, которые доказаны рядом проведенных отечественных и зарубежных исследований. Раскрываются идеи нарративного подхода, позволяющие содержательно углубить основания терапии письменным словом

Ключевые слова: самопомощь, стресс, психотерапия письменным словом, письменные практики, нарративные практики.

SELF-HELP IN STRESSING SITUATIONS THROUGH WRITTEN PRACTICES

Vertynskaya L. A.

Department of Social and Family Psychology

Maxim Tank Institute of Psychology

Belarusian State Pedagogical University,

Republic of Belarus, Minsk

Abstract. This article examines writing practices as an accessible and effective tool for self-help in stressful situations, which are necessary for better understanding oneself, transforming one's life experiences, healing and changing in the preferred direction. The main types of writing practices, principles and methods of their use in everyday life are described, as well as the advantages of the work, which have been proven by a number of domestic and foreign studies. The ideas of the narrative approach are revealed, allowing one to meaningfully deepen the foundations of therapy with the written word.

Keywords: self-help, psychotherapy with the written word, writing practices, narrative practices.

В условиях хронического или кратковременного стресса сложившаяся ситуация сталкивает человека с необходимостью внутренней оценки себя и происходящего. Ревизия имеющихся ресурсов с целью преодоления стрессовых

обстоятельств может порой сигнализировать о всевозможных дефицитах личностных качеств, физических сил, материальных средств. Нехватка внутренней устойчивости под влиянием тех или иных стрессоров формирует собой запрос на психологическое вмешательство либо поиск альтернативных способов совладания, которые могут помочь уравновесить состояние, привести его в положение условного баланса.

К одним из таких альтернативных вариантов самопомощи можно отнести письменные практики. Они доступны, компактны, экономически малозатратны и могут быть использованы как в домашних условиях, так и во время перемещения из одного места в другое [6, с. 12]. Они всегда рядом, и к ним можно обратиться в любой момент жизни. При наличии таких весомых преимуществ, важно понимать, зачем их использовать в качестве инструмента самопомощи, что они могут дать человеку, чтобы улучшить своё состояние?

Согласно проведенным исследованиям Дж. Пеннебейкера и Дж. Смита [5, с. 43-59], удерживание в себе острых актуальных переживаний, либо переживаний минувших дней, которые продолжают оказывать влияние на качество жизни в настоящем, приводит к многочисленным психосоматическим нарушениям, особенно, если речь идет о замалчивании травматического опыта.

Хранение тайны требует определенных усилий на самоцензуру в поступках, в словах и мыслях, а это значит, что приходится делать вид, что что-то действительно значимое является несущественным [5, с. 24]. Это способствует повышению уровня стресса. Если человек не выражает словесно что-то важное для себя, то это приводит к невозможности осмыслить переживание, отодвигая тем самым его встраивание в целостную историю своей жизни. То, что человек стремится вытеснить из памяти со временем вновь пытается вернуться и обратить на себя внимание в виде навязчивых интрузий, фантазий, сновидений [5, с. 31]. На них тратится значительное количество

наших ресурсов, обедняя свой запас при решении текущих вопросов или проблем. Важно отметить, что интеграции в жизненную историю порой требуют не только негативные переживания, но и сильные переживания, связанные с определенными социальными успехами, достижениями, позитивными изменениями, о которых либо некому рассказать, либо в предъявлении которых возникают опасения или неловкость.

Предложенный американским профессором Дж. Пеннебейкером метод экспрессивного письма, в статусе заботы о себе, позволяет отреагировать и осмыслить имеющиеся переживания, разорвав порочный круг замалчивания в стремлении к лучшему качеству жизни [5, с. 37]. Это важно для сохранения и укрепления как психического, так и соматического здоровья [5, с. 38]. Писать можно о любом опыте, который оказался под запретом, о котором не получилось сообщить окружающим из-за оказываемого социального давления или собственных страхов.

Польза от письменных практик в первые дни и месяцы после случившегося события, пошатнувшего или нарушившего внутренне равновесие человека, может заключаться в следующем [1; 2; 4]:

во-первых, письменные практики позволяют признать произошедшее, обозначив чувства и переживания, таким образом, начав придавать им организованность и определенную структуру для последующего осмысления;

во-вторых, появляется возможность устанавливать причинно-следственные связи, поскольку переживания начинают темпорально выстраиваться в хронологическую последовательность;

в-третьих, на уровне жизненной истории появляются новые контексты или дополнительные точки зрения, включение которых в структуру истории может приводить к более плотному и насыщенному описанию;

в-четвертых, в процессе письма история приобретает большую связность и понятность, что приводит к высвобождению какой-то части ресурсов для взаимодействия с реальностью в настоящем режиме времени;

в-пятых, за счет того, что автор истории стремится занять более рефлексивную позицию, появляется возможность менять свое отношение к произошедшему событию, тем самым снижая уровень стресса и постепенно возвращаясь к обыденному функционированию.

Терапия письменным словом имеет непосредственное отношение к нарративу, однако до сих пор в психологии идут споры о том, как пересекаются между собой нарративные практики, которые могут быть по преимуществу устными, с письменными практиками, которые не претендуют на нарративный подход? Часто эти два множества объединяют друг с другом, полагая, что это одно и то же, но на самом деле это два отдельных множества [3, с. 65], которые в каких-то реперных точках имеют возможности для пересечения. Наглядным примером может служить разработанные письменные практики Д. Кутузовой на основе нарративных вопросов, которая для их разработки уделила пристальное внимание изучению метода интенсивного дневника А. Прогоффа и идеям нарративного подхода, заложенным М. Уайтом [11; 12].

На уровне ведения дневника подход Айра Прогоффа позволяет увидеть, как человек вступает в диалог с окружающим миром, как он выстраивает свою жизненную историю, обладающую неповторимым узором смыслов и событий, символически наделяя ее чем-то большим по значению, чем просто хроника жизни [9, с. 126]. Работа с дневником помогает восстановить связность, вернуть направленность жизни в те отрезки времени [7, с. 19], когда происходящие ситуации вызывают тягостные переживания тревоги, бессмысленности, тотального бессилия или одиночества. Особенно действенным является ведение интенсивного дневника зарекомендовало себя при психотерапии затянувшихся

кризисов, где одни длительные временные промежутки и периоды, оказываются оторванными в восприятии от других [7, с. 16]. Подход А. Прогоффа сложен и не линеен, он насчитывает большое количество внутренних переходов, анализ которых помогает в ситуации значимых перемен, когда нужно понять: что закончилось? где ты находишься после этого? куда движется течение твоей жизни?

В 2006 году в Далвич-центре (the Dulwich Center, Аделаида, Австралия) была издана книга «Нарративный подход в работе с травмой» [8], где была опубликована статья Майкла Уайта о работе с людьми, пережившими множественную травму. В данной статье М. Уайт описал травму как нарушение значимых человеческих ценностей, идей, убеждений [8, с. 26]. Нарративный практик в своей работе не столько ставит перед собой цель отреагировать чувства, сколько он стремится сформировать безопасный контекст для встраивания этого опыта в осмысленную преемственность, создав насыщенное описание предпочитаемой истории [8, с. 33-34]. Однако как понять, что относится к предпочитаемой истории, а что нет? Например, человек встретил какое-то событие или какого-то другого человека на своем жизненном пути, как узнать, что это часть именно предпочитаемой его истории?

Согласно М. Уайту, речь идет о квазителесных ощущениях, где ощущение себя («Me Self») – это то, как человек переживает атмосферу своего внутреннего мира изнутри [8, с. 41]. Это и есть некоторый критерий распознавания. Если от чего-то человек ощущает больше принятия, тепла, движения значит это принадлежит его истории. Если же он встречается с кем-то или чем-то, что вызывает больше загнанности, холода, сдавленности, невозможности куда-то двигаться, то эта часть скорее принадлежит к проблемной истории, чем к предпочитаемой. В научных работах А. Прогоффа, где говорится о движении внутри жизни [7, с. 97-98], эти идеи совпадают.

Чувство себя («Me Self») и движение внутри жизни у А. Прогоффа – это одна и та же реальность, но описанная с разных сторон, в разных терминах. При этом отсутствует какая-либо конкретика в понимании, как все переходы дневника, похожие на лабиринт, где много разных ответвлений, движений в разных пространствах, персонажей, внутренних диалогов, смыслов, духовного опыта, связываются во что-то единое, как из всего этого разрозненного массива человек находит квинтэссенцию того, кем он является. При всей глубине и идейности, метод интенсивного дневника достаточно громоздкий, при беглом знакомстве с которым мало понятно, как его использовать в повседневной жизни. Ведь это не просто дневник, а дневник, предполагающий несколько глубоких погружений, использовать который на постоянной основе достаточно сложно.

Более удобным вариантом подобной письменной практики на повседневной основе может быть письменная терапия Кэтлин Адамс и ее лестница структурированности разных дневниковых упражнений [1]. По мнению, К. Адамс в зависимости от выраженности стресса необходимы к использованию письменные практики разные по своей структурной организации: от более структурированных к менее структурированным [1, с. 29]. Чем сильнее выражен уровень стресса, тем более структурированной должна быть работа, чтобы обеспечить безопасность психологического процесса.

В нарративной практике есть аксиома, что ни одна проблема не затрагивает жизнь человека на все сто процентов, всегда есть какие-то области, которые проблема не затрагивает или затрагивает их меньше; всё равно остается что-то, на что можно опереться [8; 12; 13]. Можно себя спросить: что в данной ситуации пострадало меньше? Такой вопрос помогает понимать, что человек и проблема – это не одно и то же. Проблема появляется, захватывает какие-то

области человеческой жизни, а потом уходит из нее. Но суть в том, что человек и проблема – это разные вещи, что уже само по себе приносит облегчение.

Человек создает историю своей жизни вместе с кем-то, собирая из культуры какие-то элементы для нее. Он одновременно и автор, и герой, и свидетель своего рассказа. Что же при этом значит быть автором собственной жизни? М. Уайт, отвечая на данный вопрос, подчеркивал разделение субъекта на три части, в зависимости от того, кто рассказывает историю: «I» - Я как субъект, «Me» - Я как объект, «Me Self» - ощущение себя [8, с. 72]. Быть автором – это значит признавать, что человек может чего-то хотеть, что-то выбирать, он способен видеть альтернативы и может на что-то влиять. Это ощущение расширения, ощущение силы, свободы, компетентности, а если всего этого нет, если есть противоположные ощущения (ничего не хочется, не получается, нет понимания и должной мотивации, нет свободы, не замечаются варианты и т.д.), то это про ощущение личной несостоятельности [8, с. 76-77]. В нарративном подходе это ощущение несоответствия, которое требуется вернуть. Пусть это несоответствие правилам в мире «здоровых» людей, но всё равно человек может очень многое, именно этим он и ценен. Есть травматическое прошлое, есть длящееся травматическое, есть предвосхищаемое травматическое [3, с. 55], в таких ситуациях терапия словом оказывается не работающей, потому что когда начинаешь рассказывать, где много чего сломалось или накопилось, можно прийти к ретравматизации [3, с. 63].

В связи с этим, при работе с письменными практиками важно соблюдать основные принципы их использования [10, с. 124]: 1) датирование, 2) степень структурированности записей должна зависеть от уровня выраженности стресса, 3) начинать писать только с хорошего, создавая надежное, устойчивое пространство идентичности, только после этого касаться негативного опыта.

Как лучше всего писать, чтобы появилось максимум пользы? На этот вопрос нет однозначного ответа, многое зависит от конкретного вида письменных практик [2; 3; 4; 6].

В качестве первого из них можно выделить дневниковые практики, их очень много, десятки разных подвидов и все их можно разделить, классифицировать по степени структурированности, но главное, что работа в них идет с текущим материалом в настоящее время.

Другой вид письменных практик – это работа с автобиографическими историями. Здесь разница в том, что человек, с которым происходило нечто, находится в прошлом, а человек, который осмысливает, что происходило, находится в настоящем. Между двумя этими темпоральными позициями может существовать драматическое напряжение. Разные подходы смотрят на эту проблему по-разному: есть точка зрения, что человек интегрирует прошлый опыт, не глядя на то, что в нем есть диссациированные воспоминания о событиях, которые привели к невозможности повествования об пережитом, поскольку этот значимый опыт до сих пор оказывается когнитивно и эмоционально заряженным. Обычно это что-то, что ранило, либо свидетельский опыт чего-то социально неприемлемого. Чтобы психологически защитить себя и не сойти с ума, когда человек обращается к данной истории из прошлого, он забирает из нее лучшее, самое ценное, что может помочь и поддержать себя. В результате можно извлечь некоторый урок, которым потом можно поделиться, ощутив сопричастность с другими людьми. Эту раненность важно признать и исцелить.

Третий вид практик – это терапия поэзией, поскольку порой мощное переживание никак не укладывается в линейную последовательность слов, тогда стихотворный конгломерат эмоционально нагруженных значений и образов

может быть подходящим способом, той отражающей поверхностью, с помощью которой дальше уже можно разворачивать переживание.

Четвертый вид практик - письма, основанные на вымысле, когда создается художественное произведение, описывая не на прямую о том, что происходило, а раскладывая опыт на какие-то составные части, создавая из каждой те или иные персонажи, где через их взаимодействие друг с другом какие-то вещи можно увидеть более выпукло и как-то к ним отнестись.

По своей сути письменные практики могут быть индивидуальны, а могут быть и групповыми (например, в сообществе, объединенном одной заботой) [2, с. 14]. Также они могут представлять собой утренний, либо вечерний самоотчет, а могут затрагивать более крупные периоды жизни [3 с. 20], если есть необходимость осуществить рефлексии какого-то более длительного отрезка времени.

Для организации и проведения таких письменных практик чаще выделяют три фазы [1, с. 57-62]: первую или подготовительную, в рамках которой происходит обращение к телесной структуре, фокус направляется на настройку дыхания и поиск удобного положения тела в пространстве; вторая фаза связана с погружением в переживание и предполагает экспрессивное письмо; третья фаза – это рефлексивное письмо, где важно трансцендировать над обозначенным переживанием, чтобы впоследствии иметь возможность действовать в соответствии с обнаруженными и заново обозначенными ценностями.

Поскольку в классическом варианте нарративной терапии на сеансе присутствует психотерапевт, который формулирует и задает вопросы, то при видении письменных записей, человеку самостоятельно необходимо научиться задавать себе хорошие вопросы. В таком случае, важно прийти к пониманию, что считать «хорошим» вопросом в нарративной традиции [11; 12; 13].

Во-первых, хороший вопрос побуждает человека к переосмыслению произошедшего в его жизни;

во-вторых, хороший вопрос дает возможность расшатать сформированную внутреннюю позицию или укоренившуюся дисфункциональную мысль, подвергнув их сомнению как сами собой разумеющиеся;

в-третьих, хороший вопрос провоцирует на новое исследование своего жизненного опыта с целью увидеть ранее неувиденное и сделать его осязаемым для переопределения и формирования текущего отношения; в-четвертых, хорошие вопросы могут приводить к устранению лакун в сюжете истории, приводя к ее более насыщенному описанию.

Кому могут быть полезны письменные практики на основе нарративных вопросов? Здесь может быть выделено несколько соответствующих категорий [10, с. 111-112]:

- люди, которые находятся в ситуации стресса или имеют непроработанный травматический опыт, который начал беспокоить в настоящее время и заметно снизил качество жизни;
- люди, которые по причине отсутствия безопасности (угрозы жизни), не могут распространяться о произошедшем;
- люди, которые находятся в ситуации социальной изоляции;
- люди, живущие в инокультурной среде, где подавляющее большинство разговаривает на другом языке;
- люди, которым по объективным или субъективным причинам проще писать, чем говорить о пережитом опыте;
- людям, чье материальное положение не позволяет психотерапию;
- людям, у которых запрос рассчитан на краткосрочную психотерапию;
- людям, стремящимся к повышению осознанности и продуктивности собственной жизни;

- людям, вступающим на новый этап своего жизненного пути, ожидающим существенных перемен или начинающим какой-то значимый проект и т.д.

Подводя некоторый итог статьи, можно зафиксировать, что жизнь состоит из событий, и письменные практики могут помочь конкретный момент жизни сделать лучше и из него действовать. Когда есть соответствующие записи, человек в большей мере может становиться исследователем себя, автором своей жизни. Письмо с опорой на нарративные вопросы раскачивает привычную стабильность, позволяя занимать новые территории идентичности, безопасно экспериментируя с движением в желаемом направлении.

Приватность письменных практик предоставляет возможности обходить самоцензуру, раскрепощаясь во взгляде на некую проблему, давая себе самоотчет, что об этом никто больше не узнает.

Литература / References:

1. Adams K. *Scribing the Soul: Essays in Journal Therapy*. Denver: Center for Journal Therapy, 2004. 158 p.
2. Desalvo L. *Writing as a Way of Healing: How Telling Our Stories Transforms Our Lives*. NY: Beacon Press, 2000. 240 p.
3. Field S., McCloskey K. *Treating Traumatic Stress in Adults The Practitioner's Expressive Writing Workbook*. Taylor & Francis Group: Routledge, 2015. 160 p.
4. Lepore, S. J., Smyth, J. M. *The Writing Cure: How Expressive Writing Promotes Health and Emotional Well-Being*. Washington: American Psychological Association, 2002. 304 p.
5. Pennebaker J. W., Smyth J. M. *Opening Up by Writing It Down: How Expressive Writing Improves Health and Eases Emotional Pain*. NY: The Guilford Press, 2016. 210 p.

6. Pipher M. Writing to Change the World: An Inspiring Guide for Transforming the World with Words. USA: Riverhead Books, 2007. 272 p.
7. Progoff, I. At a Journal Workshop: The Basic Text and Guide for Using the Intensive Journal. NY: Dialogue House, 1992. 432 c.
8. White, M. Working with people who are suffering the consequences of multiple trauma: A narrative perspective. In Denborough D. Trauma: Narrative responses to traumatic experiences. Adelaide: Dulwich Center Publication, 2006. P. 25-85.
9. Кутузова Д. А. Ведение «структурированного дневника» по методу Айры Прогоффа // Консультативная психология и психотерапия. 2009. Том 17. № 1. С. 121–135.
10. Кутузова Д. А. Письменные практики в работе с семьей // Семейная психология и семейная терапия. 2012. № 2. С. 110-128.
11. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.
12. Уайт М. Нарративная практика. Продолжаем разговор. Москва: Генезис, 2022. 250 с.
13. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: истории и рассказы как терапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 368 с.

АРТ-ТЕРАПИЯ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ

Воровко О. В.

Кафедра психологии

Инженерно-педагогический факультет

Белорусский национальный технический университет

Республика Беларусь, г. Минск

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы групповой арт-терапии, примененной в ходе реализации программы «Психологическое сопровождение успешности профессиональной деятельности работников нетворческих профессий». Проанализированы арт-терапевтические упражнения «Изобрази стресс» и «Ластик», с помощью которых участникам программы удалось минимизировать проявления стресса, показана их эффективность.

Ключевые слова: арт-терапия, факторы психотерапевтического воздействия, стресс.

ART THERAPY FOR STRESS SITUATIONS

Vorovko O. V.

Department of Psychology

Belorussian National Technical University

Republic of Belarus, Minsk

Abstract. This article examines the key stages of group art therapy used during the «Psychological Support for Professional Success in Non-Creative Workers» program. The art therapy exercises «Depict Stress» and «Eraser» are analyzed, helping program participants minimize stress, and their effectiveness is demonstrated.

Keywords: art therapy, factors of psychotherapeutic influence, stress.

Арт-терапия – метод психотерапии, основанный на использовании в качестве психотерапевтического средства – художественного творчества и его

результатов: картины, музыка, стихи, лепка и т.д. Какие цели преследует этот метод. В первую очередь, необходимо очистить наше бессознательное от: болезненных переживаний, несущих негативный оттенок, таких как страхи, воспоминания из прошлого; отрицательных эмоций; научиться справляться с хаотичным мышлением и уметь управлять им, тем самым посылая энергию, для решения творческих задач. Изучаемый метод позволяет раскрыть глубины нашего подсознания, освободить его от переживаний, проблем, накопленных за все время, т.е. познать себя для того, чтобы установить контакт со сверхсознанием и узнать психологические приемы преодоления психологических кризисов [1, с. 3-4].

Благодаря художественному творчеству можно получить доступ к этим переживаниям и проблемам, путем установления тесного контакта с клиентом. Люди склонны сублимировать накопившуюся негативную энергию, деструктивные проявления в творчество [2, с. 16; 3, с. 46]. Таким образом, арт-терапия – терапия изобразительным искусством (рисование, лепка, музыка, танец), направленная: на улучшение эмоционального состояния человека и снижение стресса; на гармонизацию психического состояния, через самопознание путем создания художественных образов, отражающих внутренний мир человека, т.е. самовыражение.

Разрешение конфликтов позволяет перейти профессиональному сообществу на новый уровень его развития, что отражено в процессуальной модели Д. Уэллера [4].

В арт-терапии важен сам процесс творчества, игнорирующий профессионализм автора и какие-либо эстетические критерии, важны искренность, полнота самовыражения [2, с. 22].

Ч. Ломброзо [5] отметил, что психические расстройства способствуют творчеству, активизируют воображение, придавая выразительность, оригинальность художественному языку автора.

Выделяются основные факторы психотерапевтического воздействия. Первый из них – *художественная экспрессия*. В гуманистической психологии он связывается с самовыражением, самоактуализацией [6; 7; 8 с. 411-412, 448 с.] трансперсональном подходе – с катарсисом [9, с. 87], в психоаналитическом [3, с. 46], как отмечалось ранее – с сублимацией, как переводом негативного инстинктивного импульса – в художественно-образное представление. Творчество выполняет компенсаторную функцию, рассматриваемое во взаимосвязи с фантазиями и сновидениями [10, с. 48, 110, 117, С. 134-135, 172].

В процессе арт-терапии клиент до создания образов использует изобразительные материалы, осуществляет над ними контроль и тем самым, структурирует поведение и организует психические процессы, для того чтобы дать возможность своим чувствам, внутриличностным конфликтам, потребностям отреагировать. Для достижения психотерапевтического эффекта необходимо понять, что предшествует созданию художественного образа, и что за этим далее следует. Манипуляция с изобразительными материалами, акцент на художественном творчестве выступает средством психологической защиты [2, с. 52].

Фактор психотерапевтических отношений является одним из ведущих факторов психотерапевтического воздействия, как установление с клиентом эмоционального контакта и организация его деятельности, создание атмосферы безопасности и терпимости, для обоюдного обмена образами, чувствами, эмоциями, идеями [2, с. 54].

Очень важно в процессе арт-терапии осознавать содержание своего внутреннего мира, его связь с системой отношений, в этом клиенту может

помочь арт-терапевт, главная задача которого в этом и заключается. Таким образом, выделяется следующий фактор психотерапевтического воздействия – *интерпретации и вербальной обратной связи* [2, с. 62].

Фактор внутригрупповых коммуникативных процессов и отношений, это процессы и отношения, между членами группы и членов группы с психологом. Межличностные отношения между членами группы имеют даже большее значение, чем отношения с психологом.

Арт-терапевтическая работа проводилась на базе ТКУП «Универмаг Беларусь» и являлась частью программы «Психологическое сопровождение успешности профессиональной деятельности работников нетворческих профессий» [11], направленной на повышение стрессоустойчивости и минимизацию проявлений симптомов эмоционального выгорания. Участниками выступила группа работников торговли (n=19), активных участников художественной самодеятельности, это те, кто помимо своей основной работы, заняты не профессиональной деятельностью и имеют возможность самовыражения в творчестве. Состав группы был постоянным, с фокусировкой на каких-либо значимых для них проблемах. Участники были проинформированы о характере, задачи и содержании арт-терапевтической работы, работа велась на добровольной основе.

На начальном этапе была создана атмосфера максимального комфорта, высокой терпимости, защищенности и безопасности, путем формирования системы отношений «психолог-клиент», с отреагированием участниками своих потребностей, страхов, чувств, переживаний, отражающих отношение к психологу.

Для преодоления внутреннего сопротивления к изобразительной деятельности, психолог дополнительно разъяснял участникам особенности арт-терапии, отличие любительского творчества от профессионального,

допустимость любых форм проявления экспрессивного поведения, способных помочь им справиться с внутренним сопротивлением.

Осознание психологического содержания изобразительной деятельности происходило на этапе укрепления и развития психотерапевтических отношений, что было необходимо для продуктивной изобразительной деятельности. Участники испытали чувство глубокого удовлетворения от созданных ими изобразительных шедевров, так как увидели в своих художественных образах смысл и связь со своим опытом, с содержанием внутреннего мира и системой отношений, позволившим открыть в себе новые возможности, а не потому, что их творчество им казалось красивым или нравилось.

В качестве арт-терапии использовалось упражнение «Нарисуй стресс», суть которого заключалась в том, чтобы участники изобразили стресс на бумаге. Благодаря этому упражнению, участники по-новому увидели то, что провоцировало или вызывало у них стрессовое состояние. Ниже приведены зарисовки стресса (Рисунок).

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30					

Чт - стресс
Вс - не от стресса

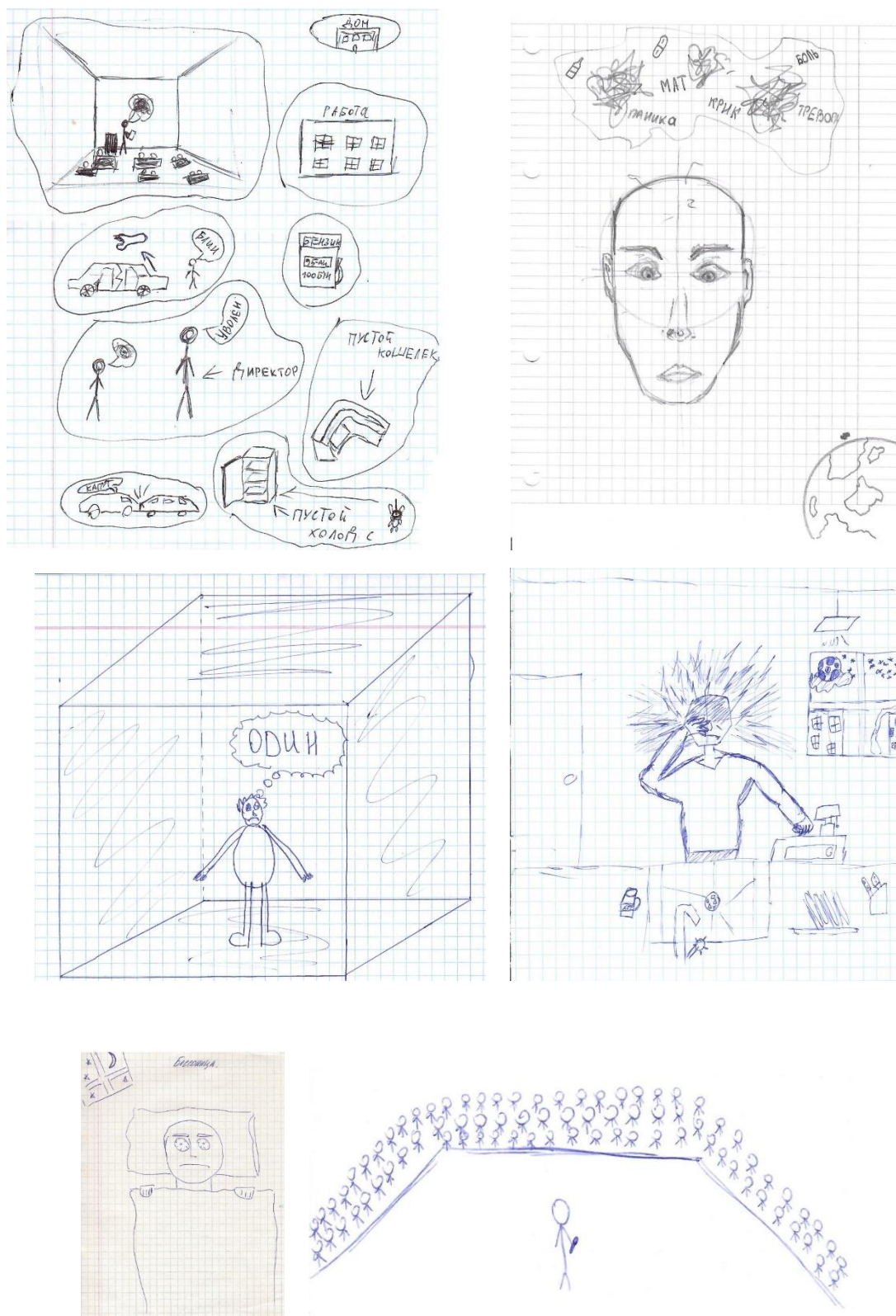

Рис. 1. - Стресс глазами работников торговли.

На завершающем этапе было предложено упражнение «Ластик», как один из способов решения проблемы, приведшим к достижению определенного психотерапевтического эффекта, – возможности научиться самостоятельно справляться с жизненными трудностями. Перед тем, как уничтожить (стереть) изображение, проводилось активное обсуждение в группе, позволившие получить групповую поддержку и варианты решения проблемы от других участников группы.

В упражнении «Ластик» согласились участвовать все участники добровольно, они без малейшего сожаления далее, не колеблясь, уничтожили свой стрессовый образ. С его помощью они поняли, что справиться со стрессом, они могут собственными силами, а не только с помощью ластика. Произошло выплескивание чувств, из-за уничтожения фактора, вызывающего стресс.

Положительная роль деструкции художественного образа заключается в том, что она отражает интернализацию. Участник тренинга в своих воспоминаниях сохраняет в своих воспоминаниях созданные образы, как опыт арт-терапевтической работы, и в дальнейшем ему не придется цепляться за свои изображения [12; 13; 14]. Разрушая продукты изобразительной деятельности, таким образом, участник дистанцируется от травматического опыта, а созданный образ, в нашем случае, изображенный стресс, не оказывает на него травматическое воздействие, к нему возникает холодно-равнодушное отношение, и человек становится хозяином своих чувств, способным контролировать их проявление. В этом заключается целительная сила метода арт-терапии, как и творчества в целом [15; 16].

Резюмируем, арт-терапия примененная, в ходе реализации программы «Психологическое сопровождение успешности профессиональной деятельности работников нетворческих профессий», оказала благотворное воздействие на участников, благодаря которой они научились справляться со стрессовыми

ситуациями, научились взаимной поддержке, совместному решению проблем, развить ценные социальные навыки, повысить самооценку, развить навык принятия решений. Психолог в ходе работы мог наблюдать, как поведение одного участника, влияет на поведение других участников группы.

Литература/References:

1. Будза, А. Арт-терапия: Йога внутреннего художника / А. Будза. – М. : ООО «Изд-во АСТ» : «Изд-во Астрель», 2002. – 288 с.
2. Копытин, А. И. Теория и практика арт-терапии / А. И. Копытин. – СПб. : Питер, 2002. – 368 с.
3. Фрейд, А. Эго и механизмы защиты. Избранные труды по психоанализу / А. Фрейд. – М. : ИОИ, 2016. – 133 с.
4. Waller, D. Becoming a Profession : The History of Art Therapy in Britain / D. Waller. – London; New York : Routledge, 1991. – 290 p.
5. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо ; пер. с ит. Г. И. Тетюшиновой. – М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012. – 348 с.
6. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2017. – 448 с.
7. Мэй, Р. Мужество творить / Р. Мэй // Пер. с английского – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 152 с.
8. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека : Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Исениной Е. И. // К. Р. Роджерс. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994 . – 480 с.
9. Кулка, И. Психология искусства / И. Кулка // Пер. с чешск. – Х. : Изд-во Гуманитарный центр / Олива И. В., 2014. – 560 с.
10. Адлер, А. Индивидуальная психология / А. Адлер. – СПб. : Питер, 2017. – 256 с.

11. Марищук, Л. В. Психологическое сопровождение творчества работников нетворческих профессий / Л. В. Марищук, О. В. Воровко // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. ст. / Респ. ин-т проф. образования. – Минск, 2022. – Вып. 12. – С. 242-251.

12. Patrik, J., Winship, G. Creative therapy and the Question of Disposal : What Happens to Createu Pieces Following the Session? / J. Patrik, G. Winship // British Journal of Occcupational Therapy. – 1994. – Vol. 57 (1) – P. 20-22.

13. Воровко, О. В. Стрессоустойчивость студентов технического университета / О. В. Воровко // Социально-философские, правовые и исторические аспекты здравоохранительной деятельности / Вестник Башкирского государственного медицинского университета. – Специальный выпуск. – 2025. – № 52 – С. 125-129.

14. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

15. Марищук, Л. В., Воровко, О. В. Самовыражение в творчестве как фактор преодоления эмоционального выгорания / Л. В. Марищук, О. В. Воровко // Проблемы социальной психологии и социальной работы : XX Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция с международным участием, 11 апреля 2025 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2025. – С.50-52.

16. Воровко, О. В. Различия в успешности профессиональной деятельности успешных работников торговли самовыражающихся в художественном творчестве и не самовыражающихся в нем / О. В. Воровко // Психологическое

сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст. / Респ. ин-т проф.
образования. – Минск, 2025. – Вып. 15. – С. 262-271.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД: АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ПРИ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЕ

Говорова Г. М., Дарсалия О. В.

*ГБУЗ «Кузбасский клинический наркологический диспансер
имени профессора Н.П. Кокориной», Россия, г. Кемерово*

Аннотация. В условиях кризисного стационара пациенты с бронхиальной астмой (БА) часто демонстрируют высокий уровень тревоги, страха смерти и психосоматические наслоения, утяжеляющие течение заболевания. Традиционная терапия не всегда в полной мере учитывает эти аспекты. В данной статье обосновывается эффективность интегративного подхода, в котором арт-терапия выступает ключевым инструментом психологической коррекции. Рассматриваются механизмы влияния творческого самовыражения на психоэмоциональное состояние и соматический статус пациентов. Анализируются данные исследований, подтверждающие снижение тревожности и улучшение качества жизни при включении арт-терапии в стандартный протокол лечения, а также специфика применения этих методик в условиях кризисного отделения.

Ключевые слова: арт-терапия, бронхиальная астма (БА), нервно-психический стресс, психотерапия.

INTEGRATIVE APPROACH: ART THERAPY AS A TOOL FOR PSYCHOLOGICAL CORRECTION IN BRONCHIAL ASTHMA

Govorova G. M., Darsalia O. V., Zorohovich I. I.

*Kuzbass Clinical Narcological Dispensary
named after Professor N.P. Kokorina*

Abstract. The purpose of the study was to evaluate the effectiveness of psychotherapy in the complex treatment of patients with bronchial asthma (BA) and to develop psychotherapeutic treatment regimens. The following three options were used: nonspecific desensitization using the method of neurolinguistic programming, symptomatic psychotherapy and pathogenetic psychotherapy to correct the psycho-emotional background. Complex treatment was more effective than drug therapy without psychotherapeutic influence in relation to symptoms of the neuropsychiatric mechanism of AD pathogenesis and clinical signs during long-term follow-up. The article discusses the etiology of bronchial asthma and psychosomatic factors in the development of asthma.

Keywords: bronchial asthma (BA), neuropsychic stress, psychotherapy.

Введение

Бронхиальная астма является одним из самых распространенных психосоматических заболеваний, в механизмах развития и течения которого ключевую роль играют эмоциональные факторы. Попадание пациента в кризисное отделение (обострение, астматический статус) само по себе является мощным психотравмирующим событием. Страх удушья, чувство беспомощи, инвазивные медицинские манипуляции — всё это формирует порочный круг: тревога усиливает бронхоспазм, что, в свою очередь, усугубляет тревогу

Ухудшение окружающей среды и резко возросшее число вредных психологических воздействий привело к увеличению распространенности нервно-психических расстройств и тех соматических заболеваний, в механизмах возникновения которых большую роль играют эмоциональные, то есть психосоматические факторы. В настоящее время признается роль следующих психических факторов в возникновении и развитии психосоматических заболеваний: хронический неконтролируемый стресс, тревога, депрессия,

алекситимия, подавленная агрессия. Для некоторых из них выявлены определенные нейрофизиологические и нейромедиаторные корреляты. Рассматриваются так же уровень враждебности и уровень аутоагрессии (или чувство вины).

В современной отечественной и зарубежной литературе широко представлены работы, указывающие на большую частоту нервно-психических расстройств и их роль в развитии и течении бронхиальной астмы. При этом основной акцент делался на изучении феноменологии психических состояний, обусловленных конфликтами, а также психотравмирующих обстоятельств.

Большинство психогенетических концепций бронхиальной астмы, выдвинутых зарубежными авторами, выполнены с психоаналитических позиций. Наиболее интересными из них являются концепции «нуклеарного конфликта» и «специфического отношения», первая из которых принадлежит Ф. Александер, а вторая Н. Миллера.

Авторы указывают на то, что корни развития защитно-приспособительного значения симптома бронхоспазма заключается в особенности ранних отношений матери и больного ребёнка. В нашей культуре такие отношения можно назвать «люблю и ненавижу», когда при сближении отношений мать чувствует раздражение и чувство вины за него, а ребёнок – материнское негодование и отчуждение. Это порождает страх и тревогу, а открытое проявление чувств запрещается матерью («не плачь, перестань кричать») и связано с опасением оттолкнуть её. Блокирование вербального канала коммуникации компенсаторно вызывает развитие телесных коммуникабельных связей, к которым относится и стремление получить одобрение и тёплое отношение матери посредством астматических симптомов.

В дальнейшем эти симптомы становятся для астматика способом манипулирования лицами значительного окружения, а для семей с «тлеющим»

невротическим конфликтом, от решения которого они уходят в силу своих невротических черт, способом сохранения семейного «гомеостаза». Физиологический смысл бронхоспазма в результате увеличения уровня тревоги авторы видели в её защитном значении. Они считали, что бронхоспазм – это реакция защиты от угрожающего агента, и такое же значение, но уже с включением более высоких уровней реагирования, несёт в себе симптом тревоги.

Физиологический конфликт при бронхиальной астме имеет своё продолжение в психологическом конфликте, в эмоциональной жизни многих астматиков. Известно, что материнское отвержение играет центральную роль в возникновении нервно-психического механизма патогенеза бронхиальной астмы. Установлено, что в ряде случаев материнское отвержение не только предшествовало заболеванию ребёнка, но оно предшествовало и его рождению. Причины её отвержения проистекают из её собственной эмоциональной незрелости, неразрешённых проблем, имевших место в её детстве.

Высказывается мнение о том, что бронхиальная астма является своеобразной формой адаптации человека к окружающей среде. При этом в фокусе внимания оказываются как особенности личности больных, условия их воспитания в родительских семьях, так и их собственные семье и характер взаимоотношений в них, оказывающие влияние на развитие и течение астматических симптомов. Под микросоциальной средой при этом понимается и семейная, и производственная, а также любая другая среда, в которой астматический симптом может быть использован в качестве патологической адаптации. Для родительских семей больных бронхиальной астмой с нервно-психическим механизмом патогенеза характерно преобладание ригидной иерархизированной структуры.

Родители больных часто обладают контрастными личностными чертами, обуславливающими и их семейные позиции; выражено доминирующая роль

властной матери, принимающей большую часть семейных решений, сочетается с зависимо-подчинённой позицией отца. Подобная инертность, негибкость правил функционирования семьи обуславливает пониженную толерантность семьи к стрессам, особенно в кризисных ситуациях, требующих разумного изменения семейного функционирования, пересмотра семейных ролей, прав и обязанностей членов семьи. Согласно клинико-психологическим исследованиям, в поддержании этого ригидного стереотипа взаимодействия в семьях важная роль принадлежит астматическим симптомам больного, особенно провоцируемым по шунтовому механизму.

Подобный стереотип избегания конфронтации с конфликтами, поддержанием которого является условием реализации привычных форм психологической защиты членов семьи, способствует частому проявлению астматических симптомов, хронизации заболевания.

О нервно-психическом механизме патогенеза бронхиальной астмы говорят в том случае, когда нервно-психические факторы способствуют провокации и фиксации астматических симптомов, тесно вплетаются в патогенез заболевания, приводят к усугублению биологического дефекта. Выделяют четыре варианта нервно-психического механизма патогенеза бронхиальной астмы: невротеноподобный, истероподобный, психостеноподобный, смешанный (шунтовой).

Для каждого варианта свойственны внутри- и межличностные невротические конфликты. Внешние проявления зависят от личностных особенностей пациентов, варианта поведения, которое санкционируется в данной микросоциальной среде и служит целям адаптации пациентов. Начало формирования нервно-психического механизма патогенеза бронхиальной астмы наблюдается и у больных в состоянии предастмы. При сочетании актуализации невротического конфликта и обострения респираторной патологии

психозмоциональное напряжение канализируется по соматическому пути. И хотя на окружающих ещё не производит должного «впечатления» дыхательный дискомфорт, хрипы, надсадный кашель, но уже формируется обстановка повышенного внимания, заботы и исключительности роли больного, столь желаемые инфантильными, зависимыми, но с высоким уровнем притязаний к окружению, истероидами.

Личностные особенности и невротические нарушения, а также неадекватные личностные реакции на заболевание (тревожно-депрессивные, фобические, анозогностические, псевдоанозогностические истерические, ипохондрические) определяют деструктивные формы поведения больных, которые затем трансформируются в поведенческие стереотипы, облегчающие развитие астматических симптомов по нервно-психическому механизму.

С учетом актуальности комплексного лечения данного заболевания в отделении кризисных состояний было пролечено 18 пациентов, женщины в возрасте от 28 до 64 лет. Для оценки психического состояния и выявления личностных особенностей больных перед началом лечения проводилась психодиагностическое обследование. Были применены следующие методики психодиагностики:

1. Опросник ММРІ, с целью оценки психического состояния, реагирования на стрессовую ситуацию и понимания личностных основ клинического синдрома.

2. Личностный опросник Бехтеровского института (ЛОБИ), который дает оценку степени влияния болезни на личностный статус больного бронхиальной астмой, исходя из понимания того, что углубление негативной установки на болезнь затрудняет проведение психотерапии.

3. Метод диагностики межличностных отношений (ДМО), который представляет собой модифицированный вариант интерперсональной

диагностики Т. Лири. Методика позволяет описывать особенности психосоциального реагирования исходя из психофизиологических особенностей личности больного бронхиальной астмой.

У пациентов с бронхиальной астмой, находящихся на лечении в ОКС, преобладали высокие показатели 1-й шкалы, 2,3 и 7 шкал. Показатели 1 шкалы в структуре невротической триады свидетельствовали о наличии механизма защиты по типу «бегства в болезнь», при этом болезнь являлась ширмой, маскирующей стремление переложить ответственность за существующие проблемы на окружающих - единственным социально приемлемым способом оправдания своей пассивности.

При показателях 1-й шкалы, которые превалировали над 3-й, выявилось пассивное отношение к конфликту, уход от решения проблем, эгоцентричность, маскируемая декларацией гиперсоциальных установок. Эти пациенты, страдали в детстве от недостатка эмоционального тепла со стороны близких, и лишь в периоды, связанные с какой-либо болезнью, их окружали вниманием, что способствовало закреплению механизма, защиты от проблем «бегством в болезнь». Наличие такого механизма защиты, свидетельствует об эмоциональной незрелости, что особенно явно в структуре переживаний невротической личности, когда компенсирующая роль защитного механизма перерастает в устойчивый неконструктивный стиль переживания, снижающий уровень свободноплавающей тревоги, но оставляющий достаточно выраженной эмоциональную напряженность.

В поведении пациентов данного типа борьба с болезнью трансформировалась, по сути дела, в борьбу за право считаться больным, так как статус больного для них (как правило — неосознанно) представляет собой нечто вроде алиби по отношению к чувству вины за недостаточную социальную активность. Отсюда нередко возникающее отношение к своему заболеванию, т.

е. стремление быть более социально защищенным и поддерживаемым в качестве хронически больного со стороны различных общественных институтов (лечебных, профсоюзных, социального обеспечения) или членов семьи.

Повышение по 2-й шкале выявляло подавленность, повышенную утомляемость, снижение активности. Высокие показатели 3 шкалы указывали на эмоциональную лабильность, склонность к выраженным вегетативным реакциям в ситуации стресса. Им характерны защитные механизмы проявляющиеся вытеснением из сознания той негативной информации, которая является конфликтогенной или наносит урон репутации личности, субъективному образу собственного «Я» и трансформация психологической тревоги на организменном (биологическом) уровне в функциональные нарушения. Эти механизмы, дополняя друг друга, создали почву для психосоматических расстройств. Сочетание высоких показателей 7 шкалы и 1 шкалы свидетельствовало о соматизации тревоги, преобладании тревожно – мнительных черт личности.

Данные ДМО подтверждают выявленные особенности в социальной сфере. Проводя параллель между некоторыми клиническими особенностями состояния больных бронхиальной астмой и показателями ДМО, можно сделать вывод о соответствии показателей тем аспектам поведения, которые сказываются на межличностных отношениях. Обнаружена выраженная тенденция к фиксации неприятных соматических ощущений и склонность к болезненной сосредоточенности на своем здоровье, к жалости по отношению к самому себе. Невротическая «зажатость» и выраженная ориентация на общепринятые нормы поведения вследствие подавленной самоактуализации и агрессивности, компенсаторно проявляются в догматизме и мелочной тирании в узком кругу контактов. Для таких больных характерен психосоматический (биологический) способ защиты с уходом в болезнь.

По данным ЛОБИ больные бронхиальной астмой реагировали на болезнь эгоцентрически, ипохондрически, таким образом, используют болезнь как средство социального общения, получения внимания, внутреннее переживание.

По данным комплексной диагностики у больных бронхиальной астмой ведущими патopsихологическими синдромами выступают ипохондрия, депрессия, истерия и психастения, то есть обнаруживается полный спектр невротических синдромов. При этом у больных резко снижены проявления психопатических черт личности, что говорит о пассивной реакции на заболевание, его удержании за счет подавления индивидуальной активности и ориентации на социальные нормы.

Невротическая «зажатость» и выраженная ориентация на общепринятые нормы поведения выступают как гиперкомпенсация подавленной самоактуализации и агрессивности, проявляющейся в догматизме и мелочной тиранией в узком кругу контактов, что находит свое выражение в показателях межличностных отношений. Эти характеристики особенно ярко проявляются в ситуации болезни, выступая как индивидуальные механизмы ее переживания. Для них характерен психосоматический (биологический) способ защиты с уходом в болезнь. В этой ситуации низкая мотивация, присущая этим людям, подтверждает ситуацию ухода, а болезнь используется для стимулирования внутренних переживаний, наполненности внутреннего мира, не развитого преморбидно.

Невротическая нестабильность, истощенность, присущая этим больным, может являться следствием патологического соматического процесса, но, учитывая вышеперечисленные показатели по данным других методик, их устойчивость и комплексность проявлений, можно сделать вывод о предпосылках такого рода в развитии бронхиальной астмы, их включении в преморбидную личность больного. Исходно неадекватные личностные реакции

на заболевание определяют деструктивные формы поведения больных, которые затем трансформируются в поведенческие стереотипы, облегчающие развитие астматических симптомов по нервно-психическому механизму.

В диагностике мотивации у больных обнаружили низкие показатели всех мотиваторов социальной активности (достижение успеха, потребность в аффилиации, стремление к власти) и преобладание мотивации на неудачу. Таким образом, мотивационная сфера больных характеризуется негативной установкой на болезнь, низкой внутренней стимуляцией, что косвенно поддерживается социальным проявлением бронхиальной астмы для привлечения внимания, стимуляции извне внутренних переживаний.

Показания к психотерапии определялись на разных уровнях (социальном, психологическом, биологическом), воздействовать на возможные проявления тех синдромов, коррекция которых возможна с помощью психотерапии.

Целью нашего исследования являлось определение показаний к психотерапии на основе системного биопсихосоциального подхода с изучением особенностей психофизиологического реагирования личности больного бронхиальной астмой на болезнь; изучением психологических особенностей личности; изучением социальных особенностей больных бронхиальной астмы с учетом разработки новых поведенческих элементов в процессе психотерапии болезни. На основе полученных данных были сформулированы задачи психотерапии.

Теоретические задачи:

1. Провести анализ научной литературы по проблеме психосоматических соотношений при бронхиальной астме (рассмотреть «астмогенные» личностные профили, триггеры).

2. Охарактеризовать специфику психологического статуса пациентов кризисного отделения (высокий уровень стресса, дезадаптация, суицидальные риски, острые аффективные реакции).

3. Обосновать целесообразность применения интегративного подхода в арт-терапии (сочетание символдрамы, гештальт-терапии и телесно-ориентированных практик) для работы с «зажатым» дыханием и подавленными эмоциями.

Методические задачи: подобрать диагностический инструментарий для оценки психологического состояния (уровень тревоги, депрессии, качество жизни, алекситимия) и респираторной функции (субъективная оценка затруднения дыхания), разработать программу интегративных арт-терапевтических занятий для пациентов с бронхиальной астмой в условиях кризисного отделения (с учетом краткосрочности пребывания и тяжести соматического состояния).

Результаты и обсуждение

Основными целями психотерапии являлись – воспитание гибкости, умение находить новые, эффективные стратегии поведения; накапливать и рационально использовать энергетические ресурсы; изыскивать, сохранять и развивать ресурсные состояния, обеспечивать активность, умение позитивно мыслить.

Психотерапия пациентов с бронхиальной астмой проводилась в индивидуальной и групповой форме ежедневно, 5 раз в неделю в течении месяца.

Использовались разные направления психотерапии:

- аутогенная тренировка с дыхательной гимнастикой, с целью снижения психоэмоционального напряжения, повышения жизненного тонуса и работоспособности, овладения навыками саморегуляции, повышения функциональной возможности дыхательного аппарата больного.

- гипноссуггестивной психотерапии с целью воздействия на психопатологические нарушения – страх, астению, депрессию, ипохондрию.

- когнитивно-поведенческая терапия для формирования правильных взглядов на свое заболевание, изменение жизненной позиции пациента, выработки умения преодолевать жизненные трудности, снижать психозмоциональное напряжение в конфликтной ситуации.

Так же проводилась семейная психотерапия с целью нормализации семейного климата, выработки правильного отношения членов семьи к больному.

Результаты психотерапии отслеживались в динамике. При повторном проведении психодиагностического обследования у 11 пациентов с бронхиальной астмой снизились показатели шкал тревоги и депрессии, у 7 пациентов изменились результаты 1 шкалы – повысилась активность, продуктивность, снизилась невротическая фиксация на своем соматическом состоянии. Важным показателем для большинства пациентов явилось изменения стиля эмоционального реагирования, повышение толерантности к стрессу. Изменились поведенческие стереотипы – пациенты научились выражать свои эмоции, говорить о своих чувствах и пожеланиях. Таким образом, можно сделать вывод об эффективности психотерапии бронхиальной астмы с учетом снижения ипохондричности, эмоциональной нестабильности, невротической зажатости, повышения самооценки, активности и продуктивности.

Практические аспекты и методы работы

В условиях кризисного отделения предпочтение отдается краткосрочным, простым в исполнении и высокоэффективным техникам. Формат занятий может быть как индивидуальным (для пациентов в тяжелом состоянии), так и групповым (на этапе выздоровления).

Отечественный и зарубежный опыт позволяет выделить несколько наиболее релевантных методик [3, 7, 10]:

1. **Проективный рисунок «Я и моя астма»:** Пациенту предлагается изобразить свое заболевание. Анализируются не художественные способности, а используемые цвета, форма, символы. Часто астма изображается в виде давящего пресса, колючей проволоки или темного пятна. Последующее обсуждение рисунка помогает вербализовать подавленные чувства.

2. **Рисование мандал:** Создание круговых композиций обладает естественным релаксационным эффектом, нормализует эмоциональное состояние и помогает снизить уровень тревоги, гармонизируя внутреннее состояние пациента [10].

Заключение

Интегративный подход, рассматривающий бронхиальную астму как сложное психосоматическое заболевание, открывает новые горизонты для терапии в кризисных отделениях. Арт-терапия в этом контексте выступает не просто как «отвлекающее занятие», а как научно обоснованный клинический инструмент, позволяющий эффективно купировать тревогу, снижать страх смерти, улучшать качество жизни и, в конечном итоге, влиять на соматическое состояние пациента.

Включение арт-терапевтических методик в рутинную практику кризисного стационара требует подготовки персонала и организации специального пространства, но экономическая и клиническая эффективность такого подхода, подтвержденная исследованиями, делает его крайне перспективным направлением развития современной психосоматической медицины.

Литература/ References:

1. Бехтерев В.М. Гипноз. Внушение. Телепатия. - М.: Мысль, 1994, 54с.

2. Болезни органов дыхания. / Под ред. Н.Р. Палеева, М.: Медицина, 1989, 186с.
3. Бронхиальная астма, диагностика клинико-патогенетических вариантов. - / Сост. Б.М. Услонцев, 1988, 148с.
4. Зейгарник Б.В. Патопсихология. - М.: МГУ, 1986, 288с.
5. Карвасарский Б.Д. Медицинская психология. - Л.: Медицина, 1984, 272с.
6. Кондрашенко В.Т., Донской Д.И. Общая психотерапия: - 3-е изд., испр. и допл. - Мн.: Выш.шк., 1998, 463с.
7. Куприянов С.Ю. Семейная психотерапия больных бронхиальной астмой. - В кн.: Психогигиена и психопрофилактика./ Под ред. В.К. Мягер, Л., 1983, с.76-84.
8. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.
9. Психотерапия. / Под ред. Б.Д. Карвасарского. - СПб. Изд-во «Питер», 2000, 544 с.
10. Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений, Речь, 2003, 93с.
11. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головкин О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕМАТИКИ ИСКУССТВА
ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОГО
КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ**

Гукина Л. В.

Кафедра иностранных языков

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. Работа посвящена роли имплементации тематики искусства в структуру обучения иностранному языку в медицинском вузе, в части организации внеучебного коммуникативного взаимодействия всех участников учебного процесса, для создания условий, в которых может быть реализовано психологическое сопровождение и педагогическая помощь обучающимся. Отмечено, что коммуникативное взаимодействие по данной тематике в формате проектной работы или научно-практической конференции способствует проявлению личной инициативы и креативности обучающихся, позитивно влияет на психологическое благополучие и комфорт академической коммуникации в целом.

Ключевые слова: иностранный язык медицины, внеучебное коммуникативное взаимодействие, комфортная коммуникативная среда, искусство, креативность, позитивные эмоции.

**USING ART TO ORGANIZE EXTRACURRICULAR
COMMUNICATIVE INTERACTION IN ENGLISH AT A MEDICAL
UNIVERSITY**

Gukina L.V.

Department of Foreign Languages

Kemerovo State Medical University, Russia. Kemerovo

Abstract. This paper explores the integration of art into the structure of foreign language instruction at a medical university, focusing on organizing extracurricular communicative interactions among all participants in the educational process to create conditions conducive to psychological support and pedagogical assistance for students. It is noted that communicative interaction on this topic, whether through project work or a scientific-practical conference, fosters students' personal initiative and creativity, positively impacting their psychological well-being and the overall comfort of academic communication.

Keywords: foreign language of medicine, extracurricular communicative interaction, comfortable communicative environment, art, creativity, positive emotions.

В современной образовательной среде востребованы технологии, способствующие расширению профессиональных возможностей и сохранению психологического здоровья всех участников образовательного процесса. Поскольку приоритеты сдвигаются в пользу здоровьесберегающего образования, педагогической задачей становится поиск форматов учебного взаимодействия, которые обеспечивают психологическое сопровождение и педагогическую помощь обучающимся [1; 12; 14]. Актуальными являются форматы коммуникативного взаимодействия, которые способствуют не только формированию коммуникативной компетентности будущих медицинских специалистов, но и дают возможность в комфортной ситуации академического взаимодействия проявлять индивидуальные творческие способности, развивать эмоциональный интеллект [11; 10; 9].

Цель исследования – изучить роль использования тематики искусства как средства психологической разгрузки при организации внеучебного

академического взаимодействия в структуре изучения иностранного языка медицины.

Материал и методы исследования

Проанализирован опыт работы секции «Космос в искусстве и литературе» на научно–практической конференции «Через тернии к звездам: освоение космоса», организованной в 2025 учебном году кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «КемГМУ» Минздрава России и студентами первого курса лечебного и педиатрического факультетов.

Результаты и их обсуждение

Процесс обучения иностранного языка медицины в вузе содержательно и технологически организован для достижения основных образовательных целей – формирования у обучающихся навыков иноязычной профессионально ориентированной коммуникации. Структуру данного процесса дополняют внеучебные мероприятия, которые способны предоставить временной ресурс для занятия коммуникативной деятельностью и в рамках которого можно реализовать технологии, способствующие сохранению и развитию эмоционального интеллекта обучающихся.

К мероприятиям, которые выступают средой, открытой для диалогической коммуникации, обмена идеями и эмоциями, возможности индивидуального и коллективного сотворчества, являются научно-практические конференции по общественно-гуманитарной тематике [2; 13]. На этапе подготовки к конференции обучающимся предлагается создать творческие коллективы или индивидуально сделать свободный выбор темы доклада в рамках заданной тематики секции. Отмечено, что не всем студентам удается приблизиться к главной тематике. Одни выбирают темы о космической науке и покорении космоса (6 докладов из 21), что говорит о желании оставаться в области общенаучных знаний и фактов, другие придерживаются специализации

образования, выбирая вопросы, связанные с космической медициной (3 доклада из 21). Остальные обучающиеся в творческих командах или индивидуально предлагают 12 тем докладов, непосредственно связанных с искусством. Ниже представлен список тем, сформированный в результате командной работы и личной инициативы обучающихся, в которой проявились их индивидуальные творческие интересы:

Space

- Crazy theories about space/ Безумные теории о космосе;
- Space missions to Mars/ Космические миссии к Марсу;
- Coincidences that led to emergence of life on earth/ Совпадения, приведшие к возникновению жизни на земле;
- Tragedies in cosmonautics/ Трагедии в космонавтике;
- The cosmic sounds of planets/ Космическое звучание планет;
- Black holes – mystery of the universe/ Черные дыры – загадка вселенной.

Medicine

- The effect of space radiation on human beings/ Влияние космической радиации на человека;
- The effect of isolation on humans in space/ Влияние изоляции на человека в космосе;
- Microbes in space/ Микробы в космосе.

Art

- The sun and celestial bodies in Tamil literature on astronomy/ Солнце и небесные тела в тамильской литературе по астрономии;
- Space and its influence on cinema/ Космос и его влияние на кинематограф;

- From earth to the stars: Alexey Leonov and his artistic interpretations of space/ От земли до звёзд: Алексей Леонов и его художественные интерпретации космоса;
- Space in the paintings of the soviet artists/ От земли до звёзд: космос в картинах советских художников;
- Space as the ideological inspiration of great perfumers/ Космос - идейный вдохновитель великих парфюмеров;
- Space in the composition of the foreign poets/ Космос в произведениях зарубежных поэтов;
- The place of astrology in human culture/ Место астрологии в человеческой культуре;
- Belka and strelka in cartoon and real life/ Белка и Стрелка в мультфильме и реальности;
- The influence of stars and planets on human destiny. Natal chart - to believe it or not? / Влияние звезд и планет на судьбу человека. Натальная карта - верить или нет?
- Retrofuturism: expectations and reality/ Петрофутуризм: ожидания и реальность;
- Medicine in outer space: how «The Challenge» was filmed/ Медицина в открытом космосе: как снимали фильм «Вызов»;
- Space as a source of inspiration for fashion designers/ Космос – источник вдохновения для модных дизайнеров.

Выявлено, что выбор тем обучающимися первых двух групп, объясняется неуверенностью в готовности к коммуникации по вопросам искусства. Поэтому, предпочитая оставаться в зоне комфорта, они выбирают околокосмическую тематику общения. Для того, чтобы первое внеаудиторное мероприятие прошло действительно комфортно и позволило каждому обучающемуся в обстановке

коммуникативного взаимодействия чувствовать свою сопричастность и значимость, получить позитивный опыт общения и эмоции, в программу конференции включаются все предложенные темы. При повторном участии в подобном тематическом мероприятии обучающемуся делается акцент на соответствии презентации общей теме.

Среди ряда других традиционно источником позитивных эмоций являются презентации о космической живописи первого советского космонавта, вышедшего в открытый космос, Алексея Леонова. Преподаватели и студенты получают уникальную возможность в коллективном взаимодействии поработать над смыслами его полотен, оценить эстетику цвета и пространства космоса художника, выразить свои эмоции. Была представлена галерея картин знаменитого космонавта, отмечены черты наивного представления пространства в его живописи [4; 6; 7; 8]. В дискуссии обращено внимание на то, что цветовая палитра космоса у Алексея Леонова напоминает гармонию пространства и цвета в полотнах Роуэнда Кента и Николая Рериха, при этом у Кента – это цвета перехода от Солнца к ночи, а у Рериха – это краски возрождающегося из тьмы света (движение от ночи к Солнцу) [3; 5].

Наряду с технологиями, основанными на визуальной эстетике, применяются технологии, направленные на аудиовосприятие. При презентации материала используется эффектная технология сочетания видео- и аудиоряда, например, для сравнения звучания планет Солнечной системы. Серия презентаций, посвященных творчеству художников, русских писателей и поэтов, представителей киноиндустрии и высокого искусства парфюма, с использованием разнообразных креативных технологий в подаче материала, дополняет галерею эстетических образов и вносит позитивный вклад в эмоциональную составляющую мероприятия. Конференция дает возможность обучающимся восполнить свой эмоциональный резерв, поделиться своими

интересами в науке о космосе, космической медицине и космосе в искусстве и литературе, обменяться мнениями и эмоциями.

Заключение

Включение тематики искусства в структуру организации внеучебного коммуникативного взаимодействия студентов, изучающих иностранный язык в медицинском вузе, multifunctionally. Оно позволяет ставить и решать педагогические задачи в части формирования дополнительной ресурсной среды для коллективного коммуникативного взаимодействия всех участников учебного процесса, способствующей гармонизации учебных отношений, появлению у обучающихся чувства комфорта от командного взаимодействия. Также оно выступает средством, позволяющим осуществлять психологическое сопровождение и педагогическую помощь обучающимся.

Литература/ References:

1. Арт-терапия в пространстве высшего образования: опыт теоретико-экспериментального исследования. (2022). – URL: https://ippt.ru/biblioteka/stati_po_psihologii_i_kouchingu/psihologiya_tvorchestva_artterapiya/artterapiya_v_prostranstve_vysshego_obrazovaniya_opyt_teoretiko-eksperimental_nogo_issledovaniya/ (дата обращения 21.01.2026).

2. Бектаева А.Э. Искусство как терапия души и тела: взгляд художника. (2022). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-kak-terapiya-dushi-i-tela-vzglyad-hudozhnika> (дата обращения 12.02.2026).

3. Гукина Л. В. Цветовая палитра пространства в космической живописи Алексея Леонова / Через тернии к звездам: освоение космоса: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию полета Ю. А. Гагарина в космос (Кемерово, 12-13 апреля 2021 г.) / отв. ред. Т. В. Пьянзова, Д. Ю. Кувшинов, В. В. Шиллер. – Кемерово: КемГМУ, 2021. С. 42–48.

4. Гукина Л. В. Наивное восприятие пространства и его отражение в языке художественной прозы и живописи // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2. № 4. С. 88–93.

5. Гукина Л. В. Человек и природа в очерках Н. К. Рериха / Современный мир, природа и человек: сборник материалов XIX-ой Международной научно-практической конференции (Кемерово, 25 сентября 2020 г.) / отв. ред. Л. В. Начева, Н. Н. Ильинских, Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, М. Г. Степанова. – Кемерово: КемГМУ, 2020. С. 325–331.

6. Гукина Л. В. Явление схематизации в языковой репрезентации пространства // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 72–79.

7. Гукина Л. В. Наблюдаемое пространство в языке: глаголы с дейктической семантикой // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 2. С. 58–65.

8. Гукина Л. В. Семантическая классификация английских и русских глаголов со значением «Расположение в пространстве»: диссертация канд. филол. наук. Кемерово, 1997. С. 63–65.

9. Ларионова Л. И., Азарова Л. Н. Арт-терапевтические технологии в развитии эмоционального интеллекта студентов. Acta Biomedica Scientifica. 2022. 7(2). С. 199–211.

10. Листик Е. М., Курганова Е.А., Кудрявцева Е. Л., Пашкова О. А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта с академической успеваемостью студентов вуза. (2022). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-s-akademicheskoy-uspevaemostyu-studentov-vuza> (дата обращения 12.02.2026).

11. Наймушина Л. М. Программа развития эмоционального интеллекта обучающихся в процессе их профессиональной подготовки (2020). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/programma-razvitiya-emotsionalnogo-intellekta-obuchayuschihsya-v-protssesse-ih-professionalnoy-podgotovki> (дата обращения 12.02.2026).

12. Пек Е. А., Кутбиддинова Р. А. Развитие эмоциональной стабильности у студентов вуза с помощью арт-терапии. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-emotsionalnoy-stabilnosti-u-studentov-vuza-s-pomoschyu-art-terapii> (дата обращения 21.01.2026).

13. Репина А. Н., Левченко А. В., Денисенко С. Е. Арт-терапия как средство формирования студенческого коллектива // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022 Т. 11 № 5А. С. 280-288.

14. Судакова О. В. Перспективы использования арт-терапии в высшей школе для снятия симптомов стресса и эмоционального выгорания студентов (2024). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-art-terapii-v-vysshey-shkole-dlya-snyatiya-simptomov-stressa-i-emotsionalnogo-vygora-niya-studentov> (дата обращения 12.02.2026).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕАТРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С УЧАСТНИКАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Дробышевская Е. В.

*Кафедра социальной и педагогической психологии
Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»,
Республика Беларусь, г. Гомель*

Аннотация. Очевидно, что психологическая безопасность является важнейшим условием полноценного развития личности, сохранения и укрепления её психологического здоровья. Психологическая безопасность образовательного процесса представляет собой состояние защищённости

студентов от угроз, направленных на их личное достоинство, душевное благополучие, позитивное мировосприятие и самооценку. В данной статье рассматривается один из методов арт-терапевтических технологий — инновационная форма воспитательной работы, направленная на обеспечение психологической безопасности личности в образовательном процессе, а именно - «Психологический театр».

Ключевые слова: студент, психологическая безопасность, «Психологический театр», искусство.

PSYCHOLOGICAL POTENTIAL OF THEATRE IN THE ACTIVITIES OF A TEACHER-PSYCHOLOGIST IN INTERACTION WITH PARTICIPANTS OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Drobyshevskaya E. V.

*Department of Social and Educational Psychology
Francysk Skaryna Gomel State University,
Republic of Belarus, Gomel*

Abstract. It is evident that psychological security is the fundamental prerequisite for the holistic development of an individual, preserving and enhancing their psychological well-being. The psychological safety of the learning process refers to the state of protection afforded to students from threats that may undermine their personal integrity, mental health, positive outlook, and self-esteem. This article delves into one particular approach within the realm of art therapy techniques - an innovative educational intervention aimed at fostering psychological security in the learning environment, namely, «Psychological Theatre». The term «Psychological Theatre» encompasses a unique form of educational activity designed to provide a safe space for students to explore their emotions, thoughts, and experiences in a creative and supportive environment.

Keywords: students can engage in self-expression, reflection, and catharsis, thereby promoting their emotional well-being and resilience.

В настоящее время обеспечение безопасности в мировом сообществе представляет собой глобальную проблему, над которой трудятся специалисты различных профилей по всему миру. Тем не менее, на сегодняшний день мы всё ещё не обладаем той формулой взаимодействия, которая позволила бы достичь максимальной эффективности в этой области.

Психологический театр в современной системе образования является методом драматургии в целях, отличных от развлечения аудитории. Использование театра в образовании делает акцент на обучении посредством взаимодействия реального мира и выдуманных ситуаций. По словам Дьюи (1909), обучение более эффективно, когда оно использует реальные события для решения проблем реальных людей в их отношениях с миром [2].

Подавляющее большинство студентов проявляют удовольствие и энтузиазм, занимаясь театральной деятельностью. Театральная деятельность целенаправленно направлена на поддержку интеллектуального и социально-психологического роста посредством предоставления возможностей для индивидуального раскрытия ролей, эмоциональной разрядки и интерактивного взаимодействия с учебным материалом.

Говоря об обеспечении *социальной безопасности*, в структуру которой входит и *психологическая безопасность личности*, мы имеем ввиду эффективное выполнение социальными институтами своих функций, направленных на удовлетворение потребностей, интересов, целей населения страны. Так, одним из важнейших социальных институтов как раз и является учреждение образования. Анализ исследований ряда авторов (Грачев Г.В., 1998; Кабаченко Т.С., 2000; Баева И.А., 2002), показал, что эффективность

образовательного процесса будет зависеть от показателя психологической безопасности образовательной среды. По данным исследований Лебедевой О.Е. и Сыманюк Э.Э. хорошее учреждение образования, по мнению учащихся, обладает признаком безопасности (школа, СУЗ, ВУЗ без опасности насилия, унижения, оскорбления) [3, с. 53].

Понятие психологической безопасности не однородно. И.А. Баева под психологической безопасностью понимает состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников [1, с. 77].

Основываясь на исследованиях, посвященных межличностному взаимодействию, психологической защите, психологии конфликта и психологическому климату, можно выделить параметр психологической безопасности как фактор необходимый для формирования, развития и сохранения личности. При создании условий психологической безопасности среды актуализируются возможности личности, повышается уровень толерантности к жизненным сложностям, конфликтам. В мире частота проявления насилия в рамках семейных отношений является одной из острых проблем современности. Вторым значимым из широко представленных в обществе институтов социализации, является учреждение образования (школа, СУЗ, ВУЗ). Именно в рамках учреждения образования, зачастую, происходит виктимизация личности. Причины возникновения насильственных отношений в межличностном пространстве учебного процесса многообразны.

Психологическая культура выступает важнейшим фактором и условием создания и поддержания безопасной среды, является ее интегральной характеристикой. Обеспечение психологической безопасности образовательной

среды и, как следствие, охрана и поддержание психического здоровья ее участников должно быть приоритетным направлением деятельности психологической службы в системе образования.

Творческое развитие студентов определяется как мобилизирующий процесс, оказывающий существенное воздействие на целостный характер формирования социально ценных качеств личности, проявляющихся в сложной системе взаимодействия возрастных и индивидуальных особенностей, эстетического опыта, направленности на самореализацию в художественно-творческой и проектной деятельности [2, с. 112].

Одна из наиболее эффективных, форм психопрофилактической работы, которая является не только интерактивным способом профилактики социальных проблем, но и формой группового психологического консультирования с широким спектром применения является *«Психологический театр»*, который можно рассматривать как метод практической психологии, базирующийся на классических театральных системах и обеспечивающий интеграцию личности за счет проживания отторгаемых субличностей в сценических этюдах, спектаклях как из репертуара классической драматургии, которая содержит общечеловеческие сюжеты, так и авторских сценариев.

Искусство театра является важным средством воспитания в целом и эстетического воспитания в частности. Театр – искусство синтетическое. Он сочетает в себе выразительные средства драматургии, режиссуры, актерской игры, художественного оформления спектакля. Часто в театре используются музыка, пение, танец.

Театр способствует культурному развитию личности. Он расширяет знания студентов об окружающем мире, содействует формированию самостоятельности в суждениях, развивает культуру речи, чувственно-

эмоциональную сферу, повышает общий культурный уровень и заставляет задуматься над серьезными обстоятельствам жизни.

«Психологический театр» позволяет активизировать личностные качества, способствующие раскрытию творческого потенциала. Сочетание методов обучения театральному искусству с психологическими тренингами делает программу более современной, отвечающей требованиям общества и позволяет целенаправленно развивать определенные качества личности в соответствии с индивидуальными психологическими запросами участников группы.

Развитие происходит на двух уровнях:

На индивидуальном уровне – гармонизация личности, устранение личностных дефицитов, активизация непроявленных частей личности, развитие таких личностных качеств, как уверенность в себе, эмпатия, коммуникабельность, эмоциональная выразительность, внимательность, творческое воображение и других – в том числе – по индивидуальному запросу участника или его родителей (если это детские группы).

На групповом (социальном) уровне – создание сплоченного творческого коллектива, в котором большое внимание уделяется гармоничным взаимоотношениям друг с другом. Основные принципы взаимоотношений в группе: принятие, открытость, искренность, доброжелательность, честность, взаимопомощь, толерантность, чуткость, умение согласованно работать в команде.

Иллюстрацией всех вышеперечисленных результатов является показ созданного за учебный год (либо полугодие) спектакля.

Во время действия ярко выражены следующие групповые аспекты:

- сплоченность всех участников процесса;
- исследование реальности;
- альтруизм (участники могут оказать поддержку, успокоение);

- перенос (участники в проблемах героев видят свои проблемы);
- терапия наблюдением (зрители);
- взаимодействие (любой из зрителей может участвовать в спектакле);
- интеллектуализация (присутствуют элементы информирования);
- совершенствование социальных навыков;
- имитационное поведение.

На основании опроса участников театральных студий удалось установить, что, занимаясь психологическим театром, большинство из них (85 человек из 100 опрошенных) наблюдают в себе высвобождение творческого потенциала личности, что способствует улучшению качества жизни студентов, благодаря тому, что и к собственной жизни они начинают относиться, задействуя этот потенциал и творчески решая жизненные задачи, создавая смысл своей жизни. В настоящее время психологи получили возможность применять новые методы в сфере профилактики негативных явлений в обществе [4].

Постановки в психологическом профилактическом театре связаны с отражением таких сложных тем, как алкоголизм, наркомания, насилие и др. Для их отражения используются разные формы: театральные миниатюры, психологические комментарии, танцевальные номера, что вызывает значительный интерес зрителей-подростков и самих участников театра.

Занятия в «Психологическом театре» выступают, как форма групповой развивающей работы по раскрытию творческого потенциала детей. А также как форма эффективная форма профилактики, путем распространение полученного опыта при организации работы с целью формирования модели и навыков защищенного поведения в плане сложных жизненных ситуаций; Привлечение внимания общественности к проблеме формирования навыков безопасного и ответственного поведения молодежи.

Они включает в себя индивидуальные и групповые подготовительные занятия с применением различных психотехник и упражнений. Вот и получается своеобразный коллаж, где используются и пластические эмоциональные этюды, и моделирование ситуаций, упражнения на взаимодействие, сочинение сказок, стихов, диалогов и т.д. Из этих кирпичиков впоследствии складывается цельное сценическое действие, раскрывающее ту или иную проблему, помогая подростку адаптироваться социально и в учебной деятельности.

«Психологический театр» выполняет профилактическую функцию, решая две основные задачи: участие проблемных юношей в работе театра позволяет осуществить коррекцию, предоставить возможность для их творческой самореализации; а также проводить широкую информационно-просветительскую деятельность во время выступлений театра перед зрителями – студентами, родителями, преподавателями. Занятия в психологическом театре помогают самораскрытию и самосознанию своего «Я», освобождению от страха перед своими переживаниями, позволяют молодому человеку войти в более широкое взаимодействие с реально существующим миром, другими людьми.

Заключение

Психологическая безопасность образовательной среды – это сложное структурное образование, компонентный состав которого имеет свои особенности в зависимости от субъектов учебно-воспитательного процесса. Работа в данном направлении является стратегическим направлением деятельности службы практической психологии в образовании.

Литература/References:

1. Баева И.А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: Практ. рук-во. СПб., 2006. 254 с.
2. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых

Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022.

3. Командышко Е.Ф. Педагогический потенциал искусства в творческом развитии учащейся молодежи: интегративный подход. Монография. М.: ИХО РАО, 2011. 284 с.

4. Сыманюк Э.Э. Психологическая безопасность образовательной среды. М., 2004. 105 с.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТ-ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С СЕМЬЯМИ ШАХТЕРОВ

Ивойлов В. М.¹, Акименко Г. В..²

¹*Кафедра информационных технологий*

²*Кафедра клинической психологии*

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Россия, г. Кемерово*

Аннотация. В статье приводится социально-гигиеническая характеристика условий жизни и состояния здоровья семей шахтеров. Установлено, что члены семей шахтеров испытывают дополнительную (негативную) психологическую нагрузку, связанную с их профессиональной деятельностью. Рассматривается существующая система организации медико-социальной помощи трудящимся угледобывающей промышленности и членам их семей. Обосновывается необходимость Арт-терапии в лечебно-профилактическом процессе, проводимом территориальными медицинскими организациями.

Ключевые слова: условия жизни, здоровье, семья, шахтеры, медико-профилактическая помощь, Арт-терапия.

THE NEED TO USE ART THERAPY IN WORKING WITH FAMILIES OF MINERS

Ivoilov V. M¹. Akimenko G.V.²

Department of Clinical Psychology

Department of Information Technology

Kemerovo State Medical University Ministry, Kemerovo, Russia

Abstract. The article provides a socio-hygienic description of the living conditions and health status of miners' families. It has been established that family members of miners experience additional (negative) psychological stress associated with their professional activities. The existing system of organization of medical and social assistance to workers of the coal mining industry and their family members is being considered. The necessity of Art therapy in the therapeutic and preventive process conducted by territorial medical organizations is substantiated.

Keywords: living conditions, health, family, miners, medical and preventive care, Art therapy.

Введение

В настоящее время в сфере охраны здоровья населения нашей страны реализуются национальные проекты «Продолжительная и активная жизнь», «Новые технологии сбережения здоровья», «Семья» [7, 6]. Ставится цель увеличения средней ожидаемой продолжительности жизни к 2036 году до 81 года. Предусмотрено решение целого ряда задач по достижению данной цели, в том числе в области профилактики и реабилитации. Большое значение национальные проекты отводят информатизации здравоохранения [6].

Кемеровская область – Кузбасс является крупнейшим угольным бассейном России. В добыче полезных ископаемых занято около 100 тысяч человек [8, 24]. Добыча угля, к сожалению, сопровождается авариями, приводящими к травматизму трудящихся. На безопасность жизнедеятельности шахтеров

оказывает влияние комплекс социально-трудовых и социально-бытовых условий [2, 585]. Важное значение в поддержании здоровья трудящихся угледобывающих предприятий принадлежит семье [11, 358]. В связи с этим здравоохранение Кузбасса имеет свои особенности. Здесь хорошо развита медицина экстремальных ситуаций [3, 34]. Медико-профилактическую помощь трудящиеся угледобывающих предприятий и члены их семей в основном получают по территориальному принципу [10, 1148].

Травматизм шахтеров сопровождается посттравматическими стрессовыми расстройствами. Немаловажную роль в устранении этих последствий может сыграть Арт-терапия [1]. В последние годы Арт-терапия получила широкое развитие [4]. Она способна снимать у человека эмоциональное напряжение. Существует широкий круг арт-терапевтических методов воздействия на психику человека. В настоящее время используются такие методики как изотерапия, библиотерапия, сказкотерапия, куклотерапия, музыкотерапия, танцевальная терапия, игровая терапия, кинотерапия, фототерапия, песочная терапия и другие.

При помощи Арт-терапии осуществляется лечение различных заболеваний, решаются психологические и социальные проблемы как отдельного человека, так и различных социальных групп населения. Однако некоторые области деятельности человека еще не нашли ее применения и широкого отражения в научной литературе. В частности, это касается трудящихся угледобывающей промышленности и их семей, где часто присутствуют посттравматические и другие стрессовые ситуации. Исходя из вышесказанного можно заключить, что исследование использования Арт-терапии при оказании помощи шахтерам и членам их семей является актуальным.

Объекты и методы исследования

В качестве объекта исследования взяты трудящиеся угледобывающих предприятий и их семьи, проживающие в Киселевском и Прокопьевском муниципальных округах. В исследовании использованы следующие методы: анализ литературных источников, выкопировка данных из медицинской документации, анкетный метод, интерпретация материалов исследования. Оценка социально-бытовых условий семей проводилась по методике О. В. Грининой. Математическая обработка материала проводилась с использованием прикладной программы STATISTICA.

Результаты и их обсуждение

Семья является важной общественной группой, выполняет большое количество разнообразных функций, определяет образ жизни всех членов семьи, оказывает влияние на их здоровье. По нашим данным средний размер семьи шахтеров составляет 3,25 человека. Важное значение в поддержании здоровья имеют жилищные условия. Материалы исследования свидетельствуют, что 18,7% семей проживают в неблагоприятных условиях.

Изучение вопросов, связанных с питанием, показывает, что около 70% обследованных питаются нерегулярно и не соблюдают режим питания. Обращает на себя внимание широкое распространение вредных привычек: 59,7% - курят, 82,5% - употребляют алкоголь. При изучении взаимоотношений в семьях шахтеров установлено, что в 94,1% они характеризуются как дружные и прочные. В 5,9% семей сложились конфликтные отношения. Методом однофакторного дисперсионного анализа установлена зависимость заболеваемости от социально-бытовых условий жизни. Кроме того, наличие длительно болеющих хроническими заболеваниями, травмированных членов семьи вызывает дополнительное психологическое напряжение в семье.

Медико-профилактическая помощь шахтерам и членам их семей оказывается по территориально-производственному принципу в здравпунктах и санаториях-профилакториях угледобывающих предприятий, муниципальных и областных медицинских организациях. Результаты исследования свидетельствуют, что в первичном звене здравоохранения использование Арт-терапии развито слабо или совсем отсутствует. В тоже время характеристика заболеваемости трудящихся, социально-бытовые и социально-трудовые условия, психологическая обстановка в семьях шахтеров требуют внедрения в лечебно-профилактический процесс Арт-терапии.

Заключение

Применение Арт-терапевтических методов профилактики и лечения посттравматических состояний в семьях шахтеров имеет большой потенциал. Специалисты по Арт-терапии могут оказывать помощь в здравпунктах и профилакториях предприятий, медицинских организациях амбулаторно-поликлинического и стационарного профилей. Однако имеются сложности внедрения Арт-терапии по целому ряду причин: отсутствие площадей, недостаток квалифицированных кадров, трудности с финансированием, низкая мотивация руководителей медицинских организаций и промышленных предприятий. Для решения этой проблемы можно использовать методику, предложенную Н. В. Копытиной, 2023 г. [5, 96]. При подготовке специалистов необходима ориентация на пациента и его здоровье [9, 167]. Арт-терапия должна занять достойное место в работе с населением проживающем в угледобывающих регионах и найти свое применение в лечебно-реабилитационных и здоровьесберегающих программах территорий.

Литература/ References:

1. Арт-психотерапия: дополнительное лечение посттравматических стрессовых расстройств, депрессии и тревожности в период пандемии / А. А.

Алмагамбетова, Г. В. Акименко, Ю. Ю. Кирина, А. С. Яковлев // Дневник науки. – 2023. – № 11(83). – EDN SDBIFQ.

2. Ивойлов, В. М. Медико-социальные проблемы безопасности жизнедеятельности шахтеров / В. М. Ивойлов, Н. В. Копытина, Т. А. Штернис // Современный мир, природа и человек. Технологии стран БРИКС для развития медицины : сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции, Кемерово, 10 октября 2025 года. – Кемерово: Кемеровский государственный медицинский университет, 2025. – С. 569-585. – EDN FCWXIV.

3. Ивойлов, В. М. Медицина экстремальных ситуаций в научно-образовательной деятельности Кемеровского государственного медицинского университета / В. М. Ивойлов, Н. В. Копытина, Т. А. Штернис // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2025. – Т. 6, № 1. – С. 33-36. – EDN GQOITO.

4. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере / Г. В. Акименко, Е. В. Валиуллина, Д. В. Вострых [и др.]. – Москва : Альпен-Принт, 2022. – 296 с. – ISBN 978-5-6047894-5-2. – DOI 10.21893/978-5-6047894-5-2.2022. – EDN SLWKJE.

5. Копытина, Н. В. Методика оценки достижения целевого значения критерия новой модели организации оказания медицинской помощи «количество завершенных проектов по улучшению в год у руководителя поликлиники и его заместителей» / Н. В. Копытина, Т. А. Штернис, С. С. Кырыкбаева // Прокузбасс 2023 : МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ФОРУМА С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ, Кемерово, 04–06 июля 2023 года. – Кемерово: ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, 2023. – С. 89-96. – EDN HSNGIP.

6. Копытина, Н. В. Роль информатизации в модернизации здравоохранения Кузбасса / Н. В. Копытина, Г. В. Акименко // Дневник науки. – 2025. – № 2(98). – EDN UENDVQ.
7. Копытина, Н. В. Роль медицинского вуза в реализации национальных проектов в здравоохранении / Н. В. Копытина, Т. А. Штернис, С. Л. Кан // Медицина в Кузбассе. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 5-10. – DOI 10.24412/2687-0053-2025-3-5-10. – EDN VKFJQX.
8. Оценка качества жизни работников угледобывающих предприятий Кузбасса в социально-демографическом аспекте / В. М. Ивойлов, В. А. Семенихин, О. В. Одинцева, Т. А. Штернис // Медицина труда и промышленная экология. – 2014. – № 2. – С. 24-26. – EDN RZTUKN.
9. Проект «подготовка врачей, обладающих бережливым мышлением». Некоторые результаты изучения проблем / Т. А. Штернис, Ю. С. Чурсина, И. И. Селин [и др.] // Качественное профессиональное образование: современные проблемы и пути решения : материалы XIV научно-методической конференции с международным участием, Кемерово, 28 декабря 2022 года. – Кемерово: КемГМУ, 2022. – С. 166-173. – EDN YQJGCU.
10. Штернис, Т. А. Медико-профилактическая помощь трудящимся угольной промышленности и ее влияние на безопасность жизнедеятельности / Т. А. Штернис, И. В. Самусь, О. М. Колесников // Современный мир, природа и человек. Технологии стран БРИКС для развития медицины : сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции, Кемерово, 10 октября 2025 года. – Кемерово: Кемеровский государственный медицинский университет, 2025. – С. 1147-1156. – EDN FFUCIS.
11. Штернис, Т. А. Социально-гигиеническая и психологическая характеристика семей шахтеров, получивших травмы / Т. А. Штернис // Вызовы современной эпохи: человек в экстремальных условиях и кризисных ситуациях

жизнедеятельности: сборник материалов Международной междисциплинарной научно-практической конференции, Кемерово, 20 мая 2025 года. – Кемерово: Кемеровский государственный медицинский университет, 2025. – С. 350-358. – EDN NOTAVS.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ АРТ-ТЕРАПИИ И КРАТКОСРОЧНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОМ СТРЕССОВОМ РАССТРОЙСТВЕ (ПТСР)

Казбеккызы Н., Муратов М. А.

Кафедра психиатрии и наркологии

НАО «Медицинский университет Семей»,

Республика Казахстан, город Семей

Научный руководитель - ассистент кафедры психиатрии и наркологии
Алмагамбетова А. А.

Аннотация. В данной статье рассматривается эффективность арт-терапии и краткосрочных психотерапевтических подходов в работе с пациентами, страдающими посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Рассматриваются их возможности в снижении выраженности тревожных и депрессивных симптомов, а также в стабилизации эмоционального состояния после психической травмы. Арт-терапия описывается как метод, способствующий невербальному выражению сложных переживаний через различные формы творчества, тогда как краткосрочная психотерапия направлена на быстрое формирование навыков саморегуляции и переработки травматического опыта. Отмечается, что интеграция данных методов повышает стрессоустойчивость, улучшает социальную адаптацию и качество жизни пациентов с ПТСР.

Ключевые слова: эффективность, арт- терапия, психическая травма, краткосрочная терапия, стресс, состояние.

EFFECTIVENESS OF ART THERAPY AND SHORT-TERM PSYCHOTHERAPY IN POSTTRAUMATIC STRESS DISORDER (PTSD)

Kazbekkyzy N., Muratov M. A.

Department of Psychiatry and Narcology

Semey Medical University, N.A.

Republic of Kazakhstan, Semey

Scientific supervisor: Assistant Professor of the Department of Psychiatry
and Addiction Medicine, Almagambetova A. A.

Abstract. This article examines the effectiveness of art therapy and short-term psychotherapeutic approaches in working with patients suffering from post-traumatic stress disorder (PTSD). Their potential for reducing the severity of anxiety and depressive symptoms, as well as stabilizing emotional states following psychological trauma, is examined. Art therapy is described as a method that facilitates the nonverbal expression of complex experiences through various forms of creativity, while short-term psychotherapy aims at the rapid development of self-regulation skills and the processing of traumatic experiences. It is noted that integrating these methods enhances stress resilience, improves social adaptation, and increases the quality of life for patients with PTSD.

Keywords: effectiveness, cognitive behavioral, therapy, crisis, extreme, condition.

Введение

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) является одним из наиболее сложных психических состояний, возникающих в результате переживания психотравмирующих событий и сопровождающихся выраженной эмоциональной нестабильностью и нарушением социальной адаптации. В условиях современного общества, где стрессовые факторы становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, поиск эффективных методов

коррекции ПТСР приобретает особую актуальность.[13] По данным Всемирной организации здравоохранения, ПТСР существенно снижает качество жизни человека, нарушает его социальное и профессиональное функционирование и часто сопровождается коморбидными состояниями, включая депрессию, тревожные расстройства, расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, а также повышенным риском суицидальных мыслей и поведения.[9]

Современная психотерапия рассматривает ПТСР не только как клиническую проблему, но и как социально значимое явление, требующее комплексного и научно обоснованного подхода к лечению. В последние десятилетия особое внимание уделяется немедикаментозным методам психотерапии, среди которых важное место занимают арт-терапия и краткосрочные формы психотерапии. [5]

Целью настоящей работы является изучение эффективности арт-терапии и краткосрочной психотерапии в лечении посттравматического стрессового расстройства. В работе рассматриваются современные научные данные о механизмах воздействия этих методов и их влиянии на основные симптомы ПТСР. Также проводится сопоставление подходов с целью определения возможностей их интеграции в клинической практике. Особое внимание уделяется практической значимости данных методов для работы с различными категориями пациентов, переживших психотравмирующие события.

Объекты и методы исследования

Систематический поиск был проведён в литературных базах данных PubMed, Cochrane, CyberLeninka, Elibrary.ru с использованием ключевых поисковых терминов: «эффективность», «арт-терапия», «краткосрочная психотерапия», «посттравматическое стрессовое расстройство». Были отобраны и изучены 15 научных статей, опубликованных в период с 2020 по 2025 год,

включающих клинические исследования, мета-анализы и систематические обзоры.

Результаты и их обсуждение

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — это психическое расстройство, развивающееся в ответ на сильное психотравмирующее воздействие, угрожающее жизни или связанное с катастрофическими событиями, сопровождающееся экстремальным стрессом. Основными клиническими проявлениями ПТСР являются повторные переживания травматического события «здесь и сейчас» в форме флэшбеков, повторяющихся сновидений и кошмаров, что чаще сопровождается тревогой и паникой, но также может проявляться гневом, чувством вины, безнадежности или злости. [12]

Т. М. Moles (1977) представляет следующую классификацию наиболее частых причин возникновения ПТСР при массовых бедствиях: природные — климатические (ураганы, смерчи, наводнения), сейсмические (землетрясения, извержения вулканов, цунами); вызванные человеком — несчастные случаи на транспорте и в промышленности, взрывы и пожары, биологические, химические и ядерные катастрофы; «умышленные» бедствия (террористические акты, мятежи, социальные волнения, войны). Экстремальными могут быть и ситуации, имеющие значение для отдельного человека, например акты агрессии. Б. В. Шостакович и соавт. (1991) выделяют в этом ряду «синдром изнасилования». [7]

На диаграмме представлена зависимость риска развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) от типа перенесённого травмирующего события. Наибольшая вероятность формирования ПТСР отмечается после изнасилования (около 49%), что указывает на высокую психотравмирующую значимость данного фактора. Далее следуют физическое избиение (примерно 32%) и другие формы сексуального насилия (около 24%).

Средний уровень риска характерен для несчастных случаев и дорожно-транспортных происшествий (порядка 17%). Огнестрельные и ножевые ранения, а также внезапная смерть близкого человека также связаны с заметной вероятностью развития ПТСР (около 15% и 14% соответственно). Наименьшие показатели отмечаются при заболеваниях, угрожающих жизни ребёнка, свидетельстве убийства или тяжёлой травмы и природных катастрофах (приблизительно 10%, 7% и 4%). [2]

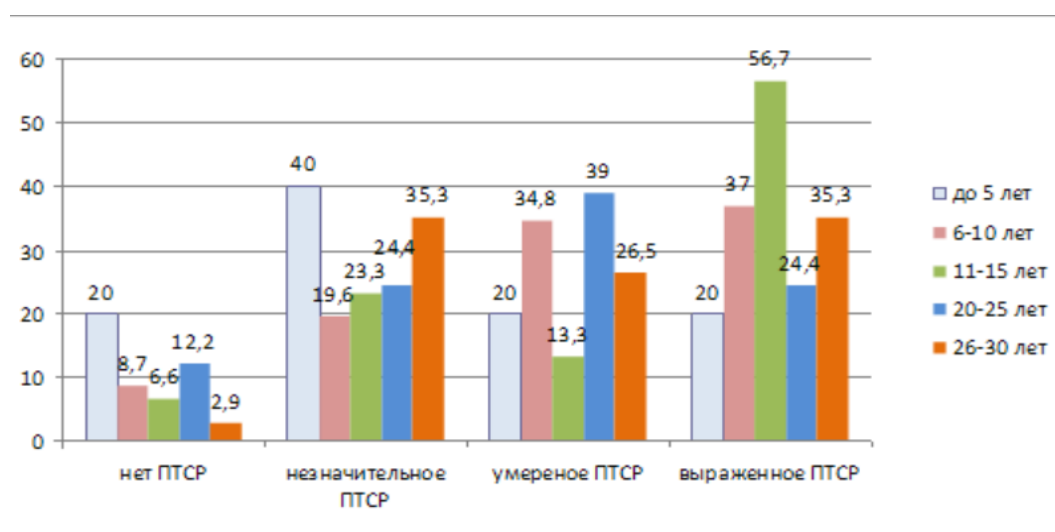

Рис. 1- Риск развития ПТСР в зависимости от перенесенных событий (%)

Диагноз ПТСР подтверждался при участии психиатра, психолога, на основании клинического наблюдения и результатов исследования по опроснику травматического стресса И.О. Котенева. В опросник включены 110 утверждений, на которые предлагается 5 вариантов ответов, выраженных в баллах: 5 – абсолютно верно; 4 – скорее верно; 3 – отчасти верно, а отчасти неверно; 2 – скорее неверно; 1 – абсолютно неверно. Подсчет баллов проводился по субшкалам, которые включали: А. события травмы, В. вторжения (повторное переживание травмы), С. симптомы избегания, Д. симптомы гиперактивации, Е. дистресс и дезадаптация.

Степень выраженности ПТСР определялась подсчетом усредненных Т-баллов: до 50 баллов – нет ПТСР; от 51 до 60 – ПТСР незначительной степени или отдельные симптомы; от 61 до 70 – ПТСР умеренной степени; более 70

баллов – выраженное ПТСР (Прошкин А.А., Марьин М.И., Лапшин Е.В. и др., 2001). Кроме того, по опроснику травматического стресса определяли наличие таких проявлений, как сверхбдительность, преувеличенное реагирование, агрессивность, нарушения памяти и концентрации внимания, депрессия, тревожность, склонность к злоупотреблению алкоголем или наркотическими средствами, проблемы со сном (трудности с засыпанием и прерывистый сон). [14]

Проведённый анализ литературы показал, что как арт-терапия, так и краткосрочная психотерапия являются эффективными методами работы с пациентами, страдающими посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Оба подхода воздействуют на различные аспекты психического функционирования и могут дополнять друг друга, обеспечивая более комплексную терапию.

Арт-терапия — это многогранный психотерапевтический метод, который использует творческие процессы для улучшения психоэмоционального состояния человека и всё шире применяется в современном мире как средство психологической помощи и коррекции.[8] Методы арт-терапии могут включать занятия изобразительным искусством, музыкой, танцами/движениями или

творческим письмом. В группах изобразительного искусства участникам предоставляются различные художественные принадлежности - масляная пастель, акварель, альбомы для рисования, глина, чтобы они практиковались в их использовании для изображения личного и профессионального опыта, уделяя особое внимание его эмоциональному влиянию, чтобы затем поделиться им с членами группы. Музыкальные группы включают слушателей и исполнителей музыки.[10]

Метаанализ показал значительное уменьшение симптомов посттравматического стрессового расстройства после терапии творчеством ($SMD = -1,98$, 95 % доверительный интервал (ДИ): от -3,8 до -0,16, В семи контролируемых сравнительных исследованиях изучалось применение терапии творчеством при лечении взрослых с посттравматическим стрессовым расстройством. 03, $I^2 = 98$ %). Анализ подгрупп показал, что драматическая терапия была особенно эффективна, в то время как музыкальная, художественная и танцевальная/двигательная терапия оказывали менее выраженное воздействие.[4]

Краткосрочная психотерапия является эффективным методом лечения посттравматического стрессового расстройства, а также используется для подготовки пациентов к другим формам терапии, таким как арт-терапия. Основная задача краткосрочной психотерапии при ПТСР — снижение интенсивности ключевых симптомов, таких как флешбеки, тревожность, избегание и эмоциональная дисрегуляция. Наиболее часто применяются когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), экспозиционная терапия и EMDR (десенсибилизация и переработка движениями глаз).

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ)

Первоначально разработанная д-ром Аароном Беком в 1960-х годах когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) до сих пор считается одним из

наиболее эффективных видов консультирования при ПТСР. В целом когнитивно-поведенческая терапия помогает вам распознать связь между вашими мыслями, эмоциями и поведением. Когнитивно- поведенческая терапия помогает в замене искаженных или дистрессовых мыслей более точными и позитивными убеждениями.[11]

Simonne Wright, Eirini Karvotaki et al. (2025),

Согласно исследованиям Simonne Wright, Eirini Karyotaki et al. (2025), представленные данные демонстрируют высокую эффективность когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) при различных психических расстройствах. Наибольший терапевтический эффект отмечается при посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) — 33%, что подтверждает значимость КПТ в работе с травматическим опытом. Значительные результаты также выявлены при шизофрении в рамках комплексного подхода, направленного на улучшение когнитивных функций — 24%.

Эффективность КПТ при депрессивных состояниях составляет 15%, при социофобии - 11%, при панических атаках — 9%, а при обсессивно-компульсивном расстройстве — 8%. Таким образом, авторы подчеркивают универсальный характер КПТ как научно обоснованного метода психотерапии,

особенно результативного при расстройствах тревожно-депрессивного и травматического спектра.[6]

Экспозиционная терапия предполагает десенсибилизацию (т.е. снижение чувствительности) к травме путем многократного проговаривания травматических воспоминаний, пока вы не почувствуете себя менее подавленными ими. Хотя поначалу вы будете испытывать трудности, говоря о травме, возвращение в прошлое оказывается весьма действенным. Этот метод также использует методы релаксации и дыхательные упражнения, чтобы успокоить ваш разум и тело. [1]

Техника десенсибилизации и переработки травмирующих переживаний посредством движений глаз (EMDR)- это терапевтический подход, в основе которого лежит модель адаптивной переработки информации (АПИ). С точки зрения данного интегративного психотерапевтического подхода первостепенной основой клинической патологии считаются дисфункционально хранящиеся воспоминания. Переработка этих воспоминаний и их интеграция в более крупные адаптивные сети воспоминаний позволяет трансформировать их и восстановить функционирование системы. [15] Метод, предложенный Ф. Шапиро в 1987 г. (Шапиро Ф., 1998), в настоящее время вызывает наибольшее число споров. Считается, что метод пригоден в основном для лечения случаев единичной травматизации, таких, например, как травма, полученная в результате автокатастрофы, однако имеется опыт применения терапии и для лечения агорафобии и депрессии, панических симптомов. [3]

Заключение

Анализ современной научной литературы показывает, что арт-терапия и краткосрочные психотерапевтические подходы являются эффективными методами работы с пациентами, страдающими посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Арт-терапия позволяет пациентам безопасно и

невербально выражать сложные эмоциональные переживания, способствует снижению уровня тревожности и депрессивных симптомов, а также улучшает эмоциональную регуляцию. Краткосрочная психотерапия направлена на быстрое формирование навыков саморегуляции и переработки травматического опыта, что обеспечивает устойчивый положительный эффект уже после ограниченного числа сеансов.

Интеграция этих методов повышает стрессоустойчивость, улучшает социальную адаптацию и качество жизни пациентов с ПТСР. Таким образом, комбинированное применение арт-терапии и краткосрочных психотерапевтических подходов является перспективным направлением психотерапевтической помощи и заслуживает дальнейшего изучения в клинической практике.

Литература/ References:

1. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головки О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.

2. Alexa Schincariol, Graziella Orrù, Henry Otgaar, Giuseppe Sartori, Cristina Scarpazza // posttraumatic stress disorder (PTSD) prevalence: an umbrella review // 2024 Sep // URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39324396/>

3. Васильева А.В. Посттравматическое стрессовое расстройство в парадигме доказательной медицины: патогенез, клиника, диагностика и терапия // методические рекомендации // Санкт-Петербург- 2022 – 33 с.

4. Jiahua Wang, Bo Zhang, Rosliza Yahaya & Azizah binti Abdullah // Colors of the mind: a meta-analysis of creative arts therapy as an approach for post-traumatic stress disorder intervention // Систематический обзор- 12 января 2025 г. URL:

https://link.springer.com/article/10.1186/s40359-025-02361-4?utm_source=chatgpt.com

5. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

6. Simonne Wright, Eirini Karyotaki // 2024 Nov // Predictors of study dropout in cognitive-behavioural therapy with a trauma focus for post-traumatic stress disorder in adults: An individual participant data meta-analysis// URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39537555/>

8. Смулевич А.Б., Ротштейн В.Г. «Психогенные заболевания» // Москва – 2021.

9. Практикум по психологии посттравматического стресса. — СПб: Питер, 2001. - 272 с: ил. -(Серия «Практикум по психологии»)

10. Посттравматическое стрессовое расстройство // Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) - 2024 г. 27 мая // URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/post-traumatic-stress-disorder?utm_source=chatgpt.com

11. Постникова С. Н. Возможности арт-терапии для профилактики психоэмоционального выгорания у волонтеров // Санкт-Петербург, Россия-2025-01-7

12. «Post-traumatic stress disorder (PTSD)» // Mayo clinic- 2024 // URL: <https://www.mayoclinic.org/diseases-conditions/post-traumatic-stress-disorder/symptoms-causes/syc-20355967>

13. Ткачева А.А., Чемет Е.В. // Влияние арт-терапии психоэмоциональное состояние ребёнка // Россия- 2025Г июнь – 215 с

14. Уди Орен, Роджер Соломон // EMDR-ТЕРАПИЯ: обзор развития и механизмы действия // Ассоциация «EMDR Россия» статья- 2022 // URL: <https://emdr.ru/news/2018/emdr-terapiya-obzor-razvitiya-i-mekhanizmy-deystviya>

15. Шварц, А. // Терапия комплексного посттравматического стрессового расстройства: практическое руководство. // Москва, Санкт-Петербург: 2020. - 176с.

ИСКУССТВО КАК АНТИСТРЕСС: ПРАКТИКА АРТ-ТЕРАПИИ

Каримов Р. Х.

Кафедра патоморфология

*Ургенский государственный медицинский институт,
Республика Узбекистан, г. Ургенч*

Аннотация. В статье рассматривается потенциал арт-терапии как эффективного метода психологической коррекции стрессовых состояний. Анализируются нейрофизиологические и психологические механизмы воздействия искусства на эмоциональную регуляцию. Приводятся результаты эмпирического исследования эффективности арт-терапевтических интервенций в снижении уровня ситуативной тревожности. Обосновывается вывод о том, что арт-терапия выступает не только как метод лечения, но и как универсальная практика антистрессовой профилактики, доступная широкому кругу лиц.

Ключевые слова: арт-терапия, стресс, психоэмоциональное состояние, творчество, визуальное искусство, психологическая коррекция, резильентность.

ART AS AN ANTI-STRESS MEANS: ART THERAPY PRACTICE

Karimov R. H.

*Department of Pathomorphology
Urgench State Medical Institute,
Republic of Uzbekistan, Urgench*

Abstract. The article examines the potential of art therapy as an effective method of psychological correction of stress conditions. The neurophysiological and psychological mechanisms of the impact of art on emotional regulation are analyzed. The results of an empirical study of the effectiveness of art-therapeutic interventions in reducing the level of situational anxiety are presented. The conclusion is substantiated that art therapy acts not only as a method of treatment, but also as a universal practice of anti-stress prevention, which is accessible to a wide range of people.

Keywords: art therapy, stress, psychoemotional state, creativity, visual art, psychological correction, resilience.

Введение

Современный темп жизни характеризуется высокой интенсивностью информационных потоков, хроническим психоэмоциональным напряжением и возрастанием требований к адаптивным ресурсам человека. По данным Всемирной организации здравоохранения, стресс становится ключевым фактором риска развития психосоматических расстройств и тревожно-депрессивных состояний. В этой связи актуализируется поиск немедикаментозных, безопасных и доступных способов регуляции эмоционального состояния.

Особое место среди таких методов занимает арт-терапия — направление, использующее художественное творчество в качестве инструмента психологической помощи. В отличие от вербально ориентированных подходов,

арт-терапия позволяет работать с глубинными, часто неосознаваемыми переживаниями, минуя защитные механизмы сознания. Несмотря на обширную теоретическую базу, остается открытым вопрос о стандартизации арт-терапевтических практик для профилактики стресса в условиях повседневной жизни.

Цель исследования: теоретически обосновать и эмпирически проверить эффективность арт-терапевтических практик в снижении уровня стресса и улучшении психоэмоционального состояния.

Феномен стресса и ресурсы совладания

Стресс, понимаемый в рамках концепции Г. Селье как неспецифическая реакция организма на любое предъявленное ему требование, в современной психологии рассматривается через призму транзакциональной модели Р. Лазаруса. Согласно этой модели, стресс возникает в результате дисбаланса между требованиями среды и субъективными ресурсами индивида.

Механизмы терапевтического воздействия искусства

Арт-терапия в классическом понимании (М. Наумбург, Э. Крамер) базируется на положении о том, что процесс творчества сам по себе обладает катарсическим и интегрирующим эффектом. Современные нейронауки подтверждают эти наблюдения:

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось в период с сентября по декабрь 2024 года. В исследовании приняли участие 48 человек в возрасте от 25 до 45 лет (средний возраст 34,2 года), из них 38 женщин и 10 мужчин. Критерием включения являлся повышенный уровень ситуативной тревожности (выше 45 баллов по шкале Спилбергера-Ханина).

Дизайн исследования:

Участники были разделены на две группы: экспериментальную (n=24) и контрольную (n=24). Экспериментальная группа в течение 6 недель посещала еженедельные арт-терапевтические сессии (длительностью 90 минут). Контрольная группа не участвовала в интервенциях.

Методики:

1. Шкала психологического стресса PSM-25 (Lemyr, Tessier, Fillion) в адаптации Н.Е. Водопьяновой.
2. Шкала ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина.
3. Методика «САН» (Самочувствие, Активность, Настроение).
4. Полуструктурированное интервью для качественного анализа изменений.

Арт-терапевтическая программа:

Программа включала техники, направленные на редукцию стресса: мандалотерапия (структурирование хаоса), техника «карта телесных ощущений», работа с глиной (снятие мышечных зажимов), коллажирование на тему «Ресурсное состояние» и графические техники экспрессивной терапии (каракули, штриховки).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета SPSS Statistics (26.0) с применением U-критерия Манна-Уитни для межгрупповых сравнений и Т-критерия Вилкоксона для внутригрупповых изменений.

Результаты исследования

До начала интервенции группы были сопоставимы по всем диагностическим показателям ($p > 0,05$).

Таблица 1. Динамика показателей:

По окончании эксперимента в экспериментальной группе зафиксированы статистически значимые изменения ($p < 0,01$):

Показатель	До интервенции (ср. знач.)	После интервенции (ср. знач.)	Динамика
Уровень стресса (PSM-25)	148,7	98,3	↓ на 33,9%
Ситуативная тревожность (STAI)	52,4	38,1	↓ на 27,3%
Самочувствие (САН)	3,2	5,4	↑ на 68,8%
Настроение (САН)	3,5	5,9	↑ на 68,6%

В контрольной группе значимых изменений зафиксировано не было ($p > 0,05$).

Качественный анализ:

В ходе интервью участники экспериментальной группы отмечали следующие эффекты:

- Снижение навязчивых мыслей и внутреннего диалога, связанного с травмирующим опытом.
- Возникновение «ощущения опоры» через взаимодействие с тактильными материалами (глина, пастель).
- Возможность выразить агрессию или тревогу в социально приемлемой форме (сублимация).
- Появление навыка саморегуляции: участники начинали использовать рисование в повседневной жизни при первых признаках стресса.

Обсуждение

Полученные данные согласуются с работами К. Малчиоди и Д. Винникотта, подчеркивавшими значение творческой игры для поддержания психического здоровья. Снижение уровня кортизола, описанное в зарубежных нейровизуализационных исследованиях, коррелирует с субъективными отчетами участников о физическом расслаблении после сессий.

Особый интерес представляет высокая эффективность невербальных техник (мандала, работа с глиной). Можно предположить, что в состоянии стресса вербальные зоны коры (центр Брока) частично ингибируются, тогда как сенсомоторные каналы остаются доступными для реорганизации опыта. Арт-терапия предоставляет «обходной путь» к переработке травматического аффекта.

Важным ограничением исследования является отсутствие долгосрочного фоллоу-апа (катамнеза). Необходимы дальнейшие исследования для оценки устойчивости антистрессового эффекта.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что практика арт-терапии является эффективным инструментом купирования острых и хронических стрессовых состояний. Основными механизмами выступают:

1. Сенсорная регуляция — через работу с тактильными и визуальными стимулами снижается общий уровень физиологического возбуждения.
2. Символизация аффекта - хаотичное переживание обретает форму, становясь доступным для осознания и интеграции.
3. Восстановление субъектности - творческий акт возвращает человеку переживание контроля над собственной жизненной ситуацией.

Искусство в контексте арт-терапии выступает не как элитарная практика, а как универсальный адаптивный ресурс. Внедрение краткосрочных арт-

терапевтических программ в систему психологической помощи (в образовательных учреждениях, корпоративной среде, медицинских центрах) может рассматриваться как перспективное направление профилактики стресс-ассоциированных расстройств.

Литература/References:

1. Копытин А.И. Основы арт-терапии. — СПб.: Лань, 2019. — 256 с.
2. Кискали З.Г., Мухамедрахимов Р.Ж. Нейробиологические механизмы арт-терапии: обзор современных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 20. — № 2. — С. 312–328.
3. Bolwerk A., Mack-Andrick J., Lang F.R., Dörfler A., Maihöfner C. How art changes your brain: differential effects of visual art production and cognitive art evaluation on functional brain connectivity // PLOS ONE. — 2014. — Vol. 9. — № 7. — e101035.
4. Kaimal G., Ray K., Muniz J. Reduction of cortisol levels and participants' responses following art making // Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association. — 2016. — Vol. 33. — № 2. — P. 74–80.
5. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022.- 269 с.
6. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. - СПб.: Питер, 2022. - 336 с.
7. Аскарова Р. И. Своевременная диагностика острых респираторных инфекций у детей и подростков в Хорезмском регионе //Вестник науки и образования. – 2023. – №. 1-1 (132) С. 79-82.

8. Аскарлова Р.И. Особенности туберкулезного процесса у детей в Хорезмской области // Журнал Теоретической и клинической медицины. 2025. №2. - С.140.

9. Аскарлова Р.И. Арт - терапия у больных детей-инструмент, помогающий справляться с расстройствами // Психология, психиатрия, наркология XXI века: первые шаги в науку и практику. сборник материалов III Международной междисциплинарной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Кемерово, 2025. С. 40-48.

10. Аскарлова Р.И., Пути совершенствования оказания медицинской наркологической помощи больным с туберкулезом легких. В сборнике: Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы в XXI веке: новые задачи и возможные пути решения. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, к 170 - летию со дня рождения Сергея Сергеевича Корсакова - основателя русской психиатрической школы. - Кемерово, 2024. - С. 61-71.

АРТ-ТЕРАПИЯ ПРИ СОМАТИЧЕСКИХ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВАХ

Катарбай М. Т., Муратов М. А.

*Кафедра психиатрии и наркологии
АО «Медицинский университет Семей»,
Республика Казахстан, город Семей*

Научный руководитель: ассистент кафедры психиатрии и наркологии
Алмагамбетова А. А.

Аннотация. В статье представлен литературный обзор современных исследований, посвящённых применению арт-терапии при соматических и психосоматических расстройствах. Рассматриваются теоретические основы метода, механизмы его воздействия на психоэмоциональное и соматическое состояние пациентов, а также результаты клинических и экспериментальных

исследований. Показано, что арт-терапия способствует снижению тревожно-депрессивной симптоматики, уменьшению выраженности психосоматических проявлений и улучшению качества жизни. Обоснована целесообразность включения арт-терапии в комплексные междисциплинарные программы лечения и реабилитации.

Ключевые слова: арт-терапия; психосоматические расстройства; соматические заболевания; психотерапия; медицинская реабилитация; качество жизни; стресс.

ART THERAPY FOR SOMATIC AND PSYCHOSOMATIC DISORDERS

Katarbay M. T., Muratov M. A.

Department of Psychiatry and Narcology

Semey Medical University JSC,

Republic of Kazakhstan, Semey city

Scientific supervisor: Assistant of the Department
of Psychiatry and Narcology Almagambetova A. A.

Abstract. The article presents a literary review of modern research on the use of art therapy in somatic and psychosomatic disorders. The theoretical foundations of the method, the mechanisms of its effect on the psychoemotional and somatic state of patients, as well as the results of clinical and experimental studies are considered. It has been shown that art therapy helps to reduce anxiety-depressive symptoms, reduce the severity of psychosomatic manifestations and improve the quality of life. The expediency of including art therapy in comprehensive interdisciplinary treatment and rehabilitation programs is substantiated.

Keywords: art therapy; psychosomatic disorders; somatic diseases; psychotherapy; medical rehabilitation; quality of life; stress.

Введение

В последние десятилетия в клинической медицине и психологии наблюдается устойчивый рост интереса к немедикаментозным методам лечения и реабилитации пациентов с соматическими и психосоматическими расстройствами. Это связано с увеличением распространённости хронических заболеваний, высокой частотой коморбидных тревожно-депрессивных состояний, а также ограничениями исключительно фармакологического подхода [1]. В рамках биопсихосоциальной модели здоровья психоэмоциональные факторы рассматриваются как значимый компонент патогенеза и течения соматических заболеваний [2].

Психосоматические расстройства представляют собой группу состояний, при которых психологические и эмоциональные факторы оказывают существенное влияние на возникновение, обострение и течение телесных симптомов. К этой группе относят заболевания сердечно-сосудистой системы, органов пищеварения, дыхательной системы, кожные и эндокринные нарушения [3]. Современные клинические рекомендации подчеркивают необходимость интеграции психотерапевтических методов в комплексное лечение таких пациентов [4].

Арт-терапия является одним из направлений психотерапии, основанным на использовании различных видов художественной деятельности (рисование, лепка, коллаж, музыка, движение) с целью выражения и переработки внутреннего опыта пациента. В отличие от вербальных методов психотерапии, арт-терапия позволяет работать с бессознательными процессами, телесными ощущениями и эмоциональными состояниями, которые трудно поддаются словесному описанию [5]. Это делает метод особенно актуальным в работе с пациентами.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, интегративные и креативные подходы в системе охраны психического здоровья способствуют повышению доступности помощи и улучшению долгосрочных исходов лечения пациентов с хроническими соматическими и психосоматическими расстройствами. Арт-терапия рассматривается как перспективное направление, соответствующее современным стратегиям развития здравоохранения [20].

Объекты и методы исследования

Объектом настоящего литературного обзора являются современные научные исследования, посвящённые применению арт-терапии в клинической практике при соматических и психосоматических расстройствах. В обзор включены оригинальные 22 источников: исследования, систематические обзоры, метаанализы и клинические рекомендации, опубликованные в период с 2018 по 2026 годы [6].

Поиск литературы осуществлялся в международных научных базах данных PubMed, Scopus, Web of Science, а также в публикациях Всемирной организации здравоохранения и профессиональных ассоциаций арт-терапии. Использовались методы аналитического и сравнительного анализа, синтеза научных данных, а также качественной оценки результатов клинических и экспериментальных исследований [7].

Критериями включения публикаций являлись: наличие эмпирических данных, описание применения арт-терапии у взрослых пациентов с соматическими или психосоматическими расстройствами, оценка психологических и/или физиологических показателей эффективности [8].

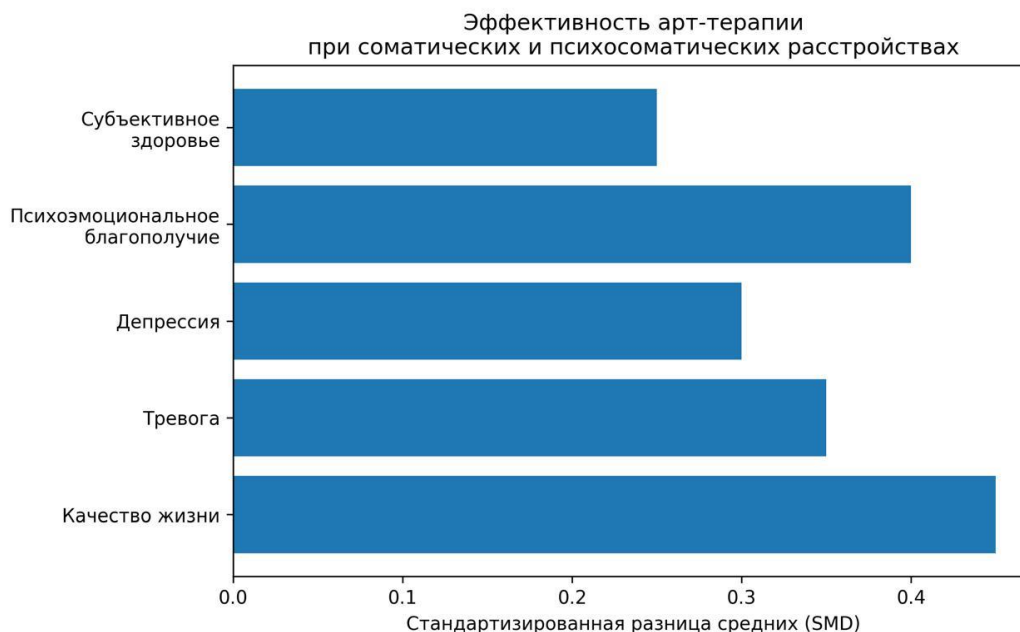
Результаты и их обсуждение

Анализ современной литературы свидетельствует о высокой эффективности арт-терапии в снижении уровня тревоги и депрессивной

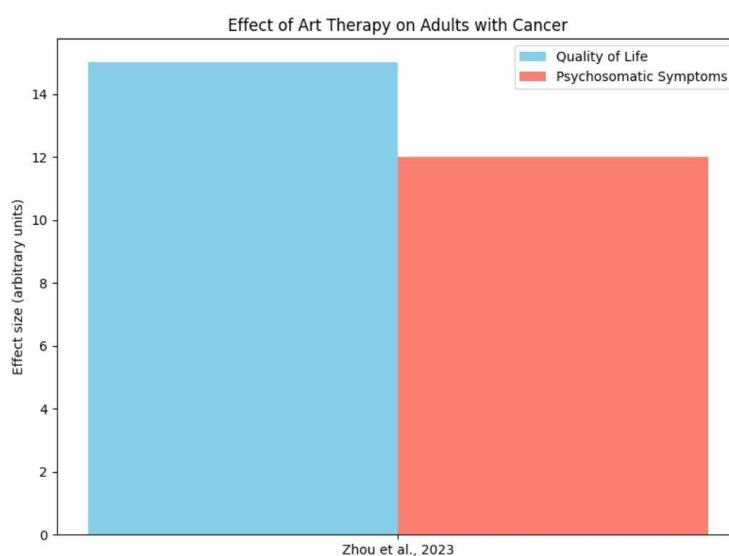
симптоматики у пациентов с хроническими соматическими заболеваниями. В ряде рандомизированных контролируемых исследований показано, что участие в арт-терапевтических программах способствует улучшению эмоционального фона, снижению субъективного восприятия боли и повышению качества жизни [9].

Результаты современных систематических обзоров и мета-анализов подтверждают клиническую значимость арт-терапии как вспомогательного метода при соматических и психосоматических расстройствах. Так, в мета-анализе Jensen и Bonde, включившем более 50 исследований с участием свыше 4 000 пациентов, показано статистически значимое улучшение психоэмоциональных и субъективных соматических показателей при применении активной визуальной арт-терапии по сравнению с контрольными вмешательствами. Наиболее выраженные эффекты отмечены в отношении качества жизни, эмоционального благополучия и снижения тревожно-депрессивной симптоматики ($SMD = 0,19-0,38$; 95 % ДИ).

Аналогичные данные получены в мета-анализе рандомизированных контролируемых исследований у пациентов с онкологическими заболеваниями, где включение арт-терапии в комплекс лечебно-реабилитационных мероприятий сопровождалось достоверным улучшением общего качества жизни и снижением уровня психологического дистресса. При этом влияние арт-терапии на отдельные соматические симптомы носило переменный характер и зависело от нозологической формы заболевания и продолжительности вмешательства. Полученные данные согласуются с результатами клинических и экспериментальных исследований, указывающих на роль арт-терапии в снижении стрессовой нагрузки, нормализации психовегетативных реакций и формировании адаптивных механизмов совладания у пациентов с психосоматическими расстройствами [21,22].

Дополнительное подтверждение эффективности метода представлено в исследовании Zhou J. с соавторами (2023), посвящённом онкологическим пациентам. Диаграмма 2 наглядно показывает существенное улучшение качества жизни и значительное снижение уровня психологического дистресса в группе, получавшей арт-терапию, по сравнению с контрольной группой [23].

У пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями арт-терапия ассоциируется со снижением эмоционального напряжения, нормализацией

показателей вегетативной регуляции и уменьшением выраженности психосоматических жалоб [10]. Аналогичные результаты получены при работе с пациентами, страдающими заболеваниями желудочно-кишечного тракта, включая синдром раздражённого кишечника и функциональную диспепсию [11].

Особое внимание в исследованиях уделяется влиянию арт-терапии на физиологические маркеры стресса. Экспериментальные данные указывают на снижение уровня кортизола и улучшение вариабельности сердечного ритма после регулярных арт-терапевтических сессий, что свидетельствует о снижении активности стресс-реакций организма [12]. Эти эффекты подтверждают влияние арт-терапии не только на психологическое, но и на соматическое состояние пациентов.

В контексте психосоматических расстройств арт-терапия способствует формированию осознания связи между эмоциональными переживаниями и телесными симптомами. Пациенты начинают лучше распознавать свои чувства, телесные реакции и стрессовые триггеры, что повышает эффективность последующей психотерапии и медикаментозного лечения [13]. Включение арт-терапии в мультидисциплинарные программы реабилитации снижает частоту обострений и улучшает показатели социальной адаптации [14].

Дополнительным преимуществом арт-терапии является её безопасность и высокая степень принятия пациентами. Метод не требует специальных художественных навыков, не вызывает побочных эффектов и может использоваться в различных клинических условиях, включая стационары, реабилитационные центры и амбулаторную практику [15].

Современные исследования в области медицинской реабилитации подчёркивают значимость арт-терапии как средства восстановления функционального и психологического статуса пациентов после длительного течения соматических заболеваний. Отмечается положительное влияние арт-

терапевтических вмешательств на мотивацию к лечению, комплаентность и субъективную оценку состояния здоровья, что особенно важно на этапах постстационарной реабилитации [18].

Заключение

На основании проведённого обзора можно сделать вывод, что арт-терапия является эффективным и научно обоснованным методом психологической помощи пациентам с соматическими и психосоматическими расстройствами. Её применение способствует снижению уровня тревоги и депрессии, улучшению эмоционального состояния и уменьшению выраженности соматических симптомов [16].

Международные профессиональные ассоциации рассматривают арт-терапию как клинически значимый компонент междисциплинарного подхода в системе охраны психического и соматического здоровья. Разработка и внедрение стандартизированных клинических рекомендаций способствует расширению применения арт-терапии в медицинских учреждениях различного профиля [19].

Арт-терапия может рассматриваться как значимый компонент комплексного, междисциплинарного подхода к лечению и реабилитации пациентов. Интеграция данного метода в клиническую практику соответствует современным представлениям о биопсихосоциальной модели здоровья и отвечает требованиям доказательной медицины [17].

Литература/ References:

1. Malchiodi C.A. Art Therapy and Health Care. - New York: Guilford Press, 2018. - 312 p. - P. 45–78.
2. Haeyen S. Art therapy for psychosomatic disorders: theory and practice. *Frontiers in Psychology*, 2018; 9: 1234–1242.
3. World Health Organization. Arts and health: evidence review. - Geneva: WHO, 2019. - P. 38–64.

4. Stuckey H.L., Nobel J. The connection between art, healing, and public health. *American Journal of Public Health*, 2019; 109(2): 254–260.
5. van der Kolk B. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma. - New York: Penguin Books, 2019. - 464 p. - P. 203–245.
6. Slayton S.C. Outcome studies on the efficacy of art therapy. *Art Therapy*, 2020; 37(1): 5–13.
7. Monti D.A., Peterson C., Kunkel E. Art therapy in chronic illness and psychosomatic conditions. *Journal of Psychosomatic Research*, 2020; 134: 110–118.
8. Abbing A., Baars E., de Sonnevile L. Art therapy and anxiety disorders. *PLoS ONE*, 2020; 15(4): e0231585.
9. Regev D., Cohen-Yatziv L. Effectiveness of art therapy interventions. *The Arts in Psychotherapy*, 2021; 73: 101745.
10. Kaimal G., Ray K., Muniz J. Reduction of stress biomarkers following art therapy. *Art Therapy*, 2021; 38(2): 87–94.
11. Kim S.K., Kim J.H., Lee S.H. Cortisol changes associated with art therapy. *Complementary Therapies in Medicine*, 2021; 58: 102702.
12. Haeyen S. *Art Therapy in Psychosomatic Medicine*. - London: Routledge, 2022. - 286 p. - P. 112–156.
13. Orkibi H., Feniger-Schaal R. Mechanisms of change in art therapy. *Frontiers in Psychology*, 2022; 13: 856920.
14. World Health Organization. *Mental health and psychosomatic medicine*. - Geneva: WHO, 2022. - P. 71–98.
15. Malchiodi C.A. *Trauma-Informed Art Therapy*. — New York: Guilford Press, 2023. - 298 p. - P. 67–101.
16. Xu J., Wang Y., Chen L. Art therapy in chronic pain management. *Pain Management Nursing*, 2023; 24(2): 132–140.

17. Lobban J., Perkins R., Carey G. Creative therapies in healthcare systems. *BMJ Open*, 2024; 14: e078912.
18. Peterson E., Silverman M. Art therapy in medical rehabilitation. *Rehabilitation Psychology*, 2024; 69(1): 22–34.
19. European Federation of Art Therapy. Clinical Standards and Professional Guidelines. - Brussels, 2025. - P. 14–39.
20. World Health Organization. Integrative Approaches in Mental Health Care. - Geneva: WHO, 2026. - P. 52–88.
21. Jensen A., Bonde L. The effects of active visual art therapy on health outcomes: a systematic review and meta-analysis. *JAMA Network Open*. 2024;7(1):e2354589. doi:10.1001/jamanetworkopen.2023.54589.
22. Zhou J., Zhang Y., Wu Y., et al. The effects of art therapy on quality of life and psychosomatic symptoms in adults with cancer: a meta-analysis of randomized controlled trials. *BMC Complementary Medicine and Therapies*. 2023;23:403. doi:10.1186/s12906-023-04258-4.
23. Zhou J., Zhang Y., Wu Y. et al. The effects of art therapy on quality of life and psychosomatic symptoms in adults with cancer: a meta-analysis of randomized controlled trials // *BMC Complementary Medicine and Therapies*. 2023. Vol. 23. P. 403. doi:10.1186/s12906-023-04258-4

ИНТУИТИВНОЕ РИСОВАНИЕ: ПРАКТИКА КОРРЕКЦИИ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ СОСТОЯНИЙ У СТУДЕНТОВ

Ковальчишина Н. И., Дронова А. А.

Кафедра психологии и конфликтологии

*Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске, Республика Беларусь, г. Минск*

Аннотация. В статье освещаются вопросы арт-терапевтической практики – интуитивное рисование в контексте коррекции неблагоприятных состояний у

студентов. Анализируются теоретические подходы к использованию данного метода в психотерапии. Приводятся практические результаты использования интуитивного рисования со студентами.

Ключевые слова: интуитивное рисование, неблагоприятное состояние, студенты, коррекция, арт-терапия.

INTUITIVE DRAWING: PRACTICE OF CORRECTING UNFAVORABLE STATES IN STUDENTS

Kovalchishina N. I., Dronova A. A.

*Department of Psychology and Conflictology
Republic of Belarus, Branch of the RSSU in Minsk*

Abstract. The article covers issues of art-therapeutic practice – intuitive drawing in the context of correction of unfavorable conditions in students. Theoretical approaches to the use of this method in psychotherapy are analyzed. Practical results of using intuitive drawing with students are presented.

Keywords: intuitive drawing, unfavorable condition, students, correction, art therapy.

Современный мир предоставляет человеку множество возможностей для реализации. Новейшие технологии, все больше внедряясь в повседневную жизнь, становятся неотъемлемой ее частью. Однако не все люди оказываются готовы к таким переменам. На фоне быстрого технологического прогресса многим людям все больше требуется психологическая помощь. Тревожность, выгорание, психоэмоциональные перегрузки и многое другое – и это не весь список проблем, с которыми обращаются к специалистам.

Безусловно, огромный поток информации, стремительная урбанизация, глобализация и технический прогресс приводит к новым вызовам и учит

человека приспосабливаться и адаптироваться в непривычных для него условиях жизни.

Как известно, современные студенты, наиболее уязвимая категория, часто переживающая неблагоприятные состояния в связи с интенсивностью их жизнедеятельности. Естественно, в подобных обстоятельствах необходимо использовать действенные способы, которые помогут молодым людям справиться с возникающими психологическими проблемами, улучшат их психоэмоциональное здоровье и гармонизируют жизнь.

Одним из таких эффективных методов коррекции негативных состояний человека можно назвать интуитивное рисование, позволяющее ему транслировать свои эмоции, в самых невероятных образах и красках, освобождаясь при этом от внутреннего напряжения.

Цель статьи: рассмотреть теоретические взгляды исследователей относительно использования арт-терапии в качестве коррекции неблагоприятных состояний студентов и проанализировать результаты применения метода интуитивного рисования.

Метод интуитивного (правополушарного) рисования все чаще используется в различных психологических практиках, поскольку является своеобразным творческим способом, который предоставляет возможность респондентам расслабиться, посмотреть вглубь себя, сконцентрироваться на своих ощущениях, наладить связь с подсознанием и выразить все свои негативные переживания в цвете на рисунке.

Интуитивное рисование как метод рассматривается в контексте арт-терапии, который представляет собой уникальный подход, сочетающий в себе творческие практики с психологической работой.

Арт-терапия рассматривается обычно многими авторами как совокупность методов психологического либо психофизического воздействия с помощью

изобразительной деятельности на пациентов с разной психической и соматической патологией с целью их лечения, профилактики и реабилитации [1].

Заслуживают внимание научные труды в области арт-терапии таких авторов, как М.Е. Бурно, А.В. Гришиной, А.И. Копытина, Л.Д. Лебедевой, К. Уэлси, Г.М. Чуткиной и др.

Необходимо подчеркнуть, что особенностями влияния искусства на человека интересовались многие ученые в различных научных сферах (психология, социология, философия). История изучения данного вопроса уходит в древние времена. Сегодня мы имеем возможность познакомиться с изречениями известных античных мудрецов (Сократ, Платон, Пифагор) о терапевтическом действии искусства на организм человека. Мудрецы утверждали, что искусство может вылечить любого человека, поскольку оказывает позитивное физиологическое и психологическое влияние на его организм и жизнь в целом.

В качестве примера, приведем исследования, которые осуществлялись в Древней Греции, Индии и Китае. Там врачи пытались диагностировать болезни при помощи цвета, песнопения и молитв [2].

Позднее вопросы подобной терапии изучались З. Фрейдом, Г. Ридом, Э. Крамером, Э. Крисом, К. Юнгом, М. Люшером и др.

Так, к примеру, интересными представляются взгляды З. Фрейда на природу изобразительного искусства. Революционным методом в истории становления психодиагностики было применение М. Люшером цвета в психологической диагностике. К.Г. Юнг, И. Якоби изучали соответствие цвета определенным психическим функциям человека. М. Наумбург, отмечала, что именно в образах проявляются самые важные переживания ребенка, самые значимые его мысли [7].

Можно обозначить, что арт-терапия – это метод психотерапии, базирующийся на использовании искусства в качестве символической деятельности при одновременной активации креативных процессов.

Арт-терапия выросла в 1940-ых годах благодаря А. Хиллу, который и ввел этот термин. Используя в своей практике творческие инструменты, он буквально произвел революцию в психоаналитической среде, сформировав совершенно новый подход, являющийся востребованным и сегодня.

В настоящее время существует достаточно разнообразный набор видов и методов арт-терапии, который растет в связи с увеличением способов творческого самовыражения. Среди них можно выделить рисуночную терапию, музыкальную, танцевальную, библиотерапию, фототерапию и др.

В контексте психокоррекционного воздействия методов арт-терапии, важно выделить и тот факт, что это связано, прежде всего, с психологическими способностями человека, поскольку он обладает мышлением и воображением, всегда нацелен на поиск новых и креативных решений в трудных жизненных ситуациях.

Важно подчеркнуть, что арт-терапия обладает многими преимуществами. В процессе данного действия наблюдается преобразование эмоций и состояний в творческую энергию. Неудивительно, что подобный способ особенно эффективен для представителей творческой среды и детей, однако с равной эффективностью может использоваться и для тех людей, которые никогда не брали в руку кисти.

Одним из наиболее распространенных видов арт-терапии считают изотерапию, то есть психологическую работу через изобразительное искусство и рисование.

Интуитивное (или правополушарное) рисование является одним из интереснейших методов, который может помочь самовыражению студентов,

раскрытию внутренних переживаний, снижению уровня тревоги и стресса, коррекции их эмоционального состояния.

Дело в том, что в повседневной жизни человек «переключается» между двумя полушариями. Левое отвечает за рациональные функции, правое – за иррациональные. Правополушарное рисование интересно тем, что включает как интуитивный, «поточный» процесс, так и использование художественных материалов [9].

Во время творческого процесса два полушария начинают работать синхронно – взаимодействие интуитивного и рационального дают возможность высвободить те переживания, которые никак иначе не могли бы найти свое проявление [4; 5].

В отличие от других подходов, Е.А. Наumenко детерминирует «интуитивность» не как нечто мистическое или необъяснимое, а как конкретное свойство личности. Он рассматривает интуитивность через повышенную чувствительность к едва уловимым сигналам внешней среды, благодаря которой человек быстрее и успешнее справляется с проблемными ситуациями и предвидит их последствия [6].

Еще К. Юнг считал бессознательное источником интуитивных знаний, и интуицию можно по праву считать «первоосновой» творческого процесса. Интуиция, по Юнгу, в момент творческого самовыражения открывает доступ в бессознательное. Он писал: «Она есть иррациональная функция восприятия, своего рода инстинктивное схватывание все равно каких содержаний» [10, с. 227].

Интересно отметить, что художественные способности не играют никакой роли. Так, Г. Ферс в своей книге «Рисовать может каждый» писал, что «все рисунки открывают дорогу к психике или содержаниям бессознательного конкретного человека» [8, с. 79].

Привлекательность интуитивного рисования в том, что данный метод предоставляет возможность снять любые ограничения. Человеку не обязательно уметь хорошо рисовать. Важно включиться в поток своего подсознания, пытаясь вытащить посредством приходящих образов внутренние, хорошо спрятанные, личностные проблемы.

Интуитивное рисование подкрепляется еще и таким немало важным критерием как вдохновение, когда человек в состоянии полной концентрации погружается в процесс творчества. И это, в свою очередь, улучшает его настроение и эмоциональное состояние, способствует развитию креативного мышления, придает ему уверенности, раскрывая многогранность мира [3].

Для реализации цели статьи со студентами-психологами первого курса Филиала РГСУ в г. Минске (45 человек – 23 девушки и 22 юноши) было проведено занятие, в рамках которого использовался метод интуитивного рисования для снижения тревожности перед сессией (за три дня). Студентам было предложено вначале пройти тест на определение тревожности по методике Спилберга. В ходе исследования были получены следующие результаты: у большинства студентов (53%) наблюдался средний уровень личностной тревожности, около трети (31%) – высокий уровень тревожности и 16% – низкий уровень. Уровень ситуационной тревожности достаточно высокий у многих первокурсников (69%), средний уровень выявлен у 20% респондентов, низкий уровень – у 11%.

Далее студентам было предложено снизить уровень тревожности и стресса перед сессией посредством спонтанного рисования своих эмоций и мыслей. Ребята увлеклись рисованием, наблюдалось буйство красок и разнообразие форм, особенно у девушек. После рисования было проведено несколько расслабляющих дыхательных техник, которые позволили вернуться студентам в реальность. По окончании этого процесса повторно

проводилось изучение степени тревожности первокурсников. Нужно отметить, что уровень ситуативной тревожности несколько снизился: высокий уровень обнаружен у 55%, у 27% – средний уровень, низкий уровень – 18%. Студенты отмечали, что после рисования у них улучшилось настроение, они почувствовали уверенность, что справятся с любыми испытаниями, уже не так сильно переживают о предстоящих экзаменах, будут использовать метод интуитивного рисования в дальнейшем.

Таким образом, можно констатировать, что метод интуитивного рисования достаточно эффективен в качестве способа коррекции неблагоприятных состояний студентов. Он способствует снижению тревожности и стресса у молодых людей, особенно в период сессии. Однако, важно понимать, что арт-терапевтические практики, несмотря на их позитивное влияние, недостаточно использовать обособленно. Необходимо расширять сферу методов, помогающих человеку справиться со своими психологическими проблемами.

Литература/References:

1. Бурганов И.А. Арт-терапия как мост между мирами : [интервью с заслуж. худож. Рос. Федерации, скульптором И.А. Бургановым / беседу вела Н.Лескова] // ДЕЛЬФИС. 2018. № 2. С. 116-119.
2. Воронова, А.А. Арт-терапия для детей и их родителей. Ростов н/Д : Феникс, 2013. 253 с.
3. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия как разновидность стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Том 1. № 1. С. 26-33.
4. Крыжановская Л.М. Артпсихология как направление психолого-педагогической реабилитации подростков. М.: Пед. общ-во России, 2004.

5. Лебедева, Л.Д. Педагогические основы арт-терапии. Ин-т развития образования. СПб. : ЛОИРО, 2000. 200 с.
6. Науменко Е.А. Интуитивность как свойство личности: автореф.дис. д-ра психол. наук. СПб., 2001. 26 с.
7. Никитин, В.Н. Арт-терапия : учебное пособие. М. : Когито-Центр, 2014. 328 с.
8. Ферс Г.М. Тайный мир рисунка: исцеление через искусство, 2-е изд., Изд-во Деметра, 2013. 168 с.
9. Эдвардс Б. Откройте в себе художника / пер. с англ. Т.И. Попова. Минск: Попурри, 2020. 368 с.
10. Юнг, К.Г. Психологические типы / К. Г. Юнг ; пер. : С. Лорие ; науч. ред. пер. : В.А. Поликарпов. Москва : АСТ ; Минск : Харвест, 2006.- 526 с,

ОБ ИСТОРИИ АРТ-ТЕРАПИИ В РОССИИ И ЕЁ БУДУЩЕМ

Копытин А. И.

Кафедра психологии

*Санкт-Петербургская академия постдипломного
педагогического образования, Россия, г. Санкт-Петербург*

«Дух без творчества — невозможен»

В советский период, будучи начинающим психиатром, клиническим ординатором первого года обучения, я испытывал весьма сложное отношение к той научно-практической дисциплине — психоневрологии, — которую я осваивал. Признавая заслуги мировой и отечественной психоневрологии, я чувствовал, что ей не хватает гуманизма, знания человека, которое базировалось бы не только на биологической антропологии, физиологии высшей нервной деятельности, но и природе духа... Хотя на тот период, в 23 года, я еще о природе духа не рефлексировал в той степени, как научился позже.

Ну а дух без творчества — невозможен. Несколько упрощая понимание ситуации: я начал чувствовать, что в моем общении с пациентами не хватает чего-то существенного. Есть, конечно, инструментарий, с помощью которого можно ставить клинический диагноз, выявлять симптомы, складывать их в симптомокомплексы, распознавать нозологию, особенности течения, подбирать терапию, лекарственную — на тот период, к сожалению, лекарственную, — дополненную реабилитационными мероприятиями, прежде всего, трудотерапией. Но я почувствовал, что не хватает того языка, способа общения между мной и пациентом, который связан с творчеством.

Поскольку творчество — язык духа, язык чего-то сущностного в человеке, что невозможно свести к симптомокомплексам и нозологии...

Создание инструментария

Большей частью как спонтанное движение моего собственного духа появилось желание создать инструмент, который бы предполагал общение с пациентом на языке искусства, на языке творческих проявлений.

И я изобрел такой инструмент, первый, наверное, в истории становления меня как арт-терапевта, который можно было бы отнести к категории арт-терапевтического инструментария, — «Цветная мозаика».

О значении творчества

Понять человека без его творческих проявлений, как мне чувствовалось — и как я теперь могу подтвердить спустя многие годы, — мы не можем. Наше общение интерперсональное так же, как наше общение с другими субъектами жизненной среды, невозможно без творческих проявлений, без того, что древние называли «поэзис» — творчество всего живого.

О пути становления в профессии

Медицинский университет я заканчивал в Сибирском регионе, и хотя это областной центр, Кемерово, и центр медицинского образования достойный, и

педагогические кадры, в том числе и обучавшие меня психиатрии, достойные, но всё-таки, конечно, я чувствовал определённую зашоренность и меня тянуло в центр науки — психоневрологии, по крайней мере — в Санкт-Петербург, Ленинград на тот период.

Мне удалось найти несколько больше понимания, обратившись в Психоневрологический научно-исследовательский институт им. Бехтерева, в лабораторию психологии, а затем установив контакты с Ленинградским университетом, с факультетом психологии, куда я поступил, получил второе высшее образование. Мне удалось все-таки прийти в мир психологической науки.

В советские годы, конечно же, психология мало где была представлена. Поэтому приобщенность к ленинградской психологической школе была весьма существенной для меня, в том числе помогла мне на новой основе посмотреть на поиски, которыми я занимался.

Это помогло мне затем принять решение поступить в аспирантуру при психоневрологическом институте имени Бехтерева, закончить её... И хотя я таким образом пытался исследовать ту методику, которую я привёз из Сибири, но в силу определённых обстоятельств научные руководители рекомендовали мне несколько изменить тематику работы, её направленность.

Поэтому я несколько отклонился от курса последовательного исследования и внедрения моей методики, но, тем не менее, время не пропало даром, это помогло мне войти в дискурс психологического знания и с его помощью описывать то, что я изобретал, как мне казалось, вслепую.

Огромное значение для меня приобрели работы **Л.М. Веккера**, наверное, уникальной фигуры в плане системности осмысления явлений психологического свойства.

О духовном начале

Я злоупотребляю понятием духа, наверное, сейчас, но тем не менее без него не обойтись.

М.Е. Бурно, создатель оригинального российского метода клинической психотерапии — терапии творческим самовыражением, явно уличил бы Копытина сейчас в том, что он излагает концепцию творчества, которая игнорирует материальные первоосновы и скорее отводит основополагающую роль в творчестве так называемому духовному началу.

Мы с Марком Евгеньевичем находимся в одном стане как представители отечественной психотерапии, правда, он тяготеет к тому, чтобы в качестве основы психотерапии рассматривать ту самую клиническую психиатрию с её биологической первоосновой, в соответствии с традицией старейшей отечественной неврологии, которая всегда тяготела к материализму.

Но я думаю, что всё-таки подобная поляризация психоневрологии, психотерапии на то, что относится к материалистически ориентированным и идеалистически ориентированным психотерапиям, психологиям, — неоправданна. Мы можем говорить скорее о некой концепции, в которой и то, и другое могут сосуществовать, и признавать необходимость и целесообразность признания сложной биопсихосоциодуховной сущности человека, с которым мы работаем.

Встреча с арт-терапией

Но арт-терапия появилась в поле моего зрения несколько позже, уже на рубеже 1980–90-х годов, когда возникли возможности обращаться в зарубежные издания, чтобы найти людей, которые помогли мне найти ответы на то, каким образом можно было бы описать результаты всех экспериментов, которые я начал по своей инициативе проводить, изучая особые состояния сознания.

Продолжая свою деятельность как врач-психиатр, в то же время в рамках одной коммерческой инициативы я начал проводить исследования, чтобы понять скрытые ресурсы человеческой психики. На свой страх и риск в общем-то осуществляя эти эксперименты — не от лица какого-то института, а по своей собственной воле.

Тогда я заинтересовался работами **К.Г. Юнга**, которые попали в поле моего зрения на английском языке, обнаружил несколько работ — правда, их можно было пересчитать по пальцам — в Публичной библиотеке ленинградской.

Глубинная психология, аналитическая психология Юнга, трансперсональная психология открылись мне благодаря появлению в тот период первых публикаций на русском языке. Затем уже личные контакты установились с представителями зарубежного психологического, психотерапевтического и арт-терапевтического сообщества.

Зарубежные арт-терапевты, которые представляли трансперсональный метод в арт-терапии, помогли мне открыть феномен мандалы.

Затем совершилась моя поездка за океан, где были встречи, которые в значительной степени обогатили и, возможно, даже перевернули мою концепцию человека и психической реальности, благодаря как раз приобщению к трансперсональному методу.

Именно в поездке в США я открыл для себя эту профессию, познакомился со специалистами, которые занимаются профессиональной арт-терапией.

Феномен, который я являю собой, сложный — феномен советского человека, советского психиатра, российского психиатра, психолога, дополненный мировой духовной практикой, зарубежной психологией, психотерапией, эзотерическими знаниями, в том числе.

Это весьма своеобразный маршрут моего личностного развития, но, тем не менее, не путем разрушения той первоосновы, от которой я оттолкнулся, пытаюсь

соединить в себе эти измерения, используя понятие «био-психо-социально-духовный».

Появилась возможность совмещать работу участкового врача-психиатра с деятельностью врача-психотерапевта, внедряя методы арт-терапии в условиях амбулаторного учреждения психоневрологического диспансера. Именно групповой формат для меня с тех пор стал наиболее востребованным.

Формирование арт-терапевтического сообщества в России

Движение в сторону организации сообщества произошло благодаря тому, что я, продолжая заниматься врачебной деятельностью, психотерапией, ведением арт-терапевтических групп, еще и начал преподавать.

Это весьма существенный момент в дальнейшей судьбе становления отечественной арт-терапии, системы образования в сфере арт-терапии.

На меня вышли представители Института практической психологии «Иматон», известного центра, новаторского центра, который продвигал новые направления психологического знания, новые технологии.

В 1996 году они меня пригласили провести в рамках конференции по трансперсональной психологии мастер-класс, затем также попросили разработать и провести определенную программу, небольшую по объему.

Но вот с этого всё началось, и я убедился, что эта программа оказалась весьма востребованной. И чем дальше, тем больше.

И оказалось, что преподавание арт-терапии стало конкурирующей деятельностью для меня и сподвигло меня даже в определённый момент — правда, это произошло через 3 года более-менее систематического преподавания параллельно с врачебной деятельностью, — сподвигло меня перейти в основном к преподаванию.

И как раз за счёт преподавательской деятельности образовался круг тех, кто был заинтересован повышать свою квалификацию в области арт-терапии. И

в 1997 году я решил учредить общественную организацию — Арт-терапевтическую ассоциацию.

Конечно, не могу не признать, что общение с моими педагогами имело важное значение, в том числе и с лидерами научно-практических направлений психотерапии.

В определенный момент на меня вышел **Б.Д. Карвасарский**, который обладал даром распознавать людей, которые могут что-то сделать для российской психотерапии. И он меня поддержал в написании докторской диссертации.

В начале двухтысячных получила развитие и поддержку на государственном уровне так называемая биопсихосоциальная модель диагностики и лечения психических расстройств. Как раз та модель, которая сделала возможной реорганизацию системы психиатрического обслуживания, насыщение ее различными видами психосоциальной терапии.

Сама система повернулась в сторону арт-терапии, возник запрос на то, чтобы в психоневрологические учреждения могли бы быть внедрены новые подходы к работе с пациентами.

В общем, это совершилось. Хотя сначала декларативно, конечно же. Поскольку эта инициатива в значительной степени сверху реализовывалось на тот момент, отражая общемировой тренд развития психоневрологии и вообще медицины в сторону холизма и системности.

Это позволило, наверное, переоценить роль арт-терапии, поддержать ее и сформировать более открытую позицию со стороны представителей психиатрического сообщества, в том числе со стороны администрации лечебных учреждений Санкт-Петербурга.

Существенные изменения произошли за последние полтора десятка лет в трансформации самой системы психоневрологии, не только научной, но и практической, конечно.

Хотя очень много еще остается сделать, собственно, сделать эту холистическую модель биопсихосоциальную не декларативной, а реально работающей в интересах человека — больного человека или здорового, поскольку эта модель работает в разных ситуациях: не только острые состояния, но и состояние ремиссии, и, очевидно, может распространяться на работу с нормотипическими популяциями.

Среди арт-терапевтов нечасто встречаются авторы оригинальных концепций человека, они адаптируют к условиям своей деятельности достижения различных школ психологии, психотерапии. Этим занимались и первопроходцы арт-терапии, и до сих пор занимаются многие арт-терапевты — именно адаптацией этих систем знания.

Поскольку я всегда испытывал потребность в том, чтобы понять человека и определённым образом концептуализировать бытие человека, не только на практическом уровне, осуществляя работу с людьми — то искал определенные концепции.

И такими концепциями человека, психической реальности являлись и труды представителей юнгианского направления, самого Карла Густава, и это также работы представителей трансперсонального направления.

Важной фигурой был для меня **Стэнли Крипнер**, один из руководителей школы психологии, психотерапии Сэйбрукского университета.

Если говорить о работах собственно арт-терапевтов, то, наверное, назову работы моего коллеги профессора **Стива Левина**, одного из видных теоретиков терапии искусством. Который вместе с **Паоло Книллом** и **Шоном**

МакНифом инициировал новое направление, интегративное направление, именуемое полимодальной терапией выразительными искусствами.

Экогуманитарный подход

Уже три года мы со Стивом Левиным плотно общаемся, с момента учреждения двуязычного сетевого научного издания «Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика».

Через концепт «поэзиса», творчества человека и природы мы вышли на построение экогуманитарной модели, с помощью которой можно на новой основе увидеть роль арт-терапии, роль творческой активности как фактора оздоровления не только человека, но и человека в его единстве с жизненной средой.

Я обратился к жанрам творческого письма, помимо текстов на тему арт-терапии, сделал попытку описания, концептуализации, исследования определённых человеческих феноменов — феномена, например, романтической любви. В моих книгах «Зелёная книга любви», «Любовь и интимность в зеркале природы» делается попытка исследовать мир отношений, интимных отношений, романтических отношений через призму природного начала, историко-культурного контекста. Это была новая для меня творческая задача.

Будущее арт-терапии

Очень много говорят в нашем отечестве о необходимости регулирования деятельности помогающих специалистов, оказывающих психологические услуги, психологическую помощь. Арт-терапевты также рассматривают себя в качестве одного из сегментов этого сообщества лиц, занимающегося оказанием психологической помощи.

Это одна из мер, которая может всё-таки упорядочить оказание услуг и сформировать определённые предпосылки для того, чтобы арт-терапия не размывалась, не профанировалась. Поскольку в этой ситуации очень высока

сохраняющаяся вероятность того, что арт-терапию предлагают в качестве некоей услуги люди, которые имеют весьма смутное представление или поверхностное представление, которые выдают себя за эту категорию специалистов, но не имеют соответствующих предпосылок для этого. Осуществляется неэтичная практика в обход тех стандартов, которые на сегодняшний день уже сложились в международной практике.

Увы, есть явный дефицит регулирующих механизмов, институтов в нашей стране, что, конечно, является одной из задач, которые мы можем решать совместно с представителями других модальностей психотерапии, психологической помощи. Но это одна из организационных задач.

Есть еще задачи, связанные с осуществлением преподавательской деятельности, проведением образовательных программ, они на сегодняшний день не отвечают международным требованиям. Достаточно активно развивается некий начальный или промежуточный уровень образования в сфере арт-терапии. Достаточно качественно даются базовые знания и навыки, многие также выходят на более высокий уровень, который предполагает несколько сот часов подготовки, выполнение определенных практических задач, переход к осуществлению деятельности на основе усвоенных методов арт-терапии. Но всё же этого недостаточно.

И есть задача разработки единых требований к программам арт-терапии в соответствии с международным уровнем.

Арт-терапия пока развивалась за пределами академической среды. На факультетах психологии арт-терапия преподается на сегодняшний день скорее на базовом уровне, как введение в арт-терапию.

Есть программы профессиональной переподготовки по арт-терапии, но они характерны для негосударственных образовательных институций.

То, что арт-терапия развивается на базе частных образовательных центров, а не государственных институций, обуславливает то, что в составе арт-терапевтического сообщества мало людей, которые имеют соответствующие научные позиции, регалии. Даже не только и не столько регалии, сколько культуру мысли, культуру преподавания, культуру концептуализации. И это характерно не только для России, но и для международного сообщества арт-терапевтов.

Хотя там программы арт-терапевтического образования, где основной формой его является магистратура, в основном или исключительно представлены на базе государственных учреждений, университетских центров, и там больше возможности интегрироваться в академический мир и оттачивать соответствующие качества образования, формировать из среды обучающихся не только практиков, но и тех, кто способен более глубоко осмыслять и преподавать арт-терапию.

Поэтому создание научно-педагогической школы арт-терапии в нашей стране является на сегодняшний день также одной из насущных задач.

Можно говорить определенно об обедненности междисциплинарных связей арт-терапии, об ее определенной замкнутости.

С одной стороны, приветствуя такую профессионализацию, которая повышает качество и требования к арт-терапии как избранному методу в деятельности специалистов, получивших соответствующее образование не менее магистерского, в то же время я бы ратовал за то, чтобы арт-терапия, точнее, искусство на пользу здоровья и благополучия человека и его жизненной среды, развивалась в каких-то других формах. В том числе приветствовал бы развитие того, что не является арт-терапией профессиональной, но может быть реализовано художниками, представителями творческих профессий в их кооперации с местными сообществами.

Формы реализации целебного потенциала искусства могли бы быть более разнообразными, нежели сложившиеся и представленные в виде профессиональной арт-терапии как вида психологической помощи, психотерапии.

Арт-терапия — не всегда психотерапия, это духовная практика, которая ведет общество, народ, человечество к обновлению, исцелению. Поэтому нужно уходить от ригидных схем представления об арт-терапии, смотреть на искусство, творчество более широко.

АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКИ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Копытин А. И.

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования им. К.Д. Ушинского, Россия, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья обобщает и систематизирует данные, касающиеся психодиагностического потенциала арт-терапии в рамках междисциплинарного подхода. Рассматриваются разные подходы к психодиагностике на основе изобразительной деятельности, исторически связанные с клинической психиатрией, психоанализом, практикой использования проективных тестов, а также изучением психопатологической экспрессии художниками и искусствоведами.

Ключевые слова: арт-терапия, психодиагностика, психопатологическая экспрессия, патография, психоанализ, медицинская психология, арт-брю

ART THERAPEUTIC PSYCHODIAGNOSTICS. HISTORY OF THE ISSUE

Kopytin, A.I.

*St.-Petersburg Academy of Post-Graduate Pedagogical
Academy named after K.D. Ushinsky (St. Petersburg, Russia)*

Abstract. The article includes reviewing and systematizing information concerning psychodiagnostic potential of art therapy in the framework of the multidisciplinary approach. Different approaches to diagnostics based on artistic activities historically linked to clinical psychiatry, psychoanalysis, application of projective tests, and the study of psychopathological expression by artists and art historians have been presented.

Keywords: art therapy, psychodiagnostics, psychopathological expression, pathography, psychoanalysis, medical psychology, art brut

Введение

На сегодняшний день отношение к психодиагностическому использованию арт-терапии противоречиво. Многие профессиональные зарубежные арт-терапевты стремятся дистанцироваться от работы с проективными рисуночными тестами, подчеркивая принципиальные отличия своего подхода от того, как рисунки используются психологами. В то же время, арт-терапевтами создан ряд оригинальных диагностических, имеющих ряд отличий от проективных графических тестов [12, 13, 29, 30, 39, 43]. За рубежом арт-терапевтов нередко привлекают в качестве экспертов, помогающих получить дополнительный материал, необходимый для постановки диагноза, комплексной оценки психических процессов, состояний и личности клиента, отношений между членами семьи или группы, особенно в тех случаях, когда получение информации путем наблюдения, беседы или использования опросников по какой-либо причине затруднительно.

В последние годы интерес к изучению и практическому применению психодиагностического потенциала арт-терапии в целом возрастает, что связано с ее определенным сближением с психологией и медициной, повышением требований к эффективности и надежности разных методов лечения. Все более

актуальными становятся проблемы определения места и роли психодиагностики в контексте арт-терапии, обозначения отличий арт-терапевтических методов психологической оценки от традиционных подходов к диагностическому использованию рисунка, стандартизации диагностических и оценочных процедур, используемых арт-терапевтами в разных областях практической работы.

Настоящая статья представляет собой попытку обобщения и систематизации данных, касающихся психодиагностического потенциала арт-терапии на основе междисциплинарного подхода.

Общее представление о психодиагностике

Под психодиагностикой понимается целенаправленный процесс изучения личности во всем многообразии ее проявлений, а также психических состояний и процессов. Психодиагностика как раздел психологической науки имеет фундаментальные возможности для развития прикладных психологических дисциплин, включая медицинскую психологию, общую медицинскую диагностику (клинико-психологическую диагностику как ее полноправный раздел), психологию труда и инженерную психологию, психологию управления, возрастную и педагогическую психологию и многие другие.

В наиболее общем виде психодиагностика предполагает выявление, содержательную квалификацию и оценку выраженности психических функций, процессов, состояний, личности и поведения здоровых и больных людей [2]. Конечной целью психодиагностики является повышение адаптационного потенциала и эффективности жизнедеятельности людей и целых сообществ, развитие и поддержка человеческих ресурсов. Психодиагностика связана с использованием разных инструментов, включая:

- психологические тесты (вербальные тесты или опросники, а также невербальные, в том числе, рисуночные тесты и иные проективные методики),
- наблюдение,
- беседу,
- биографический метод.

Выделяют специальные группы психодиагностических методик, предназначенных для изучения разных психических сфер:

- диагностики эмоционально-волевых и когнитивных процессов (внимание, память, мышление),
- оценки психических состояний,
- определения индивидуально-типологических особенностей,
- диагностики свойств личности.

В отдельную группу могут быть выделены психодиагностические методики, используемые для оценки структуры и динамики разных групп людей и человеческих сообществ, понимаемых как целостные системы (межличностных отношений и процессов).

Понятийный аппарат и методы психодиагностики разрабатывались по мере развития психологической науки и практики, так или иначе затрагивая арт-терапевтическое сообщество. Поскольку у истоков развития арт-терапии стояли представители разных профессиональных групп, для нее характерно сочетание разных подходов к использованию изобразительного искусства с целью диагностики. Ниже представлены некоторые из этих подходов, оказавших наибольшее влияние на формирование позиций арт-терапевтов относительно диагностических аспектов их деятельности.

История психодиагностического использования изобразительного искусства

Еще до появления арт-терапии как особой формы психологической помощи/психотерапии, интерес использованию изобразительного искусства с целью диагностики и оценки проявляли представители разных профессиональных групп – психиатры, психоаналитики, психологи, представители мира искусства. Подобный интерес сыграл важную роль в развитии разных моделей арт-терапевтической психодиагностики. Данные модели формировались на основе следующих традиций изучения изобразительного искусства в качестве объекта психодиагностики:

- патографического анализа творческой продукции душевнобольных психиатрами,
- диагностического применения рисунка, проективных методов психодиагностики психологами,
- психоаналитических исследований творчества пациентов преимущественно с пограничными психическими расстройствами.
- изучения творчества душевнобольных как оригинального явления культуры художниками и искусствоведами.

Традиция патографического анализа творческой продукции душевнобольных психиатрами

Первые примеры изучения творчества душевнобольных с эстетических и клинико-психиатрических позиций предпринимались еще в середине-второй половине XIX века. В этом отношении большое значение имели работы Ч. Ломброзо, А. Тардье и М. Симона. В 1855 г. парижский врач Амбруаз Тардье заинтересовался татуировками, а в 1872 г. опубликовал свою работу «Судебно-медицинское исследование помешательства», посвященное изучению рисунков душевнобольных в диагностических целях.

Примерно в это же время (в 1864 г.) вышла книга «Гениальность и помешательство», написанная психиатром-криминалистом и коллекционером творчества душевнобольных Чезаре Ломброзо из г. Турина (Италия). Изучая жизнь и творчество выдающихся художников, он отметил связь между психической патологией и гениальностью и высказал предположение, что психические расстройства могут способствовать творчеству, придавая художественному языку автора оригинальность и выразительность и способствуя активизации воображения.

В 1876 г. французский врач Макс Симон, изучая рисунки больных, публикует две монографии на тему «психотического искусства». Обратив внимание на своеобразие изобразительного «языка» психически больных, Симон идентифицировал несколько стилей и связал их с разными видами психической патологии. Этот автор вместе с Тардые положил начало патографическому анализу художественной продукции душевнобольных.

Существенный вклад в исследование искусства душевнобольных с клинико-психиатрических и художественно-эстетических позиций внес немецкий врач-психиатр и искусствовед Ганс Принцхорн [37]. На основе своих исследований творчества пациентов из психиатрической клиники г. Хайдельберга (Германия) он написал получившую широкую известность книгу «Художество душевнобольных». Одним из первых в психиатрической среде Принцхорн показал, что диагностика на основе анализа изобразительной продукции должна строиться на продолжительном наблюдении за творческими проявлениями больного и принимать во внимание его личность в целом, а не только форму психического заболевания.

За год до выхода в свет книги Принцхорна, в 1921 г. главный врач и директор психиатрической больницы Валдау в г. Берне (Швейцария) Вальтер Моргентхалер опубликовал свою монографию «Душевнобольной как

художник», посвященную творчеству Адольфа Вельфли [35]. В 1908 г. этот врач превратил коллекцию Швейцарского психиатрического общества в небольшой музей, собрав в нем наиболее яркие образцы психопатологического искусства. Показательно, что этот автор активно привлекал художественные работы больных для более тонкого исследования клинических проявлений при разных психических заболеваниях.

Заслуживает внимание деятельность представителей французской школы клинико-психиатрического и структурно-психологического анализа изобразительной продукции душевнобольных (Ж. Винчон, Р. Вольма, Ж. Делей, К. Вьяр, Ж. Бобон). С именами Р. Вольма, Ж. Делея, К. Вьяра и Ж. Бобона, а также А. Базера и Л. Навратила связано создание в 1959 г. Международного общества по изучению психопатологии экспрессии (для обозначения этой организации используется французская аббревиатура SIPE) – занимающегося исследованием и терапевтическим применением творческой активности при психических расстройствах.

Ж. Винчон [44] предложил свою классификацию художественных стилей при психических заболеваниях, основанную на изучении формальных признаков картин, включающую шесть основных категорий – (1) перверзный стиль, (2) маниакально-депрессивный стиль, (3) паранойяльный стиль, (4) эпилептический стиль, (5) дементный и олигофренический стиль, (6) шизофренический стиль.

Работы Ж. Бобона являются ярким примером интеграции клинико-психиатрического и структурно-психологического анализа психопатологической экспрессии. Бобон рассматривал ее в качестве особого языка и указывал на связь между вербальной и художественной коммуникацией в норме и при разных психических заболеваниях. Анализируя художественную продукцию душевнобольных на основе клинического подхода, Ж. Бобон использовал понятия графических неоморфизмов и параморфизмов, считая эти

феномены аналогами характерных для шизофрении неологизмов и паралогизмов.

Идеи Ж. Бобона были использованы итальянским психиатром В. Андреоли [8] при разработке оригинального подхода к исследованию продуктов спонтанного изобразительного творчества душевнобольных, названного динамическим структурным анализом. Для данного подхода характерно многолетнее наблюдение за творческими проявлениями больных, позволяющее проследить постепенное формирование и изменение художественного стиля в его тесной связи с динамикой клинических проявлений.

Аналогичный подход, но предполагающий создание больными рисунков на заданную тему, был использован, начиная с 1960-х гг., венгерским психиатром И. Харди [19, 20, 21] и обозначен как динамическое исследование рисунков. Данный подход представляет собой сравнительный анализ последовательных рисунков, с инструкцией для пациента нарисовать человека и животное до, во время и после лечения. Сравнивая клинические психопатологические изменения с особенностями графической экспрессии, собираемой за определенный период времени, Харди выявил разные личностные экспрессивные уровни, а также динамические изменения в сериях рисунков, которые могут указывать как на деградацию, так и улучшение психического функционирования пациента.

Психиатры также стояли у истоков создания секции по изучению психопатологической экспрессии, в настоящее время именуемой секцией искусства и психиатрии, созданной в 1983 г в рамках Всемирной психиатрической ассоциации. Эта секция занимается клинико-психиатрическими и междисциплинарными исследованиями творчества душевнобольных, организует выставки их работ, изучает диагностический, терапевтический, реабилитационный потенциал их творчества, а в последние

годы также проводит мероприятия, направленные на преодоление стигматизации (клеймения) душевнобольных. Представители этой секции активно используют биографический метод и предпринимают попытки применения целостного, междисциплинарного подхода для изучения механизмов творческой активности при разных психических заболеваниях, интегрируя клинико-психиатрические данные, результаты изучения деятельности мозга и культурологический анализ, методы психосемантики [8, 27, 41, 42].

Особой линией развития рисуночной психодиагностики на основе клинико-психиатрического подхода можно признать изучение особенностей изобразительной продукции пациентов, принимающих психоактивные препараты, либо подвергающимся особым лечебным воздействиям. В этом отношении показательны работы Э. Гутмана и У. Маклея [15, 33]. Исследуя эффекты воздействия мескалина на психиатрических пациентов, они прибегли к анализу их рисунков. Кроме того, они провели специальное исследование, пытаясь изучить, какое влияние на творчество художников-профессионалов оказало их психическое заболевание.

Исследованием влияния психофармакотерапии и других видов лечения, например, электросудорожной терапии на художественное творчество больных занимались и другие авторы, в частности, упомянутый выше И. Харди [16, 17, 18]. Весьма интересным исследованием можно также считать работу У. Рейтмана. Изучая последствия лейкотомии (операции по рассечению «мозолистого тела» мозга больных шизофренией), он отметил определенные изменения в характере их изобразительной деятельности.

Можно также признать, что в тех странах, где имелись сильные школы клинической психиатрии (в частности, во Франции, Германии, России),

исследования творчества душевнобольных базировались главным образом на клиническом подходе, дополняемом структурно-психологическим анализом.

В 1970-80 гг. в СССР отмечался определенный всплеск исследований изобразительного творчества пациентов с патографических позиций. В эти годы в Швейцарии вышли три иллюстрированных тома коллективного труда отечественных психиатров под руководством Э. Бабаяна (на русском и английском языках) «Изобразительный язык больных шизофренией» [4], перекликающегося с работами зарубежных исследователей-клиницистов.

Несколько позже начинает успешно развиваться оригинальный отечественный метод клинической психотерапии – Терапия творческим самовыражением (ТТС) [1]. Развитие данного метода неразрывно связано с уточнением особенностей художественной экспрессии, характерных для разных психических заболеваний, прежде всего, личностных расстройств.

В 1987 г. в Ярославле, на кафедре психиатрии Ярославского медицинского института В.В. Гавриловым создается учебный музей психопатологической экспрессии, постепенно трансформировавшийся в центр междисциплинарного исследования творчества людей с проблемами психического здоровья, крупнейшее в Российской Федерации и Восточной Европе собрание работ аутсайдеров. В.В. Гавриловым была предпринята попытка создания оригинальной описательной системы разных патографических стилей [3].

Начиная с 1990-х гг. развитие отечественной психодиагностики на основе изучения изобразительной продукции осуществляется в тесной связи с распространением новых видов лечения, в частности, арт-терапии, формированием оригинальной модели клинической системной арт-терапии [5, 6], возрастающей интеграцией арт-терапии в деятельность разных лечебно-профилактических и социальных учреждений в условиях перехода от медико-

биологической к биопсихосоциальной модели диагностики и лечения психических расстройств.

Диагностическое применение рисунка психологами в форме проективных методов

Изучение изобразительного искусства психиатрами и психоаналитиками послужило стимулом для разработки и использования первых графических методов психодиагностики [10, 14, 23, 32], способствовало развитию такого направления психологических исследований как клиническая (медицинская) психология. Параллельно с этим развивалось психологическое изучение детского рисунка [22, 26].

Если представители психодинамического подхода и врачи-психиатры в своих исследованиях ориентировались, в основном, на продукты спонтанной творческой активности пациентов, то психологи, создававшие и использовавшие графические тесты, стремились к стандартизации изобразительных процедур. Они шли по пути определенного упрощения набора изобразительных средств, делали диагностические задания легко воспроизводимыми, а их результаты – более сопоставимыми и доступными для количественной обработки.

Можно также признать, что в психоаналитических и патографических исследованиях длительное время доминировал личностный подход, связанный с подчеркиванием уникальности творческой истории авторов в то время, как в практике использования графических методов психодиагностики психологами преобладал количественный, номотетический подход, связанный с обследованием более или менее значительных выборок больных и здоровых людей, применением статистических процедур обработки результатов. Кроме того, для данного направления психодиагностического использования рисунка характерно стремление к созданию различных измерительных инструментов,

позволяющих оценивать степень выраженности тех или иных психических свойств на основе анализа определенных графических признаков.

Начиная с 1920-х гг. в психологическую практику стали вводиться первые графические тесты. В последующие годы их количество возросло. Параллельно с этим, проводились исследования их надежности и валидности. Данные этих исследований, однако, оказались противоречивыми, обусловив некоторое снижение интереса к этим методикам и усиление критики со стороны научного сообщества [11, 24, 25, 40].

Известны примеры разработки и успешного применения арт-терапевтами стандартизированных методик психодиагностики [12, 13, 34, 39]. Такие методики все же имеют целый ряд отличий от традиционных проективных тестов, поскольку отражают особый взгляд арт-терапевтов на процесс и результаты изобразительного творчества.

Нельзя не упомянуть о значимости развитии отечественной клинической (медицинской) психологии, являющейся ярким примером междисциплинарных исследований, объединивших в себе медицину (в частности, клиническую психиатрию) и психологию. Становление отечественной клинической психологии, в том числе, разработка клинико-психологических и экспериментально-психологических методов психодиагностики, активно осуществлялось в СССР, начиная с 1960-х годов. Не теряя тесной связи с психоневрологией, отечественная клиническая психология продолжает выступать одним из факторов совершенствования психодиагностических подходов, основанных на использовании изобразительной экспрессии [7, 5, 6,].

Психоаналитические исследования художественной экспрессии

Попытки осмысления творчества выдающихся художников и пациентов предпринимались, с начала XX века рядом представителей психоаналитического подхода. Исследованию природы изобразительного искусства и творчества

известных художников посвятил ряд работ З. Фрейд. В наиболее концентрированном виде они представлены в двух его исследованиях: о Леонардо да Винчи и Микеланджело. В первой из них, основываясь на предположениях о детстве Леонардо и фактах его биографии, излагает систему своих представлений, используя при этом понятия нарциссизма и сублимации как основы творчества великого художника. Фрейд также пытается анализировать работы Леонардо, стремясь прочесть в них проявления его невроза. Фрейда интересуют, прежде всего, глубинные психодинамические механизмы его творчества.

Психоанализ создал новые возможности для объяснения психологических механизмов изобразительного искусства и его связи с психодинамикой, в том числе, характерной для пограничных психических расстройств. По Фрейду, творчество является компромиссной формой удовлетворения сексуальной потребности, а потому рассматривалось им как вариант невроза и связывалось с возвращением к инфантильному состоянию.

Оригинальный вклад в развитие психоаналитических исследований искусства также внес Карл-Густав Юнг. Принципиальное значение имела разработка им теоретических положений аналитической психологии, связанных с символообразованием и внутренними механизмами психической саморегуляции, проявляющимися в процессе творческой активности. Он рассматривал символический язык изобразительного искусства как наиболее подходящий для выражения личного и коллективного бессознательного, более точный и емкий, чем слова. По его мнению, творческая активность ведет к разрешению внутриспсихических конфликтов за счет уравнивания функций сознания «трансцендентной» функцией психики, связанной с проявлениями коллективного бессознательного. Юнг также предложил свою систему толкования символических образов.

Основываясь на юнгианской классификации характеров (типов ментальной активности), в своей работе «Образование посредством изобразительного искусства» британец Герберт Рид предпринимает попытку описания типов художественной экспрессии, которые, по его мнению, можно обнаружить в истории изобразительного искусства.

Примерно к середине XX века, прежде всего, в англоязычных странах, начинают активно развиваться новые, связанные с психоанализом подходы, основанные на терапевтическом применении изобразительного творчества. Так, благодаря участию в аналитической психотерапии и работе в психиатрической клинике в 1940-е гг. американка Маргарет Наумбург создает свой метод динамически-ориентированной арт-терапии. Результаты этой работы описаны ею в книге «Изучение свободной художественной экспрессии детей с нарушениями поведения в качестве средства диагностики и лечения» [36]. По мнению Наумбург, изобразительные техники также могут использоваться психиатром в качестве проективного инструмента диагностики. Когда пациент в результате занятий преодолевает неуверенность и начинает свободно выражать свои страхи, потребности и фантазии, он вступает в соприкосновение со своим бессознательным и «разговаривает» с ним на символическом «языке» образов.

Одним из центров развития психоаналитических исследований искусства и его применения в терапевтических целях в послевоенный период также стала частная психиатрическая клиника братьев Меннингеров, на базе которых начинали свою работу некоторые пионеры американской арт-терапии. Некоторые школы арт-терапии, в частности, британская, сохраняют тесную связь с психоанализом с его акцентом на символической экспрессии как основном средстве исследования бессознательного и особом «инструменте» коммуникации клиента и специалиста, затрагивающем разные уровни психической динамики. Именно с психоанализом, а более широко, с

психодинамическим подходом, в этой и некоторых других странах связаны подходы к психодиагностике на основе изучения продуктов изобразительной деятельности.

Несмотря на постепенное снижение популярности психоанализа, его роль в использовании психодиагностического потенциала изобразительной деятельности значительна. Именно благодаря психодинамическому подходу были исследованы возрастные особенности художественной экспрессии [28, 31], распространилось представление о внутреннем содержательном богатстве визуальной, символической экспрессии и некорректности ее толкования без учета контекста психотерапевтических отношений.

Вклад представителей мира искусства в развитие методов арт-терапевтической психодиагностики

Представители мира искусства внесли свой вклад в формирование платформы междисциплинарных исследований некоторых форм художественной экспрессии (таких как аутсайдер-арт, ар-брю), имеющих определенную связь с арт-терапией и процессами самолечения на основе занятий изобразительным творчеством. Следует также подчеркнуть тот факт, что многие зарубежные арт-терапевты тесно связаны с искусством, поскольку по своему первому образованию являются художниками или искусствоведами. Они склонны воспринимать изобразительную продукцию, в том числе, арт-терапевтическую, не столько как отражение болезни или личности больного человека (как это характерно, например, для психиатров, психологов или психоаналитиков), сколько как объект художественно-эстетического восприятия. В контексте обсуждения психодиагностических аспектов арт-терапии позиция представителей мира искусства представляется важной, прежде всего, потому что позволяет увидеть связь арт-терапевтической продукции с бытующими в обществе формами художественной практики, социальными и

культурными процессами и противоречиями. Эта позиция может рассматриваться как один из факторов развития биопсихосоциальной парадигмы арт-терапии и медицины, усиления ее социальных аспектов.

Изучая историю развития искусства XX века, можно обратить внимание на то, что параллельно с развитием интереса к творчеству душевнобольных со стороны психиатров, в 1910-30 гг. в Европе интерес к психиатрическому искусству стали проявлять представители мира искусства. Апологеты авангардистских художественных течений того времени зачастую изучали и даже использовали определенные стилистические приемы, характерные для пациентов, в своем творчестве. Так, в 1910 г. художник-экспрессионист Макс Эрнст посещает курсы психиатрии, увлекается произведениями больных и решает опубликовать книгу об особенностях экспрессии больных. В это же время по инициативе В. Кандинского в Германии объединением художников «Голубой всадник» выставляются четыре произведения душевнобольных. В 1912 г. художник Пауль Клее утверждает необходимость признать ценность произведений душевнобольных, а также детей и примитивного искусства, используемого им в собственном творчестве.

В 1919 г. Андрэ Бретон предается опытам автоматического письма на выставке «новых тенденций» немецкого искусства в Кельне, где наряду с работами авангардистов и его собственными произведениями, были представлены работы душевнобольных, самоучек, детей, предметы примитивного искусства и найденные вещи. В 1924 г. выходит первый «Манифест сюрреализма» (в Париже), принимающий под защиту «искусство сумасшедших», а в 1925 г. – третий манифест под названием «Сюрреалистическая революция», в котором актер Антонен Арто бичует психиатров, присвоивших право «измерять ум», отстаивает право художника на свободное творческое самовыражение на грани здоровья.

В 1930 г. Сальвадор Дали представляет свой «параноидально-критический метод», культивирующий образы измененных состояний сознания и состоящий в порождении на основе восприятия реальных объектов представлений о других объектах. Вскоре после этого в Музее Современного искусства в Нью-Йорке с успехом прошла выставка «Фантастическое искусство, Дада, Сюрреализм».

Психопатологическое творчество рассматривалось представителями художественного авангарда в качестве яркого образца спонтанного, искреннего искусства, не сдерживаемого никакими внешними условностями. Весьма показательно, например, что уже в послевоенный период европейские сюрреалисты обращались к этому искусству как источнику оригинальных художественных идей и все более активно включали работы душевнобольных в организуемые ими экспозиции (например, в экспозицию «Сюрреализм», прошедшую в 1947 г. в галерее «Maeght» в Париже). Ярким свидетельством того значения, которое представители художественного авангарда придавали психопатологической экспрессии, является также опубликованный в 1948 г. Анри Бретоном манифест «*L'Art des fous, la cle des champs*».

В это время начинает свою деятельность по изучению образцов психопатологической экспрессии французский художник Жан Дебюффе. На него произвела большое впечатление книга Г. Принсхорна, и через некоторое время он начинает собирать изобразительную продукцию пациентов психиатрических больниц, а также организует «*Compagnie de l'Art Brut*», в которую вошли художники и врачи. Параллельно с этим Дебюффе пытается имитировать некоторые особенности художественной экспрессии больных в своем собственном творчестве, отождествляя себя с теми, кто находится вне общества, в оппозиции к его культурным ценностям.

Дебюффе удалось собрать собственную коллекцию работ психически больных, экспонируемую им в Европе и Америке и привлекающую к себе большой

интерес представителей мира искусства. Его деятельность в определенной мере повлияла на взгляды многих художников того времени. Для обозначения художественной продукции людей без какого-либо художественного образования, творящих «по наитию» зачастую имеющих более или менее серьезные проблемы психического здоровья, Дебюффе начал использовать термин *art brut*, что в переводе с французского обозначает «сырое, необработанное искусство».

В 1972 г. английский арт-критик Роджер Кардинал в Лондоне публикует книгу «Искусство аутсайдеров». Этот термин предлагается им как синоним «ар брю». В 1975 г. в Женеве выходит в свет книга искусствоведа Мишеля Тевоза «Ар брю» (в 1995 г. она переиздана на русском языке). В 1976 г. открывается Музей ар-брю в Лозанне (Швейцария), в котором выставлена коллекция, собранная Дебюффе. В 1979 г. в Лондоне организуется выставка «Аутсайдер», представленная Р. Кардиналом и В. Мусгрейвом. После этого выставка вышла на широкую публичную арену, а в 1981 г. В. Мусгрейв учредил в Лондоне собрание «Аутсайдер архив».

Аналогичные лондонской выставки произведений аутсайдеров, людей с проблемами психического здоровья в последующем все чаще с успехом проходят в разных странах мира. В 1986 г. выставка маргинального искусства проходит в Брюсселе. Вслед за нею учреждается организация «Искусство с краю». В 1986 г. основывается Музей наивного искусства в Зале Вен-Пьер в Париже, где в дальнейшем проводится множество масштабных выставок Ар-брют.

В 1989 г. в Лондоне начинает издаваться специализированный, посвященный творчеству аутсайдеров журнал «*Raw vision*» (редактор Джон Майзельс). В 1989 г. Жераром Сэндре в г. Бегле (Франция) создается «Музей свободного творчества». В 1991 г. в Чикаго открывается Центр интуитивного и

аутсайдерского искусства. В 1994 г. музей наивного и аутсайдерского искусства Стадсхоф открывается в г. Зволле (Нидерланды), а в 1995 г. происходит открытие американского Музея визионерского искусства в г. Балтимор, шт. Мэриленд, которому присвоен статус национального музея и центра хранения и исследования искусства аутсайдеров.

Таким образом, исследование изобразительного творчества людей с проблемами психического здоровья как явления искусства успешно продолжается. На сегодняшний день их творчество занимает свое место в искусстве постмодерна, представлено на арт-рынке, зачастую рассматривается как близкое по своей направленности и природе искусству наивистов, визионеров (людей, обладающих паранормальными или интуитивными способностями). При этом стилистические и содержательные особенности такого искусства продолжают оставаться предметом многочисленных дискуссий. Происходит постепенное уточнение его разных граней, определение его вклада в развитие художественных течений современности.

Заключение

Таким образом, клинико-психиатрический анализ творческой продукции душевнобольных, практика использования графических тестов психологами, исследование изобразительного искусства психоаналитиками и изучение психопатологической экспрессии представителями мира искусства составляют базу междисциплинарных исследований и практики психодиагностических возможностей изобразительного творчества в арт-терапии. Опираясь на эту базу и обогащая ее целым рядом оригинальных методических приемов, арт-терапевты вносят свой весомый вклад в развитие методов психодиагностики.

Литература/References:

1. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. – М.: Медицина, 1989.

2. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю. Психологическая диагностика и коррекция в соматической клинике. – СПб.: Речь, 2011.
3. Гаврилов В.В. Границы аутсайдер арт // Искусство аутсайдеров: путеводитель / под ред. В.В. Гаврилова. – Ярославль: иные, 2005. – С. 25-30.
4. Изобразительный язык больных шизофренией: в 3 т. / Э.Я. Бабаян, Г.В. Морозова, В.М. Морковкин [и др.]. – Базель: Sandoz, 1982-1984.
5. Копытин А.И. Системная арт-терапия: теоретическое обоснование, методология применения, лечебно-реабилитационные и дестигматизирующие эффекты: автореф. дис. ... доктора мед. наук. – СПб.: СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2010.
6. Копытин А.И. Арт-терапия психических расстройств. – СПб.: Речь, 2011.
7. Никольская И.М. Арттерапия – терапия изобразительным искусством // Детская психиатрия: учебник / под ред. Э.Г. Эйдемиллера. – СПб.: Питер, 2005. – С. 993-1000.
8. Andreoli V. The graphical language of insanity. – Roma: Il Pensiero Scientifico Editore, 1999.
9. Bobon J. Psychopathologie de l'expression. – Paris: Masson, 1962.
10. Buck J. The H-T-P technique, a qualitative and quantitative scoring method // Journal of Clinical Psychology Monograph. – 1948. – № 5. – pp. 1-20.
11. Chapman L., Chapman J. Genesis of popular but erroneous psychodiagnostic observations // Journal of Abnormal Psychology. – 1967. – № 72. – pp. 193-280.
12. Cohen B., Hammer J., Singer S. The Diagnostic Drawing Series: A systematic Approach to art therapy evaluation and research // The Arts in Psychotherapy. – 1988. – № 15. – pp. 11-21.

13. Gantt L., Tabone C. Formal Elements Art Therapy Scale: The rating manual. – Morgantown, WV.: Gargoyle Press, 1998.
14. Goodenough F. Measurement of intelligence by drawing. – New York, NY: Harcourt, Brace, & World, 1926.
15. Guttman E., Maclay W. Clinical observations on schizophrenic drawings // British Journal of Medical Psychology. – 1937. – Vol. 16. – pp. 184-205.
16. Hárđi I. Elektřoshock hatása a kézírásra. (The effect of ECT on handwriting – Hungarian) Ideggy. – Szemle mellékletében, 1956. – pp. 247-248.
17. Hárđi I. Psychologische Beobachtungen der Schrift und Zeichnung nach vorangegangener Elektřoshock-Therapie // Arch.f.Psychiat.u.Zschft.f.d.ges. Neurol. – 1962. – Vol. 203. – pp. 610-631.
18. Hárđi I. Effect of psychotropic drugs on drawing // G. Maccagnani (Ed.): Psycopatologia dell'Espressione. – Galeati, Imola, 1966. – pp. 77-85.
19. Hárđi I. Confrontation in dynamic drawing tests // Jakab I. (Ed.): Art Interpretations and Art Therapy. – Basel: Karger, 1969. – pp. 66-71.
20. Hárđi I. Temporal aspects in the dynamic examination of drawing // Japanese Bulletin of Arts Therapy. – 1983. – Vol. 14. – pp. 69-75.
21. Hárđi I. The basic principles of dynamic examination of drawing // Pichot et al. (Eds.): Psychiatry. – New York: Plenum Press. – 1985. – Vol. I. – P. 1021-1027.
22. Harris D. Children's drawings as measures of intellectual maturity. – New York, NY: Harcourt, Brace, & World, 1963.
23. Jolles I. A catalogue for the qualitative interpretation of the H-T-P. – Beverly Hills, CA: Western Psychological Services, 1971.

24. Kahill S. Human figure drawing in adults: An update of the empirical evidence, 1967–1982 // *Canadian Psychology*. – 1984. – Vol. 25. – pp. 269-292.
25. Klopfer W., Taulbee E. Projective tests. In M. Rosenzweig & L. Porter (Eds.) // *Annual Review of Psychology*. – 1976. – Vol. 27. – pp. 24-32.
26. Koppitz E. Psychological evaluation of children's human figure drawings. – New York, NY: Grune & Stratton, 1968.
27. Kopytin A. The use of art to fight stigma in mental illness. In "The person in art: conceptual and pictorial frames on art and mental health" (eds H.-O. Thomashoff and E. Sukhanova). – New York: Nova Science Publishers, 2009. – pp. 93-104.
28. Kramer E. Art therapy with children. – New York: Schocken Books, 1971.
29. Kramer E., Schehr J. An art therapy evaluation session for children // *American Journal of Art Therapy*. – 1983. – Vol. 23. – P. 3-12.
30. Kwiatkowska H. Family therapy and evaluation through art. Springfield, Il.: Charles C Thomas, 1978.
31. Lowenfeld V. The nature of creative activity. – New York, NY: Harcourt, Brace, 1939.
32. Machover K. Personality projection in the drawing of the human figure. – Springfield, Il: Charles C Thomas, 1949.
33. Maclay W., Guttman E., Mayer-Gross W. Spontaneous drawings as an approach to some problem of psychopathology // *Proceedings of the Royal Medical Society*. – 1938. – Vol. 31. – pp. 1337-1350.
34. Mills A., Cohen B., & Meneses J. Reliability and validity tests of the Diagnostic Drawing Series // *The Arts in Psychotherapy*. – 1993. – Vol. 20. – pp. 83-88.

35. Morgenthaler W. Ein geisteskranker als kunstler. Berne: E. Bircher, 1921.
36. Naumburg M. Studies of the free expression of behavior disturbed children and a means of diagnosis and therapy. – New York: Coolidge Foundation, 1947.
37. Prinzhorn H. Bilnerei der geisterkranken: ein beitrag zur psychologie und psychopathologie der gestaltung. – Berlin: Springer, 1922.
38. Read H. Educare con l'arte. Ed. Communita (2nd edition), Milan (original English version: Education through art, 1943). – 1962.
39. Silver R. Three art assessments. – New York: Brunner/ Routledge, 2002.
40. Swensen C. Empirical evaluations of human figure drawings: 1957-1966 // Psychological Bulletin. – 1968. – Vol. 70. – pp. 20-44.
41. Thomashoff H.-O., Sartorius N. (Eds.) Art against stigma: a historical perspective. – Stuttgart: Schattauer, 2004.
42. Thomashoff H.-O., Kopytin A., Sukhanova E. How to overcome psychiatric stigma through art // “Advances in psychiatry” / eds. G. Christodoulou, M. Jorge., J. Mezzich. – Athens: Beta Medical Publishers, 2009. – P. 223-236.
43. Ulman E., Dachinger P. Art therapy: in theory and practice. – New York: Schocken Books, 1975.

**АРТ-ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ,
ПОДРОСТКАМИ И СЕМЬЯМИ**

Мақатова Б. Р., Алмагамбетова А. А., Алдажар А. К.

*Кафедра психиатрии и наркологии
НАО «Медицинский университет Семей»,
Республика Казахстан, город Семей*

Аннотация. В статье представлен литературный обзор современных отечественных и зарубежных исследований, посвящённых применению арт-терапии в психологической работе с детьми, подростками и семьями. Рассматриваются теоретические основания арт-терапевтического подхода, а также данные об эффективности использования художественно-творческих методов в коррекции эмоциональных, поведенческих и психотравматических нарушений. Особое внимание уделяется возможностям арт-терапии в работе с тревожными и депрессивными состояниями, последствиями психологической травмы, нарушениями социального взаимодействия и семейного функционирования. Обзор охватывает публикации 2020–2026 гг. и демонстрирует потенциал арт-терапии как эффективного и безопасного метода психологической помощи детям, подросткам и семьям в условиях современных социальных вызовов.

Ключевые слова: арт-терапия; психологическая помощь; психокоррекция; эмоциональные расстройства; психологическая травма; семейная терапия; творческие методы.

**ART THERAPY IN WORKING WITH CHILDREN,
ADOLESCENTS AND FAMILIES**

Almagambetova A.A., Aldazhar A.K., Makatova B. R.

Department of Psychiatry and Narcology

SEMI Medical University, N.A., Republic of Kazakhstan, Semey city

Abstract. The article presents a literary review of modern domestic and foreign studies on the use of art therapy in psychological work with children, adolescents and families. The theoretical foundations of the art therapeutic approach are considered, as well as data on the effectiveness of using artistic and creative methods in correcting emotional, behavioral and psychotraumatic disorders. Special attention is paid to the possibilities of art therapy in dealing with anxiety and depression, the effects of

psychological trauma, disorders of social interaction and family functioning. The review covers publications from 2020-2026 and demonstrates the potential of art therapy as an effective and safe method of psychological assistance to children, adolescents and families in the context of modern social challenges.

Keywords: art therapy, psychological help; psychocorrection; emotional disorders; psychological trauma; family therapy; creative methods.

Введение

Арт-терапия является одним из востребованных направлений современной психологической практики, особенно в работе с детьми, подростками и семьями. Рост эмоциональных и поведенческих трудностей, повышение уровня тревожности, семейных конфликтов и психосоциальных кризисов делает актуальным поиск мягких, экологичных и эффективных методов психологической помощи. Арт-терапия как форма психотерапии, основанная на использовании художественной деятельности, позволяет клиентам выражать внутренние переживания в символической форме, снижая сопротивление и облегчая процесс самораскрытия [3],[13].

В теоретическом контексте арт-терапия рассматривается как междисциплинарное направление, находящееся на стыке психологии, психотерапии, педагогики и искусства. Основополагающим является положение о том, что художественная деятельность выступает особым языком психики, позволяющим выразить бессознательные переживания в символической форме. В отличие от вербальных методов, арт-терапия опирается на спонтанность, образность и телесно-эмоциональный опыт, что особенно важно при работе с детьми и подростками, у которых вербальные навыки самовыражения ещё недостаточно сформированы [4],[12].

Особое значение арт-терапия приобретает в детской психологии, поскольку соответствует возрастным особенностям развития. Игра и изобразительная деятельность являются ведущими формами активности ребёнка, через которые он осваивает социальный опыт и регулирует эмоциональные состояния. В этом смысле арт-терапия не является искусственно навязанным методом, а органично включается в естественную деятельность ребёнка [1],[15].

Целью настоящей работы является изучить особенности и возможности применения арт-терапии в работе с детьми, подростками и семьями, а также рассмотреть её значение как метода психологической помощи, направленного на развитие эмоциональной сферы, улучшение коммуникации и гармонизацию межличностных отношений.

Объекты и методы исследования

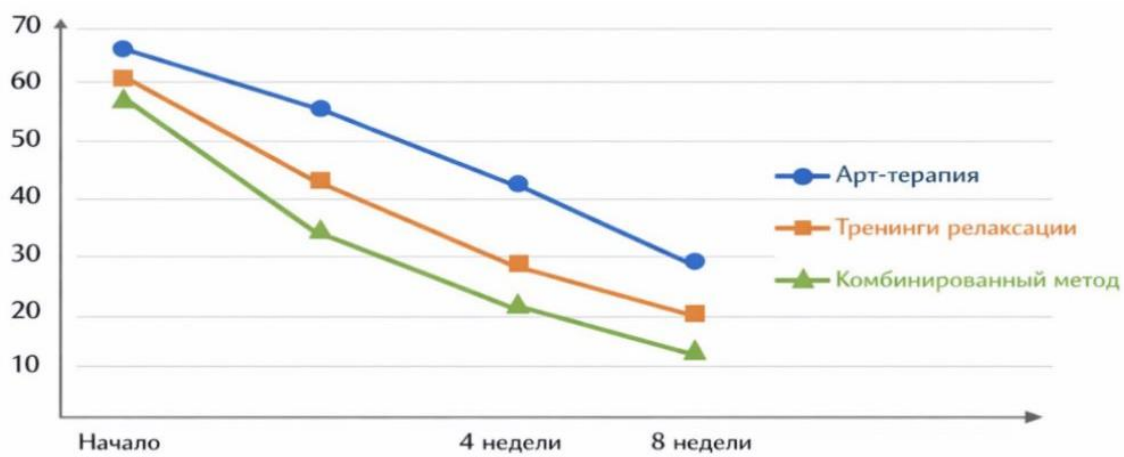
В рамках обзорной статьи использовались методы теоретического анализа научных публикаций, сравнительный анализ подходов отечественных и зарубежных авторов, а также обобщение практического опыта применения арт-терапии в психологическом консультировании и психотерапии.

Систематический поиск был проведен в литературных базах данных Pubmed, Cochrane, Cyberleninka, Elibrary.ru с использованием ключевых поисковых терминов. Были изучены 15 научных статей по 2020-2026 г.

Результаты и их обсуждение

Анализ литературы показывает, что арт-терапия особенно эффективна в работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, поскольку соответствует их ведущей деятельности и уровню развития символического мышления. Через рисунок, лепку, коллаж и другие формы творчества ребенок может выразить страхи, агрессию, тревогу и другие сложные эмоции, которые трудно вербализовать. У подростков арт-терапия способствует формированию

идентичности, развитию саморефлексии и снижению внутреннего напряжения. В семейной терапии арт-терапевтические методы используются для диагностики семейных отношений, улучшения коммуникации и восстановления эмоциональной близости между членами семьи [14], [5].

Экспериментальная часть, представленная в ряде исследований, подтверждает положительное влияние арт-терапии на эмоциональное состояние клиентов. Отмечается снижение уровня тревожности, агрессивности, улучшение самооценки и развитие навыков эмоциональной регуляции. В семейных сессиях совместная творческая деятельность способствует формированию доверия и снижению конфликтности [10].

Результаты анализа научных публикаций свидетельствуют о высокой эффективности арт-терапии при работе с различными категориями детей. У детей с повышенной тревожностью арт-терапевтические занятия способствуют снижению эмоционального напряжения, формированию чувства безопасности и доверия к взрослому.

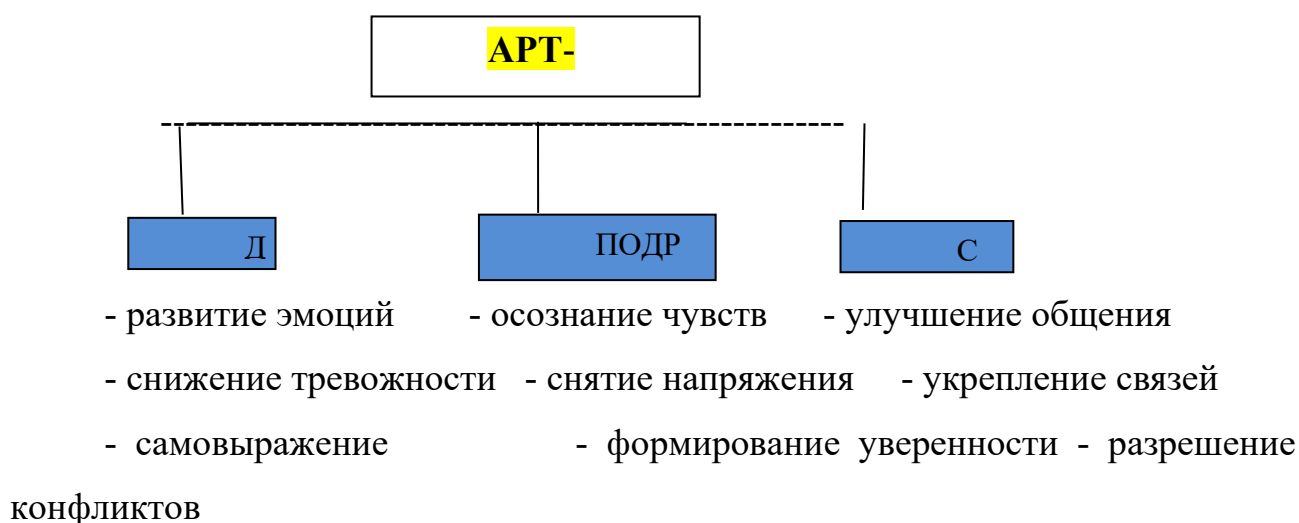

Рис.1 - Эффекты арт-терапии по возрастным группам

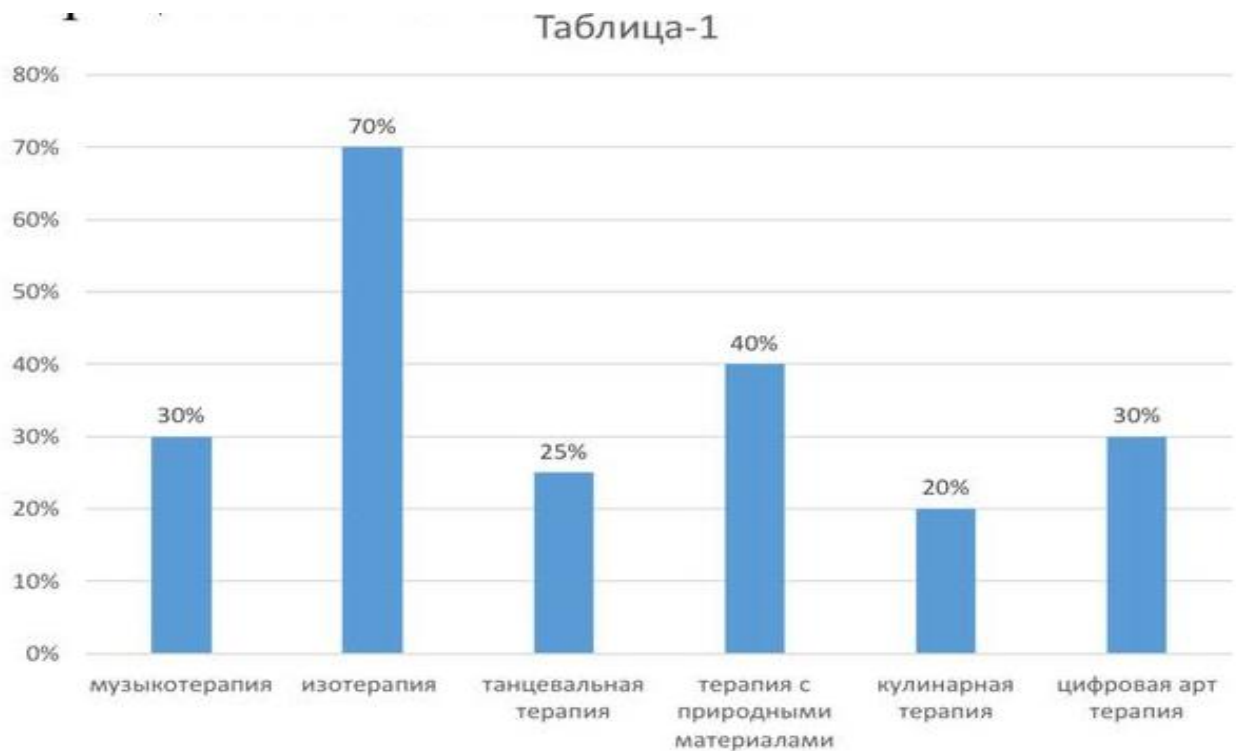
Использование мягких материалов (краски, пластилин, песок) оказывает дополнительный сенсорный и релаксационный эффект[2],[6].

Положительный эффект арт-терапии у детей

Сидорова Н. В. Положительный эффект арт-терапии у детей: снижение стресса, развитие воображения, повышение самооценки и улучшение общения.

В работе с детьми, проявляющими агрессивное или оппозиционное поведение, арт-терапия позволяет безопасно выразить подавленные чувства злости, трансформируя деструктивные импульсы в символическую форму. Это снижает вероятность поведенческих срывов и способствует развитию навыков саморегуляции [9].

Подростковый возраст характеризуется кризисом идентичности, повышенной чувствительностью к оценке и внутренними конфликтами. Арт-терапия в этом периоде становится пространством для самопознания и эксперимента с образом «Я». Через создание автопортретов, метафорических изображений, коллажей подростки получают возможность исследовать свои переживания, ценности и жизненные ориентиры. Исследования показывают, что регулярные арт-терапевтические занятия способствуют повышению самооценки и развитию рефлексивных способностей [7],[11].

В семейной арт-терапии особое значение имеет совместная творческая деятельность. Семейные рисунки, создание коллажей или скульптур позволяют

выявить скрытые конфликты, распределение ролей и эмоциональную дистанцию между членами семьи. При этом арт-терапия выполняет не только диагностическую, но и коррекционную функцию: в процессе обсуждения созданных работ формируются новые способы коммуникации и эмоционального взаимодействия [8],[9].

Заключение

Арт-терапия является универсальным и гибким методом психологической помощи, который может успешно применяться в работе с детьми, подростками и семьями. Ее ценность заключается в возможности безопасного выражения эмоций, активизации внутренних ресурсов личности и улучшения межличностных отношений. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой стандартизированных программ арт-терапии и эмпирической проверкой их эффективности. Таким образом, арт-терапия представляет собой эффективный и универсальный метод психологической помощи, адаптируемый к различным возрастным и социальным группам. Её применение в работе с детьми, подростками и семьями позволяет учитывать индивидуальные и системные особенности клиентов, создавая условия для безопасного выражения эмоций и личностных изменений. Несмотря на широкое распространение арт-терапевтических практик, актуальной остаётся задача дальнейшей эмпирической верификации методов и разработки единых методических стандартов.

Литература/References:

1. Киселева М.В., Копытин А.И. Арт-терапия в психологической помощи детям и подросткам // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 72–81.
2. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак

Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

3. Сидорова Н.В., Беляева О.В. Возможности арт-терапии в работе с семьями, воспитывающими детей с ОВЗ // Семейная психология и семейная терапия. – 2021. – № 2. – С. 34–43.

4. Hu J., Zhang J., Wang Y. Art therapy for emotional and behavioral problems in children: meta-analysis // Children and Youth Services Review. – 2021. – Vol. 121. – P. 105–117.

5. Копытин А.И., Лебедева Л.Д. Семейно-ориентированная арт-терапия: современные подходы // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 90–104.

6. Slayton S., D'Archer J., Kaplan F. Outcome studies on art therapy with children and adolescents: updated review // Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association. – 2022. – Vol. 39(2). – P. 67–78.

7. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головки О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.

8. Lizunova G.Yu., Taskina I.A. Art therapy for adolescents with trauma experience // Siberian Journal of Psychology. – 2023. – № 89. – P. 58–69.

9. Schweizer C., Knorth E.J., Spreen M. Art therapy with children and adolescents with psychosocial problems: practice-based evidence // Arts in Psychotherapy. – 2023. – Vol. 82. – P. 101–110.

10. Zhang B., Wang J., Abdullah A. The effects of art therapy interventions on anxiety in children and adolescents: a meta-analysis // Journal of Affective Disorders. – 2024. – Vol. 345. – P. 120–129.
11. Олейник Н.О., Шуржунова Д.Б. Цифровая арт-терапия в работе с детьми и подростками с эмоциональными расстройствами // Вестник практической психологии образования. – 2024. – № 4. – С. 41–49.
12. Boehm K., Cramer H. Creative arts therapies for children and adolescents: current evidence and future directions // Child and Adolescent Mental Health. – 2024. – Vol. 29(1). – P. 3–11.
13. Moo J.T.N. Family-centered creative arts therapies for children with autism and their families // Family Relations. – 2025. – Vol. 74(1). – P. 88–102.
14. Wei S., Lai A.H.Y., Ho H.W.H. Effectiveness of art therapy for children and adolescents with autism spectrum disorder // Autism. – 2025. – Vol. 29(2). – P. 356–368.
15. Zhou S., Li H., Yang Y. Effects of art therapy on psychological outcomes among children and adolescents: systematic review and meta-analysis // BMC Complementary Medicine and Therapies. – 2025. – Vol. 25. – P. 1–12.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ АРТ-ТЕРАПИИ В ФТИЗИАТРИИ

Машарипов О. О.

*Курс переподготовки и повышения квалификации ВОП
Ургенчский филиал, Ташкентская медицинская академия.
Республика Узбекистан, г. Ургенч*

Аннотация. Арт-терапия – форма изменения эмоционального состояния, которой многие люди пользуются, чтобы снять психическое напряжение, успокоиться, сосредоточиться. Арт-терапия- стабилизация психологического

микроклимата в коллективе. Психологическая помощь больным позволяет им более полно реализовать возможности личностного развития. Повысить самооценку, помочь детям контролировать свое поведение. Контроль над поведением и эмоциями помогает людям принимать решения, делать выводы.

Ключевые слова: арт терапия, туберкулез. влияние, технология, фтизиатрия, дети, подростки.

INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT OF ART THERAPY IN PHTHISIATRY

Masharipov O.O.

Retraining and advanced training course for general practitioners

Urgench branch, Tashkent Medical Academy.

Uzbekistan, Urgench

Abstract. Art therapy is a form of changing the emotional state, which many people use to relieve mental stress, calm down, concentrate. Art therapy is the stabilization of the psychological microclimate in the team. Psychological assistance to patients allows them to more fully realize the possibilities of personal development. Increase self-esteem, help children control their behavior. Control over behavior and emotions helps people make decisions, draw conclusions.

Keywords: art therapy, tuberculosis. influence, technology, pathobiology, children, adolescents.

Актуальность

Арт-технология может быть использована сразу в рамках двух тенденций развития современных образовательных технологий [1]. Свободного воспитания и образования в процессе жизни. Искусство способно восстановить внутренние силы больного туберкулезом [2]. Поддержать и даже ускорить темп их общего и

интеллектуального развития [3]. Обеспечить устойчивость эмоционального состояния, соединить дух, душу и тело мыслящего человека [4].

Арт-технология основана на деятельностном подходе и соответствует стандартам нового образования [5]. Она создаёт условия для творчества, развития, обретения уверенности в себе. Арт-технология – это обучение интеллектуальной деятельности средствами художественного творчества. Арт-терапия - педагогика воспитания обыкновенных воспитанников по самым обыкновенным образовательным программам.

Концепция нового образования требует системно-деятельного подхода в обучении. Современное занятие невозможно представить без внедрения инновационных технологий. А в арсенале педагога насчитывается более ста технологий по арт-терапии. Во всём многообразии технологий педагог выбирает ту, которая помогает реализовать задачи образования и воспитания в конкретном, определённом классе с учётом возрастных и психологических особенностей. в настоящее время все чаще арт-технологии используются и в образовательном процессе на разных ступенях обучения.

Алгоритм арт-занятия

Арт - занятие часто идёт по алгоритму «что будет, если...». Воспитанники могут общаться, помогать друг другу, рассуждать, слушать свой внутренний голос и самовыражаться. Варианты арт-занятий построены на одном виде искусства, когда по законам жанра действуют и педагог, и воспитанники; включение элементов искусства как средств деятельности учителя; использование отдельных элементов различных жанров и видов искусств как способов организации познавательной деятельности детей. Примеры арт-занятий: театрализация, психодрама, имитационное моделирование, диалог культур, заочные путешествия, предметное рисование, учебные игры.

Art – искусство, (art therapy – лечение искусством) означает лечение пластическим изобразительным творчеством с целью выражения человеком своего психо-эмоционального состояния [6]. Виды арт-терапии: изотерапия, музыкотерапия, сказкотерапия, куклотерапия, имаготерапия театральное действие, кинезитерапия движение танца, библиотерапия, фототерапия.

Достоинства арт-технологий. Использование арт-технологий даёт возможность расширить и углубить уровень познавательной активности, пробудить в учащихся стремление к углубленному изучению учебного материала, развивать творческие способности учащихся. является одной из технологий повышающей качество образовательного и воспитательного процесса. Занятия с использованием арт-технологий имеют дидактическое достоинство: создаётся эффект присутствия «Я это видел», проявляется интерес, желание узнать и увидеть больше.

Коллаж, как и любая визуальная техника, дает возможность раскрыть потенциальные возможности человека, предполагает большую степень свободы, является безболезненным методом работы с личностью, опирается на положительные эмоциональные переживания, связанные с процессом творчества. Кроме того, при изготовлении коллажа не возникает напряжения, связанного с отсутствием у участников художественных способностей, эта техника позволяет каждому получить успешный результат.

Механизм создания коллажа. В ходе занятия участники создают индивидуальные коллажи, дополняя работы друг друга (каждый участник передает свой начатый коллаж соседу, сидящему слева от него, затем, после дополнения снова передает его дальше по кругу. После того как коллажи проходят полный круг, и участники получают свои работы, дополненные всеми членами группы. Арт терапия оказывает положительное влияние на человека.

Помогает снимать стресс. Не возникает напряжение, связанное отсутствием способностей. Улучшается общее состояние.

Литература/References:

1. Аскарова Р.И. Эффективность арт-терапии в борьбе со стрессом детей, больных туберкулезом / В сборнике: Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. - Кемерово, 2024.- С. 31-39.
2. Рахимов А.К., Аскарова Р.И., Стратегические направления в борьбе с туберкулезом и меры профилактики в хорезмской области /Актуальные вопросы гигиенической науки: исторические аспекты и современные тенденции. ПИМУ.- Нижний Новгород, 2024. -С. 419-424.
3. Аскарова Р.И. Пути совершенствования оказания медицинской наркологической помощи больным с туберкулезом легких / Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы в XXI веке: новые задачи и возможные пути решения. - Кемерово, 2024. - С. 61-71.
4. Елькина И.А., Пьянзова Т.В. Эффективность лечения больных впервые выявленным туберкулезом в зависимости от ВИЧ-статуса // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 5. С. 52-53.
5. Рахимов А.К., Рахимова Г.К., Аскарова Р.И. Остаточные изменения в легких у детей и подростков после перенесенного инфильтративного туберкулеза (обзор литературы) / Научный аспект. - 2024. -Т. 29. -№ 2. -С. 3619-3630.
6. Рахимов А.К., Рахимова Г.К., Аскарова Р.И. Арт-терапия и исследование стилей литературных авторов с применением в творчестве и в живописи темы туберкулеза / Научный аспект. - 2024. - Т. 38.- № 4. - С. 4944-4950.

7. Холодов А. А. Интеграция элементов дистанционного обучения в образовательный процесс кафедры фтизиатрии / А. А. Холодов, Е. О. Брюхачева, Т. Ю. Кибе, Т. В. Пьянзова // Актуальные проблемы высшего и среднего образования: материалы XV научно-методической конференции с международным участием, Кемерово, 20 декабря 2023 года. – Кемерово: Кемеровский государственный медицинский университет, 2023. – С. 410-415. – EDN NDXBNU.

8. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ АРТ-ТЕРАПИИ И КОГНИТИВНО-
ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ ТРЕВОЖНЫХ
РАССТРОЙСТВАХ У СТУДЕНТОВ НАО «МЕДИЦИНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ СЕМЕЙ»**

Машербаета Н. Б., Калишева А. Е.

Кафедра психиатрии и наркологии

НАО «Медицинский Университет Семей»,

Республика Казахстан, г.Семей.

Научный руководитель- ассистент кафедры психиатрии и наркологии

А. А. Алмагамбетова

Аннотация. В исследовании изучалась эффективность арт-терапии в сочетании с когнитивно-поведенческой психотерапией (КПТ) у студентов НАО «Медицинский университет Семей» с тревожными расстройствами. В исследовании приняли участие 45 студентов 1-6 курсов, уровень тревожности оценивался с помощью Шкалы личностной и ситуативной тревоги Спилбергера

- Ханина (STAI). Диагностика проводилась до и после сеанса. Результаты показали значимое снижение как личностной, так и ситуативной тревожности, улучшение эмоциональной саморегуляции и психоэмоциональной устойчивости. Полученные данные подтверждают эффективность интегрированного психотерапевтического подхода для студентов медицинского университета

Ключевые слова: тревожные расстройства, арт-терапия, когнитивно-поведенческая психотерапия, STAI, студенты медицинского университета, психоэмоциональное состояние.

**THE EFFECTIVENESS OF ART THERAPY AND COGNITIVE
BEHAVIORAL PSYCHOTHERAPY IN ANXIETY DISORDERS AMONG
STUDENTS OF THE NAO «SEMEY MEDICAL UNIVERSITY»**

Masherbayeva N. B., Kalisheva A. E.

*NAO «Semey Medical University»,
Republic of Kazakhstan, Semey.*

Scientific supervisor - assistant of the Department
of Psychiatry and Narcology Almagambetova A. A.

Abstract. This study evaluated the effectiveness of a combined art therapy and cognitive-behavioral therapy (CBT) in students of Semey Medical University with anxiety disorders. A total of 45 students from 1st to 6th years participated. Anxiety levels were measured using the State-Trait Anxiety Inventory (STAI). Assessments were conducted before and after the therapy session. Results indicated a significant reduction in both state and trait anxiety, improved emotional regulation, and enhanced psycho-emotional stability. These findings support the effectiveness of an integrated psychotherapeutic approach for medical students.

Keywords: anxiety disorders, art therapy, cognitive-behavioral therapy, STAI, medical university students, psycho-emotional state.

Введение

Тревожные расстройства среди студентов медицинских университетов представляют собой актуальную проблему психического здоровья. Высокие учебные нагрузки, эмоциональные стрессоры и ответственность за освоение профессиональных навыков создают условия для формирования выраженной ситуативной и личностной тревожности [1, 2]. Такие состояния отрицательно влияют на концентрацию внимания, мотивацию, эмоциональную стабильность и общую успеваемость студентов [3, 4].

Арт-терапия позволяет студентам безопасно выражать эмоции через творчество, выявлять внутренние переживания и снижать психоэмоциональное напряжение [5, 6]. Когнитивно-поведенческая психотерапия направлена на коррекцию иррациональных мыслей, формирование навыков саморегуляции и выработку адаптивных стратегий поведения в стрессовых ситуациях [6, 7].

Сочетание арт-терапии и КПТ позволяет одновременно работать с эмоциональной и когнитивной сферами, усиливая эффект терапии и создавая более устойчивые изменения психоэмоционального состояния. Настоящее исследование направлено на оценку динамики ситуативной и личностной тревожности у студентов 1-6 курсов НАО «Медицинский университет Семей» после проведения сеанса арт-терапии в сочетании с КПТ [8, 9, 10].

Объекты и методы исследования

В исследовании приняли участие студенты 1- 6 курсов НАО «Медицинский университет Семей». Всего было опрошено 45 человек, среди которых 24 (53%) – женского пола и 21 (47%) – мужского пола. Средний возраст составил $20,5 \pm 1,8$ года.

Для оценки уровня тревожности использовалась Шкала личностной и ситуативной тревоги Спилбергера - Ханина (STAI). Ситуативная подшкала позволяла определить текущее эмоциональное состояние участников в момент

опроса, тогда как личностная подшкала отражала устойчивую склонность к тревожным переживаниям. Оценка проводилась до и после курса психотерапевтических сеансов, включавших арт-терапию и когнитивно-поведенческую психотерапию.

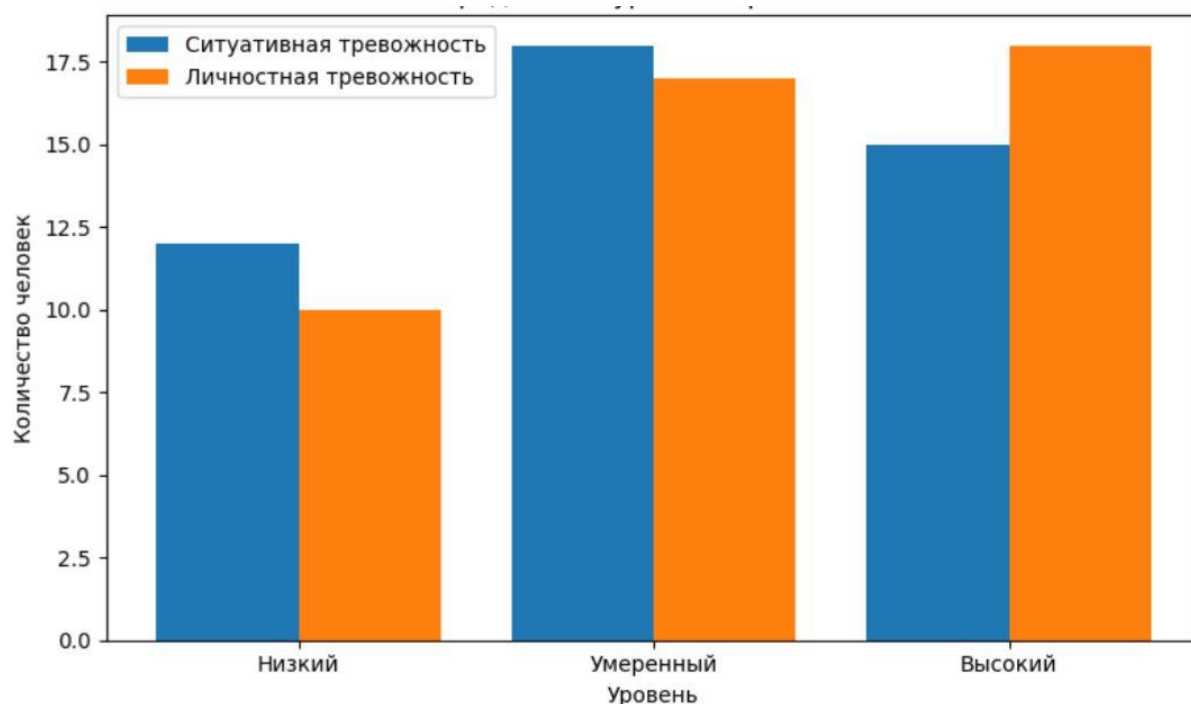
Согласно методике, каждая подшкала имела диапазон от 20 до 80 баллов. Более высокий балл означал более высокий уровень тревожности. Для интерпретации результатов использовались следующие ориентировочные показатели: 0-30 баллов - низкая тревожность, 31-44 балла - умеренная, 45 и более - высокая тревожность.

Результаты и их обсуждение

До начала курса комбинированной психотерапии, включающей арт-терапию и когнитивно-поведенческую психотерапию, у большинства участников наблюдался умеренный или высокий уровень тревожности. По ситуативной подшкале 12 студентов (27%) показали низкий уровень тревожности, 18 студентов (40%) - умеренный уровень, а 15 участников (33%) - высокий. По личностной подшкале 10 студентов (22%) имели низкий уровень тревожности, 17 человек (38%) - умеренный, и 18 студентов (40%) - высокий уровень.

Первичное анкетирование

Анализ распределения ответов по отдельным позициям шкалы показал, что наиболее выраженными симптомами ситуативной тревожности были внутреннее напряжение (пункты 3, 4, 9, 12, 13) и эмоциональная возбудимость (пункты 6, 14, 18). На личностной подшкале преобладали устойчивые проявления тревожности, такие как чрезмерная самокритика, ощущение неудачности, опасение возможных трудностей и низкая уверенность в себе (пункты 23, 25, 28, 32, 33).

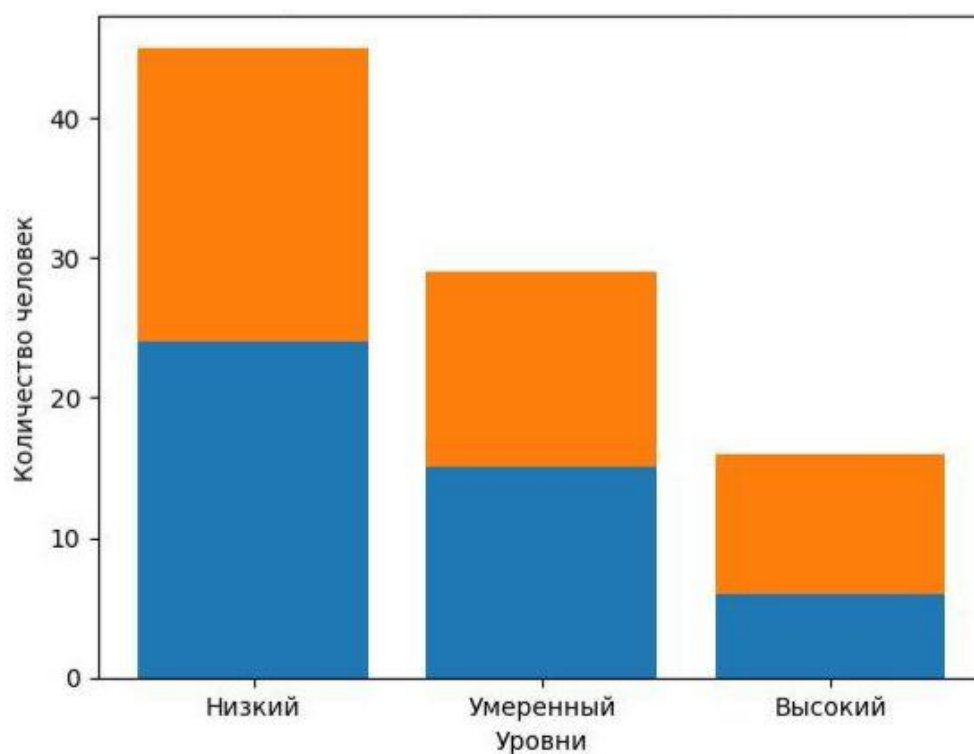

После проведения курса психотерапевтических сеансов, включавших как арт-терапию, так и когнитивно-поведенческую психотерапию, были получены заметные улучшения. По ситуативной тревожности доля студентов с низким уровнем увеличилась до 23 человек (51%), умеренный уровень сохранялся у 14 участников (31%), высокий уровень сократился до 8 человек (18%). На личностной подшкале количество студентов с низкой тревожностью возросло до 20 человек (44%), умеренный уровень наблюдался у 15 студентов (33%), а высокий уровень снизился до 10 человек (23%).

Вторичное анкетирование

Подробный анализ по позициям шкалы показал, что после проведения комбинированного вмешательства - арт-терапии и когнитивно-поведенческой психотерапии - произошли значительные положительные изменения в эмоциональной регуляции участников. Так, у студентов с высоким уровнем ситуативной тревожности (15 участников, 33%) наблюдалось выраженное снижение внутреннего напряжения и эмоциональной раздражительности, что привело к уменьшению их доли до 6 студентов (13%). Уровень умеренной

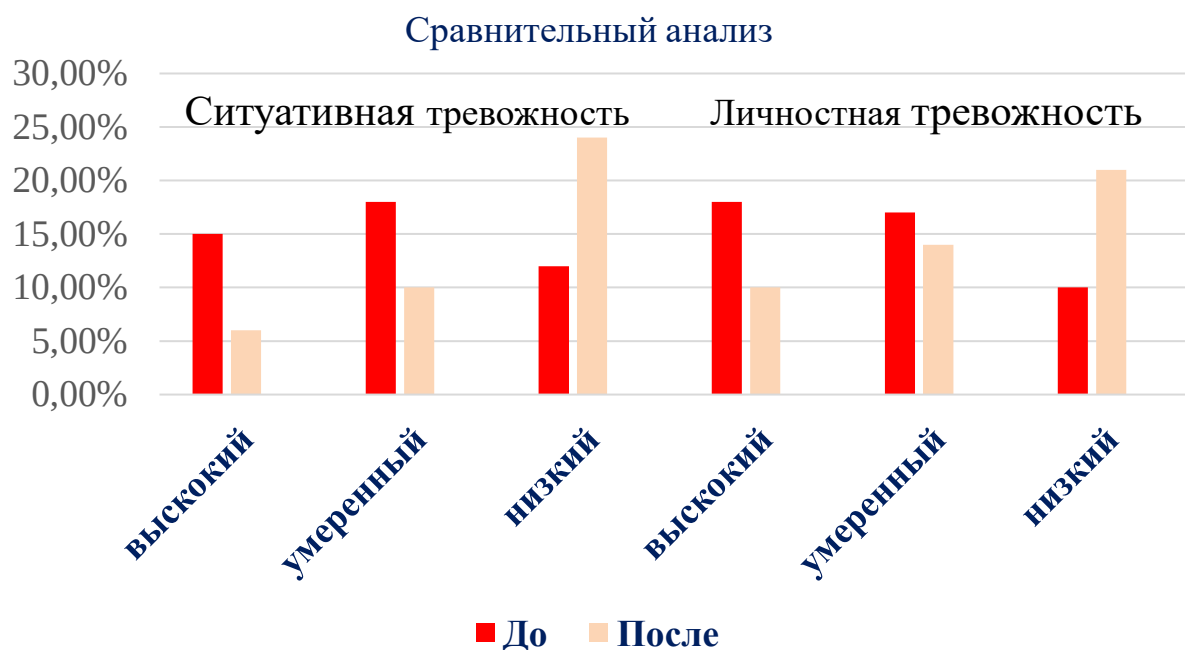
ситуативной тревожности (18 участников, 40%) снизился до 15 участников (33%), а доля студентов с низким уровнем тревожности увеличилась с 12 человек (27%) до 24 студентов (54%).

На личностной подшкале аналогичная динамика: количество студентов с высоким уровнем тревожности (18 участников, 40%) сократилось до 10 участников (22%), умеренный уровень тревожности (17 участников, 38%) уменьшился до 14 участников (31%), тогда как доля студентов с низкой личностной тревожностью возросла с 10 участников (22%) до 21 участника (47%).

На когнитивном уровне отмечено снижение склонности к чрезмерной тревоге по поводу возможных неудач: участники стали более уверенными в своих силах, повысилась способность рационально оценивать ситуации. Соматические проявления тревожности, такие как учащённое сердцебиение,

мышечное напряжение и нарушения сна, показали улучшение: студенты отмечали уменьшение физического дискомфорта и повышение общего тонуса.

Таким образом, комбинированный подход позволил комплексно воздействовать на разные аспекты тревожности: арт-терапия способствовала безопасному выражению и переработке эмоциональных переживаний и снятию внутреннего напряжения, а когнитивно-поведенческая психотерапия помогала формировать конструктивные стратегии реагирования на стрессовые ситуации, повышать уверенность и снижать чрезмерную самокритику. Эти результаты демонстрируют значительное улучшение как ситуативной, так и личностной тревожности, повышение эмоциональной регуляции, когнитивной устойчивости и общего психоэмоционального состояния студентов медицинского университета.

Результаты проведённого исследования показывают, что применение арт-терапии и когнитивно-поведенческой психотерапии способствует статистически значимому снижению уровня тревожности у студентов НАО «Медицинский университет Семей». В исследовании приняли участие 45 студентов 1-6 курсов,

у которых исходно преобладали умеренные и высокие показатели тревожности по шкале Спилбергера - Ханина.

Заключение

По данным первичного обследования, высокий уровень ситуативной тревожности (45 баллов и более) был выявлен у 20 респондентов (44,4%), умеренный уровень (31-44 балла) - у 17 человек (37,8%), низкий уровень (до 30 баллов) - у 8 студентов (17,8%). После проведения психотерапевтической работы доля студентов с высоким уровнем ситуативной тревожности снизилась до 9 человек (20%), тогда как количество лиц с низким уровнем тревожности увеличилось до 19 человек (42,2%).

Анализ показателей личностной тревожности продемонстрировал аналогичную положительную динамику. До вмешательства высокий уровень личностной тревожности регистрировался у 18 студентов (40%), умеренный - у 19 (42,2%), низкий - у 8 (17,8%). После завершения терапии число студентов с высоким уровнем личностной тревожности сократилось до 7 человек (15,6%), а доля респондентов с низкими показателями увеличилась до 21 человека (46,7%).

Полученные результаты указывают не только на уменьшение актуального тревожного напряжения, но и на снижение устойчивой тревожной предрасположенности. Это свидетельствует о формировании более адаптивных эмоциональных и когнитивных механизмов реагирования на стрессовые факторы.

Таким образом, сочетанное использование арт-терапии и когнитивно-поведенческой психотерапии может рассматриваться как эффективный метод психопрофилактики и коррекции тревожных расстройств у студентов медицинских вузов. Представленные данные подтверждают целесообразность внедрения данных психотерапевтических подходов в систему психологического

сопровождения обучающихся с целью повышения их психоэмоциональной устойчивости и адаптационных ресурсов.

Литература/References:

1. Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R.E. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory (STAI). Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 2021. 83 p.
2. Hanin Yu.L. The State-Trait Anxiety Inventory: methodological recommendations. Moscow: Smysl, 2022. 64 p.
3. Cuijpers P., Karyotaki E., Reijnders M., Purgato M. Meta-analyses and mega-analyses of the effectiveness of cognitive behavioral therapy for anxiety disorders // World Psychiatry. 2021. Vol. 20, No. 2. P. 283–293.
4. Hofmann S.G., Asnaani A., Vonk I.J.J., Sawyer A.T., Fang A. The efficacy of cognitive behavioral therapy: A review of meta-analyses // Cognitive Therapy and Research. 2022. Vol. 46, No. 4. P. 427–440.
5. Kaimal G., Ray K., Muniz J. Reduction of cortisol levels and participants' responses following art making // Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association. 2021. Vol. 38, No. 1. P. 15–22.
6. Abbing A., Ponstein A., Baars E.W., de Sonnevile L., Swaab H., Baars M. The effectiveness of art therapy for anxiety: A systematic review // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article 835685.
7. Malchiodi C.A. Trauma-Informed Art Therapy. New York: Guilford Press, 2023. 312 p.
8. Zhang Y., Zhang H., Ma X., Di Q. Mental health problems during medical education: A meta-analysis of anxiety among medical students // Journal of Affective Disorders. 2021. Vol. 287. P. 79–89.
9. Quek T.T.C., Tam W.W.S., Tran B.X., Zhang M., Zhang Z., Ho C.S., Ho R.C. The global prevalence of anxiety among medical students: A meta-analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, No.

10. Regev D., Cohen-Yatziv L. Effectiveness of art therapy with adult clients in reducing anxiety: A quantitative review // Arts in Psychotherapy. 2023. Vol. 82. Article 101984.

СУБКРЕАТИВНАЯ ТЕРАПИЯ: ОБОСНОВАНИЕ ТЕРМИНА И ОПИСАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Михайлова Т.А.

Кафедра Древних Языков,

Российский Государственный Гуманитарный Университет,

Россия, г. Москва,

Творческая студия «Kartoshka», г. Москва, Россия

Аннотация. В работе дается определение авторскому направлению «Субкреативная терапия». Описывается происхождение термина, предлагаются теоретические обоснования для формирования данного направления. Перечисляются основные характеристики арт-терапевтических техник, которые можно отнести к субкреативному направлению.

Ключевые слова: арт-терапия, субкреативная терапия, создание персонажей, проективные методики, литература, терапия творчеством, творчество.

SUBCREATIVE THERAPY: JUSTIFICATION OF THE TERM AND DESCRIPTION OF THE CREATIVE DIRECTION

Mikhailova T.A.

Department of Ancient Languages,

Russian State University for the Humanities,

Russia, Moscow,

Creative Studio «Kartoshka», Moscow, Russia

Abstract. The work defines the «Subcreative therapy» as a new field. The origin of the term is described, theoretical grounds for forming this direction are offered. The

main characteristics of art-therapeutic techniques that can be assigned to a sub-creative direction are listed.

Keywords: art therapy, subcreative therapy, character's creation, projective techniques, literature, creative arts therapy, art.

Идею «суб-креации» («sub-creation») описал в своих сочинениях и письмах известный писатель и филолог Дж. Р. Р. Толкин. Субкреация (или 'под-создание', 'творение второго уровня') – это процесс, когда мы в качестве творцов создаем нечто из того, что уже имеется в этом мире. Этот акт творения можно назвать Вторичным, потому что он отличается от Первичного акта творения, то есть Сотворения из Ничего, что относится уже к божественному уровню [1]. Из всех существ в мире деятельность подобного характера доступна только человеку¹.

Мы предлагаем, используя данное понимание термина, перенести его из литературной и философской области в более широкую сферу творчества в целом, а также рассмотреть его с точки зрения психологии и терапии. Так, мы можем назвать «субкреативными» творческие практики, связанные с созданием персонажей, существ, миров, вселенных, карт фантастической географии т.п.

¹ О сходстве человеческого творчества и Божественного см. также «Послание людям искусства» Папы Иоанна Павла II: «Никто глубже, чем вы, художники, гениальные создатели красоты, которыми вы являетесь, не сможет понять, чем было то воодушевление, с которым Бог на заре творения смотрел на дело Своих рук. Отблеск того чувства столь часто сиял в ваших глазах, художники всех времен, когда, очарованные мистической силой звуков и слов, цветов и форм, вы восхищались плодами своего вдохновения, чувствуя в них как бы отголосок той мистерии сотворения мира, к которой Бог, единственный Творец всего сущего, пожелал приобщить вас» [2].

К «субкреативным» может быть отнесена писательская деятельность, различные форматы живописи, скульптуры и другие формы искусства. Добавим сюда и такие сферы как сценарное мастерство, мультипликация, дизайн, гейм-дизайн, ролевые игры, подразумевающие составление миров и персонажей, реклама, создание брендов, геймификация обучения, различные хобби, например, миниатюра, изготовление кукол и др.

Деятельность подобного рода может иметь благотворное влияние на личность даже без психотерапевтического контекста. Сам Толкин приступил к созданию первых циклов своих легенд, находясь в госпитале после получения ранения. Исследователь легендарiums Ник Грум отмечает, что такие писатели как Толкин, а также Клайв Льюис, Джордж Оруэлл, Уильям Голдинг и Курт Воннегут, пережившие Первую и Вторую мировые войны, могут быть названы «травмированными писателями». Тяжелые события, которые происходили вокруг, последствия перенесенных потрясений, небезопасность, жестокость мира повлекли к поиску творческих форм эскапизма. Как пишет Ник Грум, «Традиционные литературные средства были просто недостаточны, чтобы отреагировать на новый мир <...> Именно поэтому в литературе XX века господствует фантастическое. Фэнтези тоже может принести утешение». [3, с. 298]

В данной работе обратимся непосредственно к арт-терапии и сформулируем важные на наш взгляд аспекты субкреативных практик:

- Нестабильность, непредсказуемость, иногда и враждебность окружающего мира – очевидный стрессовый фактор. Зато в мире, который человек создает сам, воплощаются его собственные планы. Там работают его правила. Там он контролирует и управляет. В реальном мире человек может оказаться в тяжелой ситуации, ощущать давление на себя, обнаружить себя в положении низкого статуса, не чувствовать уважения к себе. Создавая

собственные миры, мы возвращаем себе чувство власти над ситуацией, чувство своей ценности. Объектность переходит в субъектность. Взгляд снизу становится взглядом сверху.

- Образ и некий вариант тела получает то, что раньше его не имело. Голос получают подавленные желания. Мы имеем возможность познакомиться с силами, которые бушуют внутри и ищут выхода. Практики, связанные с созданием персонажей и существ, в большей степени располагают к «диалогу», чем, например, абстракция, пейзаж или мандала.

- Субкреативные практики можно уподобить некой художественной форме родительства. Созданию персонажа предшествует вынашивание, иногда неосознаваемое, а иногда и вполне осознанное, если речь идет, например, о профессиональном писательстве. В арт-терапии роль терапевта в этом случае уподобляется «акушеру». Клиент порождает некий образ, приводит в мир определенное существо, которое отныне зафиксировано, и с ним можно вести диалог, исследовать его. Такое «родительство», в отличие от биологического, не зависит от возраста и пола.

- Продолжая аналогию с деторождением, укажем и на то, что в рамках арт-техники клиентом может «порождаться» персонаж, который окажется неожиданным, удивительным, а иногда может даже вызвать сопротивление. Здесь особенно важна дальнейшая терапевтическая поддержка. В этом случае мы говорим уже о работе с теневыми сторонами личности².

² Это явление прекрасно передано в знаменитом стихотворении Корнея Чуковского «Закаляка»:

«...Ну, а это что такое,

Непонятное, чудное,

С десятью ногами,

С десятью рогами?»

«Это Бяка-Закаляка

Кусачая,

Я сама из головы её выдумала».

- Субкреативные техники дают возможность поработать с темой одиночества, которое может в данный период жизни ощущать клиент. Абстрактные изображения или, например, использование пейзажей не дает в той же мере того чувства, которое возникает при создании более осязаемого, цельного персонажа. Чувства, звучащего как «Я на самом деле не один», «Меня много», «Внутри меня целые миры». В зависимости от ситуации «рожденное» существо может продолжить свое влияние на создателя, а не только остаться темой одной арт-терапевтической сессии. Клиент возвращается домой не один, а в сопровождении некоего «компаньона», к образу которого может затем возвращаться, если чувствует необходимость в сильных качествах этого существа³.

- Субкреативные техники могут очень мягко подводить к темам, актуальным для клиента. Находясь на территории творчества и искусства, клиент более безопасно входит в работу. На данном этапе не касаясь травмы, он может активно создавать карты, миры и населяющих их существ, косвенно свидетельствуя о возможных будущих запросах. Это особенно актуально для клиентов, имеющих сопротивление к терапии, опасаящихся интервенций терапевта или не чувствующих готовности касаться болезненных переживаний. Например, раз за разом возвращаясь в компании терапевта к построению карты своего фантастического мира, клиент может снизить или снять напряжение и

«Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?»
«Я её боюсь!»
1923

³ Разумеется, описанные выше эффекты рассматриваются с точки зрения их позитивного влияния на психику, в то время как доведенные до патологического максимума, они могут привести к замыканию в себе, эскапизму, отказу от реальных контактов в пользу вымышленных и тп. Важная роль терапевта здесь в том, чтобы отследить эти настроения.

опасение перед терапией, чувствовать предвкушение, наблюдать рост свой вселенной, расширение своего мира и своих творческих возможностей⁴.

- Творя и создавая любые объекты, человек в любом случае создает себя и говорит о себе. Поэтому при анализе созданных персонажей, речь так или иначе пойдет о клиенте и актуальных для него проблемах и состояниях. После завершения творческой части имеет смысл обсудить ответы на следующие вопросы: «Что за существо перед нами?», «Какие эмоции оно вызывает? Нравится? Раздражает? Пугает? Смешит? И др.», «С чем ассоциируется?», «Какие сильные стороны имеет?», «В чем нуждается?», «Могу ли я чем-то помочь ему?», «Чем оно может помочь мне?», «Когда мне бы хотелось использовать эти сильные качества?» и т.п.

- Отметим также, что ряд техник субкреативной арт-терапии дает возможность получить уже к концу сессии законченный цельный художественный результат и таким образом дать позитивные ощущения перезагрузки, энергии, удовлетворения и интереса.

- На наш взгляд, важной стороной субкреативной деятельности является сохранение результата творческой работы. Так, например, устройство песочной терапии подразумевает последующее исчезновение мира, созданного клиентом. Однако нам представляется довольно ценным для клиента иметь возможность сохранить свою работу, принести ее домой, показывать ее по своему желанию, продолжать трудиться над ней и т.д.

В пользу некоторых описанных выше утверждений процитируем Эриха Фромма. В работе о ценностях автор пишет: «Другим аспектом человеческой ситуации, <...> является состояние творения, и жажда преодолеть состояние

⁴ Как пример приведем случай с мастер-классом по созданию персонажа в рамках игрового фестиваля, куда записалась участница, с большим сопротивлением настроенная против любых форм психотерапии. Однако она быстро включилась в творческую работу, создала сильный законченный образ и поучаствовала в обсуждении.

пассивного творения. Человек попадает в мир без своего согласия и не по собственной воле. В этом отношении он ничем не отличается от животных, от растений, от неорганической материи. Однако будучи наделен разумом и воображением, он не может удовлетвориться пассивной ролью творения, ролью кости, брошенной из стаканчика. Им движет стремление преодолеть случайность и пассивность своего появления на свет, стать творцом.

Человек может дарить жизнь. Это чудесное свойство он разделяет со всеми живыми существами, но различие заключается в том, что он один сознает, что был сотворен или что является творцом. Человек может дарить жизнь, вернее, это может делать женщина, рождая ребенка и заботясь о нем <...>. Человек – мужчина или женщина – может творить, сажая семена, производя материальные объекты, создавая произведения искусства, порождая идеи, любя друг друга. Актом творения человек превосходит себя как создание, поднимает себя над пассивностью и случайностью своего существования и попадает в царство целенаправленности и свободы» [4, с. 9–10].

Кроме описанных выше специфических характеристик, техники субкреативной арт-терапии обладают и чертами, свойственным арт-терапевтическим упражнениям в целом. Например, это медитативность, включение телесного через работу с мелкой моторикой, децентрирование, экстернализация, символизация [5, с. 22–27]

Говоря о практической части, укажем на то, что среди самых распространенных арт-терапевтических техник на данный момент существует не так много таких, которые мы могли бы описать как субкреативные. Это связано с тем, что они часто требуют более глубокой подготовки специалиста, а также более сложных материалов, в том числе и тех, которым нужно время для высыхания и застывания. Тем не менее, некоторый список вполне можно составить. Так, к субкреативным техникам мы можем отнести, например, такие

практики как классический рисунок несуществующего животного, подробно описанный в книге Г. Ф. Музыченко [6], а также в недавней работе В. Потаповой [7]. Сюда же можно отнести рисунок внутреннего ландшафта; изображение карт фантастической страны и её обитателей; макеты городов; работу с акварельными пятнами и превращением их в людей и животных; аналогичную работу с отпечатками; группу техник, сфокусированных на создании персонажа в виде, рисунка, коллажа или в формате комбинаций различных художественных средств; создание объемных фигурок из пластилина, глины др., техники, в центре которых стоит создание существа по более конкретному запросу – «мой внутренний критик», «образ моего сопротивления», «мой волшебный помощник» и т.п.; создание кукол в разных форматах – народные тканевые куклы, вязание, валяние из шерсти, марионетки и др.

Отдельно отметим создание миниатюры с точки зрения терапевтического занятия. Это более сложная для исполнения техника, требующая от арт-терапевта навыков и подготовленных заранее материалов, однако такая деятельность имеет яркий эффект. Создатели маленьких миров могут явственно почувствовать себя «креаторами», авторами и властителями миниатюрных вселенных, «большими» в сравнении с мирами, которые ими создаются⁵.

⁵ См., например, отзывы участников мастер-классов по созданию миниатюрных вселенных: «Мне больше всего нравится ощущение, как из белого листа картона и куска полимерки можно создать вселенную, которая у тебя в голове. До сих пор не укладывается, как вообще такое возможное, хотя за 15 лет можно было бы привыкнуть. И для меня это самый быстрый дофамин. Сделала шкафчик и человечка – и счастье вселенских масштабов. Плюс это медитативная работа, и она меня успокаивает и растворяет», «Мне нравится так отдыхать от других дел. Это как медитировать, просто тихо и хорошо. И еще ощущение, что можно сделать все что угодно и любого размера, и не так много надо, а возможности безграничны, только фантазию напрягай», «Ощущение как из ничего можно сделать все».

В заключение скажем, что нам кажется осмысленным введение термина «субкреативный» для общего описания ряда творческих практик. Термин характеризует их не просто формально, а имеет за собой историю и философское осмысление сути творческого процесса. Применив данный термин к арт-терапии, мы можем соответственно назвать «субкреативной терапией» ряд практик, объединенных общим принципом и имеющих описанные выше положительные эффекты.

Литература/References:

1. Толкиен Дж. Р.Р. Письма. Эксмо. 2004. Письмо #153.
2. Letter of His Holiness Pope John Paul II to artists, 1999, 1.
3. Грум Н. Толкин и его легендарium. Создание языков, мифический эпос, бесконечное Средиземье и Кольцо Всевластья. М. Миф, 2014.
4. Фромм Э. «О неповиновении» и другие эссе. Москва. 2012.
5. Копытин А. И. Методы арт-терапии в преодолении последствий травматического стресса. М. Когито-Центр. 2014.
6. Музыченко Г.Ф. Проективная методика «Несуществующее животное». М.: Речь, 2013.
7. Потапова В. Невидимая часть души. Исцеление через знакомство с внутренним «я». М. МИФ, 2025.

АРТ- ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ПОЖИЛЫМИ ПАЦИЕНТАМИ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Палванов М. М.

Республиканский Центр фтизиатрии и пульмонологии

Хорезмский филиал.

Республика Узбекистан, г. Ургенч

Аннотация. В статье представлен анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной применению арт-терапевтических методов в геронтологической практике. Рассматриваются психофизиологические особенности позднего возраста, обосновывается роль творчества как ресурса сохранения когнитивных функций и эмоционального благополучия. Особое внимание уделяется эффективности арт-терапии при деменции, депрессии и социальной депривации у лиц пожилого возраста.

Ключевые слова: арт-терапия, пожилые пациенты, гериатрия, деменция, когнитивные нарушения, реабилитация, качество жизни.

ART THERAPY IN WORKING WITH ELDERLY PATIENTS. LITERATURE REVIEW

Palvanov M. M.

*Republican Center of Phthisiology and Pulmonology
Khorezm Branch.*

Republic of Uzbekistan, Urgench

Abstract. The article presents an analysis of domestic and foreign literature devoted to the application of art-therapeutic methods in gerontological practice. The psychophysiological features of late age are considered, and the role of creativity as a resource for preserving cognitive functions and emotional well-being is substantiated. Special attention is paid to the effectiveness of art-therapy in dementia, depression, and social deprivation in elderly individuals.

Keywords: art-therapy, elderly patients, geriatrics, dementia, cognitive impairments, rehabilitation, quality of life.

Введение

Согласно данным Организации Объединенных Наций, в 2022 году люди в возрасте 65 лет и старше составляли 10,3% населения Земли, и эта тенденция

будет усиливаться в ближайшие десятилетия [1]. Демографический сдвиг влечет за собой рост распространенности возраст-ассоциированных заболеваний, среди которых ключевое место занимают когнитивные нарушения различной степени тяжести — от субъективного снижения когнитивных функций до деменции [1; 2].

Когнитивные нарушения характеризуются ухудшением памяти, внимания, исполнительных функций и речевых способностей, что существенно снижает качество жизни пациентов и создает значительную нагрузку на системы здравоохранения и социальной поддержки [1; 2]. Традиционные фармакологические подходы, включая ингибиторы холинэстеразы, демонстрируют ограниченную эффективность и ассоциированы с побочными эффектами, что актуализирует поиск безопасных и эффективных нефармакологических методов [1].

Арт-терапия, впервые описанная Адрианом Хиллом в 1940 году, представляет собой терапевтический подход, использующий различные формы искусства для установления терапевтических отношений и содействия самовыражению [1; 10]. В последние годы наблюдается значительный рост интереса к применению арт-терапевтических методов в гериатрической практике, что нашло отражение в многочисленных клинических исследованиях и систематических обзорах.

Настоящий обзор направлен на систематизацию данных зарубежной литературы об эффективности различных арт-терапевтических вмешательств у пожилых пациентов, включая лиц с когнитивными нарушениями и деменцией, а также на выявление наиболее перспективных методов и направлений для дальнейших исследований.

Определение и классификация арт-терапевтических вмешательств

В современной зарубежной литературе под арт-терапией понимается форма психотерапии, использующая творческую активность как основное средство самовыражения и взаимодействия [2]. Согласно определению Британской ассоциации арт-терапевтов, арт-терапия классифицируется как форма психотерапии, которая интегрирует психологические и художественные подходы [2].

В исследовательской практике выделяют широкий спектр арт-терапевтических модальностей, применяемых в работе с пожилыми пациентами. На основе анализа систематических обзоров и протоколов исследований можно выделить следующие основные виды (Таблица 1):

Таблица 1.
Арт-терапевтические модальности, применяемых
в работе с пожилыми пациентами

Категория	Конкретные методы	Источники
Визуальные искусства	Рисование, живопись, коллаж, керамика, скульптура, каллиграфия	[1; 3; 5]
Музыкальные методы	Музыкальная терапия, пение, прослушивание музыки, сочинение песен	[1; 2; 3]
Двигательные методы	Танцевальная терапия, танцевально-двигательная терапия	[1; 3]
Садовые методы	Гарденотерапия, садоводство	[1; 3]

Категория	Конкретные методы	Источники
Литературные методы	Чтение, творческое письмо, поэзия, сторителлинг	[3]
Интегративные методы	Творческая арт-терапия, музейная терапия, реминисцентная терапия с элементами искусства	[1; 3; 7]

Особого внимания заслуживает разграничение понятий, используемых в англоязычной литературе. Термин «art-based interventions» (художественные/творческие вмешательства) является более широким и охватывает структурированные программы, которые могут проводиться как профессиональными арт-терапевтами, так и другими специалистами [2]. В то время как «art therapy» (арт-терапия) предполагает наличие квалифицированного специалиста с соответствующей подготовкой и установление терапевтических отношений [2; 8].

Эффективность арт-терапии при когнитивных нарушениях

Систематические обзоры и мета-анализы

Современные зарубежные исследования демонстрируют убедительные доказательства эффективности арт-терапии в отношении когнитивных функций у пожилых пациентов. Систематический обзор и сетевой мета-анализ, опубликованный в журнале *Geriatric Nursing* в 2025 году, включил 38 рандомизированных контролируемых исследований с участием 2869 пациентов [1]. Результаты показали, что различные виды арт-терапии значительно улучшают показатели когнитивного функционирования, измеряемые с помощью Mini-Mental State Examination (MMSE) и Montreal Cognitive Assessment (MoCA) [1].

Согласно данным этого исследования, терапия рисованием продемонстрировала наивысшую эффективность в улучшении показателей MMSE (SUCRA: 79,2%), в то время как музыкальная терапия показала превосходство в улучшении результатов MoCA (SUCRA: 92,6%) [1]. Авторы отмечают, что различные виды арт-терапии могут воздействовать на специфические когнитивные домены: терапия рисованием преимущественно улучшает ориентацию, тогда как музыкальная терапия более эффективна в отношении внимания и исполнительных функций [1].

Другой систематический обзор и мета-анализ, опубликованный в *Psychiatry Research* в декабре 2025 года, включал 26 исследований и подтвердил, что арт-терапевтические вмешательства ассоциируются с улучшением общего когнитивного статуса у пожилых с деменцией (стандартизированная разница средних — SMD = 0,26; 95% доверительный интервал 0,03–0,48; $p = 0,024$) [2; 6].

Исследования при субъективном когнитивном снижении

Особый интерес представляют исследования, направленные на ранние стадии когнитивного снижения. Протокол сетевого мета-анализа, зарегистрированный в PROSPERO (CRD42023443773) и опубликованный в *BMJ Open*, фокусируется на пожилых пациентах с субъективным когнитивным снижением - состоянием, которое предшествует мягкому когнитивному нарушению и деменции [3; 7]. Авторы отмечают, что риск развития деменции у пожилых с субъективным когнитивным снижением в 2,48 раза выше по сравнению с лицами без когнитивных нарушений, что делает эту группу важной мишенью для раннего вмешательства [3; 7].

В данном протоколе предполагается сравнение восьми видов арт-терапии: музыкальной, танцевальной, терапевтического чтения, терапии рисованием,

гарденотерапии, реминисцентной терапии, каллиграфии и музейной терапии [3; 7].

Нейробиологические механизмы

В зарубежной литературе активно обсуждаются нейробиологические механизмы, лежащие в основе терапевтического воздействия искусства. Согласно современным представлениям, арт-терапия одновременно активирует множественные сенсорные и когнитивные процессы, усиливает нейронные связи, стимулирует области мозга, участвующие в памяти и исполнительных функциях, а также способствует нейропластичности [1].

Исследование, опубликованное в *Journal of the International Neuropsychological Society*, показало, что арт-терапия не только улучшает когнитивные показатели, но и способствует увеличению толщины коры головного мозга у пациентов с мягким когнитивным нарушением [1].

Влияние арт-терапии на нейropsychиатрические симптомы

Депрессия

Депрессия является одним из наиболее распространенных нейropsychиатрических симптомов у пожилых пациентов, особенно при деменции. Согласно эпидемиологическим данным, распространенность депрессии среди пожилых с деменцией достигает 40% [2; 6].

Мета-анализ, включивший 39 контролируемых исследований ($n = 3360$), показал, что групповые арт-терапевтические вмешательства ассоциируются с умеренным снижением уровня депрессии (Cohen's $d = 0,70$; 95% CI 0,54–0,87; $p < 0,001$) [5]. После корректировки на возможную публикационную систематическую ошибку эффект оставался значимым ($d = 0,42$; 95% CI 0,35–0,50; $p < 0,001$) [5].

Важным выводом этого исследования является то, что контекст проведения вмешательства модернизирует терапевтический эффект. Более

выраженное снижение депрессии наблюдалось при проведении групповых арт-терапевтических программ в учреждениях долговременного ухода ($d = 1,07$; 95% CI 0,72–1,42; $p < 0,001$) по сравнению с проведением в сообществе ($d = 0,51$; 95% CI 0,32–0,70; $p < 0,001$) [5].

Систематический обзор, посвященный деменции, также подтвердил значимое улучшение депрессивной симптоматики (SMD = -0,40; 95% CI -0,80 до 0,04; $p = 0,032$) [2; 6].

Тревога

В отношении тревоги данные также свидетельствуют в пользу арт-терапии. Мета-анализ Quinn и соавторов (2025) показал умеренное снижение уровня тревоги ($d = 0,76$; 95% CI 0,37–1,52; $p < 0,001$) [5]. Однако при анализе исследований, посвященных исключительно деменции, результаты в отношении тревоги оказались неоднозначными: хотя наблюдалась тенденция к снижению, статистической значимости достигнуто не было (SMD = -0,60; 95% CI -1,27 до 0,08; $p = 0,82$) [2; 6].

Ажитация и поведенческие симптомы

Ажитация является одним из наиболее сложных для управления симптомов деменции. Данные систематического обзора Ху и соавторов не выявили значимого влияния арт-терапии на ажитацию (SMD = 0,21; 95% CI -0,13 до 0,56; $p = 0,224$) [2; 6]. Это указывает на необходимость дальнейших исследований в данной области и, возможно, на ограниченность арт-терапии как монотерапии для коррекции тяжелых поведенческих нарушений.

Качество жизни

Относительно влияния арт-терапии на качество жизни пожилых пациентов данные остаются противоречивыми. Мета-анализ исследований при деменции не выявил значимого эффекта (SMD = 0,02; 95% CI -0,17 до 0,22; $p = 0,801$) [2; 6]. Однако авторы отмечают, что это может быть связано с неоднородностью

используемых инструментов измерения и методологическими ограничениями включенных исследований.

Факторы, влияющие на эффективность арт-терапии

Формат проведения

Важным выводом современной зарубежной литературы является превосходство групповых форм арт-терапии над индивидуальными в отношении психозмоциональных исходов. Исследования показывают, что групповые вмешательства создают дополнительный терапевтический фактор — социализацию, которая особенно значима для пожилых пациентов [2; 4; 5].

Скопинг-обзор Galassi и соавторов (2022) выделил четыре ключевых аспекта, обеспечивающих эффективность арт-терапии: улучшение когнитивных функций и проприоцепции; укрепление самоидентичности и осмысленности жизни; снижение чувства одиночества и депрессивных симптомов; социализация [4].

Интенсивность и длительность

Стандартизированные протоколы арт-терапии демонстрируют наибольшую эффективность при определенной структурированности. В клиническом исследовании, зарегистрированном в NCT07097675), предлагается протокол из 12 сессий продолжительностью 80 минут, проводимых два раза в неделю в течение семи недель в группах по 5-6 человек [10]. Каждая сессия включает стандартную структуру: проверку настроения, разминочное задание, основное задание, рефлекссию и заключительную проверку настроения [10].

Квалификация специалистов

В литературе подчеркивается важность профессиональной подготовки специалистов, проводящих арт-терапию. Исследование Kalir и соавторов (2025), опубликованное в *Innovation in Aging*, выявило, что барьерами для внедрения арт-терапии в учреждениях для пожилых являются отсутствие законодательно

установленных стандартов, недостаточное финансирование, предубеждения в отношении арт-терапии и ограниченная осведомленность лиц, принимающих решения [9]. Факторами успеха выступают предварительное знакомство руководителей с арт-терапией, признание ее эффективности, высокая мотивация терапевтов и гибкость стратегий вмешательства [9].

Методологические инструменты оценки

В зарубежных исследованиях применяется широкий спектр валидированных инструментов для оценки эффективности арт-терапии у пожилых пациентов.

Для оценки когнитивных функций наиболее часто используются:

- Mini-Mental State Examination (MMSE) - стандартизированный инструмент, оценивающий ориентацию во времени и пространстве, запоминание, внимание, счет, recall, языковые функции. Максимальный балл — 30, чувствительность 0,71–0,87, специфичность 0,81–0,96 [1; 10].
- Montreal Cognitive Assessment (MoCA) - более чувствительный инструмент для выявления мягких когнитивных нарушений, оценивающий внимание, исполнительные функции, память, язык, зрительно-конструктивные способности [1].

Для оценки психоэмоционального состояния применяются:

- Depression, Anxiety and Stress Scales (DASS-21) — краткая версия из 21 пункта, оценивающая три компонента психоэмоционального дистресса [10].
- Formal Elements Art Therapy Scale (FEATS) - уникальный инструмент, позволяющий анализировать формальные элементы рисунков (цвет, линии, композицию) как объективные показатели психоэмоционального состояния [10].

Использование FEATS представляет особый интерес, так как позволяет получить объективные количественные данные на основе анализа продуктов

творческой деятельности, что может дополнять субъективные отчеты пациентов [10].

Ограничения современных исследований

Несмотря на значительный объем накопленных данных, зарубежная литература указывает на ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов.

Во-первых, существуют ограничения, связанные с языком публикаций. Включение только англоязычных и китайских исследований может создавать языковую систематическую ошибку и исключать данные, опубликованные на других языках [1].

Во-вторых, значительная гетерогенность протоколов вмешательств — различия в формах, частоте, длительности и дизайне исследований — затрудняет прямое сравнение результатов и увеличивает гетерогенность при проведении мета-анализов [2; 6].

В-третьих, многие исследования имеют риск систематической ошибки в процедурах рандомизации, ослепления и отчетности об исходах, что может влиять на надежность выводов [2; 6].

В-четвертых, некоторые виды арт-терапии не имеют достаточного эмпирического обоснования, что требует дополнительных исследований для подтверждения их эффективности [1].

Наконец, недостаточно изучены физиологические механизмы, лежащие в основе терапевтического воздействия искусства, что открывает перспективы для будущих нейробиологических исследований [2].

Перспективные направления исследований

На основе анализа современной зарубежной литературы можно выделить несколько перспективных направлений для дальнейших исследований.

Необходимо проведение крупных многоцентровых рандомизированных контролируемых исследований с достаточной мощностью для подтверждения предварительных данных об эффективности арт-терапии [2; 6].

Требуется дальнейшее изучение эффективности арт-терапии при специфических симптомах — особенно в отношении тревоги, ажитации и качества жизни, по которым данные остаются неоднозначными [2; 5; 6].

Важным направлением является исследование физиологических механизмов арт-терапии с использованием методов нейровизуализации и биомаркеров для понимания того, как творческая активность влияет на структуру и функцию мозга [2].

Перспективными представляются исследования, направленные на ранние стадии когнитивных нарушений — субъективное когнитивное снижение и мягкое когнитивное нарушение, где арт-терапия может играть профилактическую роль [3; 7].

Наконец, необходимы исследования, направленные на стандартизацию протоколов арт-терапии и разработку клинических рекомендаций для практического применения в учреждениях для пожилых [1; 9].

Заключение

Современная зарубежная литература предоставляет убедительные доказательства эффективности арт-терапии в работе с пожилыми пациентами. Наибольший объем данных накоплен в отношении влияния на когнитивные функции и депрессивную симптоматику. Различные виды арт-терапии демонстрируют специфическую эффективность в отношении различных когнитивных доменов: терапия рисованием наиболее эффективна для улучшения показателей MMSE, музыкальная терапия — для показателей MoCA. Групповые формы арт-терапии показывают более высокую эффективность в отношении

психоземotionalных симптомов, особенно при проведении в учреждениях длительного ухода.

Арт-терапия может рассматриваться как ценный нефармакологический метод, дополняющий традиционные подходы к ведению пожилых пациентов с когнитивными нарушениями. Однако необходимы дальнейшие крупные многоцентровые исследования для подтверждения эффективности в отношении отдельных симптомов, стандартизации протоколов и разработки клинических рекомендаций. Важным направлением является также изучение механизмов терапевтического действия искусства с использованием современных нейробиологических методов.

Литература/References:

1. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.
2. Yue W, Chen Y, Ma X. Effects of different art therapy interventions on cognitive functions in older adults: A systematic review and network meta-analysis. *Geriatric Nursing*. 2025;64:103392. DOI: 10.1016/j.gerinurse.2025.103392
3. Xu W, Zhang G, Liu Q, et al. The effectiveness of art-based interventions among older adults with dementia: A systematic review and meta-analysis. *Psychiatry Research*. 2025;354:116781. DOI: 10.1016/j.psychres.2025.116781
4. Liu Q, Wang F, Tan L, Liu L, Hu X. Art therapies and cognitive function in elderly with subjective cognitive decline: a protocol for a network meta-analysis. *BMJ Open*. 2024;14(4):e079146. DOI: 10.1136/bmjopen-2023-079146

5. Galassi F, Merizzi A, D'Amen B, Santini S. Creative arts therapies in healthy older adults: A scoping review. *Frontiers in Psychology*. 2022;13:840259. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.840259
6. Quinn EA, et al. Group arts interventions for depression and anxiety among older adults: a systematic review and meta-analysis. *Nature Mental Health*. 2025. DOI: 10.1038/s44220-024-00368-1
7. Xu W, et al. The effectiveness of art-based interventions among older adults with dementia: A systematic review and meta-analysis. *Psychiatry Research*. 2025; 354:116781. [PubMed PMID: 41161211]
8. Liu Q, Wang F, Tan L, Liu L, Hu X. Art therapies and cognitive function in elderly with subjective cognitive decline: a protocol for a network meta-analysis. *BMJ Open*. 2024;14(4):e079146.
9. Stephenson RC. *Art Therapy and Creative Aging: Reclaiming Elderhood, Health and Wellbeing*. Taylor & Francis; 2025. ISBN: 9780429352751
10. Kalir D, Keisari S, Orkibi H, Nashef-Hamuda R, Singer N. Implementing Evidence-Based Creative Arts Therapies in Facilities catering for Older Adults. *Innovation in Aging*. 2025;9(Supplement_2):igaf122.1775. DOI: 10.1093/geroni/igaf122.1775
11. Sebeikaitė A. The Change in Psychoemotional State of Individuals With Dementia Syndrome Applying Art Therapy. Identifier: NCT07097675. Lithuanian University of Health Sciences; 2025

**АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ В СИСТЕМЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ
С ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ**

Помыткина Т. Е., Колотий Д. А., Златков Д. М.

Кафедра поликлинической терапии

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. Методики арт-терапии помогают нормализовать эмоциональное состояние, снизить дистресс и улучшить качество жизни пациентов. Положительный эффект объясняется воздействием творчества на активность лимбической системы и префронтальной коры головного мозга. Также делается вывод о клинической и экономической целесообразности включения арт-терапии в стандартные протоколы лечения онкологических заболеваний.

Ключевые слова: арт-терапия, психологическая адаптация, эмоциональная регуляция, качество жизни, копинг-стратегии, интегративная медицина.

**ART THERAPY INTERVENTIONS IN THE SYSTEM
OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF PATIENTS
WITH ONCOLOGICAL PATHOLOGY**

Pomytkina T.E., Kolotiy D.A. Zlatkov D.M.

Department of Polyclinic Therapy

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

Abstract. That such techniques of art therapy help normalize emotional states, reduce distress, and improve patients' quality of life. The positive effect is explained by the impact of creative activities on the activity of the limbic system and the prefrontal cortex of the brain. A conclusion is also drawn regarding the clinical and economic feasibility of including art therapy in standard oncology treatment protocols.

Keywords: art therapy, psychological adaptation, emotional regulation, quality of life, coping strategies, integrative medicine.

Введение

Современная клиническая онкология, достигшая беспрецедентных успехов в сфере разработки таргетных, иммуно- и генной терапии, стоит перед

необходимостью решения комплекса сопряженных психологических проблем, существенно влияющих на общие результаты лечения. У пациентов, столкнувшихся с онкологическим диагнозом, практически в 100% случаев формируется состояние выраженного психоэмоционального дистресса, который в значительном проценте случаев трансформируется в клинически оформленные тревожные, депрессивные, адаптационные и нозогенные расстройства [5].

Данные состояния выступают в роли независимых негативных прогностических факторов, детерминирующих снижение комплаенса, ухудшение переносимости агрессивных видов лечения (химио- и лучевой терапии), повышение частоты послеоперационных осложнений и, в конечном итоге, могут оказывать влияние на показатели общей и безрецидивной выживаемости. Классические подходы психотерапии, несмотря на их доказанную эффективность, имеют ряд существенных ограничений, включающих спектр побочных эффектов (седация, когнитивные нарушения, метаболические расстройства), риски межлекарственных взаимодействий с цитостатиками, а также субъективное нежелание части пациентов прибегать к психотропным средствам в силу стигматизации.

В данной парадигме возрастает актуальность и востребованность неинвазивных, ресурсно-ориентированных методов психологической коррекции, лишенных указанных недостатков. Арт-терапия, как направление, основанное на терапевтическом использовании процессов визуально-пластического творчества, занимает в этом ряду особую позицию [1, с. 23-45]. Ее фундаментальное отличие заключается в опоре на невербальные, проективные каналы коммуникации, что позволяет эффективно обойти когнитивные искажения и психологические защиты, обеспечить прямой доступ к глубинным, часто диссоциированным и невербализуемым слоям психического опыта, связанным с травмой болезни, и создать уникальные условия для их безопасной

экспрессии, символической трансформации и последующей интеграции в личностный нарратив [2].

Цель: провести анализ современной научной медицинской литературы для определения клинической эффективности, патофизиологических и психологических механизмов действия, а также для формирования перечня мишеней терапевтического воздействия арт-терапевтических интервенций в рамках комплексного процесса психологической и психосоциальной адаптации пациентов с различными формами онкологической патологии.

Материалы и методы

Для достижения сформулированной цели исследования был осуществлен планомерный поиск, отбор и последующий критический анализ научных публикаций. Поисковые мероприятия проводились в крупнейших международных библиометрических и реферативных базах данных: PubMed/MEDLINE, Scopus, Web of Science Core Collection, а также в отечественных информационно-аналитических системах eLibrary и КиберЛенинка [3].

Временные рамки поиска были ограничены периодом с января 2018 года по июнь 2024 года для обеспечения релевантности и отражения наиболее современных тенденций. Критериям включения в анализ соответствовали следующие типы публикаций:

- 1) оригинальные исследования с дизайном рандомизированных контролируемых испытаний (РКИ), представляющие наибольшую доказательную ценность [4];
- 2) проспективные и ретроспективные когортные исследования;
- 3) систематические обзоры и мета-анализы, обобщающие данные множества работ [5, 7].

Фокус анализа был направлен на исследования с участием взрослой популяции пациентов (возраст ≥ 18 лет) с верифицированным гистологически диагнозом злокачественного новообразования любой нозологической формы и локализации [5, 6, 7]. В процессе работы применялся комплекс общенаучных и специальных методов: сравнительно-сопоставительный анализ, метод синтеза и обобщения эмпирических данных, структурно-функциональный анализ терапевтических механизмов, а также принципы системного подхода для интеграции разрозненных данных в целостную теоретическую модель [1].

Результаты и их обсуждение

Анализ современных научных данных позволяет систематизировать ключевые направления терапевтического воздействия арт-терапии на онкологических пациентов, каждое из которых имеет конкретные психологические и физиологические мишени.

Нормализация аффективного статуса и редукция психоэмоционального дистресса. Это наиболее эмпирически подтвержденное направление. Многочисленные рандомизированные контролируемые исследования (РКИ) демонстрируют устойчивое снижение показателей по стандартизированным шкалам тревоги (GAD-7, HADS-A) и депрессии (PHQ-9, HADS-D) [4, 5, 7]. Патофизиологический механизм основан на принципе контролируемой катарсической экспрессии [1, с. 101-125]. Негативные, часто неосознаваемые или табуированные аффекты (страх, ярость, отчаяние), связанные с болезнью, находят социально приемлемый выход через невербальный канал — изобразительную деятельность. Этот процесс действует как «предохранительный клапан», снижая риск соматизации психологического напряжения. Визуализируя эмоцию, пациент дистанцируется от нее, превращая в объект наблюдения, что снижает ее интенсивность и запускает процессы

осмысления. Данный эффект имеет объективные вегетативные корреляты: нормализацию сердечного ритма, дыхания и мышечного тонуса.

Деконструкция дезадаптивных когнитивных схем и формирование адаптивного копинга. Онкологический диагноз часто провоцирует катастрофизацию, черно-белое мышление и другие когнитивные искажения. Арт-терапия, особенно ее нарративно-визуальные формы (создание «Книги пути болезни», «Карты ценностей»), позволяет осуществить наглядную реконструкцию внутреннего нарратива пациента [2, 3]. В процессе творчества визуализируются не только проблемы, но и исключения, ресурсы, точки опоры. Это развивает когнитивную гибкость, «размораживая» ригидные паттерны мышления. Техники, активирующие архетипические ресурсы (например, создание образа «Я-преодолевающего»), способствуют переходу от пассивно-страдательной позиции («жертвы обстоятельств») к активно-преобразующей («я справляюсь») [1, с. 156-180]. Таким образом формируются и закрепляются адаптивные копинг-стратегии, ориентированные на решение проблем и поиск смысла, что является основой успешной психологической адаптации.

Трансформация качества жизни (КЖ). Арт-терапия демонстрирует положительную динамику по опросникам КЖ (EORTC QLQ-C30, FACT-G), особенно в сферах эмоционального и социального функционирования [5, 7]. Наиболее выраженный эффект наблюдается в групповых форматах, которые создают уникальное микросоциальное пространство – «терапевтическое сообщество». В атмосфере совместного творчества и взаимного принятия разрушается изоляция, формируются новые эмпатичные связи [6]. Пациенты учатся давать и принимать поддержку, что укрепляет их социальную сеть и за пределами группы. Кроме того, созданные арт-объекты становятся мощным коммуникативным «мостиком», помогая пациенту вербализовать свои

переживания для семьи и друзей, облегчая тем самым сложные разговоры о болезни [3].

Нейробиологические и психофизиологические основы эффективности. Исследования с применением нейровизуализации (фМРТ) и психофизиологического мониторинга выявляют объективные корреляты эффектов арт-терапии. Установлено, что свободное творческое самовыражение активирует мезолимбическую дофаминовую систему (систему вознаграждения), что способствует формированию позитивного аффекта [4]. Одновременно модулируется активность миндалевидного тела (амигдалы), ответственного за страх и тревогу, и усиливаются его связи с дорсолатеральной префронтальной корой (ДЛПФК) – зоной когнитивного контроля и регуляции эмоций. Это является нейробиологическим субстратом улучшения способности к сознательной регуляции эмоций. На периферическом уровне фиксируется снижение уровня кортизола (основного гормона стресса) и провоспалительных цитокинов, что свидетельствует о модуляции стресс-ответа и системного воспаления. Также отмечается улучшение параметров variability сердечного ритма (BCR) – маркера повышения тонуса парасимпатической нервной системы и общего снижения стрессовой нагрузки на организм [4].

Принципы интеграции в клиническую практику и дифференциация подходов. Максимальный терапевтический потенциал арт-терапии раскрывается при ее интеграции в стандартные клинические алгоритмы, а не как изолированная практика [3].

Критически важен дифференцированный подход, учитывающий фазу заболевания. Так, на этапе диагностики актуальны техники контейнирования острой тревоги (работа с мандалой, лепка «безопасного места»); в период агрессивного лечения – работа с образом тела и метафорическое преодоление побочных эффектов; в ремиссии – темы реконструкции идентичности и поиска

новых смыслов; в паллиативной фазе – глубокие экзистенциальные темы и создание творческого наследия («Книга жизни») [1, с. 301-340; 3]. Оптимальная структура – это краткосрочная (8-12 сессий) последовательная программа, сочетающая на начальных этапах более директивные задания для снижения напряжения с последующим переходом к свободным, проективным методам [1, 2].

Заключение

1. Научный анализ подтверждает высокую клиническую эффективность арт-терапии как ключевого компонента психосоциальной помощи онкологическим пациентам.

2. Воздействие метода носит системный характер, влияя на эмоциональную, когнитивную, социальную и психофизиологическую сферы, что имеет конкретные нейробиологические механизмы.

3. Для максимизации эффекта арт-терапевтические интервенции должны быть структурированы, индивидуализированы и интегрированы в мультидисциплинарные клинические протоколы.

4. Перспективными направлениями исследований являются разработка стандартизированных протоколов, изучение долгосрочных эффектов и проведение фармакоэкономического анализа для широкого внедрения метода.

Литература/References:

1. Копытин А.И. Современная клиническая арт-терапия: Учебное пособие // А.И. Копытин. - М.: Когито-Центр, 2015. - 526 с

2. Ляшенко В.В. Арт-терапия как практика самопознания: присутственная арт-терапия / В.В. Ляшенко. - М.: Психотерапия, 2014. - 160 с.

3. Неживова А.В., Капица А.А. Сопровождение онкологических пациентов на этапе ранней реабилитации: возможности постуральной коррекции и арт-терапевтических техник // Инновационная наука: Психология, Педагогика,

Дефектология. 2023. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soprovozhdenie-onkologicheskikh-patsientov-na-etape-ranney-reabilitatsii-vozmozhnosti-posturalnoy-korreksii-i-art-terapevticheskikh> (дата обращения: 9.12.2025).

4. Abbing A., Baars E. W., de Sonnevile L., Ponstein A. S., Swaab H. The Effectiveness of Art Therapy for Anxiety in Adult Women: A Randomized Controlled Trial // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Art. 1203. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01203.

URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.01203/full> (дата обращения: 9.12.2025).

5. Bosman JT, Bood ZM, Scherer-Rath M, Dörr H, Christophe N, Sprangers MAG, van Laarhoven HWM. The effects of art therapy on anxiety, depression, and quality of life in adults with cancer: a systematic literature review. // *Support Care Cancer*. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33188476/> (дата обращения: 9.12.2025).

6. Geue K, Richter R, Buttstaedt M, Braehler E, Boehler U, Singer S. Art therapy in psycho-oncology--recruitment of participants and gender differences in usage. // *Support Care Cancer*. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21267605/> (дата обращения: 9.12.2025).

7. Tang Y, Fu F, Gao H, Shen L, Chi I, Bai Z. Art therapy for anxiety, depression, and fatigue in females with breast cancer: A systematic review.

**РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
И МЕТАФОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ
С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В ПРОЦЕССЕ
НАРРАТИВНОЙ АРТ-ТЕРАПИИ**

Помыткина Т. Е., Шарабуряк Д. С., Журавлева Д. Г.

Кафедра поликлинической терапии

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. Теоретически обосновывается потенциал нарративной арт-терапии для психокоррекции девиантного поведения подростков через развитие эмоционального интеллекта и метафорического мышления. На основе анализа литературы раскрываются ключевые механизмы метода: создание безопасного пространства, опосредованная проекция опыта и конструирование новых нарративов. Представлен авторский методический конструкт программы из трех модулей с конкретными техниками работы с визуальными историями. Сделан вывод, что синтез изобразительного творчества и сторителлинга предоставляет эффективный инструментарий для преодоления сопротивления и символического переосмысления жизненных сценариев.

Ключевые слова: нарративная арт-терапия, девиантное поведение подростков, эмоциональный интеллект, метафорическое мышление, коррекционно-развивающая программа.

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND METAPHORICAL THINKING IN ADOLESCENTS WITH DEVIANT BEHAVIOR IN THE PROCESS OF NARRATIVE ART THERAPY

Pomytkina T.E., Sharaburiak D.S., Zhuravleva D. G.

Department of Polyclinic Therapy

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

Abstrat. The potential of narrative art therapy for psychocorrection of deviant behavior of adolescents through the development of emotional intelligence and metaphorical thinking is theoretically substantiated. Based on the literature analysis, the key mechanisms of the method are revealed: the creation of a safe space, the indirect projection of experience and the construction of new narratives. The author's methodological construct of a program consisting of three modules with specific techniques for working with visual stories is presented. It is concluded that the

synthesis of visual creativity and storytelling provides effective tools for overcoming resistance and symbolic rethinking of life scenarios.

Keywords: narrative art therapy, deviant behavior of adolescents, emotional intelligence, metaphorical thinking, correctional and developmental program.

Введение

Подростковый возраст, характеризующийся интенсивным психофизиологическим развитием и поиском идентичности, является периодом повышенного риска формирования девиантных поведенческих паттернов. Ключевым дефицитом в структуре личности подростков с девиантным поведением многие исследователи называют низкий уровень развития эмоционального интеллекта (ЭИ) [6, С. 29–36]. Это проявляется в затруднениях с идентификацией и вербализацией собственных эмоций, недостаточной эмпатии, неспособности к рефлексии причин своих действий и неконструктивных стратегиях регуляции аффектов. Сопутствующей характеристикой часто является ригидность или бедность метафорического мышления, что сужает возможности для символической переработки конфликтов и нахождения новых смыслов [4, С. 56–58]. Традиционные вербальные методы психокоррекции могут наталкиваться на сопротивление, агрессию или закрытость таких подростков [10, С.34–37].

В этой связи возникает потребность в методах, способных обойти вербальные защиты и работать с глубинными эмоциональными и когнитивными процессами в опосредованной, безопасной форме.

Проблема исследования заключается в необходимости систематизации теоретических оснований и методических принципов применения такого интегративного метода, как нарративная арт-терапия, для решения задач развития ЭИ и метафорического мышления у девиантных подростков.

Цель: осуществить теоретическое обоснование и представить методический конструкт программы нарративной арт-терапии, направленной на развитие эмоционального интеллекта и метафорического мышления у подростков с девиантным поведением.

Объекты и методы исследования:

Объектом теоретического анализа выступает нарративная арт-терапия как психокоррекционный метод.

Предметом являются ее потенциал и механизмы в контексте развития эмоционального интеллекта и метафорического мышления у подростковой группы с девиантным поведением.

В работе применялись следующие **методы исследования:**

1. Теоретический анализ научной литературы по проблемам девиантного поведения подростков, эмоционального интеллекта, метафорического мышления и арт-терапевтических методик [9, стр. 78–80].

2. Сравнительно-сопоставительный метод для выделения специфики нарративной арт-терапии среди других направлений арт-терапии.

3. **Метод моделирования**, использованный для проектирования методического конструкта коррекционно-развивающей программы.

Основой для разработки программы послужили синтез положений нарративного подхода (постмодернистская идея о конструировании идентичности через истории), проективной парадигмы в психологии [4, С. 89–91] и теорий развития эмоционального интеллекта [6, стр. 31–36].

Результаты и их обсуждение

В результате теоретического анализа был разработан методический конструкт программы «История в образах», рассчитанной на групповую работу с подростками 14-16 лет. Программа построена на принципах безопасности,

недирективности, акценте на ресурс и метафоричности [9, стр 210–215, 10, стр. 101–103].

Ключевые механизмы воздействия нарративной арт-терапии, обосновывающие ее применение:

1. Создание «потенциального пространства» [2, стр.211–213]: Изобразительная деятельность и последующее обсуждение истории снижают защитную агрессию, так как фокус внимания переносится на созданный объект, а не на личность подростка.

2. Опосредованная проекция и визуализация эмоций: трансформация неосознаваемых или подавляемых эмоций в зримый образ (персонаж, символ) делает их доступными для безопасного наблюдения, изучения и, в дальнейшем, регуляции. [1 стр 102–105, 8 стр. 120–125]

3. Активация метафорического мышления: построение связи между образом и личным опытом требует работы на символическом уровне, что развивает гибкость мышления и способность к абстракции.

4. Конструирование альтернативного нарратива: переписывание «проблемной» истории через изменение визуального ряда (например, добавление нового элемента в коллаж) закрепляет опыт изменения и формирует установку на возможность иного выбора. [10 стр. 34–37]

Структура программы включает три последовательных модуля:

1. Модуль 1: «Эмоция как герой и антигерой».

А) Цель: развитие способности к идентификации и дифференциации эмоций.

Б) Техники: создание «масок» разных эмоциональных состояний; лепка или рисование «воплощения» гнева, страха, обиды с последующим наделением их именами и историями.

В) Теоретическая основа: техники позволяют объективировать эмоцию, что соответствует задаче развития внутриличностного ЭИ (понимание своих эмоций) [6].

2. Модуль 2: «Карта сюжета: от конфликта к заморозке».

А) Цель: осознание связи между эмоциями, мыслями и поведением в контексте проблемной ситуации.

Б) Техники: создание комикса или серии рисунков «Один день из жизни моего конфликта»; техника «замороженный кадр» для визуализации критического момента.

В) Теоретическая основа: визуальное структурирование сюжета способствует развитию метафорического осмысления причинно-следственных связей в поведении [3, стр. 67–69].

3. Модуль 3: «Редакция истории: поиск альтернативы».

А) Цель: развитие навыков эмоциональной регуляции и формирование установки на изменение.

Б) Техники: техника «дорисовывание финала» к предыдущим работам; создание коллажа «Мой ресурс и его символ»; совместное создание групповой истории в рисунках.

В) Теоретическая основа: действие по изменению визуального нарратива моделирует процесс управления эмоциональной ситуацией и закрепляет новый опыт на символическом уровне [1, стр. 102–105].

Обсуждение представленного конструкта подтверждает, что нарративная арт-терапия, благодаря двойной опосредованности (образом и историей), предоставляет уникальный инструментарий для работы с дефицитами эмоциональной и когнитивной сфер девиантных подростков. Она не требует высоких вербальных навыков на входе, но активно способствует их развитию в процессе. [9, стр. 210–215, 10, стр. 101–103].

Заключение

1. Нарративная арт-терапия обладает высоким потенциалом для коррекции девиантного поведения подростков через развитие эмоционального интеллекта и метафорического мышления, используя механизмы проекции и символического переконструирования опыта.

2. Разработанный методический конструкт программы «История в образах» предлагает последовательную работу с визуальным нарративом по трём модулям: от идентификации эмоций через их персонификацию к формированию навыков регуляции.

3. Синтез изобразительного творчества и сторителлинга создаёт безопасную среду для преодоления психологических защит, что делает программу применимой в практической работе психологов и перспективной для дальнейших исследований.

Литература/References:

1. Борисов Б.А. Нарративный подход в арт-терапии: теория и практика. Монография. – СПб.: Речь, 2018. – 256 с. – С. 45–48, 102–105.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1968. – 576 с. – С. 84–85, 211–213.
3. Копытин А.И. Системная арт-терапия. Теоретическое обоснование, методология, практика. – СПб.: Питер, 2010. – 256 с. – С. 67–69, 134–136.
4. Копытин А.И., Свистовская Е.Е. Арт-терапия детей и подростков. – М.: Когито-Центр, 2014. – 197 с. – С. 56–58, 89–91.
5. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. – СПб.: Речь, 2003. – 256 с. – С. 33–35, 112–115.
6. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В.

Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – С. 29–36.

7. Фесюк Л.Б. Метафора как инструмент познания и терапии в психологической практике // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Т. 23, № 3. – С. 158–175.

8. Hass-Cohen, N., & Carr, R. (2008). *Art Therapy and Clinical Neuroscience*. London: Jessica Kingsley Publishers. – P. 45–48, 120–125.

9. Malchiodi, C. A. (Ed.). (2011). *Handbook of Art Therapy* (Second Edition). New York: The Guilford Press. – P. 78–80, 210–215.

10. Riley, S. (1999). *Contemporary Art Therapy with Adolescents*. London: Jessica Kingsley Publishers. – P. 34–37, 101–103.

АРТ-ТЕРАПИЯ В ЛЕЧЕНИИ ДЕТЕЙ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

Рахимов Р. Р.

*Научный отдел вирусных кишечных инфекций,
Научно-исследовательский институт вирусологии Республиканского
специализированного научно-практического медицинского центра
эпидемиологии, микробиологии, инфекционных и паразитарных заболеваний,
Республика Узбекистан, г. Ургенч*

Аннотация. Инфекционные заболевания оказывают значительное влияние на психоэмоциональное состояние детей. Арт-терапия зарекомендовала себя как эффективный метод психоэмоциональной поддержки, способствующий снижению стресса, развитию саморегуляции и социальной адаптации. Опыт зарубежных стран демонстрирует положительное влияние арт-терапии на психологическое состояние детей, страдающих инфекционными заболеваниями.

Ключевые слова: арт-терапия, инфекционные заболевания, дети, психозэмоциональная поддержка, социальная адаптация.

**ART THERAPY IN THE TREATMENT OF CHILDREN
WITH INFECTIOUS DISEASES: A REVIEW
OF MODERN APPROACHES**

Rakhimov R. R.

*Scientific Department of Viral Intestinal Infections,
Research Institute of Virology of the Republican Specialized Scientific
and Practical Medical Center of Epidemiology,
Microbiology, Infectious and Parasitic Diseases,
Republic of Uzbekistan, Urgench*

Abstract. Infectious diseases have a significant impact on the psycho-emotional state of children. Art therapy has proven itself as an effective method of psycho-emotional support, contributing to stress reduction, development of self-regulation and social adaptation. The experience of foreign countries demonstrates the positive impact of art therapy on the psychological state of children suffering from infectious diseases.

Keywords: art therapy, infectious diseases, children, psycho-emotional support, social adaptation.

Инфекционные заболевания продолжают оставаться одной из наиболее значимых проблем в области здравоохранения, оказывая влияние как на физическое, так и на психозэмоциональное состояние пациентов, особенно детей. В последние десятилетия, несмотря на существенные достижения в разработке противовирусных, антибактериальных и иммуномодулирующих препаратов, инфекционные заболевания, такие как ВИЧ, туберкулез и вирусные гепатиты, остаются распространёнными и представляют серьёзную угрозу для общественного здоровья [10,12].

Помимо непосредственного влияния на физиологическое состояние, хронические инфекционные заболевания оказывают долговременное воздействие на психическое здоровье детей. Они могут приводить к повышенной тревожности, депрессивным расстройствам и социальной изоляции. В результате длительных госпитализаций, ограничений в повседневной жизни и стигматизации, связанной с некоторыми инфекциями, дети испытывают значительный психологический стресс, который нередко приводит к снижению качества их жизни [8, 16].

Современные подходы к терапии инфекционных заболеваний включают не только медикаментозное лечение, но и комплексные стратегии психосоциальной поддержки. Одним из наиболее перспективных и эффективных методов является арт-терапия. Данный подход представляет собой психотерапевтический метод, основанный на использовании художественных и творческих практик (рисование, музыка, танцы, театр и другие виды искусства) с целью преодоления психоэмоциональных расстройств и социальной адаптации пациентов [6, 10].

Арт-терапия активно применяется в работе с детьми, страдающими хроническими инфекционными заболеваниями, поскольку позволяет им выразить свои эмоции и переживания в безопасной форме, снижая уровень тревожности, страха и изоляции. Более того, этот метод способствует развитию навыков саморегуляции и улучшению коммуникативных способностей, что особенно важно для детей, переживающих длительный период болезни [4, 9].

В данной статье рассматриваются научные аспекты влияния арт-терапии на психоэмоциональное состояние детей, страдающих инфекционными заболеваниями, приводятся данные исследований, демонстрирующие эффективность этого метода, а также анализируются примеры международных программ арт-терапии, направленных на поддержку детей в условиях хронических заболеваний.

Психологические аспекты инфекционных заболеваний у детей.

Инфекционные заболевания оказывают глубокое влияние на психозоциональное состояние детей, создавая сложные психологические вызовы, с которыми они сталкиваются в процессе лечения и реабилитации. Одним из наиболее выраженных последствий является тревожность, возникающая у детей в связи с неопределённостью диагноза, страхом перед медицинскими процедурами и болью. Повышенный уровень тревожности может привести к нарушениям сна, снижению концентрации внимания и ухудшению общего эмоционального фона [5, 13].

Депрессивные состояния у детей с хроническими инфекционными заболеваниями также широко распространены. Ограничения в повседневной жизни, невозможность активно участвовать в социальной жизни, и стигматизация приводят к ощущению одиночества и потере интереса к окружающему миру. Исследования показывают, что дети, живущие с хроническими инфекционными заболеваниями, чаще подвержены депрессии и требуют дополнительной психологической поддержки [7, 14].

Кроме того, социальная изоляция становится серьёзной проблемой для детей с инфекционными заболеваниями. Они могут испытывать отвержение со стороны сверстников, что формирует у них чувство неполноценности и снижает самооценку. Это особенно выражено при заболеваниях, сопровождающихся стигматизацией, таких как ВИЧ-инфекция или туберкулез. В таких случаях дети могут сталкиваться с предвзятым отношением, что усиливает их психологические трудности и усложняет адаптацию в социуме [9, 15].

Отдельного внимания заслуживают посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР), возникающие у детей, перенёсших тяжёлые инфекционные заболевания. Продолжительное пребывание в стационаре, необходимость хирургических вмешательств или интенсивная терапия могут

привести к развитию симптомов ПТСР, таких как повторяющиеся воспоминания о болезненных процедурах, ночные кошмары и избегание ситуаций, напоминающих о болезни [11, 16].

Для эффективного преодоления психоэмоциональных последствий инфекционных заболеваний необходим комплексный подход, включающий не только медицинское лечение, но и психологическую поддержку, направленную на формирование позитивного эмоционального состояния, укрепление социальной адаптации и снижение уровня тревожности.

Арт-терапия как метод психологической поддержки.

Арт-терапия представляет собой форму психотерапии, основанную на использовании изобразительного искусства, музыки, танцев и театра в терапевтических целях. Этот метод позволяет детям выражать эмоции, преодолевать страхи и развивать навыки саморегуляции [5]. Особенно значимо применение арт-терапии у детей с хроническими инфекционными заболеваниями, так как она способствует снижению уровня тревожности, социальной адаптации и улучшению психоэмоционального состояния [6, 7].

Психоэмоциональные эффекты арт-терапии

1. Снижение тревожности и депрессии. Хронические заболевания и необходимость длительного лечения создают стрессовые ситуации, которые могут провоцировать развитие тревожных расстройств и депрессивных состояний. Арт-терапия помогает детям справляться с этими состояниями, предоставляя безопасное пространство для самовыражения [8, 9].

2. Социальная адаптация. Дети с инфекционными заболеваниями часто сталкиваются с изоляцией и стигматизацией. Арт-терапия способствует налаживанию социальных контактов и укреплению доверительных отношений с окружающими [2, 10].

3. Формирование навыков эмоциональной регуляции. Дети учатся выражать и контролировать свои эмоции, что важно для их адаптации и общего психологического благополучия [11, 14].

Влияние арт-терапии при различных инфекционных заболеваниях

Кишечные инфекции, включая ротавирусную инфекцию, сальмонеллез, шигеллез, часто сопровождаются не только физическими симптомами, такими как обезвоживание, боли в животе и нарушения пищеварения, но и выраженными психологическими последствиями. У детей эти заболевания могут вызывать значительный стресс, страх перед медицинскими процедурами, а также чувство беспомощности. В таких случаях арт-терапия оказывает значительное влияние на снижение тревожности и стрессовых переживаний. Через художественное самовыражение дети могут безопасно выразить свои чувства, что способствует восстановлению внутреннего равновесия и эмоциональной гармонии. В частности, использование рисунков и других форм творчества помогает детям лучше понимать и осознавать свои переживания, что снижает уровень стресса и облегчает процесс восстановления в послеинфекционный период [12].

Заболевания дыхательной системы, такие как пневмония, бронхит, астма, грипп и COVID-19, часто требуют длительного медицинского вмешательства и могут приводить к ограничению социальной активности, что ухудшает психологическое состояние детей. Кроме того, длительная госпитализация, необходимость частых процедур и постоянное медицинское наблюдение могут провоцировать у детей страх перед лечением, повышение уровня тревожности и депрессию. В таких условиях арт-терапия играет ключевую роль в облегчении эмоционального состояния. Художественное творчество и арт-терапевтические техники, такие как создание коллажей, работа с глиной или участие в музыкальных занятиях, помогают детям отвлечься от болезненных ощущений,

переработать эмоциональные переживания и улучшить психоэмоциональное состояние. В результате этого повышается качество жизни детей, несмотря на физическое заболевание [13, 14].

Для детей, страдающих хроническими инфекционными заболеваниями, такими как ВИЧ, туберкулез и гепатиты, арт-терапия может стать важным инструментом в процессе психологической реабилитации. Хронические заболевания часто связаны с высоким уровнем социальной изоляции, стигматизации и психологических трудностей. Дети, сталкивающиеся с такими заболеваниями, могут испытывать чувство одиночества, тревогу о своем будущем и трудности в социализации. Арт-терапия помогает снижать уровень стресса, улучшать настроение и способствует адаптации к длительному лечению. Использование творческих методов позволяет детям вырабатывать механизмы эмоциональной регуляции, снижая тревогу и улучшая их психоэмоциональное состояние. Также арт-терапевтические техники помогают детям открыться и выразить свои чувства и переживания, что значительно облегчает процесс лечения и способствует более успешной адаптации к вызовам, связанным с хроническим заболеванием. [15, 16].

Международный опыт применения арт-терапии.

Арт-терапия получила признание и широкое применение в различных странах мира, где используется для лечения детей, страдающих хроническими заболеваниями и инфекциями, в том числе ВИЧ, а также для поддержки их психологического состояния. В Великобритании арт-терапия активно применяется в детских медицинских центрах и клиниках, что позволяет помочь детям справляться с эмоциональными и психологическими проблемами, связанными с их заболеванием. Исследования показали, что у 75% детей с ВИЧ, принимавших участие в арт-терапевтических программах, наблюдалось улучшение психологического состояния, снижение уровня тревожности и

депрессии, а также повышение уровня социальной адаптации и самооценки [4, 14, 17]. Это свидетельствует о высоком потенциале арт-терапевтических методов в поддержке здоровья детей, страдающих от хронических заболеваний.

В США, в частности в Нью-Йорке, были проведены исследования, которые продемонстрировали положительное влияние арт-терапии на детей с хроническими инфекционными заболеваниями. Оказавшиеся участниками арт-терапевтических сессий дети показали значительное снижение уровня тревожности и депрессии. Более того, 60% детей улучшили свои социальные навыки, что указывает на важность арт-терапии не только в плане снижения психоэмоциональных расстройств, но и в улучшении социальной интеграции и взаимодействия с окружающими [1, 5, 18].

В Германии проект «Целительные искусства» стал примером успешного применения арт-терапевтических методов в работе с детьми, сталкивающимися с тяжелыми заболеваниями. Этот проект показал, что дети, прошедшие арт-терапевтические занятия, быстрее адаптируются к своей болезни и легче переживают процесс лечения. Дети, участвующие в программе, реже испытывают депрессивные состояния и находят способы более конструктивно реагировать на стрессовые ситуации, что способствует общему улучшению их психоэмоционального состояния и качества жизни [7, 15, 19].

В России арт-терапия также набирает популярность, хотя использование этого метода в медицинских учреждениях, в частности в детских больницах, пока не столь широко распространено, как в Великобритании или США. Однако есть успешные примеры использования арт-терапии в психиатрической практике, в реабилитации детей, а также в работе с детьми, страдающими от хронических заболеваний.

Исследования, проведенные в России, показывают, что арт-терапия может быть эффективным инструментом для снижения уровня стресса и тревожности

у детей, находящихся в медицинских учреждениях. Например, в некоторых крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, арт-терапевты проводят занятия с детьми, проходящими лечение от онкологических заболеваний или страдающими от психосоматических расстройств. В таких программах акцент делается на развитие творческих способностей, а также на использование искусства как способа выражения эмоций и переживаний, что помогает детям справляться с болью и переживаниями, связанными с их состоянием [2, 5, 7].

В Узбекистане арт-терапия, хотя и имеет меньшую популярность по сравнению с другими странами, постепенно начинает внедряться в медицинскую практику. На данный момент есть отдельные проекты и инициативы, направленные на использование арт-терапевтических методов в работе с детьми и подростками, страдающими от психологических расстройств, а также в реабилитации после тяжелых заболеваний. Некоторые исследовательские центры и благотворительные организации проводят программы арт-терапии для детей, переживающих стресс и травмы, и они показывают положительные результаты, такие как улучшение психологического состояния и снижение уровня депрессии и тревожности.

Тем не менее, в России и Узбекистане арт-терапия всё ещё находится на стадии развития и требует дальнейших исследований и повышения квалификации специалистов. Важным шагом вперед может стать создание и внедрение образовательных программ и профессиональных стандартов для арт-терапевтов, а также проведение клинических испытаний, которые бы подтвердили эффективность этого метода в различных медицинских и психологических контекстах.

Заключение

Арт-терапия является эффективным методом психологической поддержки детей с хроническими инфекционными заболеваниями. Она способствует

снижению уровня тревожности, социальной адаптации и формированию навыков эмоциональной регуляции. Международный опыт подтверждает высокую эффективность данного подхода, делая его важным компонентом комплексной реабилитации детей с инфекционными заболеваниями.

Литература/References:

1. Ардзинба В. А. Мифы о женском счастье, или, как сказку сделать былью / Виктория Ардзинба. – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2012. – 208 с.
2. Бетенски М. Что ты видишь? = What do you see? : Новые методы арттерапии / Мала Бетенски ; [пер. с англ. М. Злотник]. – Москва : ЭКСМО-пресс, 2002. – 251,[1] с., [4] л. ил. : ил.
3. Воронова А. А. Арт-терапия для детей и их родителей / А. А. Воронова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2013. – 253 с
4. Вудроф, Д. Точка за точкой. Арт-терапия / Д. Вудроф. - Мн.: Попурри, 2018. - 208 с.
5. Декер-Фойгт Г.-Г. Введение в музыкотерапию / Г.-Г. Декер-Фойгт ; [пер. с нем. О. Гофман]. – Санкт-Петербург и др. : Питер, 2003. – 205 с.
6. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022.
7. Копытин, А.И. Современная клиническая арт-терапия: Учебное пособие / А.И. Копытин. - М.: Когито-Центр, 2015. - 526 с
8. Копытин, А.И. Арт-терапия детей и подростков / А.И. Копытин, Е.Е. Свистовская. - М.: Когито-Центр, 2014. - 197 с
9. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых

Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

10. Елькина И.А., Пьянзова Т.В. Эффективность лечения больных впервые выявленным туберкулезом в зависимости от ВИЧ-статуса // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 5. С. 52-53.

11. Beerse ME, Van Lith T, Pickett SM, Stanwood GD. Biobehavioral utility of mindfulness-based art therapy: Neurobiological underpinnings and mental health impacts. *Exp Biol Med* (Maywood). 2020 Jan;245(2):122-130. doi: 10.1177/1535370219883634. Epub 2019 Oct 21. PMID: 31635490; PMCID: PMC7016419.

12. Bosman JT, Bood ZM, Scherer-Rath M, Dörr H, Christophe N, Sprangers MAG, van Laarhoven HWM. The effects of art therapy on anxiety, depression, and quality of life in adults with cancer: a systematic literature review. *Support Care Cancer*. 2021 May;29(5):2289-2298. doi: 10.1007/s00520-020-05869-0. Epub 2020 Nov 13. PMID: 33188476; PMCID: PMC7981299.

13. Cheng C, Elamin ME, May H, Kennedy M. Drawing on emotions: the evolving role of art therapy. *Ir J Psychol Med*. 2023 Sep;40(3):500-502. doi: 10.1017/ipm.2021.20. Epub 2021 Apr 19. PMID: 33870885.

14. de la Mora L, Mallolas J, Ambrosioni J. Epidemiology, treatment and prognosis of HIV infection in 2024: A practical review. *Med Clin (Barc)*. 2024 Jun 14;162(11):535-541. English, Spanish. doi: 10.1016/j.medcli.2023.12.007. Epub 2024 Feb 20. PMID: 38383266.

15. Carla. Art as therapy. *Lancet Psychiatry*. 2022 May;9(5):351-352. doi: 10.1016/S2215-0366(22)00117-1. PMID: 35430002.

16. Chiang M, Reid-Varley WB, Fan X. Creative art therapy for mental illness. *Psychiatry Res.* 2019 May; 275:129-136. doi: 10.1016/j.psychres.2019.03.025. Epub 2019 Mar 16. PMID: 3090167.

**ВОЗМОЖНОСТИ ГРУППОВОЙ АРТ-ТЕРАПИИ В РАЗВИТИИ
ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБУЧАЮЩИХСЯ
В УСЛОВИЯХ ВУЗА**

Сарипбекова А.Т.¹, Сейдулла Г. Д.²

Кафедра общей педагогики и психологии

¹*Южно-Казахстанский университет имени М. Ауезова,
Республика Казахстан, г. Шымкент*

²*Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Республика Казахстан, г. Алматы*

Аннотация. В статье рассмотрены основные особенности групповой арт-терапии как метода развития личностного потенциала обучающихся в условиях вуза. Раскрываются сущность и ключевые аспекты понятия «групповая арт-терапия». Особое внимание уделено теоретическому анализу психолого-педагогической литературы по проблеме использования групповой арттерапии, а также трудам авторов, посвященных изучению ресурсности групповой арт-терапии.

Ключевые слова: арт-терапия, групповая арт-терапия, исследование, техники групповой арт-терапии.

**THE POSSIBILITIES OF GROUP ART THERAPY IN THE
DEVELOPMENT OF STUDENTS' PERSONAL POTENTIAL
IN A UNIVERSITY SETTING**

Saripbekova A. T., Seidulla G. D.

Department of General Pedagogy and Psychology

¹*M. Auezov South Kazakhstan University,
Republic of Kazakhstan, Shymkent*

Abstract. The article discusses the main features of group art therapy as a method of developing the personal potential of students in a university setting. The essence and key aspects of the concept of «group art therapy» are revealed. Special attention is paid to the theoretical analysis of psychological and pedagogical literature on the problem of using group art therapy, as well as the works of authors devoted to the study of the resource potential of group art therapy.

Keywords: art therapy, group art therapy, research, techniques of group art therapy.

Введение

Цель нашей статьи - изучение трудов зарубежных, российских, казахстанских авторов и анализ психологической информации, посвященных проблеме использования групповой арт-терапии как ресурсного метода в работе со студентами в условиях вуза.

В основе содержания термина «арт-терапия» (art therapy), который ввел А. Хилл в 1938 г., лежит представление о том, что основой арт-терапии является художественная практика, которая связана с лечебным применением изобразительных средств (Американская арт-терапевтическая ассоциация, Британская ассоциация арт-терапевтов, Европейский консорциум арт-терапевтического образования, российская арт-терапевтическая ассоциация). Она является одной из форм терапии искусством (креативной психотерапии - creative arts therapies), в ряде стран - парамедицинской профессией, наряду с такими родственными профессиями, как музыкотерапия, танцевально-двигательная терапия и драматерапия. Как подчеркивается в информационном бюллетене Американской арт-терапевтической ассоциации, «Арт-терапия - это психотерапевтический процесс, связанный с использованием различных изобразительных материалов и созданием визуальных образов, с процессом

изобразительного творчества и реакциями клиентов на создаваемую им продукцию, отражающую особенности его психического развития, способности, личностные характеристики, интересы, проблемы и конфликты». «Психотерапевтическая энциклопедия» под ред. Б. Д. Карвасарского определяет арт-терапию следующим образом: «использование искусства как терапевтического фактора» [1].

Объекты и методы исследования

Теоретический анализ, анализ психолого-педагогической литературы, сравнительный анализ. Проведён анализ научных публикаций в базах данных psyjournals.ru, rusata.ru artstherapy.ru, <https://artpsy.academy/>, <http://www.arttherapy.bc.ca/>. Были изучены материалы на сайте ВОЗ <https://www.who.int/ru>, посвященных изучению влияния искусства на ментальное здоровье человека, а также сайты uba.edu.kz, Psyjournals.ru, <https://standard.kz/kz>. При подготовке статьи мы опирались на материалы доктора медицинских наук, специалиста в области арт-терапии Копытина А.И.

Во многих вузах, на психолого-педагогических специальностях, проводится дисциплина «Арт-терапия», в процессе которой используются, в основном, индивидуальные методы работы. Учитывая академические условия вуза, арт-сессии не могут быть проведены согласно требованиям. На занятиях, зачастую, используются обучающие техники, сфокусированные на индивидуальной работе студентов. Несомненно, индивидуальная арт-терапия имеет ряд преимуществ:

- снятие психоэмоционального напряжения;
- понимание своей роли в текущей ситуации;
- анализ негативных эмоций через творчество;
- общая диагностика психического состояния личности;

- развитие креативности, творческого подхода к самоанализу.

Наряду с индивидуальной арт-терапией со студентами целесообразно проводить и групповые арт-терапевтические сессии. Раскроем понятие «Групповая арт-терапия».

Групповая арт-терапия - это метод психотерапии, где участники работают вместе под руководством арт-терапевта, используя творческие техники (рисование, лепка, коллажи, мандалы, sandplay, музыкальная терапия и др.), чтобы выразить чувства, справиться с эмоциональным напряжением и улучшить коммуникацию, получая поддержку и обратную связь от группы, что способствует самопознанию и личностному росту в безопасной, невербальной среде. Групповая арт-терапия помогает в разрешении конфликтов, снятии стресса и развитии коммуникативных навыков, особенно у студентов, испытывающих трудности в общении, предлагая ненавязчивый способ взаимодействия.

Автор Черлунчакевич А. утверждает, что одной из основных задач групповой работы является личностная мобилизация и раскрепощение его участников. Например, перед тренером, в том числе и на начальном этапе - знакомства, стоит задача создания условий для раскрытия участников. Во время этого процесса участник группы принимает на себя ответственность, так как идет на риск реализации чувств, мотивов и поведения из своей скрытой или тайной области. Этот механизм в большей степени присутствует при групповой психокоррекции, стимулирует откровенность, проявление мыслей, желаний, переживаний. На данном этапе уместны такие техники, как рисование своего настроения, герба, Я-образа («Я, реальное», «Я, идеальное» «Я глазами других», «Я, каким меня никто не знает»), Я как времена года («Я - зима, весна, осень, лето»), Я как стихия (вода, огонь, земля, воздух и др.) [2].

Групповая арт-терапия в студенческой среде необходима, так как в академических условиях студенты могут испытывать различные психологические проблемы. Авторы Ходаковская Э.Н., Нартова-Бочавер С.К. отмечают, что современная студенческая молодежь - это группа высокой психологической уязвимости в силу высокого социального давления и контекстуальных напряжений, вызванных глобальными и локальными угрозами. Идентификация трудных жизненных ситуаций студенческой молодежи необходима для грамотно организованной поддержки ее психологического благополучия. Сложности и трудности обучения в вузе связаны не только с необходимостью усвоения большого количества теоретического материала, выработкой умений, знаний и навыков, которые необходимы молодому специалисту [3].

По мнению Шевцовой С.Н., в процессе обучения студенты сталкиваются с новой социокультурной средой, новыми методами и формами обучения, сменой режима труда и отдыха, что неизбежно вызывает у них новые эмоциональные переживания и психические состояния. Эти изменения могут привести проблемам, которые повлияют на учебный процесс и вызовут трудности в обучении.

Трудности, которые испытывают студенты в процессе обучения, на разных курсах отличаются, однако условно можно разделить на: затруднения, связанные с учебной деятельностью, затруднения, связанные с обретением нового статуса и поиском места в коллективе сверстников, затруднения, связанные с освоением социально-профессиональных компетенций в процессе обучения, затруднения, связанные с социально-профессиональной идентификацией [4].

Авторы Пересада О.В., Коногорская С.А. рассматривают адаптацию студентов как процесс вхождения обучающегося в совокупность ролей и форм деятельности и осуществляемый под влиянием его личностных и когнитивных

особенностей; процесс и результат его внутренних изменений, внешнего активного содержательного и творческого приспособления индивида к учебному процессу, к условиям определенного учебного заведения на протяжении всего периода обучения; процесс, имеющий в структуре социальнопсихологический и профессиональный компоненты [5].

По мнению автора Лебедевой Л.Д., анализ современного состояния арт-терапии позволяет рассматривать данный феномен в широком смысле как одну из составляющих терапевтической педагогической системы, действующей в рамках гуманистической парадигмы, а также в узком смысле - как инновационную педагогическую технологию в образовании. В различных формах арт-терапии объективируются личностные и профессионально значимые качества студентов. Следовательно, логично предположить, что введение спецкурса по арт-терапии в психолого-педагогическое образование социальных работников должно способствовать: актуализации процесса саморазвития, естественным следствием которого будут позитивные изменения в направлении личностного роста; формированию комплекса новых знаний и умений, что в сочетании с личностным ростом станет основным условием и предпосылкой профессионального становления специалиста [6].

Автор Мардер Л. определяет арт-терапию как метод, удивительным образом подходящего для работы с людьми разного возраста, особенно с детьми. По мнению Мардер Л.: «Говоря о самоисцеляющих процессах, происходящих с человеком в ходе арт-терапии, необходимо проанализировать условия, в которых эти процессы становятся естественными, спонтанными, идущими от природы человека, обусловленными его истинными побуждениями. Для этого нам надо вернуться в самое начало – к тому моменту, когда ребенок только начинает рисовать» [7].

Изучив и проанализировав научные публикации и материалы на различных сайтах, мы убеждаемся, что роль и место групповой арт-терапии велико и ее ресурсы безграничны в деле развития личностного потенциала молодежи. Бесспорно, необходимы многочисленные научно-методологические исследования, подтверждающие эффективность групповой арт-терапии в академической среде вуза.

В своем фундаментальном труде «Теория и практика арт-терапии» профессор А.И. Копытин подчеркивает, что в отличие от зарубежных пионеров арт-терапевтического направления, отечественные специалисты могут воспользоваться теми знаниями и опытом, информационными и организационными ресурсами, которые имеются у современного арт-терапевтического сообщества. Кроме того, им предстоит развивать арт-терапию и внедрять ее в разные области практики в эпоху информационных технологий, постмодернизма и мультикультуральности. Все эти факторы оказывают существенное влияние на характер общения арт-терапевтов с клиентами и формы психотерапевтической работы. Наличие множества школ и направлений в современной арт-терапии тесно связано с существующими в разных странах политическими, социально-экономическими, правовыми, культурными и институциональными контекстами, что диктует необходимость системной оценки и формирования целостного представления об арт-терапии не только как о совокупности теоретических взглядов и эмпирически наработанных приемов, но и как о социальном и культурном феномене [8].

Заключение

Автор учебного пособия «Арт-терапия» В.Н. Никитин отмечает, что описание теории психологии искусства и анализ эмпирического исследования природы творчества, методологии формирования художественных и музыкальных способностей представлены в трудах выдающихся психологов:

Л. С. Выготского, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева, В. С. Мухиной, С. Я. Рубинштейна, Б. М. Теплова, Б. Д. Эльконина и др. Существенную роль в методологию арт-терапии, в создание и интерпретацию моделей арт-терапии и терапевтической практики внесли зарубежные специалисты: Р. Арнхейм, К. Бах, К. Берк, Ф. Биррен, Д. Винникот, К. Кох, Э. Крис, М. Милнер, Дж. Морено, Я. Морено [9].

Казахстанские авторы Касен Г.А., Толешова У.Б., Мукашова А.Б., Ергалиева Г.А., Мухамедалиева И., Мадалиева З.Б., Сулеймен М.М., Гущина Т.С., Лимашева Л.А., Комекбаева Л.К. и др. в своих учебно-методических трудах отмечают важность арт-терапии в работе с психологическими проблемами личности. Автор Мадалиева З.Б. в своем психологическом практикуме «Арт-терапия для всех» предлагает арттехники, направленные на решение психологических задач в работе с детьми и с взрослыми.

Автор Колошина Т.Ю. в методических указаниях по арт-терапии предлагает ряд арт-терапевтических техник для групповой работы, способствующие развитию личностного потенциала участников арт-сессий:

1. Рисунок по кругу (пастель, большой лист). Работа с групповой динамикой. 2. Общий рисунок на заданную тему или свободную (пастель, большой лист). Работа с групповой интеграцией.

3. Диалог (пастель, цветные карандаши, лист А3). Работа с конфликтными ситуациями, уровнями взаимодействия, приписываниями в группе, групповыми ролями, стереотипами.

4. «Триптих» (Я - какой есть, Я - глазами других, Я - каким хочу быть, или другие варианты. Получение обратной связи от группы. Групповая динамика. 5. Портреты и автопортреты. Знакомство, снятие напряжения, паттерны поведения, групповая динамика.

6. Общий портрет одного участника (пастель, большой лист)

7. Работа с масками (рисование, гипсовые, готовые и пр.)
8. Свободный рисунок на тему «Я в группе»
9. Свободный рисунок «Моя группа» (акварель, без музыки)
10. «Почта», диалог рисунками (Я хочу тебе сказать. Я боюсь. Я не хочу, чтобы ты знал и т.п.). Обратная связь, активное слушание, уровень взаимопонимания в группе
11. Работа с гримом
12. Каракули (вариант ведомого рисования с приписыванием образов)
13. Рисование стихов, музыки (пастель, акварель, использование черной и цветной бумаги). Сплочение группы, работа с эмпатией, сензитивностью
14. Групповая мечта или фантазия (большой лист, акварель)
15. Групповой рисунок человека (большой лист, пастель). Ценности группы как организма, уровень развития группы
16. «Я тебя так вижу» (лист А4, акварель). Проекция, приписывания, проблематизация
17. «Подарки»
18. «Убежище»
19. «Настроение»
20. Метафорический автопортрет группы. Проблематизация группы, групповая динамика
21. «Здравствуй, это я» (гуашь, белила)
22. Рисование снов, фантазий, страхов группы.
23. Портрет терапевта (сделанный всей группой или отдельными участниками)
24. Свободный рисунок «Я - зима, лето, весна, осень» (акварель)
25. Совместное ассоциативное рисование
26. Мое прошлое, настоящее, будущее

27. Чего я опасюсь в группе [10].

Предложенные групповые арт-терапевтические техники эффективно использовать со студентами с целью формирования личностного потенциала, развития коммуникативных навыков работы, получения обратной связи и безопасного проживания эмоций, сплочения студенческой группы.

Известный российский ученый, арт-терапевт, автор многочисленных научных изданий А.И. Копытин в своем труде «Руководство по групповой арт-терапии» отмечает, что изобразительная деятельность в условиях групповой работы протекает во многом иначе, чем в индивидуальной арт-терапии, причем большое значение при этом имеют особенности группы и те форма и модель групповой арт-терапии, которые при этом используются. При характеристике основных форм современной групповой арт-терапии мы, в частности, отмечали, что фактор художественной экспрессии играет ведущую роль при использовании студийного подхода. Его влияние также проявляется довольно ярко при использовании динамического подхода, дополняясь при этом действием. Копытин А.И. утверждает, что методология групповой арт-терапии базируется в настоящее время в основном на теоретических разработках групповой психодинамической психотерапии. Что касается других психотерапевтических направлений, то, несмотря на предпринимаемые в последние годы попытки использовать элементы их методологии применительно к арт-терапевтическим группам, вряд ли есть основания говорить об их заметном влиянии на теорию и практику групповой арт-терапии [11].

Таким образом, техники групповой арт-терапии созданы для работы в парах, группах. Они помогают обнаружить групповую динамику, групповые роли и ожидания, возможную перспективу группового развития. Занятия групповым творчеством способствуют разрешению проблем и конфликтов в коллективе, развитию межличностных отношений, переживанию стрессовых

ситуаций. Использование групповой арт-терапии позволяет развить динамику развития студенческой группы и каждого участника в отдельности ресурсами и новыми взглядами.

Литература/References:

1. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. Изд-во: Питер, 2006. 944 с.
2. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.
3. Ходаковская Э.Н., Нартова-Бочавер С.К. Трудные жизненные ситуации студентов в разных социальных и жизненных контекстах. Социальная психология и общество. 025. Портал психологических изданий PsyJournals.ru Том 16. № 4.
4. Шевцова С.Н. Психологические особенности студентов, испытывающих трудности в обучении. Психология и педагогика: методика и проблемы, 2013.
5. Пересада О.В., Коногорская С.А., Попова И.М. Трудности адаптации студентов педагогического профиля обучения в вузе: диагностика и пути преодоления Педагогика. Вопросы теории и практики Pedagogy. Theory & Practice 2024. Том 9. Выпуск 10. 2024.
6. Лебедева Л.Д. Арт-терапия как технология личностного роста студента. Интернет-источник: <https://ippt.ru/biblioteka>.
7. Мардер Л. «Цветной мир. Групповая арт-терапевтическая работа с детьми дошкольного и младшего школьного возраста». Изд-во: Генезис, 2007.

8. Копытин А. И. Теория и практика арт-терапии. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 366 с.
9. Никитин В.Н. Арт-терапия. М.Изд-во: Когито-Центр, 2014. 336 с.
10. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головкин О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.
11. Копытин А.И. Руководство по групповой арт-терапии. Изд-во: Речь. Санкт-Петербург, 2013. 320 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТ- ТЕРАПИИ

Сатликов Р. К.

*Кафедра гематологии и военно-полевой терапии
Ургенчский государственный медицинский институт.
Республика Узбекистан, г. Ургенч*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения арт-терапии в системе психологической реабилитации лиц пожилого возраста. Анализируются результаты современных отечественных и зарубежных исследований, демонстрирующих эффективность арт-терапевтических интервенций для коррекции эмоциональных нарушений, поддержания когнитивных функций и активизации личностных ресурсов в позднем онтогенезе. На основе анализа данных систематических обзоров и мета-анализов (включая данные 2025 года) обосновывается вывод о значительном снижении симптомов тревоги и депрессии при групповых формах арт-терапии. Особое внимание уделяется принципам организации занятий с учетом культурного контекста и возрастных задач развития.

Ключевые слова: арт-терапия, психологическая реабилитация, пожилой возраст, поздняя зрелость, эмоциональное благополучие, когнитивные функции, геронтопсихология, творческое самовыражение.

PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF ELDERLY PEOPLE USING ART THERAPY

Satlikov R. K.

*Department of Hematology and Military Field Therapy
Urgench State Medical Institute.
Republic of Uzbekistan, Urgench*

Abstract. The article discusses theoretical and practical aspects of art therapy application in the system of psychological rehabilitation of elderly people. The results of modern domestic and foreign research demonstrating the effectiveness of art therapy interventions for correcting emotional disorders, maintaining cognitive functions and activating personal resources in late ontogenesis are analyzed. Based on the analysis of systematic reviews and meta-analyses (including data from 2025), it is concluded that there is a significant reduction in symptoms of anxiety and depression in group forms of art therapy. Special attention is paid to the principles of organizing classes taking into account the cultural context and age-related developmental tasks.

Keywords: art therapy, psychological rehabilitation, elderly age, late adulthood, emotional well-being, cognitive functions, gerontopsychology, creative self-expression.

Введение

Процесс старения населения является одной из глобальных тенденций современного общества. Согласно демографическим прогнозам, доля лиц пожилого возраста (старше 65 лет) в мировой популяции продолжает неуклонно расти: с 9,82% в 2022 году до предполагаемых 16% к 2050 году [5]. Данная

ситуация актуализирует проблему сохранения психического здоровья и качества жизни в позднем онтогенезе, что требует разработки эффективных, доступных и немедикаментозных методов психологической реабилитации.

Пожилой возраст традиционно ассоциируется с комплексом психологических и физиологических вызовов: снижением когнитивных функций, утратой социальных связей, переживанием одиночества, повышением уровня тревожности и депрессивных состояний [2; 8]. В этой связи особую значимость приобретают подходы, направленные не только на коррекцию дефицитов, но и на активизацию конструктивных личностных ресурсов. Исследователи отмечают, что наряду с деструктивными процессами в пожилом возрасте сохраняются конструктивные тенденции, включая интеграцию личностных структур, формирование целостной жизненной концепции и переход на новый виток развития [6; 9].

Арт-терапия как метод, основанный на активизации психических ресурсов через творческое самовыражение, отвечает этим задачам. Она предоставляет возможность для вербализации глубинных переживаний в символической форме, способствует гармонизации психофизического состояния и стимулирует социальную активность [1; 10]. Целью данной статьи является обоснование эффективности арт-терапевтических методов в системе психологической реабилитации лиц пожилого возраста.

Теоретическое обоснование применения арт-терапии в геронтопсихологии

Арт-терапия в работе с пожилыми людьми базируется на понимании специфики возрастных задач развития. Период поздней зрелости требует от личности решения экзистенциальных задач: принятия собственного жизненного пути, переосмысления идентичности в условиях изменяющегося социального статуса и физических возможностей [6]. Творческий процесс выступает

медиатором этих сложных переживаний, позволяя трансформировать страдание в позитивный опыт.

Влияние искусства на психику человека имеет глубокие нейробиологические основы. Взаимодействие с художественными образами и творческая активность задействуют лимбическую систему, связанную с эмоциональной регуляцией, а также способствуют выработке нейромедиаторов, отвечающих за ощущение удовольствия и мотивацию [3]. Кроме того, тактильное взаимодействие с материалами (красками, глиной, текстилем) стимулирует мелкую моторику и укрепляет межполушарные связи, что особенно важно для профилактики когнитивных нарушений.

В современной литературе выделяются несколько ключевых направлений терапевтического воздействия арт-терапии на лиц пожилого возраста (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Основные сферы воздействия арт-терапии в пожилом возрасте

Сфера воздействия	Описание
Эмоциональное благополучие	Снижение тревоги, депрессии, регуляция аффективных состояний [1; 8]
Когнитивное здоровье	Стимуляция памяти, внимания, профилактика когнитивных нарушений [1; 7]
Социальная активность	Преодоление одиночества через групповые формы работы, расширение социальных связей [5; 10]
Самооценка и идентичность	Повышение самооценки через творческие достижения, осмысление жизненного опыта [6; 9]

Сфера воздействия	Описание
Релаксация	Снижение уровня стресса, достижение медитативных состояний [1]

Эмпирическая эффективность метода

Эффективность арт-терапевтических интервенций в работе с пожилыми людьми подтверждается данными современных систематических обзоров и мета-анализов. В 2025 году был опубликован мета-анализ Е. А. Quinn и соавторов, обобщивший данные 50 контролируемых исследований ($n = 3\,360$). Результаты показали, что групповые арт-интервенции связаны с умеренным снижением депрессии (Cohen's $d = 0,70$) и тревоги ($d = 0,76$) у лиц старше 55 лет. Важно отметить, что эффект был более выражен при проведении занятий в условиях домов престарелых ($d = 1,07$) по сравнению с общинными центрами ($d = 0,51$) [8].

Российские исследования также демонстрируют высокую результативность метода. В работе В.А. Наумовой и Ж.М. Глозман (2013) с участием 80 респондентов в возрасте 57–80 лет было установлено, что использование арт-терапевтической программы с постепенным усложнением занятий способствует актуализации новых позитивных личностных смыслов, гармонизации психофизического самочувствия и повышению уровня самовосприятия [6; 9]. В более позднем исследовании Е.А. Капридовой (2025) на базе клуба «Активное долголетие» подтверждено, что арт-терапия расширяет границы творческого опыта, формирует положительный настрой и способствует сплочению участников [1].

Принципы и структура арт-терапевтических занятий

На основе анализа успешных практик можно выделить ряд принципов, обеспечивающих эффективность арт-терапевтической работы с пожилыми людьми:

1. Постепенное усложнение. Начальные занятия ориентированы на преодоление страха «неумения рисовать» и предполагают простые техники (коллаж, работа с пастелью). По мере освоения материалов и снижения тревожности, задачи усложняются, включая обращение к экзистенциальным темам [1; 9].

2. Культурная релевантность. Современные исследования подчеркивают необходимость учета культурного контекста. Использование локальных культурных традиций (знакомство с местными художниками, включение этнических мотивов) повышает вовлеченность и терапевтический эффект [5].

3. Использование метафор и игровых элементов. Включение игровых моментов, музыкального сопровождения и метафор (например, «путешествия») создает безопасную и непринужденную атмосферу [1].

4. Фокус на процессе, а не на результате. Ключевым является не создание эстетически совершенного продукта, а процесс самовыражения и рефлексии. Интерпретация работы должна исходить от самого автора [5].

Примерная структура занятия (на основе практики [1]) может включать следующие этапы:

- Введение: определение темы и целей занятия.
- Стимуляция: просмотр репродукций, прослушивание музыки, обсуждение.
- Практическая часть: создание индивидуальной или коллективной работы (рисование, коллажирование, лепка).

- Рефлексия: обсуждение эмоций и ощущений, возникших в процессе творчества.

Заключение

Арт-терапия является эффективным и научно обоснованным методом психологической реабилитации лиц пожилого возраста. Данные современных исследований, включая мета-анализы 2025 года, подтверждают ее значимый вклад в снижение симптомов тревоги и депрессии, поддержание когнитивного здоровья и повышение качества жизни [8]. Метод отвечает ключевым задачам геронтопсихологии, активируя не компенсаторные, а конструктивные механизмы развития личности, связанные с осмыслением жизненного пути и интеграцией опыта [6; 9].

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением нейробиологических механизмов воздействия арт-терапии, разработкой стандартизированных протоколов для различных нозологических групп (деменция, постинсультные состояния) и адаптацией методов с учетом культурного разнообразия [2; 3; 5]. Внедрение арт-терапевтических программ в систему долговременного ухода и социального обслуживания представляется важным шагом в развитии комплексной помощи лицам пожилого возраста.

Литература /References:

1. Капридова, Е. А. Практика арт-терапии в работе с пожилыми людьми / Е. А. Капридова // Молодой ученый. – 2025. – № 25 (576). – С. 482-484.
2. Hajizadeh, E. Music and art therapy in age-related neuropsychiatric disorders: Creative approaches to healing / E. Hajizadeh, H. Azhdari, M. Golipoor, M. Mohammadi // Progress in Brain Research. – 2025. – DOI: 10.1016/bs.pbr.2025.08.023.
3. Hajizadeh, E. Music and art therapy in age-related neuropsychiatric disorders: Creative approaches to healing / E. Hajizadeh, H. Azhdari, M. Golipoor, M.

Mohammadi // Progress in Brain Research. – 2025. – DOI: 10.1016/bs.pbr.2025.08.023.

4. Shayakhmetova, Ye. Sh. Methods of Art Therapy in Psychogerontological Practice / Ye. Sh. Shayakhmetova, Ye. P. Artemenko, L. M. Matveeva [et al.] // Advances in Gerontology. – 2022. – Vol. 12, No 2. – P. 176-180. – DOI: 10.1134/s2079057022010131.

5. Reviewing Psychological Recovery for Older Adults during Group Visual Art Therapy via Culture / Research. – Springer, 2026. – DOI: 10.1007/s42087-026-00555-9.

6. Наумова, В. А. Арт-терапия как эффективный метод целенаправленной фасилитации конструктивного развития личности в пожилом и старческом возрасте / В. А. Наумова, Ж. М. Глозман // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 1. – С. 97-110.

7. Tell, E. Creative Aging Literature Review: The Role and Efficacy of Arts-Based Interventions in Older Adult Populations / E. Tell, J. Watson // Innovation in Aging. – 2025. – Vol. 9, Issue Supplement_2. – P. igaf122.2135. – DOI: 10.1093/geroni/igaf122.2135.

8. Quinn, E. A. Group arts interventions for depression and anxiety among older adults: a systematic review and meta-analysis / E. A. Quinn, L. Perkins, S. Bell, D. Fancourt // Nature Mental Health. – 2025. – DOI: 10.1038/s44220-024-00368-1.

9. Глозман, Ж. М. Арт-терапия как эффективный метод целенаправленной фасилитации конструктивного развития личности в пожилом и старческом возрасте / Ж. М. Глозман, В. А. Наумова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 1. – С. 97-110.

10. Healing through art: a thematic synthesis within a quasi-systematic review of art's impact on adult mental well-being during the COVID-19 pandemic // BMC Public Health. – 2025. – Vol. 25. – Article 1641. – DOI: 10.1186/s12889-025-22741-

АРТ-ТЕРАПИЯ: ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ЛЕЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Селедцов А. М., Кирина Ю. Ю., Яковлев А. С.

Кафедра психиатрии и наркологии

ФГБОУ «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и эффективности арт-терапии как метода лечения и реабилитации лиц, страдающих психическими расстройствами, возникшими или обострившимися в период пандемии COVID-19. В условиях беспрецедентного глобального кризиса, вызванного пандемией, наблюдается значительный рост распространенности тревожных, депрессивных расстройств, посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и других психоэмоциональных нарушений. Традиционные методы психотерапии и фармакотерапии, хотя и остаются основополагающими, не всегда способны в полной мере охватить весь спектр потребностей пациентов, особенно в условиях ограниченного доступа к очным консультациям и необходимости поиска неинвазивных, доступных и адаптивных подходов.

Ключевые слова: арт-терапия, психические расстройства, пандемия COVID-19, депрессия, тревога, ПТСР, постпандемический синдром, психоэмоциональные нарушения, реабилитация, самовыражение, стресс, эмоциональная регуляция.

ART THERAPY: AN EFFECTIVE METHOD FOR TREATMENT OF MENTAL DISORDERS POST-PANDEMIC

Seledtsov A. M., Kirina Yu. Yu., Yakovlev A. S.

Department of Psychiatry and Narcology

Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russia

Abstract. This article analyzes the role and effectiveness of art therapy as a treatment and rehabilitation method for individuals suffering from mental disorders that arose or worsened during the COVID-19 pandemic. During the unprecedented global crisis caused by the pandemic, there has been a significant increase in the prevalence of anxiety, depressive disorders, post-traumatic stress disorder (PTSD), and other psychoemotional disorders. Traditional psychotherapy and pharmacotherapy, while fundamental, are not always able to fully address the full range of patient needs, especially given limited access to in-person consultations and the need to find non-invasive, accessible, and adaptive approaches.

Keywords: Art therapy, mental disorders, COVID-19 pandemic, depression, anxiety, PTSD, post-pandemic syndrome, psychoemotional disorders, rehabilitation, self-expression, stress, emotional regulation.

Введение

Пандемия COVID-19 оказала беспрецедентное влияние на психическое здоровье населения во всем мире, вызвав рост тревожности, депрессии и ПТСР. В этих условиях арт-терапия привлекла внимание специалистов как эффективный и доступный метод помощи [1, 13]. Анализ актуальных исследований позволяет выделить ряд ключевых выводов об эффективности этого метода.

Проблема арт-терапии для пациентов с психическими расстройствами на фоне COVID-19 является крайне актуальной, поскольку пандемия не только вызвала волну острых стрессовых реакций, но и осложнила жизнь людям с уже существующими ментальными нарушениями. Анализ научных публикаций позволяет сделать вывод, что арт-терапия рассматривается как перспективный и эффективный инструмент в комплексной реабилитации таких пациентов.

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным вызовом для психического здоровья населения во всем мире.

- Основные стрессоры: вынужденная изоляция (локдауны), страх заражения, нарушение привычного уклада жизни, потеря социальных связей и экономическая нестабильность привели к росту тревоги, депрессии и чувства беспомощности [2].
- Уязвимость психики: пандемия наглядно продемонстрировала уязвимость человеческой психики. Люди, которые ранее не сталкивались с ментальными проблемами, оказались в группе риска, а у пациентов с хроническими психическими расстройствами участились обострения [3].
- Постковидный синдром: помимо острых реакций, исследователи говорят о «постковидном синдроме», который включает в себя не только физические, но и психологические последствия, такие как дезадаптация и трудности с возвращением к нормальной жизни после снятия ограничений.

Арт-терапия, благодаря своей невербальной природе и способности работать с глубинными слоями психики, оказывается чрезвычайно эффективным инструментом в этом процессе [4, 5, 6].

В этих условиях арт-терапия (терапия искусством) приобрела особое значение. Она позволяет работать с психологическими проблемами мягко и эффективно, часто восполняя дефицит живого общения. Травматический опыт, хронические заболевания и другие стрессовые факторы могут вызывать эмоциональную диссоциацию, затрудняя процесс осознания и интеграции переживаний. Арт-терапия предоставляет возможность экстернализации внутренних конфликтов через визуальные образы, цвета и формы, что способствует высвобождению накопившегося эмоционального напряжения и началу процесса катарсиса [7].

Творческий процесс в рамках арт-терапии обладает выраженным антистрессовым эффектом, обусловленным его способностью модулировать нейрофизиологические параметры. Исследования показывают, что активное участие в создании произведений искусства способствует снижению уровня кортизола – гормона стресса, а также активации парасимпатической нервной системы, что приводит к состоянию релаксации [8]. Этот феномен объясняется нейропластичностью мозга, которая позволяет адаптивным изменениям в ответ на новые сенсорные стимулы.

Создание произведений искусства предоставляет уникальную возможность для саморефлексии и самопознания. Процесс творчества позволяет пациентам исследовать свои внутренние мотивы, страхи, желания и переживания, что способствует формированию более глубокого понимания собственной личности. Анализ своих работ под руководством арт-терапевта позволяет выявить скрытые аспекты психики, осознать свои сильные стороны и принять свои слабости, что является важным шагом на пути к формированию позитивного самовосприятия и самоакцептации [9].

Арт-терапия обладает значительным потенциалом в восстановлении когнитивных и моторных функций, особенно у пациентов с травмами, хроническими заболеваниями и неврологическими расстройствами. Например, лепка из глины способствует улучшению мелкой моторики и координации движений, что особенно важно для пациентов с травмами рук. Рисование, в свою очередь, способствует развитию зрительно-моторной координации и пространственного мышления, что может быть полезно для пациентов с когнитивными нарушениями.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), депрессия, фобии и другие психологические проблемы являются серьезными препятствиями на пути к реабилитации. Арт-терапия позволяет работать с травматическими

воспоминаниями через символические образы, что способствует их десенсибилизации и интеграции в жизненный опыт пациента. Этот процесс позволяет снизить эмоциональную нагрузку, связанную с травматическими событиями, и способствует восстановлению целостности психики.

Групповая арт-терапия является мощным инструментом социальной реабилитации, способствующим развитию коммуникативных навыков, эмпатии и умения работать в команде [10]. Участие в групповых проектах позволяет пациентам преодолеть социальную изоляцию, улучшить навыки активного слушания и построения доверительных отношений. Это особенно важно для пациентов, переживших тяжелые жизненные события, которые могут привести к нарушению социальных связей.

Успешное завершение творческого проекта, независимо от его масштаба, способствует повышению уровня самооценки и мотивации. Достижение поставленных целей и получение положительных отзывов от арт-терапевта формируют чувство удовлетворения и уверенности в своих силах. Это, в свою очередь, стимулирует пациентов к активному участию в процессе реабилитации и повышает их веру в возможность полного восстановления.

Как это работает:

1. **Выражение эмоций:** искусство помогает выразить скрытые эмоции, страхи и тревоги, которые человек не всегда может передать словами, тем самым снимая внутреннее напряжение.
2. **Саморегуляция:** творческий процесс способствует саморегуляции, помогает отвлечься от негативных мыслей и справиться с эмоциональным истощением.
3. **Диагностика и динамика:** для специалиста творческие работы пациента являются ценным диагностическим материалом. По ним можно

отслеживать динамику состояния: переход от мрачных тонов к более светлым, появление новых, позитивных образов свидетельствует об улучшении.

Эффективность применения арт-терапии в контексте пандемии подтверждается научными работами:

Комплексный анализ (2023): влияние арт-терапии на психическое состояние пациентов с COVID-19. Данное исследование представляет собой всесторонний мета-анализ 16 рандомизированных контролируемых исследований. Целью было изучить влияние различных форм арт-терапии на психическое состояние пациентов, инфицированных COVID-19. Результаты показали значимое и позитивное воздействие арт-терапевтических методик на психическое здоровье пациентов как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе. В рамках анализа были рассмотрены такие методы, как медитация, цветотерапия, музыкальная терапия, танцевальная терапия и садоводческая терапия. Каждый из них продемонстрировал эффективность в психоэмоциональной реабилитации пациентов.

Связь с неврологией: отдельное направление — применение арт-терапии у пациентов, перенесших инсульт (острое нарушение мозгового кровообращения), частота которого выросла в постпандемийный период. Исследования показывают, что арт-терапия эффективно корректирует психоэмоциональное состояние (снижает тревогу и депрессию) у таких больных, хотя и не влияет напрямую на когнитивные функции. Это подчеркивает необходимость сочетания разных методов реабилитации.

Анализ отечественных и зарубежных данных подтверждает, что арт-терапия является оптимальным форматом для восстановления адаптации человека в социуме, решения психологических проблем и купирования симптомов дезадаптации, вызванных пандемией.

Арт-терапия многогранна и включает в себя множество направлений:

- Изобразительное творчество: рисование, лепка, работа с цветом. Например, практика «арт-терапевтической чистки» направлена на позитивную трансформацию травматического опыта через переосмысление созданных образов.
- Музыкальная терапия помогает при депрессии, тревоге и нарушениях сна. Пение может быть отличным дополнением к основному лечению.
- Использование театральных систем и танцевальных практик также находит применение в реабилитации.
- Пример из практики: на выставке картин пациентов с психическими расстройствами можно было наблюдать позитивную динамику. Например, образ пылающей птицы Феникс на рисунках одной девушки со временем трансформировался: птица стала мирно сидеть на руке у сказочной героини, что говорит о снижении внутреннего напряжения и обретении чувства безопасности [12].

Рекомендации

Учитывая накопленные данные, можно сделать следующие выводы:

- Арт-терапию следует активнее внедрять в программы медицинской и психологической реабилитации пациентов, переболевших COVID-19, особенно при наличии признаков постковидного синдрома.
- Методы арт-терапии должны быть разнообразными и подбираться индивидуально, с учетом состояния и предпочтений пациента.
- Важно развивать доступность такой помощи, в том числе через кабинеты медико-психологической поддержки, которые в последнее время открываются в медицинских учреждениях.

Заключение

Пандемия COVID-19 стала глобальным вызовом для психического здоровья. В условиях, когда традиционные подходы могут быть недостаточными, арт-терапия предлагает уникальный и эффективный путь к исцелению и восстановлению. Используя врожденную человеческую потребность в творчестве, она помогает людям выразить невыразимое, обработать травмы, снизить стресс и найти новые ресурсы для полноценной жизни. Инвестиции в развитие и доступность арт-терапевтических программ являются важным шагом к построению более устойчивого и психически здорового общества в постпандемическом мире.

Литература/ References:

1. Арт-терапия в условиях современных вызовов. Акименко Г.В., Белеза Е.В., Бергер Р., Боровикова З.В., Головки О.В., Голоденко О.Н., Гукина Л.В., Зыкова С.О., Иванова А.В., Изосимова С.А., Карпендейл М.Д., Капица А.А., Кара Ж.Ю., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Кувшинов Д.Ю., Кутлер К.А., Ладущкин С.И., Лопатин А.А., МакНифф Ш. и др. Москва, 2023. 279 с.
2. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022.
3. Акименко Г.В., Селедцов А.М., Кирина Ю.Ю. Психология неопределённости в условиях пандемии: причины, эмоции и последствия // Дневник науки. 2020. № 11 (47). С. 13.
4. Копытин А. И. Арт-терапия в условиях пандемии COVID-19: новые вызовы и возможности. – М.: Когито-Центр, 2020. – 256 с.

5. Лебедева Л. Д. Арт-терапия как средство реабилитации после пандемии. – СПб.: Речь, 2021. – 192 с.
6. Киселева М. В. Арт-терапия в работе с посттравматическим стрессовым расстройством после пандемии. – М.: Форум, 2022. – 224 с.
7. Осипова А. А. Арт-терапия в комплексном лечении тревожных расстройств после пандемии. – Ростов н/Д: Феникс, 2023. – 176 с.
8. Сапогова Е. Е. Арт-терапия в преодолении последствий социальной изоляции после пандемии. – М.: Юрайт, 2024. – 208 с.
9. Шамшурина А. В. Арт-терапия в работе с детьми и подростками после пандемии. – СПб.: Питер, 2020. – 240 с.
10. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Арт-терапия в развитии эмоционального интеллекта после пандемии. – М.: Речь, 2021. – 160 с.
11. Копытин А. И., Свистовская Е. Е. Арт-терапия в работе с горем и утратой после пандемии. – М.: Когито-Центр, 2022. – 288 с.
12. Лебедева Л. Д., Назарова В. В. Арт-терапия в профилактике выгорания специалистов после пандемии. – СПб.: Речь, 2023. – 144 с.

СТРЕССОРЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ И ТРЕВОЖНОСТЬ У ВЫПУСКНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА:

РОЛЬ АРТ-ПРАКТИК

Селин И. И., Пивовар О. И.

Кафедра эпидемиологии и инфекционных болезней

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. Цель исследования – оценить, связаны ли самостоятельные арт-практики у студентов-медиков выпускного курса с уровнем субъективного стресса и выраженностью тревожности, а также определить стресс-факторы, наиболее тесно связанные с тревогой. Проведено одномоментное анкетирование

75 студентов выпускного курса. Тревожность оценивали по шкале BAI (21 пункт, 0-3; суммарный балл 0-63). Стресс оценивали по 7 академическим стресс-факторам (0-10). Частоту арт-практик фиксировали по 7 видам активности (0-4) и рассчитывали интегральные показатели интенсивности. 97,3% участников указали использование хотя бы одной арт-практики. Интенсивность практик не была связана со стрессом ($p=0,021$; $p=0,857$) и тревожностью ($p=0,021$; $p=0,855$). Различий по квартилям интенсивности не выявлено (Stress_mean: $H=5,40$; $p=0,145$; BAI_total: $H=1,01$; $p=0,800$). Наиболее выраженные связи BAI_total со стресс-факторами после FDR-поправки отмечены для экзаменов/итоговой аттестации ($p=0,515$; $p\_fdr=1,57 \times 10^{-5}$), страха клинических ошибок ($p=0,487$; $p\_fdr=3,33 \times 10^{-5}$) и давления ожиданий ($p=0,469$; $p\_fdr=5,10 \times 10^{-5}$). В модели модерации взаимодействие «стресс $\times$ интенсивность арт-практик» статистически незначимо ($\beta=-0,521$; $p=0,483$). LASSO-модель с устойчивым набором предикторов (λ_{1se}) объясняла 37,5% дисперсии BAI_total ($Adj.R^2=0,375$). В данной выборке тревожность сильнее всего связана с академическими стрессорами, тогда как показатели самостоятельных арт-практик не демонстрируют ассоциаций со стрессом и тревожностью. Для оценки эффекта арт-вмешательств нужны исследования с наблюдением во времени и заданной «дозой» вмешательства.

Ключевые слова: студенты-медики, тревожность, стресс, арт-практики, шкала Бека, LASSO-регрессия.

**ACADEMIC STRESSORS AND ANXIETY
GRADUATES OF A MEDICAL UNIVERSITY HAVE:
THE ROLE OF ART PRACTITIONERS**

¹ Selin I. I., ² Pivovarov O. I.

*Department of Epidemiology and Infectious Diseases
Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo*

Abstract. The aim of the study was to assess whether independent art practices among graduate medical students are associated with the level of subjective stress and severity of anxiety, as well as to identify stress factors most closely related to anxiety. A one-time survey of 75 graduate students was conducted. Anxiety was assessed on the BAI scale (21 points, 0-3; total score 0-63). Stress was assessed according to 7 academic stress factors (0-10). The frequency of art practices was recorded for 7 types of activity (0-4) and integral intensity indicators were calculated. 97,3% of the participants indicated the use of at least one art practice. The intensity of the practices was not associated with stress ($p=0,021$; $p=0,857$) and anxiety ($p=0,021$; $p=0,855$). There were no differences in intensity quartiles (Stress_mean: $H=5,40$; $p=0,145$; BAI_total: $H=1,01$; $p=0,800$). The most pronounced associations of BAI_total with stress factors after the FDR correction were noted for exams/final assessment ($p=0,515$; $p\_fdr=1,57 \times 10^{-5}$), fear of clinical errors ($p=0,487$; $p\_fdr=3,33 \times 10^{-5}$) and pressure of expectations ($p=0,469$; $p\_fdr=5,10 \times 10^{-5}$). In the moderation model, the interaction «stress $\times$ intensity of art practices» is statistically insignificant ($\beta=-0,521$; $p=0,483$). The LASSO model with a stable set of predictors (λ_{1se}) explained 37.5% of the BAI_total variance ($Adj.R^2=0,375$). In this sample, anxiety is most strongly associated with academic stressors, while indicators of independent art practices do not show associations with stress and anxiety. To assess the effect of art interventions, studies with time monitoring and a set «dose» of intervention are needed.

Keywords: medical students, anxiety, stress, art practices, Beck scale, LASSO regression.

Введение

Психологическая нагрузка в медицинском образовании хорошо известна: тревожные и депрессивные симптомы у студентов встречаются часто, а в периоды экзаменационной напряжённости субъективный дистресс, как правило,

усиливается [11, с. 1-16]. На этом фоне закономерно растёт интерес к немедикаментозным способам саморегуляции, включая арт-ориентированные подходы – от арт-терапии до более широких арт-педагогических практик [3, с. 10-18]. Использование средств арт-терапии в образовательном процессе вуза является важным и необходимым в связи с решением многих задач психологического сопровождения, таких как: психологическая поддержка обучающихся, формирование у студентов ответственности за принятие собственных решений, оказание помощи студентам в определении своих возможностей и формирование у студентов позитивной жизненной позиции [4, с. 317-323].

Эффект структурированных программ арт-терапии показан в разных группах: для активной визуальной арт-терапии в мета-анализе описан умеренный суммарный эффект по ряду исходов, при этом авторы отдельно отмечают неоднородность дизайнов и качества исследований [7, с. 1-13]. В систематическом обзоре групповых арт-интервенций также сообщается о снижении симптомов тревоги и депрессии, хотя величина эффекта зависит от контекста и методологии работ [8, с. 374-386]. В отдельных исследованиях у студентов-медиков описаны позитивные изменения при курсовых/сессионных форматах, включая обучение через искусство и рефлексивную практику [9, с. 1-9; 10, с. 1023-1032]. Вместе с тем Кокрейновский обзор по арт-терапии при деменции подчёркивает, что даже при наличии перспективных результатов доказательная база может быть ограничена из-за методологических проблем и вариабельности вмешательств [6, с. 1].

Отдельный вопрос – самостоятельные арт-практики без терапевта и без регламентированной «дозы» вмешательства. По данным российской работы, даже пассивные форматы (например, просмотр позитивных изображений) могут сопровождаться снижением напряжения в период экзаменационной нагрузки [2,

с. 23-35]. Однако в педагогических исследованиях подчёркивается высокая распространённость стресса и признаков выгорания у студентов, а также неоднозначность эффекта «самопомощи» без организованной программы [5, с. 169-173]. В практико-ориентированных материалах также описывается значимость структурированности и повторяемости сессий как условия достижения ощутимого результата [1, с. 1-8].

Цель исследования – оценить связь между интенсивностью самостоятельных арт-практик и уровнем тревожности у студентов-медиков выпускного курса, а также определить стресс-факторы, наиболее тесно связанные с тревожностью в этот период.

Объекты и методы исследования

Дизайн: одномоментное поперечное исследование.

Участники: 75 студентов выпускного курса (23-25 лет). Критерии включения – обучение на выпускном курсе и добровольное согласие; критерий исключения – неполное заполнение анкеты.

Инструменты:

- ВАИ (21 пункт, 0-3; суммарный балл 0-63).

- 7 стресс-факторов академической среды (0-10): экзамены/аттестация; объём материала; неопределённость трудоустройства/ординатуры; страх клинических ошибок; конкуренция/оценивание; давление ожиданий; финансовые/бытовые нагрузки.

- 7 арт-практик (0-4): рисование, письмо, музыка, фото/видео, рукоделие, танец, игры; рассчитывались интегральные показатели (средняя интенсивность, число практик ≥ 1).

- Субъективная полезность арт-практик (5 пунктов, 1-5; средний балл).

Статистический анализ: описательная статистика; корреляции Спирмена с поправкой FDR; сравнение по квартилям интенсивности (Крускала-Уоллиса,

пост-хок Данна); LASSO (cv. glmnet, 10-fold CV) с рефитом OLS и робастными SE (HC3). Значимость: $p < 0,05$. Анализ выполнен в R 4.5.0.

Результаты и их обсуждение

Общая характеристика и распространённость арт-практик

Большинство студентов сообщили об использовании арт-практик (73/75; 97,3%). Это привело к крайне малой группе «неиспользующих» ($n=2$), что ограничивает интерпретацию сравнений «ART+ vs ART–».

Таблица 1

Общая характеристика участников анкетирования ($n=75$)

Показатель	Значение
Пол (жен/муж), %	63 / 37
Возраст (лет), $M \pm SD$	23,4 $\pm$ 1,2
ART+ пользователи, n (%)	73 (97,3)
ART- пользователи, n (%)	2 (2,7)
Высокий стресс ($\geq$ медианы), n (%)	38 (50,7)
Низкий стресс ($<$ медианы), n (%)	37 (49,3)
BAI_total (баллы), Me [IQR]	28 [18–42]
Stress_mean (баллы), Me [IQR]	6,2 [4,8–7,5]

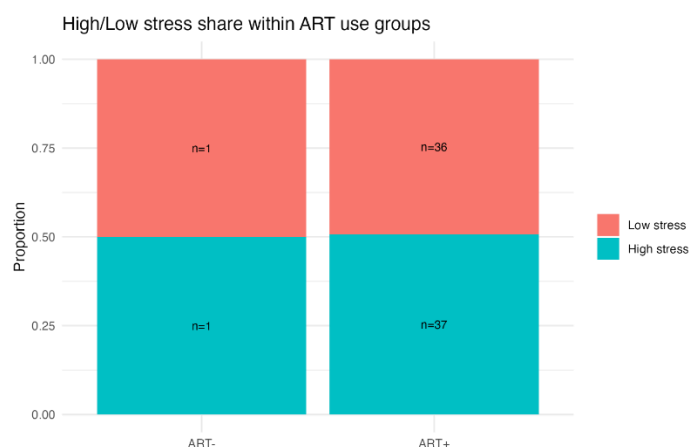

Рис. 1. Распределение участников исследования по использованию арт-практик (ART– / ART+) и уровню субъективного стресса (Низкий / Высокий)

Ассоциации интенсивности арт-практик со стрессом и тревожностью

Корреляционный анализ не выявил связи между интегральной интенсивностью арт-практик и исходами:

- $\text{art\_intensity\_mean} \leftrightarrow \text{Stress\_mean}$: $\rho=0,021$; $p=0,857$
- $\text{art\_intensity\_mean} \leftrightarrow \text{BAI\_total}$: $\rho=0,021$; $p=0,855$

Визуализация распределения баллов стресса по квартилям интенсивности представлена на рис. 2.

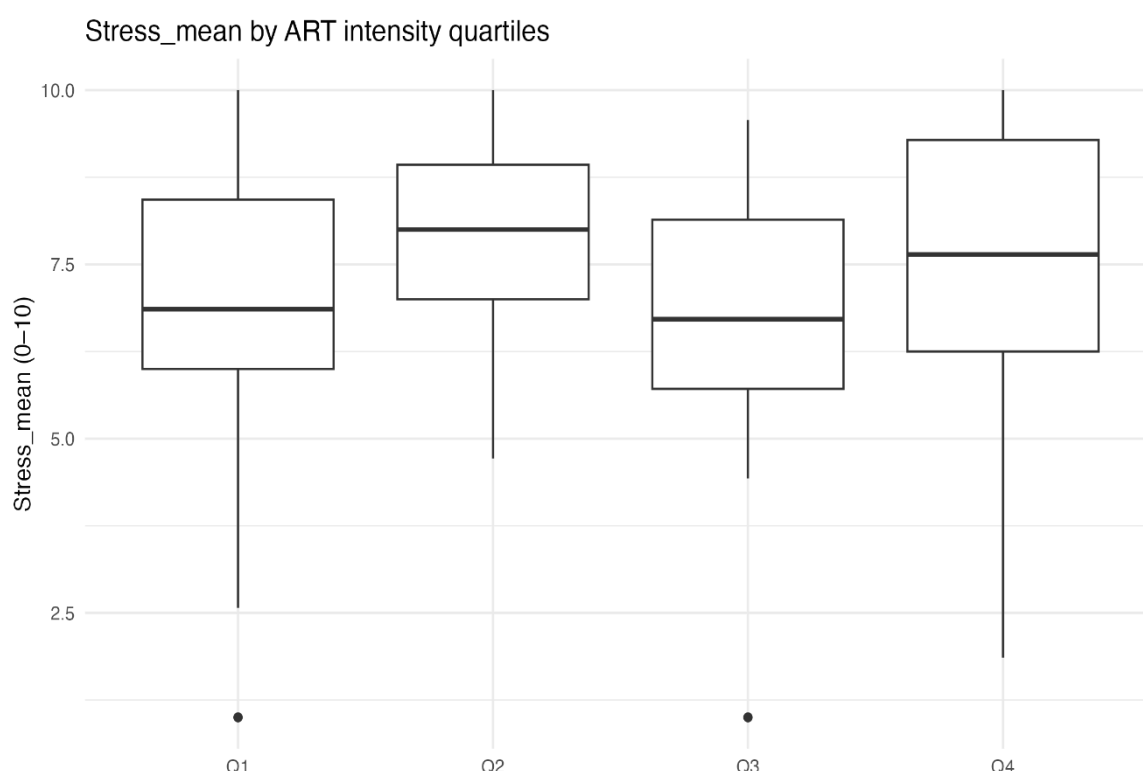

Рис. 2. - Распределение баллов субъективного стресса (Stress_mean) в зависимости от квартилей интенсивности арт-практик (Q1–Q4)

Анализ по квартилям интенсивности также не выявил различий:

- $\text{Stress\_mean} \sim \text{art\_q}$: $H=5,40$; $p=0,145$
- $\text{BAI\_total} \sim \text{art\_q}$: $H=1,01$; $p=0,800$

Различия уровней тревожности в сформированных группах отражены на рис. 3.

Проверка гипотезы модерации (изменяется ли связь «стресс → тревожность» при разной интенсивности практик) показала, что взаимодействие статистически незначимо:

- Stress_mean $\times$ art_intensity_mean: $\beta = -0,521$; $p = 0,483$ (робастные SE, HC3).

При интерпретации важно учитывать ограничения дизайна: поперечный формат не позволяет судить о направленности причинности, а высокая доля «ART+» существенно «сужает» сравнимость групп.

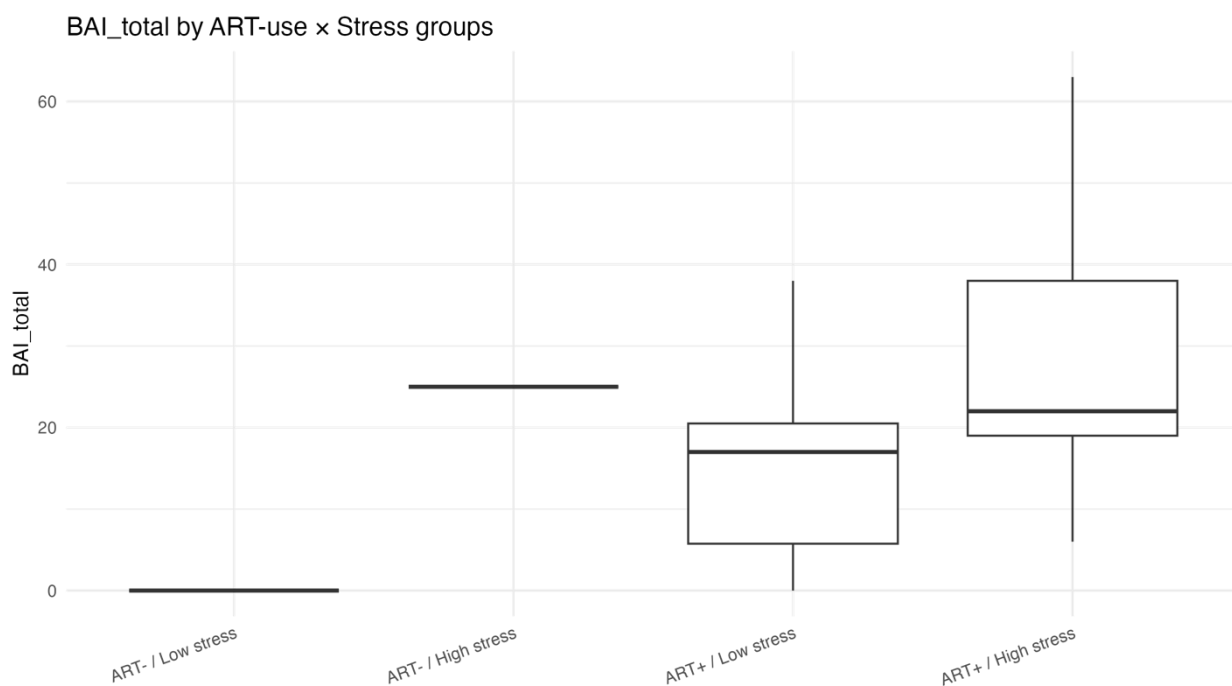

Рис. 3. Распределение баллов тревожности (BAI_total) в четырех группах, сформированных по использованию, арт-практик и уровню стресса

Какие стрессоры сильнее всего связаны с тревожностью

Все 7 стресс-факторов демонстрировали положительные ассоциации с суммарной тревожностью BAI_total. После FDR-поправки наиболее выраженными оказались:

1. Итоговая аттестация/экзамены: $\rho=0,515$; $p_{\text{fdr}}=1,57 \times 10^{-5}$
2. Страх ошибки в клинических ситуациях: $\rho=0,487$; $p_{\text{fdr}}=3,33 \times 10^{-5}$
3. Давление ожиданий (семья/преподаватели/самоожидания): $\rho=0,469$; $p_{\text{fdr}}=5,10 \times 10^{-5}$

Таблица 2

Ранжированный список показателей стресс-факторов

Стресс-фактор	ρ	p	p (FDR)
Экзамены/аттестация	0,515	$2,25 \times 10^{-6}$	$1,57 \times 10^{-5}$
Страх ошибки в клинике	0,487	$9,53 \times 10^{-6}$	$3,33 \times 10^{-5}$
Давление ожиданий	0,469	$2,19 \times 10^{-5}$	$5,10 \times 10^{-5}$
Финансовые/бытовые нагрузки	0,445	$6,34 \times 10^{-5}$	$1,11 \times 10^{-4}$
Объём материала	0,314	$6,00 \times 10^{-3}$	$8,40 \times 10^{-3}$
Конкуренция/оценивание	0,291	$1,12 \times 10^{-2}$	$1,30 \times 10^{-2}$
Неопределённость трудоустройства	0,281	$1,46 \times 10^{-2}$	$1,46 \times 10^{-2}$

Модель предикторов тревожности (LASSO)

LASSO-отбор (10-fold CV) выделил наиболее устойчивый набор предикторов (λ_{1se}):

- экзамены/аттестация,
- страх клинических ошибок,
- давление ожиданий.

Рефит OLS-модели по этому набору (робастные SE HC3) показал статистически значимые коэффициенты для всех трёх предикторов при низких

значениях VIF ($\approx 1,23-1,36$). Модель объясняла 37,5% дисперсии BAI_total ($\text{Adj.}R^2=0,375$).

Таблица 3

Основные параметры стресс-факторов

Предиктор	Коэффициент	SE	t	p
(Intercept)	-6,40	3,30	1,94	0,056
Экзамены/аттестация	1,59	0,56	2,84	0,006**
Страх ошибки в клинике	1,07	0,41	2,64	0,010*
Давление ожиданий	1,14	0,43	2,65	0,010*

Примечание: $\text{Adj.} R^2 = 0,375$, $\text{AIC} = 572,18$, $\text{VIF} < 1,4$

$p < 0,05$, ** $p < 0,01$

Полученные данные согласуются с результатами структурированных арт-вмешательств, где эффект наблюдается при заданной «дозе» (4-6 сессий) [1, с. 7; 11, с. 12]. В то же время пассивные формы арт-терапии (например, просмотр изображений) также демонстрируют краткосрочный эффект снижения стресса [2, с. 30].

Важно отметить, что наши данные не опровергают эффективность арт-терапии как таковой, а указывают на различие между структурированными вмешательствами под руководством специалиста и самостоятельной практикой. Мета-анализ Quinn et al. (2025) показал умеренный эффект групповых арт-интервенций для снижения депрессии ($d=0,70 \rightarrow 0,42$ после коррекции) и тревоги ($d=0,76$) у пожилых людей [8, с. 377]. Систематический обзор Joschko et al. (2024) подтвердил терапевтические преимущества AVAT, однако отметил низкое качество большинства исследований [7, с. 8].

Обсуждение

Отсутствие ассоциации между интенсивностью самостоятельных арт-практик и исходами может иметь несколько объяснений. Во-первых, поперечный дизайн не позволяет установить направление связи: при высоком

стрессе студенты могут чаще обращаться к арт-активности как к способу совладания, и в таком случае «эффект» практик может маскироваться обратной причинностью. Во-вторых, в работах по арт-терапии подчёркивается роль структурированности вмешательства (повторяемость, сессионный формат, ведущий, цель и техника), а не просто факт занятия «творчеством» [1, с. 1-8; 7, с. 1-13]. Наконец, в нашей выборке почти все участники отнесены к «ART+», что резко снижает информативность сравнения по бинарному признаку.

При этом выявленные связи тревожности со стресс-факторами выглядят ожидаемо и согласуются с логикой учебной нагрузки выпускного курса: тревожность сильнее связана с экзаменационной составляющей и ситуациями, где высок риск ошибки и внешней оценки. Внешние данные о пользе арт-интервенций (в том числе групповых) не противоречат нашим результатам: речь идёт о разных объектах – организованные вмешательства и самостоятельные практики различаются по «дозе» и содержанию [8, с. 374-386; 9, с. 1-9; 10, с. 1023-1032]. Параллельно важно учитывать, что систематические обзоры могут указывать на ограниченность качества доказательств и высокую неоднородность исследований, даже если общий эффект выглядит позитивно [6, с. 1; 7, с. 1-13]. Российские данные также показывают, что эффект может зависеть от формата: пассивная изотерапия давала снижение напряжения в экзаменационный период, но это не равно регулярной самостоятельной практике в реальной учебной жизни [2, с. 23-35]. Педагогические наблюдения о высокой нагрузке и выгорании дополнительно объясняют, почему спонтанные способы самопомощи могут не давать измеримого «дозозависимого» эффекта [3, с. 10-18; 5, с. 169-173].

Заключение

1. В исследованной выборке тревожность студентов выпускного курса в наибольшей степени связана с академическими стрессорами, прежде всего с

экзаменами/итоговой аттестацией, страхом клинических ошибок и давлением ожиданий.

2. Интенсивность самостоятельных арт-практик не показала статистически значимой связи со стрессом и тревожностью.

3. Модерация связи «стресс → тревожность» показателями интенсивности арт-практик не подтверждена.

4. Для оценки эффективности арт-поддержки у студентов целесообразны лонгитюдные исследования и интервенционные дизайны со структурированным модулем и контролем «дозы» вмешательства.

Литература/ References:

1. Акказыкызы Ж. Арт-терапия как средство профилактики стресса среди студентов НАО «МУС» // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – 2024. – С. 1-8.

2. Деулин Д. В., Петров В. Е., Литвинова А. В., Коджаспиров А. Ю. Исследование возможностей метода пассивной изотерапии для снижения информационно-психологического стресса у студентов в период экзаменационной сессии // Национальный психологический журнал. 2024. № 19(2). – С. 23-35.

3. Копытин А. И. Арт-терапия и арт-педагогика как факторы поддержки и развития личности // Арт-терапия и арт-педагогика: новые возможности. – 2016. – С. 10-18.

4. Пивовар О. И., Зайцева С. В. Арт-терапевтический подход в образовательном процессе подготовки врача // Практика исцеления творчеством: современная Арт-терапия в образовании, медицине и социальной сфере: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Кемерово: КемГМУ, 2022. – С. 317- 323.

5. Судакова О. В. Перспективы использования арт-терапии в высшей школе для снятия симптомов стресса и эмоционального выгорания студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. – Т. 13. № 1(46). – С. 169-173.
6. Deshmukh S. R., Holmes J., Cardno A. Art therapy for people with dementia // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2018. Issue 9. CD011073. <https://doi.org/10.1002/14651858.CD011073.pub2>.
7. Joschko R., Klatte C., Grabowska W. A. et al. Active Visual Art Therapy and Health Outcomes: A Systematic Review and Meta-Analysis // JAMA Network Open. 2024. Vol. 7(9). P. e2428709. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2024.28709>.
8. Quinn E. A., Millard E., Jones J. M. Group arts interventions for depression and anxiety among older adults: a systematic review and meta-analysis // Nature Mental Health. 2025. Vol. 3. P. 374-386. <https://doi.org/10.1038/s44220-024-00368->
9. Rezaei S., Childress A., Kaul B. et al. Using Visual Arts Education and Reflective Practice to Increase Empathy and Perspective Taking in Medical Students // MedEdPORTAL. 2023. – Vol. 19. – P. 11346. https://doi.org/10.15766/mep_2374-8265.11346.
10. Volpe R. L., de Boer C., Wasserman E. et al. Can an Arts Course Help Mitigate Medical Student Burnout? // Medical Science Educator. 2022. Vol. 32. P. 1023-1032. <https://doi.org/10.1007/s40670-022-01604-y>.
11. Wang C., Darbari I., Tolaymat M. et al. Randomized controlled pilot study of peer led remote Mindfulness-Based Art Workshops on stress, anxiety, and depression in medical students // Psychology in the Schools. 2022. – P. 1-16. <https://doi.org/10.1002/pits.22809>.

АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ В ПРОФИЛАКТИКЕ И КОРРЕКЦИИ СИНДРОМА ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Солодухо В. В.

Институт психологии

*Белорусский государственный университет имени Максима Танка,
Республика Беларусь, г. Минск*

Аннотация. В данной статье рассмотрено значение арт-терапии и ее важность для профилактики синдрома выгорания. Предложены общие рекомендации и частные техники для снятия эмоционального напряжения, стресса, этапы разработки программ для коррекции синдрома выгорания у медицинских работников.

Ключевые слова: синдром выгорания, арт-терапия, снижение напряжения и стресса, этапы работы, результаты использования техник для профилактики и коррекции синдрома выгорания.

ART THERAPY TECHNIQUES IN THE PREVENTION AND CORRECTION OF BURNOUT SYNDROME IN MEDICAL WORKERS

Solodukho V. V.

Institute of Psychology

*Maxim Tank Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk*

Abstract. This article examines the importance of art-therapy and its significance in the prevention of burnout. General recommendations and specific techniques for relieving emotional tension and stress are offered, as well as stages of developing programs to address burnout in healthcare workers.

Keywords: burnout, art therapy, tension and stress reduction, stages of work, and results of using techniques for the prevention and treatment of burnout.

Медицинские работники ежедневно сталкиваются с огромным эмоциональным давлением, стрессом и ответственностью за жизнь и здоровье пациентов. Это неизбежно приводит к профессиональному выгоранию, которое проявляется в эмоциональном истощении, цинизме и снижении чувства удовлетворенности своей работой. Традиционные методы борьбы со стрессом, такие как отдых или психологическая помощь, не всегда оказываются достаточными. В связи с этим, возрастает интерес к альтернативным, более креативным подходам, одним из которых является арт-терапия.

Синдром выгорания – это не просто усталость. Это глубокое истощение, которое затрагивает все сферы жизни: физическую, эмоциональную, интеллектуальную. Оно лишает сил, радости, мотивации, а порой и веры в себя [1].

Но есть способ помочь себе, восстановиться и снова почувствовать вкус жизни – это арт-терапия.

Термин «арт-терапия» ввел в употребление Адриан Хилл (1938) при описании своей работы с туберкулезными больными в санаториях. Это словосочетание использовалось по отношению ко всем видам занятий искусством, которые проводились в больницах и центрах психического здоровья [2,3].

Арт-терапия – это специализированная форма психотерапии, основанная на искусстве, в первую очередь изобразительной и творческой деятельности [2].

Основная цель арт-терапии состоит в гармонизации развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания.

Арт-терапия предлагает уникальный способ выражения и переработки накопившихся негативных эмоций через творческие практики. Она не требует от участников художественных навыков, а фокусируется на самом процессе создания, позволяя высвободить подавленные чувства, страхи и тревоги в

безопасной и поддерживающей среде. Это могут быть: рисование, лепка, коллажирование, музыкотерапия – эти направления арт-терапии могут стать мощным инструментом для самопознания и эмоциональной саморегуляции.

Процесс создания, будь то рисование, лепка, коллаж или любая другая форма искусства, позволяет медикам отстраниться от повседневных забот и проблем. Это пространство, где можно быть собой, не оценивая и не критикуя, где нет правильных или неправильных решений. Арт-терапия помогает трансформировать негативные переживания в нечто видимое и осязаемое, делая их менее пугающими и более управляемыми.

Важно отметить, что арт-терапия для медиков не направлена на достижение художественных результатов. Главная цель – процесс, само исследование себя через творчество. Это возможность лучше понять свои чувства, страхи, надежды, а также свои сильные стороны и ресурсы. Так, например, через создание абстрактных рисунков можно выразить беспокойство, а через лепку – снять физическое напряжение [3].

Практическое применение арт-терапии в медицинских учреждениях может принимать различные формы. Это могут быть как индивидуальные сессии, так и групповые занятия, направленные на сплочение коллектива и создание атмосферы взаимной поддержки. Например, проведение мастер-классов по акварельной живописи или занятия по созданию мандал могут помочь врачам и медицинским сестрам снизить уровень тревожности, восстановить психические ресурсы и обрести новые смыслы в своей непростой профессии.

Как арт-терапия помогает справиться с выгоранием [4]?

- Выражение подавленных эмоций: Вы часто вынуждены держать себя в руках, скрывать свои страхи, боль, гнев. Арт-терапия дает возможность безопасно

«выплеснуть» эти эмоции на бумагу, в глину, в цвет, не причиняя вреда ни себе, ни окружающим.

- **Снижение стресса и напряжения:** Творческий процесс сам по себе обладает успокаивающим эффектом. Он отвлекает от тревожных мыслей, позволяет сосредоточиться на моменте «здесь и сейчас», снижает уровень кортизола – гормона стресса.
- **Восстановление внутренних ресурсов:** Создавая что-то новое, вы чувствуете себя более компетентными, способными, возвращаете себе ощущение контроля. Это помогает восстановить самооценку и веру в свои силы.
- **Поиск новых смыслов и перспектив:** через творчество можно увидеть свои проблемы под другим углом, найти новые решения, открыть для себя новые источники вдохновения и радости.
- **Развитие самосознания:** Арт-терапия помогает лучше понять себя, свои потребности, свои сильные и слабые стороны. Это ключ к более осознанной и гармоничной жизни.
- **Создание «островка безопасности»:** В мире, где вы постоянно сталкиваетесь с чужой болью и страданиями, арт-терапия может стать вашим личным убежищем, местом, где вы можете восстановиться и наполниться энергией. Программа профилактики выгорания через арт-терапию представляет собой комплексный подход, направленный на восстановление эмоционального баланса, повышение стрессоустойчивости и раскрытие внутреннего потенциала личности. В основе программы лежит идея о том, что творческое самовыражение является мощным инструментом для переработки негативных эмоций, снятия напряжения и обретения гармонии.

Первый этап программы фокусируется на диагностике и осознании проблемы. Арт-терапевтические методики позволяют клиенту визуализировать свое состояние, понять, какие внутренние ресурсы исчерпаны, а какие нуждаются в подпитке. Например, создание «карты выгорания» или «мандалы самочувствия» может стать отправной точкой для дальнейшей работы. На этом этапе важно создать доверительную атмосферу, свободную от осуждения, где каждый может свободно выражать себя, не боясь быть непонятым.

Следующий этап посвящен активной работе с источниками стресса и накопленной усталостью. Здесь используются техники, направленные на высвобождение негативной энергии и трансформацию ее в созидательную силу. Рисование «внутреннего шторма», лепка «груза проблем» или создание «символа силы» помогают участникам проработать травмирующие переживания, снять эмоциональные блоки и обрести чувство контроля над своей жизнью. Важно, чтобы клиент сам выбирал те виды творчества, которые ему наиболее близки и откликаются.

Завершающий этап программы направлен на закрепление положительных изменений, формирование новых стратегий поведения и профилактику рецидивов. Участники учатся применять полученные навыки саморегуляции в повседневной жизни, развивают навыки тайм-менеджмента и устанавливают здоровые границы. Создание «коллажа желаний» или «арт-дневника благодарности» помогает закрепить позитивные установки, повысить самооценку и настроиться на дальнейшее личностное развитие. Программа не только помогает справиться с текущим состоянием, но и формирует устойчивую систему защиты от будущих стрессов.

Какие арт-терапевтические техники могут быть полезны [3,4]?

Не нужно быть художником, чтобы попробовать эти техники. Главное – желание и открытость новому опыту.

1. Рисование «Мои эмоции»: Возьмите лист бумаги и любые материалы (карандаши, краски, мелки). Не думайте о результате, просто дайте руке свободу. Нарисуйте то, что чувствуете прямо сейчас. Это может быть абстракция, цветное пятно, символ. После завершения работы, посмотрите на нее и попробуйте назвать эмоции, которые она вызывает.

2. Коллаж «Мой идеальный день/отдых»: это не просто игра, а мощный инструмент визуализации желаемого. Соберите старые журналы, газеты, открытки, фотографии. Вырезайте изображения, слова, фразы, которые ассоциируются у вас с отдыхом, восстановлением, радостью, спокойствием. Не ограничивайте себя, дайте волю фантазии. Создайте на листе бумаги или картоне свою картину идеального отдыха. Это может быть пляж, горы, уютный дом, время с близкими, любимое хобби. Цель – создать визуальный образ того, что вас наполняет и восстанавливает. Разместите этот коллаж на видном месте, чтобы он служил напоминанием о ваших желаниях и источником вдохновения.

3. Лепка «Мое напряжение/освобождение»: Глина или пластилин – прекрасный материал для выражения физического и эмоционального напряжения. Возьмите кусок глины и начните его мять, сжимать, растягивать. Позвольте своим рукам передать все то напряжение, которое накопилось в теле. Затем попробуйте слепить из глины образ того, что вас освобождает, что приносит облегчение. Это может быть что-то абстрактное, символ, фигурка. Сам процесс физического воздействия на материал помогает снять мышечные зажимы и высвободить накопившуюся энергию.

4. «Мандала исцеления»: Мандалы – это древние символы, которые используются для медитации и самопознания. Вы можете найти готовые

раскраски мандал или нарисовать свою собственную. Возьмите лист бумаги и начните рисовать круги, спирали, узоры. В центре можно поместить символ, который для вас означает исцеление, силу, спокойствие. Раскрашивание мандалы – это медитативный процесс, который помогает сосредоточиться, успокоить ум и почувствовать внутреннюю гармонию. Выбирайте цвета, которые вам нравятся, которые вызывают приятные ощущения.

5. «Дерево моих достижений/сил»: Нарисуйте ствол дерева. Затем на ветвях этого дерева напишите или нарисуйте свои профессиональные достижения, сильные стороны, качества, которые помогают вам в работе, моменты, когда вы чувствовали себя успешным и сильным. Это может быть как крупный успех, так и маленькая победа. Цель – напомнить себе о своей компетентности, о том, что вы делаете важную работу и достигаете результатов. Это упражнение помогает бороться с чувством обесценивания, которое часто сопровождает выгорание.

6. «Скульптура моего внутреннего мира»: если есть возможность, используйте различные материалы: песок, камни, ракушки, веточки, нитки. Создайте из них композицию, которая отражает ваше внутреннее состояние. Что находится внутри вас? Какие элементы преобладают? Это может быть хаос или порядок, свет или тьма, спокойствие или буря. Не бойтесь экспериментировать с текстурами и формами. Этот процесс помогает лучше понять и принять себя, даже те части, которые кажутся вам сложными или непривлекательными.

7. Проективное рисование. Оно позволяет диагностировать и интерпретировать затруднения в общении, эмоциональные проблемы и т.д. Темы рисунков подбираются так, чтобы предоставить участникам возможность выразить графически или рисунком свои чувства и мысли. Метод позволяет работать с чувствами, которые субъект не осознает по тем или иным причинам.

Темы, предлагаемые для рисования, могут быть, самыми разнообразными и касаться как индивидуальных, так и обще групповых проблем. Обычно тема рисования охватывает:

1. Собственное прошлое и настоящее («Моя самая главная проблема в общении с пациентами», «Ситуации в жизни, в которых я чувствую себя неуверенно», «Мой обычный день»);
2. Будущее или абстрактные понятия («Кем бы я хотел быть», «Три желания», «Остров счастья», «Страх»);
3. Отношения в группе («Что дала мне группа, а я ей», «Что я ожидал, что получил от общения в группе»).

В проективном рисовании используются следующие методики (классификация Кратохвила) [5]:

✓ Свободное рисование (каждый рисует, что хочет). Рисунки выполняются индивидуально, а обсуждение происходит в группе. Тема или задается, или выбирается членами группы самостоятельно. На рисование выделяется 30 мин., затем рисунки вывешиваются, и начинается обсуждение. Сначала о рисунке высказываются члены группы, а затем сам автор. Обсуждаются расхождения в интерпретации рисунка.

✓ Коммуникативное рисование. Группа разбивается на пары, у каждой пары свой лист бумаги, каждая пара совместно рисует на определенную тему, при этом, как правило, вербальные контакты исключаются, они общаются с помощью образов, линий, красок. После окончания процесса рисования происходит обсуждение процесса рисования. При этом обсуждаются не художественные достоинства созданного произведения, а те мысли, чувства по поводу процесса рисования, которые возникли у членов диад, и их отношение друг к другу в процессе рисования.

✓ Совместное рисование. Несколько человек (или вся группа) молча

рисуют на одном листе (например, группу, ее развитие, настроение, атмосферу в группе и

т.д.). По окончании рисования обсуждается участие каждого члена группы, характер его вклада и особенности взаимодействия с другими участниками в процессе рисования.

✓ **Дополнительное рисование.** Рисунок посылается по кругу – один начинает рисовать, другой продолжает, что-то добавляя, и т.д.

Существует два способа работы с готовыми рисунками:

1. Демонстрация всех рисунков одновременно, просмотр и сравнение, нахождение совместными усилиями общего и отличительного содержания.

2. Разбор каждого рисунка отдельно (он переходит из рук в руки, и участники высказываются о его психологическом содержании).

Проективный рисунок способствует самопознанию, взаимопониманию и активизации группового процесса.

При интерпретации проективного рисунка внимание обращается на содержание, способы выражения, цвет, форму, композицию, размеры.

В проективном рисунке находят отражение непосредственное восприятие человеком той или иной ситуации, различные переживания, часто неосознаваемые и не вербализуемые.

Важные моменты при использовании арт-терапии:

- Не оценивайте себя: Главное – процесс, а не результат. Нет «правильных» или «неправильных» работ.

- Будьте честны с собой: Позвольте себе выразить любые чувства, даже негативные.

- Создайте безопасное пространство: Найдите время и место, где вас никто не будет отвлекать.

- Не торопитесь: Дайте себе время на размышление и творчество.
- Если возможно, обратитесь к специалисту: Арт-терапевт может помочь вам глубже понять свои работы и получить максимальную пользу от процесса.

Результаты применения арт-терапии у медицинских работников впечатляют. Исследования показывают, что регулярные занятия способствуют снижению симптомов депрессии и тревоги, улучшению самочувствия, повышению уровня эмпатии и, как следствие, улучшению качества оказания медицинской помощи. Более того, арт-терапия помогает медицинским работникам вновь найти радость в своей деятельности, предотвращая столь опасное явление, как эмоциональное выгорание.

Интеграция арт-терапии в систему поддержки медицинских работников требует системного подхода. Для достижения максимального эффекта необходимо разработать специализированные программы, учитывающие специфику работы различных медицинских специальностей. Например, для хирургов, чья деятельность связана с высоким уровнем ответственности и оперативной реакцией, могут быть предложены занятия, направленные на развитие концентрации внимания через создание детализированных узоров или абстрактных композиций. Для медсестер, ежедневно контактирующих с пациентами и их страданиями, эффективными могут стать занятия, развивающие эмпатию и снимающие эмоциональное напряжение, такие как групповое рисование или создание коллажей, отражающих позитивные переживания.

Эффективность арт-терапии также зависит от создания соответствующей атмосферы. Медицинские учреждения, внедряющие подобные практики, должны обеспечить комфортное и безопасное пространство, где участники могут свободно выражать свои эмоции, не опасаясь осуждения. Важно, чтобы

арт-терапевты обладали не только профессиональными навыками в области искусства, но и пониманием психологии медицинского работника, его стрессовых факторов и возможных реакций. Такой специалист сможет тонко настроиться на потребности группы или отдельного человека, направляя процесс творчества в конструктивное русло.

Включение таких занятий в рабочий график демонстрирует приоритет заботы о благополучии сотрудников и способствует их активному участию. Образовательные программы для самих медицинских работников, рассказывающие о пользе и принципах арт-терапии, также могут повысить осведомленность и мотивацию.

Привлечение к арт-терапии даже тех сотрудников, кто изначально скептически относится к подобным методам, часто приводит к неожиданно положительным результатам. Процесс творчества, зачастую протекающий спонтанно и интуитивно, способен разрушить защитные барьеры и открыть доступ к ранее скрытым эмоциям. Наблюдение за тем, как из-под рук появляются новые формы и образы, может стать источником удивления и радости, напоминая о творческом потенциале, который есть в каждом человеке, независимо от его профессии.

В долгосрочной перспективе, внедрение арт-терапии как части корпоративной культуры здравоохранения может привести к снижению текучести кадров, повышению уровня удовлетворенности работой и, как следствие, к улучшению качества медицинского обслуживания. Забота об эмоциональном благополучии тех, кто заботится о нашем здоровье, является инвестицией не только в их личное счастье, но и в общественное благополучие.

Таким образом, регулярные арт-терапевтические сессии в медицинских учреждениях могут стать эффективным инструментом профилактики выгорания т.к. создаются безопасные пространства для обмена опытом и

поддержки коллег, где каждый может найти утешение и понимание. Эта практика способствует укреплению командного духа, повышению уровня эмпатии и, как следствие, улучшению качества оказания медицинской помощи, ведь забота о себе – это первый шаг к заботе о других.

Арт-терапия в медицине – это инвестиция в благополучие тех, кто ежедневно стоит на страже нашего здоровья. Предоставляя медицинским работникам возможность для творческого самовыражения, мы помогаем им оставаться сильными, устойчивыми и способными справляться с вызовами очень важной профессии.

Литература/ References:

1. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб. : Изд-во Питер, 2005. – 336 с.
2. Арт-терапевтические техники в работе психолога. Электронный ресурс : учеб.-метод. комплекс для специальности 1-03 04 03 «Практическая психология» / сост. В. В. Солодухо // СДО Moodle / Белорус. гос. пед. ун-т. – Режим доступа: <https://bspu.by/moodle/course/view.php?id=3451>. – Дата доступа: 09.03.2026.
3. Копытин, А. И. Современная клиническая арт-терапия : учеб. пособие / А. И. Копытин. – М. : ЛитРес, 2020. – 526 с.
4. Практическая арт-терапия. Лечение, реабилитация, тренинг / под ред. А. И. Копытина. – М. : Когито-Центр, 2017. – 288 с.
5. Лебедева, Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий / Л. Д. Лебедева. – СПб. : Речь, 2013. – 256 с.
6. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В.,

Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В.,
Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова
С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

АРТ-ТЕРАПИЯ ПРИ РАССТРОЙСТВАХ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Титиевский С. В., Синявская И. А., Побережная Н. В., Черепков В. Н.

Кафедра психиатрии, медицинской психологии, психосоматики

и психотерапии с лабораторией психического здоровья

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский

университет им. М. Горького» Минздрава России, Россия, г. Донецк

Аннотация. Арт-терапия относится к дополнительным методам терапии при расстройствах аутистического спектра у детей и подростков. В настоящем обзоре изучена эффективность арт-терапии у указанной категории больных на основании данных доказательной медицины. Отмечается эффективность арт-терапии в виде улучшения социальных навыков (коммуникации, межличностных отношений и социального поведения), поведенческих навыков (гиперактивности/невнимательности и уверенности в себе) и двигательных навыков (мелкой моторики, равновесия и гибкости). Однако для подтверждения этих результатов необходимы дальнейшие методологически обоснованные исследования.

Ключевые слова: арт-терапия, расстройства аутистического спектра, дети и подростки, психотерапия, систематический обзор

ART THERAPY FOR AUTISTIC SPECTRUM DISORDERS IN CHILDREN AND ADOLESCENTS

Titievsky S.V., Sinyavskaya I. A., Poberezhnaya N. V., Cherepkov V. N.

Department of Psychiatry, Medical Psychology, Psychosomatics,

and Psychotherapy with the Mental Health Laboratory of the

Donetsk State Medical University named after M. Gorky, Russia, Donetsk

Abstract. Art therapy is a complementary treatment method for autism spectrum disorders in children and adolescents. This review examines the effectiveness of art therapy in this category of patients based on evidence-based medicine. Art therapy is effective in improving social skills (communication, interpersonal relationships, and social behavior), behavioral skills (hyperactivity/inattention and self-confidence), and motor skills (fine motor skills, balance, and flexibility). However, further methodologically sound research is needed to confirm these results.

Keywords: art therapy, autism spectrum disorders, children and adolescents, psychotherapy, systematic review

Современные методы лечения расстройств аутистического спектра (РАС) включают развивающую, поведенческую и психосоциальную терапию, в том числе, прикладной анализ поведения (АВА), когнитивно-поведенческую терапию (СВТ) и раннее интенсивное поведенческое вмешательство (EIBI) [1]. В отношении проблем социальной коммуникации часто используется тренинг социальных навыков, а для устранения сенсорных симптомов – сенсорно-интеграционная терапия [2, 3]. Для лечения сопутствующих симптомов или сопутствующих РАС диагнозов могут применяться лекарственные препараты.

Всё более распространенными становятся дополнительные методы терапии: у почти 74% детей с РАС используется как минимум один из видов дополнительной терапии [3]. К данным методикам относится использование натуральных продуктов, таких как витамины или пробиотики, духовных и телесных практик, например, йоги или акупунктуры, а также иных видов лечения, включая традиционную медицину и натуропатию [3]. Кроме того, альтернативное лечение при РАС с растущей доказательной базой включает анималотерапию [2], музыкотерапию, танцевальную и драматерапию [2].

Целью настоящего обзора было изучение эффективности арт-терапии (АТ) у детей и подростков с РАС на основании данных доказательной медицины.

Результаты и их обсуждение. В недавних систематических обзорах арт-терапия рассматривается как терапевтическое вмешательство у детей и подростков. В одном из таких обзоров показано, что арт-терапия улучшает самооценку и настроение у детей с психическими расстройствами [4]. Обзоры, посвященные травмам у детей и подростков, выявили снижение посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), вызванного травмой [4, 5]. В обзоре Z. Moula [6] по применению АТ в школьной среде сообщалось об общем улучшении качества жизни ребенка. Проведено ограниченное количество исследований, посвященных оценке эффективности АТ при расстройствах аутистического спектра. В 2021 г. А.Е. Bernier и С.-Y. Li [7] опубликовали обзор АТ при аутизме в рамках терапии занятостью.

В обзорное исследование S.W. Vogel и соавт. [8] арт-терапии детей и подростков с аутизмом были включены работы, в которых описывались количественные показатели результатов лечения, оценивающие симптомы, связанные с РАС, в социальной (например, зрительный контакт и вербальное общение), эмоциональной (например, трудности с эмоциональной регуляцией), поведенческой (например, повторяющееся поведение, агрессия), когнитивной (например, исполнительные функции и принятие решений) или физической (например, мелкая моторика и равновесие) сферах. Качественные параметры результатов не включались. К другим показателям, которые считались нерелевантными, относились мнения родителей и учителей, а также оценка художественных работ или художественных способностей участников. Семь отобранных для анализа публикаций успешно соответствовали критериям включения и исключения изучаемой проблемы.

Публикации осуществлялись в период с 1995 по 2021 год в различных странах, включая Тайвань, Канаду, США, Индию, Нидерланды и Иран. Использовался дизайн исследования «до-после» (3 работы) и квазиэкспериментальный дизайн (4 работы), и в двух работах была контрольная группа сравнения.

Общий размер выборки обзора S.W. Vogel и соавт. [8] составил 127 детей и подростков с диагнозом РАС в возрасте от 4 до 12 лет. Выборка состояла преимущественно из мальчиков. Тяжесть РАС у участников исследования описывалась как легкая (у 2), умеренная (у 3) или тяжелая (у 10) согласно Диагностическому и статистическому руководству по психическому здоровью 4-го пересмотра (DSM-IV) [9]. В других случаях диагнозы РАС устанавливались педиатром [10], с помощью шкалы оценки аутизма Гиллиама (GARS) [11] или системы оценки степени тяжести нарушений Топекской ассоциации для умственно отсталых граждан (TARC) [12]. У всех участников исследования отмечались одна или несколько социальных, поведенческих или моторных задержек по сравнению с возрастной нормой. Больные представляли различные культуральные группы, включая тайваньцев, канадцев, американцев, индийцев, нидерландцев и иранцев. S. Sabet и Z.C.H. Abadi [11], а также и M. D'Amico и C. Lalonde [13] сообщили, что включенные в исследование участники имели средний социально-экономический статус.

Применявшиеся терапевтические вмешательства описаны в таблице 1. Вмешательства осуществлялись либо в группе, либо индивидуально (сеанс с одним ребенком). Терапию проводило лицо, осуществлявшее данное исследование [10, 11] либо арт-терапевт(ы) [9, 12, 13, 14, 15]. В каждом из исследований использовался метод арт-терапии, специфичный для его программы и потребностей участников.

Таблица 1

Характеристика вмешательств

Исследование	Вид вмешательства	Метод проведения	Способ проведения	Продолжительность	Частота	Интенсивность (мин.)
Chou W.-C. et al., 2016 [10]	Творческие виды искусства с использованием тематических сессий – мультимодальность	Исследователи (×2)	Индивидуальный	НС	17 сессий	60
D'Amico M., Lalonde C., 2017 [13]	Мультимодальность – рисование, изготовление масок, составление интеллектуальных карт, работа с бумагой, использование зеркал для отражения мимики, строительство башен	Арт-терапевт (×2)	Групповой	21 неделя	1 раз в неделю	75
Ерр К.М., 2008 [14]	Арт-терапия для развития социальных навыков – рисование	Арт-терапевт	Групповой	9 месяцев	1 раз в неделю	60
Коо J., Thomas E., 2019 [9]	Абстрактное искусство – рисунок, живопись, лепка из глины или пластилина, рукоделие или коллаж	Арт-терапевт (ведущий исследователь)	Индивидуальный	10 недель	8 сессий	30
Schleien S.J. et al., 1995 [12]	Занятия по развитию мелкой моторики	Музейный арт-терапевт	Групповой	7 месяцев	1 раз в месяц	120

Schweizer C. et al., 2020 [15]	Самостоятельная мультимодальная терапия	Арт-терапевт	Индивидуальный	15 недель + 1 неделя последующего наблюдения	1 раз в неделю	45
Sabet S., Abadi Z.C.H., 2021 [11]	Терапия живописью	Ведущий исследователь	Индивидуальный	6 недель	3 раза в неделю	40

НС – не сообщается

W.-C. Chou и соавт. [10], M. D'Amico и C. Lalonde [13], J. Кoo и E. Thomas [9] представили различные мультимодальные арт-терапевтические вмешательства с использованием таких их форм, как рисование, изготовление масок, составление интеллект-карт (mind mapping), работа с бумагой, строительство башен, живопись, лепка из глины, пластилина, рукоделие и/или коллаж. В этих мультимодальных вмешательствах использовались тематические сессии [10] и практиковалась мимическая экспрессия с использованием зеркал [13]. Социальные навыки развивались в процессе группового рисования [14], группового оперирования ресурсами для воссоздания произведений искусства, увиденных в музее [12], и индивидуального рисования [11]. C. Schweizer и соавт. [15] представили самоуправляемую мультимодальную терапию, в рамках которой участники сами выбирали, что хотят создать в качестве своего вмешательства. Продолжительность вмешательств варьировалась от 6 недель [11] до 9 месяцев [14]. В одном исследовании было осуществлено последующее наблюдение [15]. Частота вмешательств составляла один раз в неделю [13, 14, 15], три раза в неделю [11] один раз в месяц [12] или не указывалась [9, 10]. Интенсивность вмешательств находилась в диапазоне от 30 до 120 минут, в среднем, составляла 61 минуту.

Таким образом, во всех семи исследованиях подробно описаны гетерогенные характеристики арт-терапевтических вмешательств с точки зрения их проведения, продолжительности, частоты и интенсивности (таблица 1). Вмешательства проводились обученными арт-терапевтами [9, 12, 13, 14, 15] или исследователями [10, 11]. Продолжительность, частота и интенсивность вмешательств варьировались от 6 недель [11] до 9 месяцев [14]; от одного раза в месяц [12] до трех раз в неделю [11]; и от 30 мин. [9] до 120 мин. [15] соответственно. Исследователи разрабатывали протоколы АТ для собственных исследований, что увеличивало их вариативность, поскольку, в связи с развивающимся характером исследований в области АТ, для неё в настоящее время не существуют руководства или стандартизации [16].

В четырех исследованиях АТ проводилась в индивидуальной форме [9, 10, 11, 15], а в трех исследованиях – в групповой [12, 13, 14]. Польза от воздействия АТ индивидуально или в групповом формате не может быть определена из-за множества неоднородных аспектов вмешательства. Проведение арт-терапевтического вмешательства в групповой форме, вероятно, способствует социальному взаимодействию, а также развитию социальных и поведенческих навыков, поскольку работа в группе требует терпения, общения, эмпатии и понимания различных точек зрения [13, 14]. Дети охотнее участвуют в арт-терапии, поскольку она доставляет им удовольствие, способствует инклюзивности и созданию безопасной среды для изучения взаимоотношений [14]. Групповая арт-терапия, предоставляя детям среду, где они, самовыражаясь, чувствуют себя комфортно, способствует социальному взаимодействию. Групповые тренинги социальных навыков продемонстрировали улучшение социальных умений у детей и подростков с РАС [17].

В анализируемых исследованиях наблюдалась также неоднородность типов арт-терапии. В каждой стране существует свое понимание искусства,

соответствующее местному контексту, что еще больше способствует разнообразию описываемых в литературе методов арт-терапии. Стандартизация протоколов вмешательства в рамках арт-терапии может обеспечить улучшение результатов её проведения у детей и подростков с РАС. Однако, из-за индивидуальных потребностей детей и подростков с РАС, вероятно, необходима гибкость протокола вмешательств [8].

Механизм действия АТ остаётся в значительной степени неизвестным, однако можно предположить, что улучшение двигательных навыков происходит за счет использования мелкой и крупной моторики в рамках АТ-деятельности [8]. Продемонстрировано, что двигательные функции и их контролирование могут быть улучшены с помощью АТ благодаря функциональной реорганизации нейронных сетей у взрослых с болезнью Паркинсона [18].

В рассматриваемых исследованиях использовались восемь различных инструментов измерения и два метода наблюдения. С помощью данных инструментов и методов наблюдения изучались один или несколько социальных, поведенческих и моторных проявлений, описанных в таблице 2. Между инструментами измерения и соответствующими им показателями результатов существовали различные подкатегории. При методе наблюдения, предложенном W.-C. Chou и соавт. [10], анализировались вербальная коммуникация и зрительный контакт, тогда как в исследовании S.J. Schleien и соавт. [12] анализировались социальные взаимодействия и эмоциональная регуляция. Также измерявшимися социальными показателями были самоконтроль [13. 14], навыки межличностного общения [9, 10], социальное поведение [9. 15], навыки преодоления трудностей [10] и ответственность [13]. M. D'Amico и C. Lalonde [13], K.M. Ерр [14] измеряли такие аспекты поведения, как гиперактивность/невнимательность, самоутверждение, сотрудничество, интернализация и экстернализация. Из других показателей, характеризующих

поведение, оценивались гибкость (способность адаптироваться к изменениям) и чувство собственного достоинства [12, 15]. J. Кoo и E. Thomas [9] измеряли моторные показатели, а S. Sabet и Z.C.H. Abadi [11] оценивали специфические двигательные функции, включая крупную моторику, мелкую моторику, равновесие и гибкость.

Таблица 2
Результаты вмешательств

Исследование	Социальные	Поведенческие	Моторные
Chou W.-C. et al., 2016 [10]	↑ (+) [наблюдение, VABS]		
D'Amico M., Lalonde C., 2017 [13]	↑ (+) [SSIS-RS – варианты для учащихся и родителей]	↓ (+) [SSIS-RS – варианты для учащихся и родителей]	
Epp K.M., 2008 [14]	↑ (+) [SSRS]	↓ (+) * [SSRS]	
Koo J., Thomas E., 2019 [9]	↑ (+) * [CARS]		↑ (+) [CARS]
Schleien S.J. et al., 1995 [12]	↑ (+) [наблюдение]	↑ (+) [наблюдение]	
Schweizer C. et al., 2020 [15]	↑ (+) [OAT-A, CSBQ]	↑ (+) [OAT-A, CSBQ, BRIEF]	
Sabet S., Abadi Z.C.H., 2021 [11]			↑ (+) * [Тест двигательных навыков Линкольна-Озерского]

Обозначения результатов: ↑ – положительная тенденция; ↓ – отрицательная тенденция; (+) – положительное изменение/улучшение; * – статистически значимо ($p < 0,05$).

Инструмент измерения результатов: VABS – Шкала адаптивного поведения Вайнленда; SSIS-RS – Рейтинговые шкалы системы улучшения социальных навыков; SSRS – Система оценки социальных навыков; CARS – Шкала оценки детского аутизма; OAT-A – Наблюдение в арт-терапии ребенка с диагнозом РАС; CSBQ – Детский опросник социального поведения; BRIEF – Опросник оценки поведения, связанного с исполнительными функциями.

В целом, отмечается положительная тенденция улучшения социальных, поведенческих и двигательных навыков у детей и подростков с РАС благодаря АТ. Хотя все методы показали положительные тенденции к улучшению

изучаемых показателей, лишь немногие результаты были статистически значимыми.

В шести исследованиях использовались различные инструменты измерения для оценки эффективности АТ в отношении социальных навыков. В пяти из этих исследований вмешательства привели к положительному изменению социальных навыков, но данные улучшения не были статистически значимыми. Улучшение было отмечено по результатам наблюдения за зрительным контактом [10], вербальной коммуникацией [10] и социальным взаимодействием [12]. Шкала адаптивного поведения Вайнленда (VABS) [10] и Рейтинговые шкалы системы улучшения социальных навыков (SSIS-RS) для родителей и учащихся [13] показали улучшение вербальной коммуникации. Показатели SSIS-RS [13] и Системы оценки социальных навыков (SSRS) [14] продемонстрировали улучшение самоконтроля. W.-C. Chou и соавт. [10] сообщили об улучшении межличностных отношений по результатам применения VABS. J. Koo и E. Thomas [9] отметили статистически значимое улучшение социальных навыков с помощью Шкалы оценки детского аутизма (CARS), в частности, в поддоменах коммуникации, межличностных отношений и социального поведения. C. Schweizer и соавт. [15] для оценки социального взаимодействия использовали Детский опросник социального поведения (CSBQ), а для оценки социального поведения – Наблюдение в арт-терапии ребенка с диагнозом РАС (OAT-A), и результаты обоих исследований продемонстрировали положительную динамику соответствующих навыков. Также были измерены другие поддомены социальных навыков, такие как положительное изменение навыков преодоления трудностей (VABS) [10] и положительное изменение ответственности (SSIS-RS, форма для родителей и учащихся) [13].

Из семи исследований четыре сообщили о поведенческих эффектах арт-терапии. Опросники SSIS-RS, заполняемые родителями и учащимися [13], и SSRS [14] показали как положительное снижение, так и положительное увеличение поведенческих показателей, в зависимости от измеряемого субдомана. Было отмечено статистически значимое положительное снижение показателя гиперактивности/невнимательности при использовании опросника SSIS-RS как для учащихся, так и для родителей; также отмечено статистически значимое улучшение уверенности в себе при применении опросника для родителей [13]. Опросник SSIS-RS для учащихся и родителей продемонстрировал увеличение уверенности в себе и сотрудничества, положительное снижение экстернализирующего поведения и усиление интернализирующего поведения [13]. Опросник SSRS показал статистически значимое увеличение уверенности в себе и статистически значимое положительное снижение интернализирующего поведения и гиперактивности / невнимательности [14]. К.М. Епп [14] обнаружено положительное увеличение сотрудничества и положительное снижение экстернализирующего поведения. S.J. Schleien и соавт. [12], а также С. Schweizer и соавт. [15] отмечено улучшение поведенческих показателей гибкости и самооощущения (sense of self) при использовании наблюдения [12], ОАТ-А, CSBQ и Опросника оценки поведения, связанного с исполнительными функциями (BRIEF) [15].

Только в двух исследованиях количественно оценивалось влияние АТ на двигательные навыки. Исследование, в котором измерялись изменения двигательных навыков, было проведено S. Sabet и Z.C.H. Abadi [11], хотя J. Коо и E. Thomas [9] тоже кратко представили данные о двигательных изменениях. S. Sabet и Z.C.H. Abadi [11] обнаружили статистически значимое улучшение в субдоменах двигательных навыков, таких как мелкая моторика, равновесие и гибкость, с использованием Теста двигательных навыков Линкольна-

Озерецкого. В целом, наблюдалось статистически значимое положительное улучшение двигательных навыков, однако не оценивалась крупная моторика [11]. Хотя статистически значимых результатов получено не было, J. Коо и E. Thomas [9] обнаружили положительное улучшение двигательных навыков на основе использования CARS.

Таким образом, в шести исследованиях были использованы восемь различных инструментов измерения результатов и два метода наблюдения, которые анализировали три широкие категории результатов: социальные, поведенческие и моторные симптомы. Несмотря на неоднородность, все проанализированные показатели результатов демонстрировали положительную тенденцию к улучшению симптомов РАС. Полученные данные подчеркивают отсутствие стандартного инструмента измерения симптомов РАС из-за вариабельности проявления и тяжести симптомов у отдельных лиц [8].

Социальные изменения показали положительную тенденцию к улучшению социальных навыков в восьми поддоменах во всех исследованиях, причем, два из них были статистически значимыми [9]. Поведенческие навыки, измеренные в каждом исследовании, показали положительную тенденцию к улучшению в восьми поддоменах, причем, два из них были статистически значимыми [13, 14], в зависимости от используемого в исследованиях инструмента измерения результатов. Один инструмент измерения показал отрицательную статистически значимую тенденцию для одного поведенческого поддомена [13]. Были измерены четыре поддомена результатов двигательных навыков, три из которых признаны статистически значимыми, а один – нет [11]. Может быть целесообразной стандартизация оценок арт-терапии для каждого результата, поскольку описанные в этом обзоре инструменты измерения анализировали разные поддомены для каждого соответствующего результата [8]. Тем не менее,

эффективность арт-терапии для детей и подростков очевидна по всем трем видам результатов.

Независимо от характеристик вмешательств, следует отметить, что все исследования этого обзора сообщили о положительной тенденции к снижению симптомов РАС. Абстрактная арт-терапия, проводившаяся индивидуально арт-терапевтом, показала статистическую значимость для двух социальных результатов [9]. С другой стороны, были отмечены три статистически значимых поведенческих результата, когда рисование и мультимодальное создание произведений искусства проводились в группе арт-терапевтом [13, 14]. Интенсивность и общее количество сессий не влияли на результаты исследований, которые показали статистическую значимость. Например, J. Коо и E. Thomas [9] провели восемь 30-минутных сессий в течение 10 недель, M. D'Amico и C. Lalonde [13] – двадцать одну 75-минутную сессию в течение 21 недели, а S. Sabet и Z.C.H. Abadi [11] – восемнадцать 40-минутных сессий в течение 6 недель. В то же время, величина эффекта указана не была, и неоднородность вмешательств затрудняет сравнение эффектов отдельных характеристик данных вмешательств на симптомы РАС. Тип вмешательства, наряду с его интенсивностью, способом и проведением, по-видимому, не оказывал заметного влияния на эффективность АТ при РАС в исследованиях, проанализированных в этом обзоре.

Приведенные результаты сопоставимы с предыдущими исследованиями эффективности АТ у различных групп населения. Было показано, что АТ уменьшает эмоционально-поведенческие нарушения, тревожность, улучшает самооценку и навыки решения проблем у детей школьного возраста [6]. Имеющиеся данные также свидетельствуют о том, что АТ может помочь облегчить симптомы тревоги и депрессии, когнитивные нарушения, связанные со старением, боль, а также симптомы и качество жизни при болезни

Альцгеймера, и может уменьшить негативные симптомы у пациентов с шизофренией [15].

Следует также отметить, что характеристики участников были схожи в разных рассматриваемых исследованиях, однако существуют некоторые ограничения для перенесения полученных результатов на всех детей и подростков с РАС. Обследуемые были в возрасте от 4 до 12 лет, и большинство (если это указывалось) – мужского пола. Гендерная разница согласуется с тем, что распространенность РАС выше среди мужчин, чем среди женщин, примерно в соотношении 2:1-4:1 [19].

РАС проявляется у женщин иными симптомами, такими как повышенный риск тревожности и депрессии, более выраженная способность перенимать навыки и манеры поведения окружающих, а также усваивать общественное мнение, что приводит к неправильной диагностике состояния пациентов медицинскими работниками [19]. Различия в проявлении симптомов в зависимости от пола ставят вопрос о необходимости адаптации АТ с учетом гендерных различий. Кроме того, АТ, возможно, потребует адаптации с учетом тяжести симптомов, поскольку дети и подростки были исключены из соответствующих исследований, если их диагнозы считались слишком тяжелыми, например, при наличии выраженных эмоциональных/поведенческих изменений [13], агрессии [13. 14] или других сопутствующих заболеваний [11]. Также дети и подростки исключались при наличии сопротивления или страха перед занятиями искусством [15], что приводит к неопределенности относительно того, будут ли данные результаты одинаковы в указанных группах населения.

В этот обзор были включены исследования из разных стран и различных групп населения. Результаты показали положительную тенденцию в эффективности АТ в снижении симптомов РАС во всех работах, независимо от

страны, в которой проводилось исследование. Распространенность РАС колеблется от 0,02% до 3,66% в различных группах населения, причем, более высокая распространенность наблюдается в странах, где повысилась осведомленность о РАС и их понимание, улучшились диагностические критерии и инструменты скрининга, а также культуральная вариативность поведения детей и подростков [20].

Заключение

В целом, исследования продемонстрировали положительный эффект арт-терапии в отношении редуцирования социальных, поведенческих и двигательных симптомов РАС. В то же время, сравнение проведенных исследований ограничивалось различиями диагностических критериев в разных странах, а также тем, что более чем в половине исследований не были предоставлены конкретные сведения о диагностических критериях. Методологические проблемы доказательной базы включали также малые размеры выборок и недостаточную статистическую достоверность. Кроме того, наблюдались большая вариативность протоколов вмешательств в разных исследованиях и существенные различия в измерении и представлении результатов. Следует сделать вывод о том, что доказательная база для АТ при РАС может быть дополнительно укреплена более надежными исследованиями.

Литература/ References:

1. De Filippis M., Wagner K.D. Treatment of autism spectrum disorder in children and adolescents. *Psychopharmacology Bulletin*. 2016; 46(2): 18-41.
2. Brondino N., Fusar-Poli L., Rocchetti M., Provenzani U., Barale F., Politi P. Complementary and alternative therapies for autism spectrum disorder. *Evidence Based Complementary and Alternative Medicine*. 2015; 2015: 1-31.

3. Hyman S.L., Levy S.E., Myers S.M. Identification, evaluation, and management of children with autism spectrum disorder. *Pediatrics*. 2020; 145(1): e20193447.
4. Braito I., Rudd T., Buyuktasgin D., Ahmed M., Glancy C., Mulligan A. Review: Systematic review of effectiveness of art psychotherapy in children with mental health disorders. *Irish Journal of Medical Science*. 2022; 191(3): 1369-1383.
5. Annous N., Al-Hroub A., El Zein F. A systematic review of empirical evidence on Art therapy with traumatized refugee children and youth. *Frontiers in Psychology*. 2022; 13: 811515.
6. Moula Z. A systematic review of the effectiveness of art therapy delivered in school-based settings to children aged 5-12 years. *International Journal of art Therapy*. 2020; 25(2): 88-99.
7. Bernier A. E., Li C.-Y. Art interventions in autism: Applications for OTs – A scoping review. *The American Journal of Occupational Therapy*. 2021; 75(S2): 7512515298–p1.
8. Vogel S.W., Mullins K.L., Kumar S. Art therapy for children and adolescents with autism: a systematic review. *International Journal of Art Therapy*. 2025; 30(2): 113-122.
9. Koo J., Thomas E. Art therapy for children with autism spectrum disorder in India. *Art Therapy*. 2019; 36(4), 209-214.
10. Chou W.-C., Lee G. T., Feng H. Use of a behavioral art program to improve social skills of two children with autism spectrum disorders. *Education and Training in Autism and Developmental Disabilities*. 2016; 51(2): 195-210.
11. Sabet S., Abadi Z.C.H. The effect of art therapy on motor skills of children with autism. *International Journal of Applied Behavioural Sciences*. 2021; 8(4): 27-34.

12. Schleien S.J., Mustonen T., Rynders J.E. Participation of children with autism and nondisabled peers in a cooperatively structured community art program. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 1995; 25(4): 397-413.
13. D'Amico M., Lalonde C. The effectiveness of art therapy for teaching social skills to children With autism spectrum disorder. *Art Therapy*. 2017; 34 (4): 176-182.
14. Epp K.M. Outcome-based evaluation of a social skills program using Art therapy and group therapy for children on the autism spectrum. *Children & Schools*. 2008; 30(1): 27-36.
15. Schweizer C., Knorth E.J., van Yperen T.A., Spreen M. Evaluation of 'images of self,' an art therapy program for children diagnosed with autism spectrum disorders (ASD). *Children and Youth Services Review*. 2020; 116: 105207.
16. Hu J., Zhang J., Hu L., Yu H., Xu J. Art therapy: A complementary treatment for mental disorders. *Frontiers in Psychology*. 2021; 12: 686005.
17. Gates J.A., Kang E., Lerner M.D. Efficacy of group social skills interventions for youth with autism spectrum disorder: A systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. 2017; 52: 164-181.
18. Ettinger T., Berberian M., Acosta I., Cucca A., Feigin A., Genovese D., Polen T., Rieders J., Kilachand R., Gomez C., Kaimal G., Biagionin M., Rocco A., Ghilardi F., Rizzo J.-R. Art therapy as a comprehensive complementary treatment for Parkinson's disease. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2023; 17: 1-14.
19. Halladay A.K., Bishop S., Constantino J.N., Daniels A.M., Koenig K., Palmer K., Messinger D., Pelphrey K., Sanders S.J., Singe A.T., Taylor J.L., Szatmari P. Sex and gender differences in autism spectrum disorder: Summarizing evidence gaps and identifying emerging areas of priority. *Molecular Autism*. 2015; 6(1): 36.
20. Salari N., Rasoulpoor S., Rasoulpoor S., Shohaimi, S., Jafarpour, S., Abdoli, N., Khaledi-Paveh, B., Mohammadi M. The global prevalence of autism spectrum

disorder: A comprehensive systematic review and meta-analysis. Italian Journal of Pediatrics. 2022; 48(1): 1-112.

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО РАБОТЫ С ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ГОРЕМ

Уорлдолл Б.

*сертифицированный и зарегистрированный арт-терапевт и художник,
преподаватель Университета Ла Троб (г. Мельбурн, Австралия)*

Аннотация. Изменения климата и исчезновение видов является причиной переживания экологического горя. В статье рассматриваются потенциальные преимущества арт-терапии в этом контексте. К ним относятся: снижение риска тяжелых последствий горевания и одиночества посредством формирования терапевтических отношений; удерживание и экстернализация сложных переживаний; регулирование эмоциональных процессов; расширение возможностей для творческого взаимодействия. Консультирование по вопросам горя в настоящее время является одной из психотерапевтических специализаций, которая будет развиваться в ближайшей исторической перспективе. Культура коренных народов обеспечивает более глубокое понимание многовидовых взаимозависимостей и будет играть центральную роль в формировании адекватных ответов на экологическое горе, помогая создать терапевтические сообщества для исцеления от экологического горя.

Ключевые слова: арт-терапия, экологическое горе, горевание, культура коренных народов

ART THERAPY AS A MEANS OF WORKING WITH ECOLOGICAL GRIEF

Wharldall B.

*Certified and registered art therapist and artist, lecturer at La Trobe
University (Melbourne, Australia)*

Abstract. Witnessing the devastating impacts of climate change and species loss has left many of us grappling with inexpressible grief for our more-than-human world. The importance of creating therapeutic environments to facilitate ecological grieving is greater than ever. This article examines the potential benefits of art therapy in this context. These include: reducing the risk of disenfranchised grief through connection; containing and externalizing complexity; providing regulation; and empowering participants to continue engagement. Grief counseling frameworks offer solid foundations for future directions. However, First Nations perspectives provide richer understandings of our multispecies interdependencies, and will be central to forging collective and localized responses to ecological grief that build communities of healing.

Keywords: art therapy, ecological grief, grieving, indigenous cultures

Введение

Экологические кризисы Земли с каждым днем становятся все более серьезными. Низменные острова в Тихом океане погружаются в воду. На Большом Барьерном рифе повышение температуры моря превращает некогда процветавшие симбиотические колонии кораллов в бесплодные кладбища. В Арктике более высокие температуры грозят растопить ледяной покров, который веками удерживал сотни миллиардов тонн углерода. Как пишет Элизабет Колберт [21], теперь мы живем в «мире ран». Для некоторых людей эти раны очень болезненны; для других они легче переносимы, хотя экологическое горе будет, по-видимому, только усиливаться. Похоже, что для многих переживание отчаяния, страха и безнадежности, связанные с экологическими проблемами, стало характерными приметами нашего времени.

Термин «экологическое горе определяется как «горе, испытываемое в связи с пережитыми или ожидаемыми экологическими потерями, включая потерю видов, экосистем и значимых ландшафтов из-за острых или хронических

изменений окружающей среды» [8, р. 275]. Хотя это все еще новая концепция, предоставляются убедительные описания того, как экологическое горе влияет на жизнь людей [7, 8, 32], и показывают, как лучшее понимание причин и проявлений экологического горя может помочь уменьшить человеческие страдания. Многочисленные исследования показали, что последствия изменений климата для психического здоровья весьма серьезны и могут быть связаны с посттравматическим стрессовым расстройством, депрессией, тревогой и даже психотическими симптомами [9].

Однако экологическое горе определяется не только болью, отчаянием или психопатологией. Это динамический процесс, в котором мы активно перестраиваем себя и наш мир в свете утраты [30]. Переживание экологического горя может быть преобразующим и выглядит по-разному в зависимости от культуры и конкретного человека [8]. Горевание также может быть политическим актом, который бросает вызов системам эксплуатации и колонизации [5]. Цель этой статьи — показать, как арт-терапия может помочь людям и культурам в процессе переживания экологического горя и тем самым создавать устойчивые терапевтические сообщества, пока не стало слишком поздно.

Должны ли мы скорбить?

В нашем глобализованном мире мы постоянно сталкиваемся с шокирующими примерами экологических катастроф, которые связаны с изменениями климата. По мере их распространения люди все чаще переживают экологическое горе. Распространение экологического неблагополучия затронуло в том числе людей в промышленно развитых странах с высоким уровнем дохода. Рэндалл [31] заметила, что в британских СМИ негативные последствия изменений климата часто изображаются либо как ужасающие реалии далекого будущего, либо их вовсе замалчивают. Оба подхода, утверждает автор, являются

защитным механизмом, не позволяющим конфронтировать с экологическими потерями и горевать. Оба подхода рассматривают экологическую скорбь как «ящик Пандоры», который лучше не открывать. Однако этот менталитет игнорирует вполне реальный опыт сообществ, уже пострадавших от экологических утрат, а также не признает необходимость индивидуального и коллективного горевания.

Хотя очень болезненно признавать колоссальный масштаб потерь, их отрицание близоруко и разрушительно для нашего собственного благополучия и окружающего мира [4, 31]. По словам Ван Доорена и Роуза, «мы не скорбим, чтобы избежать сложных чувств и ответственности в связи с экологическими утратами» [40, p. 376].

Так зачем же нам скорбить? На этот вопрос есть много ответов, но я решила обратиться к Донне Харауэй, которая была одной из первых, кто выделил функцию траура на стыке экологии, активизма и искусства. Ее слова впервые привлекли мое внимание к этой теме почти десять лет назад. Она пишет: «Один из способов жить и умереть хорошо в Хтулucene — это объединить усилия для воссоздания убежищ для жизни, сделать возможным хотя бы частичное, но надежное биологически-культурно-политико-технологическое восстановление и рекомпозицию, что должно включать в себя скорбь о необратимых потерях. ... Потерь уже очень много, и их будет еще больше» [17, p. 159].

Имеются весомые доказательства того, что шестое массовое вымирание видов уже началось, поэтому перед нами встают неотложные вопросы о том, как мы справляемся с переживанием скорби, траура и трансформации в глобальном масштабе, и как нам оплакивать необратимые потери. Нам необходимо преодолеть мифы о бессмертии, чтобы выжить и адаптироваться к новой реальности. Арт-терапия может стать хорошей отправной точкой для рассмотрения этих вопросов — как на индивидуальном, так и коллективном

уровне. Она также может помочь облегчить часть боли, связанной с переживанием экологического горя.

Понимание экологического горя: параллели и отличия от обычного горя

Современная литература о горе, связанном с потерей любимого человека, хорошо известна и основана на десятилетиях работы таких авторов, как Фрейд [13], Кюблер-Росс [22] и Неймейер [29]. Только недавно концепции горя были распространены на потери, связанные жизненной средой, миром природы. Экологическое горе отличается от других типов эмоционального дистресса, связанного с экологическими проблемами, тем, что оно более точно понимается через контекст утраты [7, 32]. Многие потери, связанные с экологией, основаны на привязанности [7]. Как и обычное горе, многие типы потерь могут привести к экологическому горю. Существуют конечные потери, такие как отчетливая и необратимая потеря ландшафтов, видов и экосистем, вследствие воздействия климатических изменений и иных факторов, касающихся человеческой деятельности. Те, кто сталкивается с этими потерями, признают их сходство с обычным горем, связанным с утратами [7].

Неконечные потери часто менее ощутимыми, чем конечные потери. К конечным потерям относятся потеря надежды, контроля или безопасности, затрагивают представления о будущем, находящимся под угрозой [7]. Неконечная потеря происходит, когда ценные объекты и места разрушаются или изменяются безвозвратно из-за воздействия климата, что приводит к потере личной или культурной идентичности, или чувства принадлежности [6]. Учитывая масштабы разворачивающихся изменений климата, экологическое горе также может раскрыть новое понимание «неоднозначной потери» или потери, которая продолжается без ответов или завершения и приводит к

ощущению замороженности, остановки или застревания в процессе горя, жизни как с присутствием, так и с отсутствием того, что было утрачено [8, p. 279].

Отсутствие признания со стороны других часто сопровождается неконечные потери и может привести к бесправному горю [18]. Климатические потери имеют к этому непосредственное отношение, поскольку характеризуются неопределенностью климатических последствий, использованием публичных нарративов отрицания, политическим бездействием по вопросам климата, а также неравномерным распределением климатических воздействий по всему миру [4, 7, 32. 33]. Это усугубляется широко распространенной нехваткой психосоциальных ресурсов, что способствует развитию сложных форм экологического горя [32, 38].

Терапевтические подходы к горю

Хотя пока не существует конкретных терапевтических протоколов для работы с экологическим горем, мы можем порассуждать о том, как с ним работать. На примере известной модели горевания, включающей стадии, описанные Кублер-Росс [22], а также современной модели работы с утратами Неймейера и Томпсона [31] можно показать важность обретения смысла, пережитого при работе с горем в двух основных аспектах. Первый включает создание истории события смерти, в то время как второй включает повторное включение в отношения с человеком, который умер, в исцеляющей манере [31]. Неконечные потери требуют иного подхода: называя и подтверждая потерю, мы способствуем реалистичным ожиданиям и принятию случившегося, реконструкции идентичности в свете изменений, вызванных потерей [18]. Опираясь на задачи работы с горем Уильяма Уордена [43], Рэндалл [33] описал то, что должно подразумевать экологическое горевание, а именно: принятие реальности потери интеллектуально и эмоционально; проработку болезненных эмоций горя (включая отчаяние, вину, гнев, стыд, страх, печаль, дезорганизацию

и тоску); приспособление к изменившейся среде, адаптируя свои навыки и идентичность; а также нахождение сфер для реализации эмоциональной энергии [33]. Ван Доорен и Роуз [40] настаивают на важности скорби. Они предупреждают, что стремление к нормализации экологических изменений и восполнению экологических потерь, без адекватного траура может привести к своего рода «ложному движению». Требуется «проживание вымирания с серьезным отношением к нему, а не спешка в его преодолении» [40, р. 376]. В конечном счете, заниматься экологическим горем — значит «стать открытым, в личном смысле, к масштабу экологических проблем, с которыми сталкивается наше глобальное сообщество» [8, р. 279]. Арт-терапия может быть уникальным подходом для решения этой задачи.

Роль арт-терапии в работе с экологическим горем

Почувствовав себя «убитым горем и подавленным» из-за последствий климатического кризиса, Берд [2] предложил групповую программу арт-терапии, призванную помочь участникам ответить на эмоциональные и практические вопросы, возникающие из-за их беспокойства о климате. В обзоре литературы [11] показаны конкретные терапевтические факторы арт-терапии, которые могут быть учтены при работе с экологическим горем. К ним относятся удерживание (контейнирование) и экстернализация эмоциональных проблем, регулирования и расширение прав и возможностей участников терапии посредством создания произведений искусства.

Удерживание и экстернализация эмоциональных проблем

Арт-терапия помогает людям символизировать и экстернализовать опыт, который трудно выразить словами [11]. Климатические проблемы трудно обсуждать устно из-за их эмоционально «заряженности», возможного сопротивления или недооценки клиентами своей роли в решении климатических проблем [33]. Экстернализируя опыт через искусство, люди могут лучше

осознавать и трансформировать свои чувства [14]. Создание произведений искусства также способствует формированию образа будущего, саморефлексии и пониманию [11], что потенциально способствует более глубокому осознанию экологических законов и мотивирует людей к объединению и активным действиям в интересах сохранения жизненной среды. Способность интегрировать различные места и события в одном изображении также может помочь устранить «временное несоответствие», при котором длительные временные масштабы изменения климата затрудняют понимание их значения личности, природы и общества, необходимое для стимулирования действий по борьбе с экологическими угрозами [3].

Обеспечение регуляции

Арт-терапия способствует расслаблению и эмоциональной регуляции [11], что может иметь решающее значение для преодоления экологического горя. Тактильные качества изобразительных материалов в сочетании со способностью терапевта выбирать подходящие средства служат эффективными инструментами для преодоления тревожности, способствуют расслаблению, когда люди сталкиваются с экологическим горем, на что указывает отмеченными Рэндалл [33]. Работа может затрагивать кинестетический и сенсорный компоненты континуума экспрессивной терапии [19], включать рисование двумя руками с повторяющейся нейронной активацией, которая может предотвратить дистресс при рассмотрении таких проблем, как коллапс окружающей среды и исчезновение видов. Кроме того, невербальная природа арт-терапии позволяет людям сталкиваться с такими эмоционально «заряженными» темами, не приводя к повторному переживанию травмы [15]. Цель эмоционального регулирования через искусство заключается не в том, чтобы полностью «облегчить» процесс горя, а в том, чтобы удерживать участников в пределах их окна толерантности [35] и, тем самым, позволить им продолжать взаимодействие со сложным

материалом. Кроме того, совместный опыт создания искусства в рамках групповой арт-терапии также способствует чувству безопасности и способствует гармонизации отношений [25], защищает от бесправного горя, позволяя участникам нормализовать свои реакции на экологические потери.

Расширение прав и возможностей через создание искусства

Арт-терапия открывает возможности для переживания большей уверенности в своих силах [11] и готовности к действиям [16], позволяет преодолеть чувство беспомощности в ситуации экологического неблагополучия [8]. Дети, пережившие климатические катастрофы, используют арт-терапию, чтобы ощутить безопасность и контроль, визуально «восстанавливая» свои разрушенные дома и используя искусства, чтобы реализовать новые способы совладания с обстоятельствами [24]. Финн называет арт-терапию «идеальным терапевтическим средством» для работы с детьми с утратами, поскольку позволяет использовать символические действия и ритуалы [12], которые являются важными компонентами консультирования по поводу горя. Онкологические больные также сталкиваются с горем, связанным с диагнозом и прогнозом [42], которые поразительно похожи на те, которые связаны с экологическим горем. Неуверенность в будущем, потеря контроля над жизненными обстоятельствами характеризуют обе эти ситуации. Все это требует дальнейшего исследования, учитывая успех арт-терапии в повышении личной силы, автономии и чувства контроля для этих групп клиентов.

Возможные вмешательства

Существует широкий спектр занятий, основанных на искусстве, которые могли бы помочь участникам осознать экологические потери, наладить связь с другими и самостоятельно регулировать сложные эмоции. Групповые и общинные практики [2], могут быть особенно эффективными для облегчения процесса горевания, учитывая важность пребывания с другими в трауре [40].

Структурированные группы могут помочь сосредоточиться на выявлении, обозначении и изучении последствий экологических потерь.

Группы могут быть рассчитаны на одно занятие или работать в течение многих недель, опираясь на принципы и технологии, разработанные для работы с гореванием, согласно модели групповой работы «Смысл потери» Неймейера и др. [30]. Другим вариантов работы могут быть аналитические группы, предназначенные для работы с экологическими проблемами, рассматриваемыми в локальном или глобальном масштабе [33], что может привести к созданию совместных произведений искусства, публичных инсталляций или выставок. В качестве альтернативы может быть предложен подход открытой студии [25] с темой экологического горя, что также может быть весьма успешным вариантов работы, позволяющим участникам преодолевать горе в своем собственном темпе.

Группы могут собираться на открытом воздухе, в культурно значимых местах или в определенное время, например, при смене времен года или после крупных экологических потерь или коллективных мероприятий. Группы могут использовать художественное творчество, чтобы отреагировать на такие книги, как «Шестое вымирание» [20], или «Оставьте всякую надежду: эссе для мертвых» [36], а также на такие фильмы, как «Спасибо за дождь» [10], или художественные мероприятия, такие как недавняя выставка «Наша экология: к планетарной жизни» в Музее искусств Мори в Токио [26].

Целевыми группами для таких форм работы могут быть подростки, студенты университетов, взрослые и пожилые люди в соответствующих контекстах. Группы, адаптированные для определенных категорий населения, могут быть полезны в случае крупных экологических событий, влияющих на особо значимые ландшафты, виды растений, животных или человеческие сообщества. Такие группы могут быть полезны для людей, которые

иммигрировали и переживают горе из-за потерь в своих родных странах. Арт-терапевты из числа коренных народов могут захотеть проводить группы специально для такого населения, стремясь восстановить связи с культурой, страной и сообществом. Другим применением может быть проактивное использование арт-терапии для поддержки устойчивости сообществ, подвергающихся растущему риску разрушения экосистемы вследствие изменений климата [8].

Индивидуальная арт-терапия также может быть подходящей для этой цели. Она может проводиться с явным акцентом на экологическом горе, возможно, на базе местных экологических центров, где проблемы климата являются ключевыми для сообщества. Также есть очевидная возможность для участия сообщества в действиях, которые могут быть сосредоточены на создании произведений искусства, представляющих местные виды, находящиеся под угрозой или утраченные из-за изменения климата.

Общественное искусство — еще одно захватывающее направление. Примерами служат такие проекты, как *The Blacksmith's Tree* в Стратевене, или *The Mass Extinction Memorial Observatory* на побережье Дорсета в Великобритании, увековечивающие память недавно вымерших растений и животных [33]. Требуется кураторство пространств для общности, чтобы взаимодействовать с такими произведениями искусства и реагировать на них, что может вовлечь широкие слои общества, повысить эмоциональную грамотность и способствовать коллективному обсуждению экологического горя.

Практические соображения

Существует множество проблем, связанных с использованием арт-терапии для работы с экологическим горем. Важно признать, что некоторые люди все еще отрицают масштабы экологических изменений и, следовательно, не будут восприимчивы к концепции экологического горя. Из тех, кто обеспокоен

изменением климата, некоторые могут быть не готовы признать экологическое горе из-за страха перед всепоглощающим отчаянием. Как и в случае с иными видами горя, человек должен войти в процесс горевания, когда созданы подходящие условия для этого, обеспечиваются достаточная поддержка и относительная безопасность [31].

Участники должны быть заранее проинформированы о характере арт-терапии с этой направленностью. Их свободное участие должно уважаться, гарантируя, что присутствуют только те, кто желает и готов обратиться к этой потенциально триггерной теме. В ситуациях, когда предварительное информирование о характере контента может быть невозможно, например, при большем количестве публичных вмешательств, могут потребоваться триггерные предупреждения. Создание условий для постоянной терапевтической или общественной поддержки после вмешательства, например, постоянное взаимодействие с публичными произведениями искусства, связь с соответствующими общественными службами или создание новых общественных сетей, сосредоточенных на проблемах экологических изменений, может еще больше повысить безопасность участников.

Существует также риск того, что концепция экологического горя может быть неправильно использована в качестве оправдания бездействия по вопросам экологии. Хотя траур может быть преобразующим, он может привести к бездействию, если будущие потери кажутся неизбежными [4]. Чтобы противодействовать этому фактору, вмешательства должны подчеркивать важную роль коллективных действий в процессе экологического горевания, на что указывает Чао [4], а также авторы, развивающие арт-терапию социального действия [2, 37]. Это также должно включать критический анализ того, как власть и привилегированные группы продолжают влиять на представления об

экологическом горевании и роли как арт-терапевтов в работе с этим феноменом [37].

Наконец, могут быть проблемы с охватом широкой аудитории и потенциальной «проповедью обращенным», с поддержкой климатических активистов, находящихся под угрозой выгорания. Предложенные здесь вмешательства имеют потенциал для привлечения людей, которые могут не решаться участвовать в климатическом активизме из-за сильных эмоций, которые он может вызвать. Предоставляя этим людям место для доступа к поддержке и исцелению вместе с другими, мы можем мобилизовать большую часть населения для участия в акциях экологического и климатического активизма.

Признание опыта коренных народов

Необходимо признать, что после многих лет колониального насилия и лишения собственности [4, 23] общины коренных народов теперь также непропорционально сильно страдают от последствий изменения климата [6]. Поэтому точки зрения этих общин жизненно важны для всестороннего понимания экологического горя. Недавно в этнографических исследованиях появились описания практик коренных народов, использующих искусство в процессе переживания экологических потерь, хотя сами эти практики часто использовались на протяжении многих поколений. Эти практики, называемые многовидовым трауром, разработанные такими общинами, как народы маринд из сельской местности Меруаке в Западном Папуа, отражают принципы заботы об окружающей среде и родства, которые долгое время лежали в основе философии и практики коренных народов [4]. Изображение Чао [4] траурных практик народа маринд является примером того, как, проявляя эмпатию и активность в отношениях с миром природы, люди могут использовать экологические практики горевания для создания сообществ и исцеления и

приходят к более глубокому пониманию взаимозависимостей человека с природы [27]. Плетение нокенов, традиционных плетеных вручную сумок, выполняет важную функцию символического акта многовидовой скорби в ответ на вырубку лесов и ухудшение состояния окружающей среды [4]. Нокены ткнут, когда священные участки леса сносятся, или когда загрязняется речная вода. Этот процесс описывается народом маринд как процесс исцеления, который увековечивает раны, нанесенные как лесу, так и живущим в нем народам. Траур также принимает форму написания песен в память о погибших на дорогах животных. Все это – примеры преодоления и перехода к более активной позиции людей, становящихся свидетелями вымирания видов [4].

Практики живописи кланов йолгну в Арнем-Ленде, Северная Австралия, также позволяют преодолеть безразличие в рамках многовидовой концепции бирьюн, или мерцания [34]. Отражая сезонные ритмы земли, мерцание является эстетическим качеством, которое выходит за рамки искусства в повседневную жизнь. Мерцание в живописи служит визуальным выражением «экологического пульса», связанного с чередованием влажного и сухого сезонов; признанием взаимосвязи жизни и смерти в естественном мире [34]. Роуз помещает эту практику создания искусства в более широкий нарратив экологической утраты и регенерации, относящийся к покрытосеменным растениям и летучим лисам: «При этом человек осознает ужасную катастрофу, связанную с чередой массовых вымираний» [34, р. 55]. Переживание скорби не является проявлением ухода от решения проблем или капитуляции, но может рассматриваться как способ «пребывания с проблемой» [17], что может стать важной отправной точкой для коллективного социального действия, протеста и мобилизации [4].

Напротив, Мюльбахер [27] пишет, что именно отсутствие многовидовой перспективы в европоцентристских культурах препятствовало переживанию экологических потерь. Наша неспособность осознать эмоциональную

привязанность к миру природы, который превосходит человеческий, оставила нас без возможности, путей и без языка для коллективного переживания потерь [27]. Это подчеркивает критическую значимость экологического горя в европоцентристских культурах, что я достаточно ясно осознаю, учитывая мою идентичность потомка белых австралийских поселенцев-колонизаторов. Люди в европейско-американских, промышленно развитых странах с более высоким уровнем дохода должны признавать, чтить и учиться на примере давних траурных практик, характерных для общин коренных народов, чтобы разработать свои собственные методологии экологического горевания.

В то же время, необходимо обратить внимание на опасность подчинения знаний и практик коренных народов методологии западной арт-терапии [27]. Идея о том, что некоренные народы получают выгоду от этих практик, одновременно увековечивая продолжающееся экологическое насилие над теми же общинами коренных народов, вызывает серьезные этические проблемы. Несмотря на актуальность проблемы работы с экологическим горем, арт-терапевты должны действовать осторожно и рассматривать более широкий спектр перспектив. Прямое заимствование траурных практик у коренных народов и их перенос в европейско-американские культурные контексты, безусловно, был бы присвоением, что отмечают Лэнд [23] и Наполи [28]. Это присвоение можно считать особенно вопиющим, учитывая, что горе, испытываемое в европейско-американских странах, является вторичным по отношению к первичному горю, испытываемому общинами коренных народов, находящимися на переднюю экологическую катастрофу и переживающими продолжающиеся акты колонизации и геноцида [4].

Существует большая потребность в голосах коренных народов в будущих обсуждениях этой темы и в области арт-терапии в целом. Необходимо изучить совместные, деколонизирующие подходы к скорби в работе с экологическими

потерям посредством арт-терапии, способами, которые могли бы объединить как некоренные, так и коренные общины. Чао отмечает, что «траур как форма практики и сопротивления, как таковой, никоим образом не ограничивается народами в отдаленных местах, таких как Западное Папуа. Мы все должны развиваться на экологической основе, поскольку все мы пройдем путь экологического кризиса, переживая чувства боли, горя и возмущения, которое этот кризис вызывает у многих из нас» [5, р. 11].

Только после того, как будет установлен диалог, мы сможем действительно начать эту важную работу, и я хочу позиционировать эту статью как всего лишь отправную точку. Я настоятельно рекомендую всем арт-терапевтам, интересующимся этой областью, особенно тем, кто идентифицирует себя как представителя коренного народа или ему сопереживает, продолжить этот диалог. Заинтересованным читателям следует также изучить разные точки зрения на экологическое горе, представленные такими арт-терапевтами, как Талвар [37] и Арсланбеком [1], Тайнаном [39], Роуз [34] и Вивиан [41].

Заключение

Преодоление сложной территории скорби в условиях экологического кризиса создает серьезные проблемы. Экологические изменения трудно переживаются по многим причинам, в том числе потому, что их сложно охватить как единичную потерю. Они переживаются в особом временном и пространственном масштабе. В индустриальных и европоцентричных странах оплакивание этих потерь еще больше осложняется нашей онтологической антропоцентрической позицией как существ, превосходящих природу, а не находящихся с ней в равноправных отношениях. Экологические потери могут быть сложными и невыразимыми, и все же арт-терапия может предложить инструменты, которые признание экологического горя более достижимым. Как отмечает Роуз, «по крайней мере, те, кто еще не был вовлечен в водоворот

насилия над природой, призваны распознать и назвать его и противостоять ему; мы призваны быть свидетелями и предлагать определенную форму заботы» [34, р. 55].

Арт-терапия может выступать как мощный инструмент в момент нашего пребывания на пугающем историческом перекрестке не потому, что она может помочь минимизировать нашу боль (хотя она, несомненно, может помочь нам регулировать наши эмоции), а потому, что ее можно использовать для раскрытия и выражения нашего горя. Это горе необходимо для обеспечения нашего собственного благополучия и благополучия мира природы. Процесс горевания также может вызывать сопротивление, особенно с учетом экономических факторов, поскольку признание экологических потерь бросает вызов самим системам колонизации и эксплуатации, которые увековечивают разрушение окружающей среды. Приняв это горе вместе, мы имеем потенциал для выработки коллективного ответа на эту неотложную проблему, требующую перехода к этике многовидового понимания, сочувствия и сотрудничества.

Литература/ References:

1. Arslanbek A., Malhotra B., & Kaimal G. First Nations and traditional arts in art therapy: Value, meaning, and clinical implications // *The Arts in Psychotherapy*. – 2022. – Vol. 77, 101879.
2. Bird J. Social action art therapy in a time of crisis. – London: Routledge, 2022.
3. Boyle R., Hirschfeld D., & Behar D. Sea-level rise practitioner workshop report: Leading practices and current challenges. – Utah State University, 2022.
4. Chao S. Multispecies mourning: Grieving as resistance on the West Papuan plantation frontier // *Cultural Studies*. – 2023. – Vol. 37, №4. – pp. 553–579.

5. Chao S. Multispecies mourning: Grief and resistance in an age of ecological undoing [The Iain McCalman Lecture]. – Sydney Environment Institute, 2024.
6. Clayton S., Manning C. M., Krygsman K., & Speiser M. Mental health and our changing climate: Impacts, implications, and guidance. – American Psychological Association, and ecoAmerica, 2017.
7. Comtesse H., Ertl V., Hengst S. M. C., Rosner R., & Smid G. E. Ecological grief as a response to environmental change: A mental health risk or functional response? // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 18, №2. – pp.734-739.
8. Cunsolo A., & Ellis N. R. Ecological grief as a mental health response to climate change-related loss // Nature Climate Change. – 2018. – Vol. 8, №4. – pp. 275–281.
9. Cunsolo A., Harper S. L., Minor K., Hayes K., Williams K. G., & Howard C. Ecological grief and anxiety: The start of a healthy response to climate change? // The Lancet. Planetary Health. – 2020. – Vol. 4, №7. – e261–e263.
10. Dahr J., & Musya K. (Directors) Thank You for the Rain [Film]. Banyak Films and Differ Media, 2017.
11. de Witte M., Orkibi H., Zarate R., Karkou V., Sajnani N., Malhotra B., Ho R. T. H., Kaimal G., Baker F. A., & Koch S. C. From therapeutic factors to mechanisms of change in the creative arts therapies: A scoping review // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12, 678397.
12. Finn C. A. Helping students cope with loss: Incorporating art into group counselling // Journal for Specialists in Group Work. – 2003. – Vol. 28, №2. – pp.155–165.
13. Freud S. Mourning and melancholia (Standard ed., Vol. XIV). Hogarth Press, 2017.

14. Gabel A., & Robb M. (Re) considering psychological constructs: A thematic synthesis defining five therapeutic factors in group art therapy // *The Arts in Psychotherapy*. – 2017. – Vol.55. – pp. 126–135.
15. Gantt L., & Tripp T. The image comes first: Treating preverbal trauma with art therapy. In J. L. King (Ed.), *Art therapy, trauma, and neuroscience: Theoretical and practical perspectives* (pp. 67–99). – Taylor & Francis Group, 2021.
16. Haeyen S., Van Hooren S., & Hutschemaekers G. Perceived effects of art therapy in the treatment of personality disorders, cluster B/C: A qualitative study // *The Arts in Psychotherapy*. – 2015. – Vol. 45. – pp. 1–10.
17. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making kin // *Environmental Humanities*. – 2015. – Vol. 6, №1. – pp. 159–165.
18. Harris D. L., & Winokuer H. R. *Principles and practice of grief counseling* (3rd ed.). – Springer, 2019.
19. Hinz L. *Expressive therapies continuum*. – Taylor & Francis Group, 2009.
20. Kolbert E. *The sixth extinction: An unnatural history*. – Henry Holt and Company, 2014.
21. Kolbert E. (2018, October 8). How to write about a vanishing world. *The New Yorker*.
22. Kubler-Ross E. *On death and dying*. – Collier Books/Macmillan Publishing Co., 1970.
23. Land C. *Decolonizing solidarity: Dilemmas and directions for supporters of First Nations struggles*. – Zed Books, 2015.
24. Malchiodi C. *Art therapy sourcebook* (2nd ed.). – McGraw-Hill Education, 2006.
25. Moon B. L. *Art-based group therapy: Theory and practice*. – Charles C Thomas Publisher, 2010.

26. Mori Art Museum. Our ecology: Toward a planetary living [Exhibition], 2024.
27. Mühlbacher J. E. Melancholic naturally!: Impulses for cultural transformation from queer-ecological worldmaking, activism, and art in a western context // *World Futures*. – 2020. – Vol. 76, №5-7. – pp. 353–374.
28. Napoli M. Ethical contemporary art therapy: Honoring an American Indian perspective // *Art Therapy*. – 2019. – Vol. 36, №4. – pp. 175–182.
29. Neimeyer R. A. (Ed.). Meaning reconstruction & the experience of loss. – American Psychological Association, 2001.
30. Neimeyer R. A., Milman E., & Steffen E. M. The meaning in loss group: Principles, processes and procedures. In R. A. Neimeyer (Ed.), *New techniques of grief therapy: Bereavement and beyond* (pp. 26–45). – Taylor & Francis Group, 2021.
31. Neimeyer R. A., & Thompson, B. Meaning making and the art of grief therapy. In B. Thompson & R. Neimeyer (Eds.), *Grief and the expressive arts: Practices for creating meaning* (pp. 3–13). – Taylor & Francis Group, 2014.
32. Pihkala P. Toward a taxonomy of climate emotions // *Frontiers in Climate*. – 2022. – №3, 738154.
33. Randall R. Loss and climate change: The cost of parallel narratives // *Ecopsychology*. – 2009. – Vol.1, №3. – pp. 118–129.
34. Rose D. B. Shimmer: When all you love is being trashed. In A. L. Tsing, N. Bubandt, E. Gan, & H. A. Swanson (Eds.) *Arts of living on a damaged planet: Ghosts and monsters of the anthropocene* (pp. 51–63). – University of Minnesota Press, 2017.
35. Siegel D. J. *The developing mind: Toward a neurobiology of interpersonal experience*. – Guilford Press, 1999.
36. Singer H. *Abandon every hope: Essays for the dead*. – Upswell, 2023.

37. Talwar S. K. (Ed.). Art therapy for social justice: Radical intersections. – Taylor & Francis Group, 2018.
38. Tschakert P., Ellis N. R., Anderson C., Kelly A., & Obeng J. One thousand ways to experience loss: A systematic analysis of climate-related intangible harm from around the world // Global Environmental Change. – 2019. – Vol. 55. – pp. 58–72.
39. Tynan L. What is relationality? Indigenous knowledges, practices and responsibilities with kin // Cultural Geographies. – 2021. – Vol. 28. №4. – pp. 597–610.
40. Van Dooren T., & Rose D. B. Keeping faith with the dead: Mourning and de-extinction // Australian Zoologist. – 2017. – Vol. 38, №3. – pp. 375–378.
41. Vivian J. Reconciliation: A Contemplation of the role of art therapy // Canadian Art Therapy Association Journal. – 2018. – Vol. 31, №1. – pp. 43–48.
42. Wood M. J., Molassiotis A., & Payne S. What research evidence is there for the use of art therapy in the management of symptoms in adults with cancer? A systematic review // Psycho-oncology. – 2011. – Vol. 20, №2. – pp. 135–145.
43. Worden W. Grief counselling and grief therapy. – Tavistock, 1983.

**АРТ-ТЕРАПИЯ КАК КОМПОНЕНТ
РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ДЕТЕЙ
С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХОРЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ**

Федосеев М. Н.¹, Гончаренко В. А.², Гончаренко А. В.²,
Попонникова Т. В.³

¹*Кафедра психиатрии и наркологии*

²*Кафедра офтальмологии*

³*Кафедра неврологии, нейрохирургии, медицинской генетики
и медицинской реабилитации*

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Россия, г. Кемерово*

Аннотация. В статье представлен обзор современных данных научной литературы об основных подходах к применению арт-терапии в коррекции

задержки психоречевого развития, эмоциональных и поведенческих нарушениях у детей дошкольного возраста, представлены основные результаты применения методов арт-терапии в реабилитации детей с поражением центральной нервной системы и нарушением психики.

Ключевые слова: задержка психоречевого развития, арт-терапия, эмоциональные нарушения, реабилитация, дети

**ART THERAPY AS A COMPONENT
OF REHABILITATION PROGRAMS FOR CHILDREN
WITH DELAYED PSYCHORELEVATIONAL DEVELOPMENT**

Fedoseev M. N.¹, Goncharenko V. A.², Goncharenko A. V.²,
Poponnikova T. V.³

¹*Department of Psychiatry and Narcology*

²*Department of Ophthalmology*

³*Department of Neurology, Neurosurgery,
Medical Genetics, and Medical Rehabilitation*

Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article presents an overview of modern scientific literature data on the main approaches to the use of art therapy in the correction of delayed psychoverbal development, emotional and behavioral disorders in preschool children, and presents the main results of the use of art therapy methods in the rehabilitation of children with damage to the central nervous system and mental disorders.

Keywords: delayed psychomotor development, art therapy, emotional disorders, rehabilitation, children

В последнее время наблюдается увеличение числа детей с патологией центральной нервной системы, нарушениями эмоциональной сферы, коммуникации и поведения. Нарушения психоречевого развития и поведения широко распространены, часто включены в симптомокомплекс различных

неврологических заболеваний детского возраста. В дошкольном возрасте эта патология проявляется задержкой психоречевого развития (ЗПРР), включающей отставание в сравнении с нормативными показателями в любой из основных сфер: коммуникативной, когнитивной, адаптивно-поведенческой, социально-эмоциональной. Распространенность различных вариантов задержки психического развития среди детского населения составляет от 2% до 8–10% в общей структуре психических заболеваний [11]. Этиология отставания детей в психоречевом развитии неоднородна.

Выделяют первичные задержки психоречевого развития - наиболее распространенные нарушения развития церебрально-органического происхождения, в основе которых лежит влияние патогенных факторов (гипоксические, инфекционные, травматические, токсические и другие), действующих на развивающийся мозг ребёнка в перинатальном периоде или в периоде раннего детства (до 3 лет) [8, 15] а также некоторые хромосомные и генетические наследственные заболевания [14, 16], вызывающие поражение головного мозга. Вторичные ЗПРР возникают на фоне первично неповрежденного головного мозга под влиянием хронических соматических заболеваний в раннем возрасте, нарушающих процесс его функционирования.

Нередкой патологией является вторичная интеллектуальная недостаточность в связи с нарушением слуха и зрения. Особое место в структуре причин ЗПРР занимают интеллектуальные нарушения в связи с неблагоприятными условиями среды и воспитания (ранняя депривация, плохой уход за ребенком), дефицит информации с раннего детства («социокультуральная умственная отсталость»).

Объекты и методы

Проведен анализ современных данных научной литературы с использованием реферативных баз данных РИНЦ, PubMed, КиберЛенинка. В

статье рассмотрены основные диагностические признаки задержки психоречевого развития, нарушения эмоциональной сферы и поведения детей, обобщены данные о результатах применения арт-терапии в реабилитации детей с ЗППР.

Результаты и обсуждение

У детей с задержкой психоречевого развития выявляются различные клиничко-психологические синдромы. Синдром психического инфантилизма отражает незрелость эмоционально-волевой сферы и проявляется эмоциональной неустойчивостью, преобладанием игровых интересов над познавательными, отсутствием контроля своих действий и поступков.

Синдром церебральной астении проявляется нарушением интеллектуальной работоспособности в виде повышенной утомляемости, нарушения концентрации внимания, немотивированного расстройства настроения, плаксивости, повышенной чувствительности к шуму, яркому свету, пребыванию в душном помещении.

Энцефалопатические расстройства могут проявляться в виде неврозоподобного, психопатоподобного, эпилептиформного, апатико-адинамического синдромов. Предпосылки нарушений интеллектуального развития проявляются в виде недостаточности мелкой моторики рук, нарушения артикуляционной и графо-моторной координации, звукобуквенного анализа и звуковой структуры слов, зрительно-пространственных нарушений, ограниченности словарного запаса, затруднения усвоения логико-грамматических конструкций языка, нарушении зрительной, слуховой, слухоречевой памяти, трудности концентрации и распределения внимания.

Среди детей с ЗППР преобладают дошкольники с общим недоразвитием речи, у которых отмечается позднее проявление речи, скудный словарный запас, аграмматизмы, дефекты произношения и фонемообразования, недостаточная

речевая активность. Часто у таких детей отмечаются психологические особенности развития, затруднение социальной адаптации, сложности их взаимодействия с социальной средой. Речевые нарушения у детей влияют на развитие взаимоотношений ребенка с окружающими и выражаются в снижении потребности в общении, нарушении формирования способов коммуникации, речевом негативизме. У большинства детей с нарушениями речи отмечены отклонения в эмоциональных, волевых и мотивационных проявлениях [3].

В последние годы отмечена проблема нарушений ментального здоровья в виде когнитивных и эмоционально-поведенческих расстройств у детей и взрослых с различными хроническими заболеваниями, в том числе аллергическими, что оказывает влияние на эффективность проводимой терапии и качество жизни пациента и его семьи [17, 18]. Установлена ассоциация респираторных аллергических заболеваний с отдельными легкими когнитивными нарушениями, эмоциональными расстройствами (депрессия, тревога) [13, 18].

Арт-терапия - направление в психотерапии и психологической коррекции, основанное на применении искусства и творчества в терапевтических целях. Согласно международной классификации (European Consortium for Arts Therapies Education, 2005), психотерапия искусством включает четыре направления: изотерапия, драматерапия, танцевально-двигательная терапия и музыкальная терапия [4]. Арт-терапия включает разнообразные методики, использующие творческие средства для психоэмоциональной и поведенческой реабилитации. К ним относятся использование изобразительных техник (рисование, лепка, прикладное искусство и др.); библиотерапия - чтение литературных произведений; имаготерапия - работа с символическими образами, театральные и ролевые методы; музыкотерапия, вокалотерапия, кинезитерапия - применение движений, хореографии, ритмической активности

для коррекции психофизиологических расстройств. Основные функции арт-терапии включают: регулятивную (снижение психоэмоционального напряжения, нормализация психосоматических реакций, формирование благоприятного эмоционального фона); коммуникативно-рефлексивную (коррекция трудностей в общении, развитие социально адаптивного поведения, укрепление самооценки); катарсическую (освобождение от подавленных эмоций) [7]. Основными задачами арт-терапии являются улучшение когнитивных и сенсомоторных функций, повышение самооценки и самосознания, развитие эмоциональной устойчивости, содействие пониманию, улучшение социальных навыков, уменьшение и разрешение конфликтов и дистресса.

В отличие от основных направлений коррекционно-развивающей работы, в которых используются в основном вербальные каналы коммуникации, арт-терапия использует как вербальный, так и невербальные методы воздействия на ребенка: визуальные, звуковые, пластические методики. Это особенно актуально при работе с детьми с ЗПРР, которые далеко не всегда могут понять обращенную речь, а также в случае, когда ребенок не может выразить словами свои эмоции и желания [9, 10]. У таких детей при возникновении затруднения в понимании заданий, зачастую возникает тревога при попытках выполнения инструкций, появляются реакции протеста при переходе к новому действию или при работе с новыми материалами, при этом малый словарный запас или полное отсутствие речи не позволяет им описать свои чувства и объяснить свои страхи. Использование арт-терапевтических технологий переводит коммуникацию с ребенком в плоскость невербального контакта и позволяет психологу помочь ребенку восстановить его эмоциональное равновесие или устранить имеющиеся у него нарушения поведения. Таким образом, применение арт-терапии в

коррекционной работе с детьми с ЗПРР способствует расширению возможностей социальной адаптации ребенка посредством искусства [6].

На занятиях по изотерапии ребенок выражает свое эмоциональное состояние в рисунке, поэтому данный вид терапии применяется для психологической коррекции невротических и психосоматических нарушений у детей со сложностями в обучении и социальной адаптации [7]. При этом арт-терапией руководит психолог-педагог, который направляет и корректирует деятельность пациента. В реабилитации арт-терапия в основном используется при депрессии и тревоге, аутизме, деменции и когнитивных нарушениях. Восприятие искусства детьми - это комплексный психологический процесс, объединяющий познавательные и эмоциональные элементы. Участие в изобразительной деятельности стимулирует сенсорное развитие ребёнка, развивает способность различать цвета, формы, размеры, углубляет понимание многообразия оттенков, линий и их взаимосвязей [7].

В раннем детстве, включая период дошкольного возраста, у детей с ЗПРР, как и у их здоровых сверстников, активно формируются все виды познавательных процессов. Ребёнок накапливает сенсорный опыт, совершенствуется его чувственное восприятия. Действия, начавшиеся с физического контакта с объектами, постепенно переходят в мысленную плоскость. Через рисование, лепку, работу с аппликациями и другими художественными техниками дети выражают свои впечатления и личный жизненный опыт. Выполнение творческих заданий требует от ребёнка самостоятельного объединения имеющихся навыков, способности создавать оригинальные образы, использовать знания для решения нестандартных задач.

Становление высших психических функций связано с развитием сенсорно-перцептивной области и двигательных навыков. С этой целью применяются различные методики: работа с глиной и пластилином, рисунок, создание

композиций из натуральных материалов, аппликация, бумагопластика, занятия с пальчиковыми куклами, мозаика и другие практики. В ходе арт-терапии удовлетворяются эмоциональные потребности ребёнка: он получает внимание, одобрение, ощущает свою ценность и успех, что способствует снижению тревожности и повышению уверенности в себе. Психологическая защита, проявляющаяся демонстративностью, агрессивностью, негативизмом заменяется инициативностью, стремлением к самореализации и творческому эксперименту.

Изобразительный продукт представляет собой отражение индивидуальных психологических особенностей человека, его мироощущения, характера, самооценки. На построение рисунка, композицию, использование цвета влияют социальные обстоятельства, в которых развивался ребенок, его эмоциональное и физическое состояние. Таким образом, рисунок в значительной мере отражает настроение, состояние, особенности внутреннего мира ребенка с ЗПРР. Самостоятельная изобразительная деятельность сопровождается терапевтическими эффектами (психологическим, эмоциональным, релаксационным, психопрофилактическим, социально-коммуникативным и др.), поэтому арт-терапию образно называют «исцеляющим искусством». При выполнении проективного рисунка основным объектом исследования становится придуманный ребенком графический образ в соответствии с собственной индивидуальностью. Основной задачей арт-терапевтического занятия является приобретение нового опыта, применение психотерапевтических техник, освоение и использование различных материалов. В результате коррекционных занятий с применением арт-терапии у детей снижается уровень тревожности, агрессивности и конфликтности, происходит улучшение контроля своего поведения, развиваются и закрепляются навыки поведения в различных ситуациях, развивается фантазия и воображение.

Под воздействием арт-терапии у детей с ЗПРР улучшается функция внимания, активизируется мышление, формируется целенаправленная деятельность. Исследование влияния изобразительной деятельности на развитие детей с различной психоневрологической патологией (умственной отсталостью, ЗПРР, детским церебральным параличом (ДЦП), расстройствами аутистического спектра) показало, что занятия рисованием способствуют сенсорному развитию детей, дифференциации восприятия, улучшению мелких движений руки, а также обеспечивают развитие произвольного внимания, воображения, речи, коммуникации. Различные исследователи отмечают эффективность применения изобразительной деятельности для развития познавательной сферы детей с нарушением слуха, формирования и совершенствования его речи, слухозрительного восприятия [7].

Нарушения различных видов восприятия выявлены у 34-80% детей, страдающих ДЦП, в том числе зрительные расстройства – до 70%, слуховые – до 60%, кинестетические – до 78% [8]. Для развития этих функций в комплексной реабилитации детей с органической патологией головного мозга применяются методы арт-терапии. Программа по развитию мелкой моторики рук у детей дошкольного возраста с ДЦП предполагает использование арт-терапии как самостоятельного метода физической реабилитации. Работа по данной программе предусмотрена в форме творческих индивидуальных занятий с игровыми элементами. Применение различных техник, требующих точных мелких движений с различной степенью нажима кисти и пальцев, позволяет повысить степень владения кистью руки и пальцами. Комплексное использование различных средств арт-терапии при регулярных занятиях позволяет развивать мелкую моторику рук, повышает точность, координацию и контролируемость движений рук у детей с ДЦП [2].

Для того, чтобы слово-название стало словом-понятием, у ребенка необходимо выработать большое число различных условных связей, в том числе и двигательных. Разнообразный наглядный материал и изобразительная деятельность помогают улучшить понимание названий предметов, действий и признаков. Развитию мелкой моторики способствуют такие виды творчества как рисование, бумагопластика, аппликация и лепка. Это помогает учиться различать оттенки и цвета, а также понимать количество и размер, развивает память, усидчивость и внимание. Применение методов арт-терапии, позволяет сделать коррекционно-развивающий процесс творческим, интересным, приносящим положительные эмоции детям, а также улучшить мелкую моторику пальцев рук [1, 5].

Занятия любым видом творчества формируют у ребенка позитивные переживания, что благоприятно отражается на его эмоциональной сфере и улучшает поведение. Взаимодействие с педагогом-психологом во время создания изобразительного продукта способствует улучшению коммуникативных навыков и социализации. Станоева Ю.П. отмечает эффективность коррекции гиперактивного поведения дошкольников применением арт-терапии [12]. В результате проведенного курса арт-терапии у детей с ДЦП улучшилась мелкая моторика и координация движений рук, появились новые навыки в аппликации и рисовании, улучшилась функция внимания, повысилась речевая активность. У детей с расстройствами аутистического спектра и выраженными нарушениями коммуникации и поведения без двигательных нарушений снизилась тревожность, уменьшилась гипервозбудимость, улучшился эмоциональный фон, несколько улучшилась функция внимания.

Заключение

Использование различных методов арт-терапии в комплексной реабилитации детей с задержкой психоречевого развития способствует улучшению внимания, эмоций, развитию контроля поведения, навыков коммуникации, качества произвольных движений, особенно мелкой моторики рук, повышению спонтанной речевой активности. Для детей с патологией центральной нервной системы искусство является эффективным вспомогательным образовательным и реабилитационным средством, улучшающим социализацию, качество жизни пациентов и их родителей.

Литература/ References:

1. Аксенова М.В. Развитие тонких движений пальцев рук у детей с нарушением речи // Дошкольное воспитание, 2010, № 8.
2. Алексеева С.И., Модонова Д.А. Развитие мелкой моторики рук средствами арт-терапии у детей дошкольного возраста с детским церебральным параличом. / Педиатрический вестник Южного Урала 2021;(2):68–76. doi: 10.34710/Chel.2021.45.37.006
3. Грудинина Ю.С. Применение методов арт-терапии в работе с детьми дошкольного возраста / Образование и качество жизни. 2017. №2(4). С.14-16.
4. Копытин А.И., Свистовская Е.Е. Арт-терапия детей и подростков. Когито-Центр, 2007. 198 с.
5. Костюкова А.В. Использование методов арт-терапии в коррекции мелкой моторики у детей дошкольного возраста с ОВЗ / Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 186-192.
6. Лебедева, Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий / СПб: Речь.2003. - 256 с.

7. Медведева Е.А . Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании / Медведева Е.А., Левченко И.Ю., Комиссарова Л.Н., Добровольская Т.А.// М.: Издательский центр «Академия», 2001, 248 с.
8. Немкова С.А., Маслова О.И., Каркашадзе Г.А., Заваденко Н.Н., Курбатов Ю.Н. Когнитивные нарушения у детей с церебральным параличом (структура, диагностика, лечение) / Педиатрическая фармакология. 2012; 9(3): 77-84. <https://doi.org/10.15690/pf.v9i3.327>
9. Рыбакова, С.Г. Арт-терапия для детей с ЗПР / СПб : Речь.2007. - 139 с.
10. Сакович, Н.А. Креативные методы арт-терапии / СПб: Речь.2006.-172 с.
11. Скоромец А.П., Крюкова И.А., Семичова И.Л., Шумилина М.В., Фомина. Т. В. Задержки психического развития у детей и принципы их коррекции / Лечащий врач, 2011, №5.
12. Станоева Ю.П. Коррекция гиперактивного поведения детей дошкольного возраста средствами арт-терапии / Культура и время перемен. 2021. №2 (33).
13. Устинова Н.В., Каркашадзе Г.А., Намазова-Баранова Л.С. Когнитивные, эмоциональные и поведенческие нарушения у детей с респираторными аллергическими заболеваниями: причины и пути решения / Педиатрическая фармакология. 2024;21(3):226–239. doi: <https://doi.org/10.15690/pf.v21i3.2757>
14. Федосеева И.Ф., Гончаренко А.В., Гончаренко В.А., Попонникова Т.В., Пиневич О.С., Бедарева Т.Ю. Клинический случай нейрофиброматоза 1 типа, ассоциированного с редким генотипом / Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2025. Т. 125. № 6. С. 128-132

15. Федосеева И.Ф., Гончаренко А.В., Попонникова Т.В., Глебова И.В., Пиневич О.С., Гончаренко В.А. Паранеопластический опсоклонус-миоклонус-синдром / Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2024. Т. 124. № 12. С. 165-170.
16. Федосеева И.Ф., Попонникова Т.В., Галиева Г.Ю., Илясова О.В. Клинические наблюдения поздней младенческой и юношеской форм болезни Ниманна-Пика, тип С / Бюллетень сибирской медицины. 2017. Т. 16. № 3. С. 210-217.
17. Ferro M.A., Van Lieshout R.J., Scott J.G., et al. Condition-specific associations of symptoms of depression and anxiety in adolescents and young adults with asthma and food allergy. J Asthma. 2016;53(3):282–288. doi: <https://doi.org/10.3109/02770903.2015.1104694>
18. Hammer-Helmich L., Linneberg A., Obel C., et al. Mental health associations with eczema, asthma and hay fever in children: a cross-sectional survey. BMJ Open. 2016;6(10):e012637. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2016-012637>

ИСКУССТВО ИСЦЕЛЕНИЯ: РОЛЬ АРТ-ТЕРАПИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

Федосеева И. Ф.¹, Акименко Г. В.²

¹*Кафедра неврологии, нейрохирургии, медицинской генетики
и медицинской реабилитации*

²*Кафедра клинической психологии*

*ФГБОУ «Кемеровский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Россия, г. Кемерово*

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию роли арт-терапии в процессах нейрореабилитации и психоэмоционального восстановления. В статье раскрываются физиологические и психологические аспекты воздействия

искусства на центральную нервную систему. Описываются ключевые механизмы: снижение мышечного напряжения через мелкую моторику, отреагирование подавленных эмоций через символические образы и активация правого полушария, отвечающего за целостное восприятие и интуицию. Приводятся примеры практического применения арт-терапевтических техник для коррекции тревожных состояний и астении. Делается вывод о высокой значимости арт-терапии как немедикаментозного метода поддержки нервной системы.

Ключевые слова: арт-терапия, нервная система, нейрореабилитация, эмоциональное выгорание, стрессоустойчивость, сенсорная интеграция, психокоррекция.

THE ART OF HEALING: THE ROLE OF ART THERAPY IN NERVOUS SYSTEM RECOVERY

Fedoseeva I. F¹, Akimenko G. V²

*¹Department of Neurology, Neurosurgery, Medical Genetics
and Medical Rehabilitation*

*²Department of Clinical Psychology
Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russia*

Abstract. This paper explores the role of art therapy in neurorehabilitation and psychoemotional recovery. The article explores the physiological and psychological impact of art on the central nervous system. Key mechanisms are described: reduction of muscle tension through fine motor skills, the release of suppressed emotions through symbolic imagery, and activation of the right hemisphere, which is responsible for holistic perception and intuition. Examples of the practical application of art therapy techniques for the treatment of anxiety and asthenia are provided. It concludes that art therapy is highly valuable as a non-drug method of supporting the nervous system.

Keywords: art therapy, nervous system, neurorehabilitation, emotional burnout, stress resilience, sensory integration, psychotherapy.

Введение

В современном мире, где уровень стресса и психоэмоциональных нагрузок постоянно растет, поиск эффективных и безопасных методов восстановления нервной системы становится одной из приоритетных задач. Человечество все чаще обращается к ресурсам собственной психики, и на стыке психологии, нейробиологии и творчества рождаются удивительные методы исцеления. Среди них особое место занимает арт-терапия -метод, который использует искусство не как самоцель, а как мощный инструмент для восстановления ментального и неврологического здоровья [1].

Цель исследования -теоретическое обоснование и анализ эффективности арт-терапевтических методов в контексте восстановления функций нервной системы, а также выявление нейробиологических механизмов, лежащих в основе терапевтического воздействия творчества на психоэмоциональное состояние и когнитивные функции человека.

Задачи:

1. Рассмотреть современные научные представления о влиянии арт-терапии на нейропластичность мозга.
2. Проанализировать механизмы воздействия творческого самовыражения на нейромедиаторные системы (выработка дофамина и серотонина).
3. Изучить роль зеркальных нейронных систем и интероцепции в процессе арт-терапевтического взаимодействия.

4. Систематизировать данные о применении арт-терапии при различных неврологических и психоэмоциональных нарушениях (депрессия, ПТСР, последствия инсульта, хронический стресс) .

5. Оценить перспективы использования частных методик (фрактальная арт-терапия, нейрографика) для активизации когнитивных ресурсов и снижения стресс-реакций.

Методы исследования

В работе применялся комплексный подход, включающий теоретический анализ и синтез данных научной литературы по клинической психологии, нейробиологии и арт-терапии. Основу составили: метод систематического обзора зарубежных и отечественных источников (PubMed, Frontiers in Psychology, КиберЛенинка), сравнительный анализ эмпирических данных исследований эффективности арт-терапевтических интервенций, а также изучение физиологических коррелятов творческой активности (влияние на уровень кортизола, иммунную систему, когнитивные вызванные потенциалы)

Результаты и обсуждение

Использование творчества для врачевания души уходит корнями в глубокую древность. Ритуальные танцы, создание амулетов и наскальные рисунки были для наших предков способом осмыслить реальность и справиться с травмами. Однако как профессиональное направление арт-терапия сформировалась лишь в середине XX века [2]. Термин был введен художником Адрианом Хиллом в 1942 году во время его лечения от туберкулеза, а позже Маргарет Наумбург формализовала дисциплину, интегрировав ее с психоанализом [3].

Сегодня арт-терапия переживает второе рождение благодаря стремительному развитию нейронаук. То, что раньше объяснялось лишь метафорами «выплеснуть эмоции», теперь находит подтверждение в данных

функциональной МРТ и биохимических исследований [4]. Современная нейроэстетика, основанная Семиром Зеки, позволяет понять, как взаимодействие с искусством влияет на работу мозга, открывая биологические механизмы, лежащие в основе терапевтического эффекта [5].

Нейробиологические механизмы: как творчество лечит мозг

Воздействие арт-терапии на нервную систему многогранно и затрагивает как биохимические процессы, так и структурную реорганизацию нейронных сетей. Восстановление происходит на нескольких уровнях одновременно [6].

Прежде всего, творческий процесс напрямую влияет на нейропластичность - способность мозга образовывать новые связи между нейронами. Депрессия, тревожные расстройства и ПТСР часто связаны с нарушением нейропластичности, уменьшением плотности дендритов и синапсов в коре головного мозга. Занятия искусством стимулируют экспрессию генов, связанных с синаптической пластичностью, и способствуют укреплению нейронных связей, особенно в лобных, эмоциональных и сенсорных цепях. Это позволяет мозгу «перенастраиваться», находя новые, более адаптивные пути реагирования на стресс.

Ключевую роль в этом процессе играет реорганизация работы крупных нейросетей. Исследования показывают, что арт-терапия способна благотворно влиять на взаимодействие трех основных сетей мозга [7, 8, 9].:

- Дефолт-системы мозга (Default Mode Network, DMN), которая активна, когда мы не заняты внешними задачами, и связана с саморефлексией, воспоминаниями и мыслями о себе. При депрессии и ПТСР ее работа может быть гиперактивной или дисфункциональной, закликая человека на негативных мыслях. Творчество помогает «перенастроить» DMN, снижая уровень руминации (навязчивого повторения мыслей) [10].

- Сети выявления значимости (Salience Network, SEN), которая определяет, на какие стимулы обращать внимание [11].
- Центральной исполнительской сети (Central Executive Network, CEN), отвечающей за решение задач и когнитивный контроль [12].

Гармонизация работы этих сетей приводит к улучшению эмоциональной регуляции и когнитивных функций [13].

Не менее важен и биохимический аспект. Создание произведений искусства запускает выброс нейромедиаторов, напрямую связанных с чувством удовольствия и благополучия. Выделение дофамина (гормона мотивации и удовлетворения от процесса) и серотонина (ключевого регулятора настроения) способствует естественному улучшению эмоционального фона без применения медикаментов. Кроме того, арт-терапия доказала свою эффективность в снижении уровня кортизола — главного гормона стресса. Всего 45 минут творческой активности могут значительно снизить его концентрацию в крови, переводя нервную систему из режима «бей или беги» в состояние покоя и восстановления.

Исцеление через символы: ПТСР и работа с травмой

Наибольшую ценность арт-терапия приобретает в работе с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Травматический опыт часто хранится не в виде связного рассказа, а в виде фрагментированных образов, телесных ощущений и эмоций, локализованных в «древних», невербальных структурах мозга — миндалевидном теле и гиппокампе. Эти области активируются раньше, чем информация успевает обработаться в речевых центрах неокортекса. Поэтому травма зачастую «нема» — ее невозможно полностью исцелить, просто проговорив [14].

Арт-терапия позволяет обойти этот барьер. Рисование, лепка или создание маски дают возможность невербальным структурам мозга «высказаться».

Символические образы становятся мостом между подсознательным ужасом и осознанным «Я». В процессе творчества травматический опыт переводится в конкретную форму, которую можно увидеть со стороны, осмыслить и трансформировать. Исследования с использованием фМРТ у военнослужащих с ПТСР показали, что создание терапевтических масок не только субъективно облегчает состояние, но и увеличивает функциональную связность между различными зонами мозга, что коррелирует с наступлением психологического облегчения.

Регуляция эмоций и социальный мозг

Творческая активность напрямую задействует механизмы эмоциональной регуляции. Систематический обзор, опубликованный в 2024 году, подтверждает, что как активное (рисование, танец), так и пассивное (созерцание) взаимодействие с искусством активирует нейронные цепи, участвующие в адаптивной регуляции эмоций, включая префронтальную кору (mPFC) и амигдалу [1]. Эти пути совпадают с теми, что задействованы в эффективных стратегиях совладания со стрессом.

Кроме того, в процесс арт-терапии вовлекаются так называемые зеркальные нейроны. Когда терапевт наблюдает за творческим актом клиента, у него активируются те же зоны мозга, как если бы он делал это сам. Это создает основу для глубокой эмпатической связи и невербального взаимопонимания, что усиливает терапевтический альянс и способствует закреплению позитивных изменений.

Арт-терапия является эффективным инструментом регуляции эмоций именно потому, что она «перезагружает» работу социального мозга.

Она позволяет:

- Успокоить примитивные центры страха (амигдалу) через ритм и сенсорику.

- Включить центры понимания себя (инсула) и анализа (префронтальная кора) через создание символов.
- Тренировать эмпатию и считывание чужих состояний (зеркальные нейроны) через обсуждение и восприятие творчества других людей в безопасной обстановке. Это делает творчество не просто хобби, а глубоким нейробиологическим процессом исцеления и социальной адаптации.

Практическое применение и доступность

Арт-терапия сегодня применяется для восстановления нервной системы при широчайшем спектре состояний. Она эффективна при лечении хронической боли, депрессии, тревожных расстройств, помогает в адаптации к хроническим заболеваниям, а также используется в паллиативной помощи и при нейродегенеративных заболеваниях (например, деменции) для поддержания когнитивных функций и социальной вовлеченности.

Сеанс арт-терапии обычно длится от 45 минут до часа, а частота варьируется от ежедневных занятий до двух раз в неделю в зависимости от состояния пациента. Важно отличать профессиональную арт-терапию от простого рисования или раскрашивания. Ключевым компонентом является присутствие трех элементов: обученного арт-терапевта, клиента и процесса активного творчества как главного способа коммуникации и терапевтических изменений.

Заключение

Арт-терапия выступает эффективным дополнительным методом восстановления нервной системы, воздействуя как на психологическом, так и на физиологическом уровнях. Ключевым механизмом является стимуляция нейропластичности за счет активации сенсорных, эмоциональных и когнитивных процессов во время творческой деятельности. Показано, что регулярные занятия способствуют снижению уровня тревожности и

депрессивных состояний, нормализации мышечного тонуса и улучшению когнитивных функций (память, внимание). Особую эффективность демонстрируют специализированные направления, такие как фрактальная арт-терапия, основанная на эстетическом резонансе и упрощении обработки визуальной информации мозгом, и нейрографика, позволяющая через алгоритмизированное рисование трансформировать стрессовые переживания. Интеграция арт-терапии в программы нейрореабилитации и психологической коррекции открывает новые возможности для целостного восстановления личности.

Литература/ References:

1. Арт-терапия в условиях современных вызовов. Акименко Г.В., Белеза Е.В., Бергер Р., Боровикова З.В., Головки О.В., Голоденко О.Н., Гукина Л.В., Зыкова С.О., Иванова А.В., Изосимова С.А., Карпендейл М.Д., Капица А.А., Кара Ж.Ю., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Кувшинов Д.Ю., Кутлер К.А., Ладущкин С.И., Лопатин А.А., МакНифф Ш. и др. Москва, 2023. 279 с.
2. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022.
3. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головки О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.

4. Бурно, М. Е. Терапия творческим самовыражением. – М.: Академический проект, 2001. – 304 с.
5. Громова, О. Н. Арт-терапия: теория и практика. – М.: Психотерапия, 2010. – 320 с.
6. Калинина, Н. В. Арт-терапия: учебник. – М.: Академия, 2008. – 272с.
7. Копытин, А. И. Арт-терапия: новые горизонты. – М.: Когито-Центр, 2006. – 320 с.
8. Лебедева, Е. А. Арт-терапия в реабилитации пациентов с неврологическими заболеваниями. – М.: Медицина, 2015. – 192 с.
9. Макарова, Е. А. Арт-терапия: основы и практика. – М.: Эксмо, 2012.
10. Медведева, Е. А. Арт-терапия в системе реабилитации. – М.: Академия, 2009. – 240 с.
11. Орлова, О. В. Арт-терапия: путь к исцелению. – М.: АСТ, 2014. – 224 с.
12. Рудестам, К. Г. Групповая психотерапия: психокоррекционные группы. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
13. Тарарина, Н. В. Арт-терапия: практическое руководство. – М.: АСТ, 2013. – 256 с.
14. Штейнхардт, Л. Арт-терапия: искусство исцеления. – М.: Питер, 2017. – 304 с.

СИНЕРГИЯ АРТ-ТЕРАПИИ И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Фурин К. Д., Яцына Д. С., Шибает Р. М.

Кафедра поликлинической терапии

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. Работа посвящена исследованию разнообразных методов арт-терапии, используемых в сочетании с практиками физической культуры для

улучшения психофизического состояния. В центре внимания — конкретные арт-терапевтические техники и примеры их синтеза с физической активностью, ориентированные на работу со стрессом, тревогой, низкой самооценкой и иными схожими проблемами.

Ключевые слова: арт-терапия, физическая культура, психофизическое благополучие, эмоциональное состояние, стресс.

SYNERGY OF ART THERAPY AND PHYSICAL CULTURE

Furin K. D., Yatsina D. S., Shibaev R. M.

Department of Polyclinic Therapy

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

Abstract. The work is devoted to the study of various art-therapy methods used in combination with physical culture practices to improve the psychophysical state. The focus is on specific art-therapy techniques and examples of their synthesis with physical activity, which are aimed at working with stress, anxiety, low self-esteem, and other similar issues.

Keywords: art therapy, physical education, psychophysical, well-being, emotional state, stress.

Введение

Растущий уровень стресса и малоподвижный образ жизни в современном обществе делают задачу сохранения психофизического здоровья чрезвычайно актуальной. Однако традиционные практики физической культуры, нацеленные преимущественно на физическое развитие, часто игнорируют эмоциональные и психологические аспекты. В этой связи интегративные подходы, совмещающие двигательную активность с методами психокоррекции, вызывают повышенный интерес. Арт-терапия, использующая творческий процесс для решения

психологических проблем, обладает значительным потенциалом в данном контексте: ее техники способствуют выражению чувств, снижению тревоги и повышению самооценки.

Физическая активность, в свою очередь, создает благоприятный нейрофизиологический фон, высвобождая эндорфины и снижая стресс. Несмотря на очевидную синергию, интеграция арт-терапии и физической культуры остается малоизученной. В научной литературе отсутствуют конкретные алгоритмы сочетания техник с видами активности для достижения целевых результатов, не определены наиболее восприимчивые группы населения и ключевые факторы эффективности данного подхода.

Объекты и методы исследования

Объект исследования — арт-терапия в качестве комплексного междисциплинарного метода, используемого в сфере физической культуры и спорта для психокоррекции, реабилитации, личностного развития и повышения эффективности деятельности. Нейробиологические механизмы ее действия выделены в качестве ключевого аспекта анализа.

Предмет исследования — теоретическое обоснование, классификация методов арт-терапии, специфика их применения, а также потенциальные возможности и ограничения интеграции данных техник в программы физической культуры и спорта.

Методы исследования

Расширенный теоретический анализ: Проведение всестороннего и глубокого анализа научной литературы по психологии, педагогике, арт-терапии, физической культуре, спортивной медицине, нейропсихологии и нейробиологии. Изучение монографий, научных статей, методических разработок, диссертационных исследований, материалов конференций и симпозиумов, посвященных различным аспектам арт-терапии, ее применению в

различных областях и нейробиологическим механизмам ее действия.

Углубленная систематизация и классификация

На основе полученных данных будет проведена систематизация и классификация всего спектра арт-терапевтических методов. В качестве классификационных оснований выступают следующие критерии: вид используемого искусства, теоретико-методологическая база, целевая аудитория и область применения, степень структурированности сеанса, продолжительность и форматы работы, применяемые материалы, а также связь с конкретными нейробиологическими механизмами действия. Данный этап направлен на создание упорядоченной матрицы методов, пригодной для их последующей адаптации к контексту физической культуры.

Критический анализ опыта применения

Важным этапом является критическое осмысление существующего опыта применения арт-терапии в таких областях, как клиническая медицина, образование, социальная работа, психологическая реабилитация и, по возможности, физическая культура. Анализ проводился на основе изучения опубликованных кейс-стади, отчётов об эмпирических исследованиях, протоколов терапевтических сеансов и обратной связи от участников.

Обобщение, интерпретация и экстраполяция

Завершающей аналитической задачей является синтез и интерпретация всех собранных данных для выявления ключевых закономерностей, актуальных тенденций, существующих противоречий и перспективных векторов развития арт-терапии в сфере физической культуры и спорта. Особое значение придаётся методологии экстраполяции — переносу и адаптации выводов и эффективных практик, доказавших свою результативность в смежных областях, с учётом специфики спортивной деятельности и физкультурно-оздоровительного процесса.

Результаты и их обсуждение

Теоретический анализ научной литературы и практических наработок позволяет утверждать, что арт-терапия как сфера обладает не только богатым, но и чрезвычайно гибким арсеналом методик. Её ключевая особенность — опора на творческую экспрессию и невербальные каналы коммуникации — открывает значительные перспективы для интеграции с различными формами физической активности. Такой синтез направлен на формирование целостного подхода к психофизическому благополучию, где работа с телом и эмоционально-образной сферой взаимно усиливают друг друга. Среди всего многообразия арт-терапевтических направлений можно выделить несколько наиболее релевантных и адаптируемых для контекста физической культуры и спорта.

Изотерапия - метод, основанный на визуальном искусстве (рисунок, живопись, графика, создание коллажей) как средстве проекции внутреннего мира. В сочетании с физической культурой изотерапия выполняет несколько функций. Во-первых, она служит мощным инструментом рефлексии и эмоциональной разрядки после интенсивной физической нагрузки, позволяя спортсменам или занимающимся выразить и осознать переживания, связанные с тренировкой. Во-вторых, она может работать как техника позитивной визуализации и целеполагания, когда создание образа желаемого результата, идеальной траектории движения или своего «внутреннего чемпиона» на бумаге укрепляет мотивацию и ментальную готовность.

Танцевально-двигательная терапия находится на самой границе арт-терапии и физической активности, делая акцент на осознанном, экспрессивном движении. Его интеграция наиболее органична. ТДТ способствует глубокой телесной осознанности (кинестетике), развитию пластики, улучшению координации и эмоциональной раскрепощенности. Она может быть не просто добавлена, а стать смысловой основой для занятий аэробикой, современными

или народными танцами, элементами йоги и пилатеса, трансформируя их из чисто технических в личностно-развивающие практики.

Одним из наиболее часто применяемых методов является музыкотерапия. Использование музыки — как пассивное (прослушивание), так и активное (игра на инструментах, вокал) — является универсальным средством регуляции психофизиологического состояния. В спортивном контексте музыкотерапия решает конкретные задачи: мобилизующая музыка повышает тонус и мотивацию во время разминки или силовой тренировки; ритмичная музыка помогает задать и удержать темп (например, при беге или гребле); релаксирующие звуковые палитры способствуют восстановлению после нагрузок и снижению соревновательной тревожности, что особенно важно в период реабилитации.

Заключение

Арт-терапия, будучи научно обоснованным направлением психологической практики, формируется как мощный и многогранный инструмент, обладающий значительным интеграционным потенциалом в сфере физической культуры и спорта. Данный потенциал реализуется за счет широкого спектра арт-терапевтических методов, каждый из которых может быть направлен на решение конкретных задач спортивной деятельности: от ментальной подготовки и преодоления соревновательного стресса до психологического сопровождения реабилитации после травм, профилактики профессионального выгорания и стимуляции личностного роста спортсмена. Включение арт-терапевтических практик может способствовать не только коррекции негативных состояний, но и позитивной оптимизации тренировочного процесса в целом.

Эффективная интеграция арт-терапии в систему физического воспитания и спортивной подготовки требует преодоления узкопрофессиональных границ и формирования целостного междисциплинарного подхода. Это подразумевает

необходимость создания единой концептуальной платформы и партнерства между экспертами в области арт-терапии, спортивной психологии, физической культуры, спортивной медицины и нейронаук.

Разработка конкретных методик должна основываться на принципе избирательности, учитывающем специфику двигательной и психологической структуры конкретного вида спорта, индивидуально-личностные характеристики и актуальные запросы спортсмена, а также опираться на данные о нейробиологических механизмах, лежащих в основе терапевтического воздействия того или иного вида творческой активности (например, влияние ритмической деятельности на синхронизацию мозговых процессов или модулирующее воздействие цвета и формы на лимбическую систему).

Отдельным перспективным вектором развития является конвергенция арт-терапии с цифровыми технологиями. Внедрение специализированных приложений, технологий виртуальной и дополненной реальности, а также средств биофидбека открывает новые возможности для творческого самовыражения, создания иммерсивных терапевтических сред и объективизации процесса терапии, что в значительной степени расширяет и модернизирует её традиционный методический арсенал.

Литература/References:

1. Бурно, М. Е. Терапия творческим самовыражением / М. Е. Бурно. – Москва : Медицина, 1989. – 304 с.
2. Вачков, И. В. Основы групповой психотерапии / И. В. Вачков. – Москва : Ось-89, 2000. – 176 с.
3. Григорьева, М. В. Арт-терапия для детей : практическое руководство / М. В. Григорьева. – Москва : Владос, 2005. – 128 с.
4. Ильин, Е. П. Психология спорта / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 352 с.

5. Киселева, М. В. Арт-терапия в работе с детьми : руководство для детских психологов, педагогов, врачей и социальных работников / М. В. Киселева. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 160 с.
6. Лебедева, Л. Д. Арт-терапия в педагогике / Л. Д. Лебедева. – Москва : Педагогика, 2000. – 192 с.
7. Старобинец, Е. М. Кинезиология и арт-терапия в психологическом сопровождении спортсменов / Е. М. Старобинец, О. С. Шубина // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 5. – С. 38–40.

**АРТ-ТЕРАПИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ:
ВЫГОРАНИЕ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НИМ**

Харлампенков Е. И., Неверова Е. А.

*Кафедра общественного здоровья, организации
и экономики здравоохранения*

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Россия, г. Кемерово*

Аннотация. В представленной исследовательской работе приведены и обработаны результаты авторского анкетирования среди студентов Кемеровского государственного медицинского университета, окончивших медицинский колледж и работающих по специальности, а также сотрудников медицинских организаций: действующих врачей и среднего медицинский персонала о выгорании на рабочем месте и методах борьбы с данным состоянием. Полученные данные были подвергнуты статистическому анализу с последующей интерпретацией. По завершению анкетирования – выявлен уровень встречаемости выгорания на рабочем месте и популярные методы борьбы с данным состоянием среди студентов, окончивших медицинский

колледж и работающих по специальности, а также сотрудников медицинских организаций: врачей и среднего медицинского персонала.

Ключевые слова: выгорание, врачи, средний медицинский персонал, студенты, статистика, группа.

ART THERAPY IN PRACTICE OF MEDICAL WORKERS: BURNING AND WAYS TO COMBAT IT

Kharlampenkov E.I., Neverova E.A.

*Department of Public Health, Healthcare Organization, and Economics
Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo*

Abstract. The presented research work presents and processes the results of the author's questionnaire among students of the Kemerovo State Medical University, graduates of a medical college and working in the specialty, as well as employees of medical organizations: active doctors and middle medical staff about burnout in the workplace and methods of dealing with this condition. The obtained data were subjected to statistical analysis with subsequent interpretation. After the survey was completed, the prevalence of burnout in the workplace and the most popular methods of dealing with this condition were identified among medical college graduates who are working in their field, as well as employees of medical organizations, including doctors and nurses.

Keywords: burnout, doctors, medical staff, students, statistics, group.

Введение

Синдром эмоционального выгорания — это нарастающее эмоциональное истощение, механизм психологической защиты, который проявляется полной или частичной эмоциональной глухотой в ответ на психотравмирующие факторы. Часто возникает у врачей, психологов, педагогов и людей, ухаживающих за детьми или пожилыми родственниками. Может проявляться

безразличием к нарастающим требованиям руководителя, негативным отношением к «капризным» пациентам и клиентам, ощущением профессиональной непригодности и т. д.

Термин «Синдром эмоционального выгорания» впервые был введен в 1974 г. врачом-психиатром Х. Дж. Фрейденбергом и первоначально означал нарастающее эмоциональное истощение. В 2001 году профессиональный синдром эмоционального выгорания был включен в 10-й пересмотренный вариант Международной классификации болезней (МКБ-10).

Исследование 2021 года, проводимое на выборке 3370 человек, в котором приняли участие медицинские специалисты всех федеральных округов Российской Федерации, показало, что только у 14 % респондентов отмечается низкий уровень эмоционального выгорания, у остальных – он варьируется от среднего до крайне высокого. В процессе исследования 1014 врачей-терапевтов участковых выявлено, что 71% врачей, работающих в сельских поселениях, имеют признаки начинающегося и сформировавшегося синдрома эмоционального выгорания, что, на взгляд авторов, является следствием высоких нагрузок и ответственности сельского врача. По данным, приведенным в статье Л.И. Москвичевой, распространенность синдрома эмоционального выгорания среди врачей различных специальностей лежит в диапазоне 64–96%, что также подтверждает важность и актуальность коррекционной работы с медицинскими специалистами. Для построения психокоррекционной работы с целью снижения уровня эмоционального выгорания необходимо осмысление теоретических и практических аспектов по данной проблеме в современной отечественной психологии.

Материалы и методы

Данные анкетного опроса среди студентов медицинского вуза, окончивших медицинский колледж, действующих врачей и средний

медицинский персонал больниц. Объем выборки опрошенных составил 105 человек. Респонденты указывали уровень образования, рабочий стаж, причины, способствующие эмоциональному выгоранию, сталкивались ли они с данным состоянием, осведомлены ли о термине «Арт-терапия» и пользуются ли они данной методикой, а также есть ли у них Хобби, помогает ли оно бороться с эмоциональным выгоранием на рабочем месте.

Применялись общенаучные методы исследования (опрос, анализ, синтез, сопоставление и т.д.)

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании приняли участие 105 респондентов, условно разделенных на две группы: Студенты Кемеровского государственного медицинского университета, окончившие медицинский колледж работающие по специальности и средний медицинский персонал – респонденты первой группы (76 человек, 72,4%), респондентами второй группы стали действующие врачи (29 человек, 27,6%), также проходившие наш опрос.

Первым ответом респонденты каждой группы должны были указать свой рабочий стаж по специальности, ответы респондентов были собраны и статистически обработаны, средним числом стали показатели: респонденты первой группы (студенты Кемеровского государственного медицинского университета, окончившие медицинский колледж работающие по специальности, и средний медицинский персонал) – 2 года, респонденты второй группы (действующие врачи) – 7 лет. При ответе на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, способствует эмоциональному выгоранию» респонденты могли выбирать предложенные ответы или написать свои, результаты: Для респондентов первой группы наиболее популярной причиной стало: Низкая оплата труда – 46 человек (60%), данная причина заняла лидирующее место у респондентов первой группы, большой объем рабочей нагрузки – 17 человек (22%), индивидуальные факторы

– 11 человек (14%), социальные факторы – 8 человек (10%), недостаточная поддержка со стороны руководителей/коллег – 2 человека (2%), дополнительные причины, указанные респондентами самостоятельно: невозможность совмещать с учебным процессом – 5 человек (6%), агрессия со стороны пациентов – 1 человек (1%), ранний подъем на работу – 1 человек (1%), устаревшее рабочее оборудование на рабочем месте – 1 человек (1%).

Респонденты второй группы разделили мнение респондентов первой группы, выделив первостепенную причину, способствующую эмоциональному выгоранию на рабочем месте – низкая оплата труда – 18 человек (62%), второе место для респондентов второй группы занимают социальные факторы – 9 человек (31%), большой объем рабочей нагрузки – 1 человек (3%), дополнительной причиной, прописанной респондентов второй группы при ответе стала нехватка времени для принятия пациентов согласно выделенному рабочему времени – 1 человек (3%).

На вопрос «Чувствуете ли Вы, что наступает момент эмоционального выгорания на рабочем месте» респонденты первой группы ответили с положительной динамикой: лишь 11 человек (14%) дали положительный ответ, а 65 человек (85%) – отрицательный. Респонденты второй группы были непоколебимы, ответив «Нет» в 100% случаев (29 человек). Следующим вопросом нашей анкеты стало выявление наличия хобби у респондентов. Респонденты первой группы – постоянное хобби имеют 53 человека (69%), не имеют хобби – 23 человека (30%). Респонденты второй группы, ответившие на данный вопрос, показали практически 100% результат – 26 человек (90%) не имеют хобби, отмечая недостаточность времени и лишь 3 человека (10%) ответили положительно.

Далее следовало разделение вопросов в соответствии от предыдущего ответа. Если на вопрос о наличии Хобби у респондентов был дан положительный

ответ, то следующий вопрос звучал: «Помогает ли Ваше хобби избежать эмоционального выгорания на рабочем месте». Респонденты первой группы, имеющие постоянное хобби дали 100% (53 человека, 69%) положительный результат, респонденты второй группы, имеющие хобби (3 человека, 10%) - также ответили положительно.

Если же на вопрос о наличии Хобби был дан отрицательный ответ, то респондентам обеих групп предлагалось следующим вопросом ответить: «Рассматривали ли Вы для себя какой-нибудь вид деятельности для поддержания эмоционального состояния не считая основной работы», респонденты первой группы, не имеющие хобби (23 человека, 30%): 11 человек (47%) хотели бы найти для себя дополнительный вид деятельности, отмечая, в большинстве своем (9 человек, 39%) именно спортивную деятельность: тренажерный зал (4 человека, 44%), плавание (1 человек, 11%), стрельба из лука (1 человек, 11%), конные прогулки (1 человек, 11%), танцы (2 человека, 22%), 12 (52%) респондентов первой группы ответили на вопрос о дополнительной деятельности и ее поиске отрицательно.

Респонденты второй группы, не имеющие постоянного Хобби (26 человек, 89%) и отвечающие на этот же вопрос дали следующие результаты: 6 человек хотели бы заниматься спортивной деятельностью в свободное от работы время: 4 человека (66%) – тренажерный зал, 1 человек (25%) – танцы, 1 человек (25%) – плавание, 20 респондентов второй группы (68%) дали отрицательный ответ на данный вопрос.

Одним из ключевых вопросов нашего опроса стало знакомство с осведомленностью медицинских работников о термине «Арт-терапия» и знании того, что он обозначает. Респонденты первой группы в большинстве своем не осведомлены о данном термине, о чем свидетельствуют полученные результаты: 15 человек (19%) ответили отрицательно, 19 человек (25%) – знают о данном

термине и его обозначении. Респонденты второй группы дали практически равный ответ: 15 человек (51%) осведомлены об обозначении и термине «Арт-терапии», 14 человек (49%) дали отрицательный ответ.

Следующим, не менее важным вопросом стал вопрос «Применяли ли Вы Арт-терапию для избежания эмоционального выгорания на рабочем месте», респонденты первой группы в преобладающем большинстве ответили отрицательно – 65 человек (85%), 11 (14%) же респондентов применяли Арт-терапию для избежания выгорания на рабочем месте. Респонденты второй группы (29 человек) в 100% опрошенных ответили отрицательно.

Заключительным вопросом нашего авторского опроса стали приведенные популярные названия методик Арт-терапии, такие, как: «Круг времени», «Образ личного времени», «Мои профессиональные роли», «Две маски «Я» и осведомленность респондентов о них. Респонденты первой группы (студенты Кемеровского государственного медицинского университета, окончившие медицинский колледж и работающие по специальности, а также средний медицинский персонал) дали свои ответы: на первом месте оказалась методика «Две маски «Я»» - 27 человека (35%), «Мои профессиональные роли» - данный вид Арт-терапии для респондентов первой группы по статистическим данным ответов стал вторым по популярности – 23 человека (30%), методики «Круг времени» и «Образ личного времени» показали равные результаты – 10 (13%) и 10 (13%) респондентов знакомы с каждой методикой, 6 респондентов (8%) первой группы не знакомы ни с одной методикой, приведенной в нашем опросе. Респонденты второй группы (действующие врачи медицинских организаций) в большинстве не знакомы ни с одним видом Арт-терапии, приведенных в нашем опросе: 17 человек (58%) ответили отрицательно, 7 человек (24%) осведомлены о методике «Мои профессиональные роли», «Две маски «Я»» - отметил 3 респондента (10%) второй группы, методика «Круг времени» - 2 человека (7%).

Заключение

Исходя из статистически обработанных данных можно сделать следующие выводы: по категории медицинского персонала включая врачей и среднего медицинского персонала можно сделать вывод, что люди, у которых имеются какие-либо увлечения помимо профессиональной деятельности в меньшей степени подвержены профессиональному выгоранию за счёт эмоционального переключения на другие виды деятельности, чем люди, не имеющие определенных интересов помимо профессиональной деятельности. Результаты исследования студенческих групп по профессиональному выгоранию показали аналогичные результаты. На проблему профессионального выгорания должны обращать внимание и руководители медицинских учреждений в целях стабилизации работы коллектива.

В соответствии с этим, важно развивать в учреждениях психологическую поддержку, проводить постоянные тренинги с психологами с целью снижения эмоционального напряжения и профессионального выгорания сотрудников, а также проводить с сотрудниками совместные мероприятия с целью эмоциональной разгрузки персонала медицинского учреждения. В студенческих коллективах проблемы эмоционального выгорания решаются путем проведения различных культурно-массовых и спортивных мероприятий, на которых студенты могут реализовать свой творческий потенциал и переключиться с одного вида деятельности на другой с целью восстановления эмоционального равновесия.

Литература/References:

1. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головкин О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А.,

Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.

2. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

3. Tjasink, M., Keiller, E., Stephens, M., Carr, C. E., & Priebe, S. (2023). Art therapy-based interventions to address burnout and psychosocial distress in healthcare workers—a systematic review. *BMC Health Services Research* , 23(1), 1059.

4. Engel, T., Gowda, D., Sandhu, J. S., & Banerjee, S. (2023). Art Interventions to Mitigate Burnout in Health Care Professionals: A Systematic Review. *The Permanente Journal* , 27(2), 184–194

5. Art therapy as an intervention for burnout: a systematic review and meta-analysis. *Current Psychology* , 44, 15065–15080.

6. Eo, K., & Kim, S. (2021). The effectiveness of emotion-focused art therapy on the resilience and self-image of emergency physicians. *The Arts in Psychotherapy* .

7. Bittman, B., Bruhn, K. T., Stevens, C., Westengard, J., & Umbach, P. O. (2003). Recreational music-making: A cost-effective group interdisciplinary strategy for reducing burnout and improving mood States in long-term care workers. *Advances in Mind Body Medicine* , 19(3/4),

8. Brooks, D. M., Bradt, J., Eyre, L., Hunt, A., & Dileo, C. (2010). Creative approaches for reducing burnout in medical personnel. *The Arts in Psychotherapy* , 37(3), 255–263.

9. Gorzel, M., Kaczorowska, A., Ramotowska, E., & Mencfel, R. (2022). Art Therapy as a method to prevent professional burnout. The study carried out on a group of academic teachers. *Aesthetic Cosmetology and Medicine* , 11(3), 97–104.
10. Grape Viding, C., Osika, W., Theorell, T., Kowalski, J., Hallqvist, J., & Horwitz, B. (2015). The Culture palette: A randomized intervention study for women with burnout symptoms in Sweden. *British Journal of Medical Practitioners* , 8(2),

АРТ-ТЕРАПИЯ ПРИ СОМАТИЧЕСКИХ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЯХ

Ширинская А. Д.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Россия, г. Донецк

Аннотация. Современные исследования демонстрируют устойчивый рост числа соматических и психосоматических расстройств, чему способствует высокий уровень стресса, социальная нестабильность и эмоциональное перенапряжение. Традиционные методы лечения не всегда позволяют достигнуть стойких результатов, что определяет значимость внедрения арт-терапевтических техник для улучшения эмоционального состояния и восстановления психологического равновесия. В условиях образовательных и медицинских учреждений арт-терапия открывает возможности для мягкой психокоррекции, самовыражения и снятия внутреннего напряжения. Применение методов изотерапии, музыкотерапии и телесно-ориентированных практик способствует интеграции эмоциональной и телесной сфер, повышая устойчивость организма к стрессу.

Ключевые слова: арт-терапия, психосоматика, психокоррекция, стресс, эмоциональная регуляция, соматические нарушения, интегративные методы терапии.

ART THERAPY FOR SOMATIC AND PSYCHOSOMATIC DISORDERS

Shirinskaya A.D.

Donetsk State University, Donetsk, Russia

Abstract. Modern research demonstrates a steady increase in the number of somatic and psychosomatic disorders, which is facilitated by high levels of stress, social instability and emotional overstrain. Traditional treatment methods do not always allow achieving lasting results, which determines the importance of introducing art therapy techniques to improve emotional state and restore psychological balance. In educational and medical institutions, art therapy opens up opportunities for gentle psychocorrection, self-expression and relief of internal tension. The use of methods of isotherapy, music therapy and body-oriented practices promotes the integration of emotional and bodily spheres, increasing the body's resistance to stress.

Keywords: art therapy, psychosomatics, psychocorrection, stress, emotional regulation, somatic disorders, integrative therapies.

Введение

Проблема взаимодействия психического и соматического состояния человека является одной из центральных в современной психологии и медицине. В последние десятилетия наблюдается значительное увеличение числа заболеваний, в формировании которых решающую роль играют стресс и эмоциональные перегрузки, нарушение регуляции аффекта, дефицит навыков конструктивного совладания, хроническая фрустрация базовых психологических потребностей. Психосоматический подход подчёркивает неразрывную связь между телом и психикой, а также роль субъективного переживания болезни в развёртывании клинической картины.

Арт-терапия, как направление психотерапевтической практики, основанное на использовании изобразительного искусства, музыки, движения, ритмики, рифмотерапии и символического самовыражения, приобретает особую значимость в работе с психосоматическими расстройствами. В отличие от преимущественно вербальных форм психотерапии, где акцент делается на когнитивную переработку и осмысление опыта, арт-терапевтический процесс обеспечивает мягкий, ненавязчивый способ воздействия на бессознательные механизмы, опираясь на символический язык образов, метафор и телесных ощущений.

Через художественную деятельность человек получает возможность выразить то, что трудно или невозможно сформулировать словами: неосознаваемые страхи, подавленные конфликты, внутреннюю агрессию, амбивалентные чувства по отношению к значимым другим и к самому себе. Это способствует снижению тревожности, нормализации психоэмоционального состояния и активации компенсаторных ресурсов личности. Арт-терапия выступает средством саморегуляции, помогает восстановить контакт между телом и эмоциями, что особенно важно при хронических соматопсихических напряжениях и устойчивых паттернах соматизации.

В образовательной среде арт-терапевтические техники могут интегрироваться в систему психолого-педагогического сопровождения обучающихся и взрослых, способствуя профилактике эмоционального выгорания, снижению школьной и профессиональной тревожности, формированию навыков осознанного отношения к своему телу и состоянию здоровья. В медицинских учреждениях арт-терапия рассматривается как эффективный метод вспомогательного воздействия при реабилитации пациентов с соматическими заболеваниями различного профиля, позволяющий учитывать психологические и личностные аспекты болезни.

Теоретические основы исследования

Формирование психосоматической медицины традиционно связывают с работами Ф. Александера, который рассматривал соматические заболевания как результат специфических эмоциональных конфликтов и неадекватного аффективного реагирования. В его концепции психосоматические симптомы выступают «языком тела», посредством которого выражается вытесненное эмоциональное содержание. Позднее идеи о связи соматических нарушений с особенностями личности и эмоциональной регуляции получили развитие в рамках психоаналитических, психодинамических, когнитивно-поведенческих и интегративных моделей [1, с. 318].

Психоаналитическая традиция (З. Фрейд, Ф. Дойч, Ф. Александер и др.) подчёркивает роль бессознательных конфликтов, неосознанной агрессии, а также механизмов вытеснения и конверсии. Соматический симптом здесь трактуется как компромисс между запретным желанием и внутренним запретом, как форма символического выражения психического конфликта [2, с. 412]. В более широком гуманистическом и экзистенциальном контексте психосоматические расстройства рассматриваются как нарушение целостности личности, разрыв связи с собственным телом, утрата доверия к своим ощущениям и потребностям.

Современный биопсихосоциальный подход исходит из того, что возникновение и течение соматических и психосоматических нарушений обусловлено взаимодействием биологических, психологических и социальных факторов [3, с. 178]. Хронический стресс, дезадаптивные копинг-стратегии, низкий уровень эмоциональной компетентности, негативные когнитивные схемы, социальная изоляция и травматический опыт детства усиливают уязвимость организма и повышают риск развития психосоматических проявлений. В этой связи особое значение приобретает психокоррекционная

работа, направленная на восстановление эмоционального баланса, осознанное отношение к телесным сигналам и формирование более адаптивных форм реагирования.

Арт-терапия как самостоятельное направление сложилась на стыке психологии, психотерапии, искусствознания и педагогики. Её теоретическую базу составляют психодинамические, гуманистические, феноменологические, когнитивно-поведенческие и системные подходы.

Психоаналитическая линия в арт-терапии опирается на идеи З. Фрейда и К.Г. Юнга о символическом характере художественных образов и их связи с бессознательным. Творческий продукт рассматривается как проекция внутренних конфликтов, фантазий, архетипических структур, а процесс рисования или создания образа — как форма свободных ассоциаций, перенесённых с речи на изобразительную деятельность [7, с. 217]. При этом арт-терапевт помогает клиенту осмыслить символы и метафоры, возникающие в его работах, не навязывая интерпретацию, а поддерживая собственное понимание и инсайт.

Юнгианская традиция подчёркивает роль архетипических образов, мандал, символов света, роста, очищения в процессе внутренней трансформации личности [4, с. 49]. Создание таких образов способствует интеграции сознательных и бессознательных аспектов психики, восстановлению внутреннего равновесия и целостности. В этом контексте мандалотерапия и работа с символическими сюжетами рассматриваются как важный ресурс при психосоматических нарушениях, когда требуется укрепление внутреннего центра, структуры «Я» и ощущение опоры.

Гуманистическое направление (К. Роджерс, Н. Роджерс и др.) акцентирует внимание на личностном росте, самовыражении, творческом потенциале человека. Арт-терапия в данном случае понимается как пространство

безоценочного принятия, безопасности и поддержки, где клиент может свободно исследовать свои чувства и переживания через творчество [8, с. 110]. Задача специалиста — создать условия для самораскрытия, самоисследования и развития способности к саморегуляции. Подчёркивается, что исцеление происходит не столько за счёт анализа образа, сколько благодаря переживанию уникального опыта творческого взаимодействия с материалом, с собой и с другим человеком.

Феноменологический подход в арт-терапии обращает внимание на сам процесс создания и наблюдения за художественным продуктом. Клиент рассматривается как активный субъект, способный обнаруживать и конструировать смыслы, исходя из собственного опыта [5, с. 321]. В центре внимания — не интерпретация специалиста, а переживание автора, его «здесь-и-сейчас» отношение к своей работе, изменение восприятия в ходе рефлексии. Такой подход особенно ценен при психосоматике, где важно восстановить способность замечать телесные и эмоциональные сигналы, доверять своим ощущениям и осмыслять их.

Когнитивно-поведенческая перспектива подчёркивает роль арт-терапии в изменении дезадаптивных убеждений, реструктуризации негативных схем и формировании новых поведенческих стратегий.

Художественная деятельность здесь выступает как экспериментальная площадка, позволяющая безопасно проигрывать новые способы реагирования, исследовать альтернативные сценарии и закреплять навыки стрессоустойчивости.

Особенности арт-терапии делают её особенно перспективной в работе с соматическими и психосоматическими пациентами. Можно выделить несколько ключевых механизмов её психокоррекционного и реабилитационного воздействия:

1. Катарсический и эмоционально-регулятивный механизм. Через рисунок, лепку, движение, музыкальную импровизацию клиент получает возможность безопасно выразить подавленные, вытесненные или трудно формулируемые эмоции — гнев, страх, обиду, стыд, беспомощность [6, с. 117]. Это ведёт к снижению внутреннего напряжения, уменьшению уровня тревоги и агрессии, снижению риска соматизации аффекта.

2. Символизация и опосредование переживаний. Перевод эмоций и телесных ощущений в символический образ облегчает их осмысление. Клиент как бы смотрит на свою проблему со стороны, что способствует развитию рефлексии, дистанцированию от травматического опыта и формированию новых способов переживания ситуации.

3. Телесно-ориентированная интеграция. При психосоматических расстройствах связь между телом и психикой часто нарушена: либо тело игнорируется, либо воспринимается исключительно как источник боли и угрозы [9, с. 240]. Арт-терапия, особенно в сочетании с элементами телесной пластики, танцевально-двигательной и музыкотерапии, помогает «оживить» телесные ощущения, сделать их более осознаваемыми, безопасными и принимаемыми, формируя более гармоничное отношение к собственному телу.

4. Развитие навыков саморегуляции и стрессоустойчивости. Регулярное участие в арт-терапевтическом процессе способствует формированию индивидуальных приёмов самоподдержки: человек осваивает способы творческого выражения, которые могут использоваться им в повседневной жизни для снижения напряжения, профилактики эмоционального срыва, гармонизации состояния.

5. Укрепление Я-концепции и самопринятия. Создание художественного продукта, его осмысление и признание значимости собственного творческого опыта повышают самооценку, формируют чувство

авторства и ответственности за свою жизнь. Это особенно важно для людей с хроническими соматическими заболеваниями, которые часто переживают себя как «зависимых от болезни» и утрачивают чувство контроля над ситуацией.

6. Социально-коммуникативный ресурс. Групповые формы арт-терапии создают условия для поддерживающего взаимодействия, обмена опытом, сопереживания, принятия [10, с. 115]. Участники получают опыт безопасного эмоционального контакта, учатся выражать свои чувства, слушать и слышать других, что снижает ощущение изоляции и усиливает ресурсы социальной поддержки.

Объект исследования: психологические и эмоциональные особенности людей с соматическими и психосоматическими нарушениями.

Предмет исследования: влияние арт-терапии на динамику эмоционального состояния, уровень тревожности и выраженность психосоматических симптомов.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы по проблеме арт-терапии и психосоматики; наблюдение в ходе групповых арт-терапевтических занятий; методика диагностики уровня тревожности (по Спилбергеру–Ханину); исследование психосоматических симптомов (опросник Ф. Александера и адаптированные шкалы СНОД); анализ результатов творческих работ (проективный метод художественной экспрессии).

Исследование проводилось на базе психолого-педагогической службы и включало 20 участников в возрасте от 18 до 45 лет, имеющих выраженные психосоматические жалобы (головные боли, гастроинтестинальные расстройства, тахикардии, кожные реакции, мышечные напряжения). Участники были направлены специалистами (врачами, психологами) либо обратились самостоятельно, отмечая устойчивое сочетание соматических симптомов с

эмоциональным неблагополучием (повышенная тревожность, раздражительность, чувство усталости, снижение настроения, нарушения сна).

Программа включала 8 арт-терапевтических сессий продолжительностью 90 минут, проводимых 1–2 раза в неделю. Каждая сессия строилась по структурированному протоколу и включала: входной ритуал (настрой и короткая телесная или дыхательная разминка), основную творческую часть, обсуждение и рефлекссию, завершающий ритуал. Использовались методы изотерапии (рисование, коллаж, мандалотерапия), элементы музыкотерапии (прослушивание музыкальных фрагментов, звуковая импровизация простыми инструментами), телесно-ориентированные практики (упражнения на осознание дыхания, позы, мышечного напряжения, свободное движение под музыку).

Перед началом программы и после её завершения проводилась диагностика уровня ситуативной и личностной тревожности по Спилбергеру–Ханину, а также оценка выраженности психосоматических симптомов по опроснику Ф. Александера и адаптированным шкалам соматизированных жалоб. В ходе каждой встречи осуществлялось систематическое наблюдение за эмоциональным состоянием, динамикой участия, особенностями взаимодействия в группе. Анализ творческих работ проводился с учётом символического содержания, цветовой гаммы, композиции, динамики образов во времени.

Организация арт-терапевтической программы: содержание арт-терапевтических сессий строилось по принципу постепенного углубления и расширения возможностей самовыражения.

1–2-я сессии были ориентированы на создание безопасного пространства, снижение первичной тревожности, установление доверительного контакта. Использовались простые техники свободного рисования, «рисунок настроения»,

работа с линией и цветом, упражнения на осознание своего телесного состояния «здесь и сейчас». Обсуждение фокусировалось на актуальных переживаниях, ощущении защищённости, поддержке.

3–4-я сессии были направлены на исследование внутреннего напряжения и стрессовых ситуаций. Предлагались темы «мой стресс», «моя защита», «место, где мне спокойно», работа с мандалами, визуализация и изображение телесных ощущений. Включались упражнения на осознание границ тела, напряжения и расслабления в разных его частях, что способствовало более точному замечанию связей между эмоциональными и соматическими проявлениями.

5–6-я сессии уделяли внимание переработке травматических переживаний, внутренних конфликтов, образов болезни. Участникам предлагалось создать образ своей болезни, а затем образ помощи, ресурса, поддержки. Через символическую трансформацию изображений (добавление цвета, света, новых деталей, изменение композиции) происходила реконструкция внутреннего отношения к своему состоянию. Музыкальное сопровождение подбиралось таким образом, чтобы поддерживать процесс эмоционального «прохождения» трудных переживаний.

7–8-я сессии были ориентированы на интеграцию полученного опыта, укрепление ресурсов и формирование личных стратегий самоподдержки. Темы «мой внутренний ресурс», «образ здоровья», «мой путь к равновесию» позволяли участникам закрепить позитивные изменения, сформулировать новые жизненные смыслы и цели. В завершении программы проводился ритуал прощания с группой, фиксация индивидуальных планов по использованию творческих способов саморегуляции в повседневной жизни.

Результаты и их обсуждение

Анализ данных показал выраженную положительную динамику по нескольким направлениям. Уже после 4-й сессии отмечалось статистически

значимое снижение уровня ситуативной тревожности в среднем на 23%, а личностной — на 17%. Участники сообщали о уменьшении частоты и интенсивности симптомов внутреннего напряжения, улучшении самочувствия (нормализация сна, снижение головных болей, уменьшение мышечных зажимов, более стабильный аппетит).

Субъективные отчёты в ходе групповой обратной связи подтвердили, что вовлечение в творческую деятельность позволяло мягко высвобождать подавленные эмоции, трансформировать их в более продуктивные формы самовыражения. Многие участники отмечали, что в процессе рисования, создания мандал или коллажей они впервые позволили себе открыто признать страхи, злость, чувство беспомощности, связанные с их заболеванием, не разрушаясь от этих переживаний.

Арт-терапевтический процесс обеспечивал безопасное пространство для проживания травматических переживаний и способствовал повышению осознанности телесных ощущений: участники чаще обращали внимание на дыхание, сердцебиение, мышечное напряжение и учились регулировать своё состояние через осознанное дыхание, движение, смену активности.

При анализе художественных работ участников на разных этапах программы выявлялись повторяющиеся мотивы и символы. В начале преобладали образы хаоса, фрагментарности, темные и контрастные цветовые решения, жёсткие линии, закрытые формы. Постепенно становились более заметны темы восстановления, равновесия, символы света, роста и очищения, появлялись более гармоничные композиции, мягкие линии, расширяющееся цветовое разнообразие. Это указывало на трансформацию внутреннего эмоционального состояния, снижение уровня соматизированного стресса, расширение репертуара переживаний и способов их выражения.

Особое значение имели групповые обсуждения, в ходе которых участники учились замечать собственные чувства, говорить о них, сопоставлять телесные и эмоциональные реакции, поддерживать друг друга. Появлялось больше доверия к своим ощущениям, снижалась тенденция игнорировать сигналы тела «до последнего», формировалось более бережное отношение к себе. Для части участников важным результатом стало осознание связи между прежними жизненными стрессами, нереализованными потребностями и текущим соматическим состоянием, что создавало основу для личностных изменений.

Таким образом, применение техник изотерапии, мандалотерапии, музыкотерапии и элементов телесной пластики демонстрирует устойчивый позитивный эффект при работе с клиентами, имеющими психосоматические проявления. Арт-терапия способствует восстановлению когнитивно-эмоционального баланса, укреплению самопринятия и развитию навыков саморегуляции. Она не заменяет медицинское лечение, но существенно дополняет его, позволяя учитывать психологические факторы заболевания и активнее включать самого пациента в процесс восстановления.

Заключение

Результаты проведённого исследования подтверждают эффективность арт-терапевтических технологий при работе с соматическими и психосоматическими расстройствами. Этот метод позволяет соединить рациональное и чувственное, дать возможность человеку выразить внутреннее напряжение через символический образ и телесное переживание творчества. Арт-терапия не только уменьшает выраженность симптомов, но и формирует устойчивые механизмы адаптации, способствует личностному росту, восстановлению внутренней гармонии и здоровья.

Полученные данные указывают на целесообразность включения арт-терапевтических программ в систему психологического сопровождения

взрослых с психосоматическими жалобами в образовательных и медицинских учреждениях. При этом важно учитывать индивидуальные особенности клиентов, их уровень готовности к творческому самовыражению, характер соматического заболевания и актуальные жизненные обстоятельства.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение специфических арт-терапевтических протоколов для различных категорий соматических больных (пациенты с сердечно-сосудистыми, гастроэнтерологическими, дерматологическими, онкологическими заболеваниями), разработку валидированных диагностических шкал для оценки терапевтической динамики, а также на расширение клинико-психологической базы арт-терапевтических программ в системе образования и медицины. Перспективным представляется междисциплинарное сотрудничество психологов, психотерапевтов, врачей, педагогов, позволяющее формировать комплексные модели помощи, в которых арт-терапия занимает важное место как метод, объединяющий соматический и психологический уровни функционирования человека.

Литература/References:

1. Александер, Ф. Психосоматическая медицина: Принципы и применение / Ф. Александер. — Москва : Институт психотерапии, 2002. -416с .
2. Вачков, И. В. Арт-терапия: методологические основы и практика применения / И. В. Вачков. — Москва : Академический проект, 2018. — 520 с.
3. Вольпер, П. Г. Психосоматика и творческая саморегуляция / П. Г. Вольпер. — Санкт-Петербург : Питер, 2017. — 288 с.
4. Иванов, А. А. Интегративные подходы в арт-терапии психосоматических расстройств / А. А. Иванов // Психологическая наука и образование. - 2019. - № 4. - С. 45–58.

5. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головкин О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.
6. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с. Kramers, E. Art as Therapy / E. Kramers. — New York : Schocken Books, 1971. — 210 p.
7. Jung, C. G. Man and His Symbols / C. G. Jung. — London : Aldus Books, 1964. — 352 p.
8. Rogers, N. The Creative Connection: Expressive Arts as Healing / N. Rogers. — Palo Alto : Science and Behavior Books, 1993. — 188 p.
9. Spiegel, D., Malchiodi, C. (eds.) Integrative Approaches to Art Therapy in Medical Settings / D. Spiegel, C. Malchiodi. — New York : Routledge, 2015.

ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Ширинская А.Д.

*ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Россия, г. Донецк*

Аннотация. За более чем столетнюю историю развития проективные методы остаются востребованным инструментом практической психологии, особенно в клинической и консультативной сфере. Они позволяют исследовать

скрытые, неосознаваемые аспекты личности через интерпретацию слабо структурированного стимульного материала, что трудно осуществимо с помощью стандартных опросников и тестов. В современных условиях роста запросов на глубокую психодиагностику личности и эмоциональной сферы, в том числе у детей и подростков, возрастает необходимость теоретического и методического осмысления принципов разработки проективных методик. Систематизация характеристик создания новых проективных методов важна для повышения их научного статуса, валидности и надежности.

Ключевые слова: проективные методы, проективная психодиагностика, разработка диагностических методик, слабо структурированный стимульный материал, личностный смысл, неосознаваемые процессы, психодиагностика личности.

CHARACTERISTICS OF THE DEVELOPMENT OF PROJECTIVE RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Shirinskaya A.D.

Donetsk State University, Donetsk, Russia

Abstract. For more than a century of development, projective methods have remained a sought-after tool for practical psychology, especially in the clinical and advisory fields. They allow us to explore hidden, unconscious aspects of personality through the interpretation of poorly structured stimulus material, which is difficult to achieve using standard questionnaires and tests. In modern conditions of growing demands for deep psychodiagnostics of personality and the emotional sphere, including in children and adolescents, there is an increasing need for theoretical and methodological understanding of the principles of developing projective techniques. Systematization of the characteristics of the creation of new projective methods is important for increasing their scientific status, validity and reliability.

Keywords: projective methods, projective psychodiagnostics, development of diagnostic techniques, poorly structured stimulus material, personal meaning, unconscious processes, personality psychodiagnostics.

Введение

Проективные методы занимают особое место в системе психодиагностических средств, поскольку ориентированы на не прямое, опосредованное исследование личности через предъявление неоднозначных, слабоструктурированных стимулов. В отличие от стандартизированных тестов и опросников, они акцентируют внимание на уникальном способе субъективного осмысления ситуации обследуемым, позволяя выявлять глубинные установки, внутренние конфликты и особенности эмоционально-личностной сферы. Исторически становление проективных методик связано с психоаналитической традицией и клиническим стилем мышления, в рамках которых была подчеркнута роль неосознаваемых процессов и механизмов психологической защиты. Со временем проективные методы вышли за пределы исключительно клинической практики и стали применяться в работе с детьми, подростками и взрослыми в образовательных, консультативных и исследовательских контекстах.

Одновременно с этим на протяжении десятилетий в научном сообществе сохраняются дискуссии о надежности, валидности и воспроизводимости данных, получаемых с помощью проективных методик, о границах их интерпретации и возможностях стандартизации. На фоне этих дискуссий особую значимость приобретает анализ характеристик разработки современных проективных методов, включающий требования к стимульному материалу, процедуре проведения, системе интерпретации и эмпирической проверке диагностических возможностей. Рассмотрение данных характеристик позволяет уточнить

методологические основания проективной диагностики и обозначить условия, при которых создаваемые методы могут обладать не только практической полезностью, но и полноценным научным статусом.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают проективные методы психодиагностики личности как особый класс психологических методов.

Предмет исследования – характеристики процесса разработки (создания) проективных методов: требования к стимульному материалу, процедуре, системе интерпретации и критериям научной обоснованности.

Цель исследования – теоретически обосновать и описать ключевые характеристики разработки проективных методов, определить методологические и практические условия их научной и диагностической состоятельности.

Методы исследования

В работе использованы теоретико-методологический анализ и сравнительный обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвящённых истории, теории и практике использования проективных методов в психологии. Применялось сопоставление различных классификаций проективных методик, подходов к пониманию их психологических механизмов и стратегий интерпретации результатов. В рамках анализа учитывались данные о распространённости применения классических проективных тестов (Роршаха, ТАТ и др.) в клинической практике и о современных дискуссиях вокруг их научного статуса.

Теоретические основы исследования

Проективные методы традиционно связываются с понятием «проекция» как психологического механизма переноса субъектом собственных переживаний, установок и конфликтов на внешне нейтральный или

неопределенный стимул. В классической психоаналитической традиции проекция рассматривается как способ внешнего приписывания личностно значимых, зачастую неосознаваемых свойств и мотивов, что делает ее благоприятным основанием для диагностики глубинных слоев личности. Наряду с этим, в дальнейшем были предложены и другие интерпретации механизмов, лежащих в основе проективных методов, в том числе концепция установки, акцентирующая внимание на устойчивых тенденциях восприятия и переработки информации, и категория личностного смысла, подчеркивающая субъективную значимость ситуации для человека.

Современные авторы отмечают, что специфику проективных методик следует искать не только в феномене проекции, но и в особенностях организации стимульного материала, позволяющего минимизировать влияние социальных ожиданий и сознательного самоконтроля обследуемого. Отсутствие однозначно правильного ответа, широкая вариативность интерпретаций и необходимость опоры на собственный опыт и фантазию создают условия для актуализации индивидуальных смыслов и эмоциональных реакций, которые трудно выявить с помощью структурированных тестовых заданий.

К числу ключевых формальных признаков проективных методик относятся слабая структурированность и многозначность стимульного материала, краткие и общие инструкции, допускающие широкий диапазон возможных ответов. Экспериментатор предъявляет обследуемому стимульные объекты (изображения, незавершенные истории, слова, пятна, рисунки и др.), которые не задают жестко определенного способа реагирования, а лишь стимулируют развёртывание субъективного содержания. В отличие от традиционных тестов, где важны точность и скорость выполнения, в проективных методиках акцент переносится на качественный анализ формы и

содержания реакции, особенностей её символики, эмоциональной окраски, последовательности и контекста.

Содержательно проективные методы ориентированы на выявление глубинных мотивационно-потребностных характеристик, конфликтных отношений, особенностей образа «Я», эмоциональной регуляции, специфики межличностных взаимодействий. Они позволяют исследовать не только итоговый ответ, но и процесс его формирования, включая колебания, уточняющие вопросы, невербальные проявления [15, с. 8, 16]. Важной особенностью является необходимость построения диалогических отношений между психологом и обследуемым: специалист выступает не просто регистратором ответов, но и внимательным собеседником, создающим безопасную атмосферу для самораскрытия. Это придает проективным методикам близость к клинико-психологическому и психотерапевтическому подходу, в котором значим опыт совместного переживания и осмысления предъявляемых стимулов.

Разработка новой проективной методики предполагает последовательное решение нескольких взаимосвязанных задач: обоснование теоретической модели личности или психологического конструкта, выбор типа стимульного материала, формулирование инструкции, определение процедур проведения и записи данных, создание системы кодирования и интерпретации.

На первом этапе важно четко определить, какие аспекты личности планируется исследовать (образы «Я», межличностные отношения, эмоциональные состояния, мотивационные тенденции и т.д.) и какие психологические механизмы предполагается актуализировать с помощью стимульных ситуаций.

При подборе стимульного материала учитываются его неоднозначность, способность вызывать широкий спектр ассоциаций и интерпретаций, а также

культурно-возрастная приемлемость для целевой группы обследуемых. Чем менее структурирован стимул, тем выше вероятность того, что ответы будут отражать индивидуальные особенности субъекта, а не социально желательные клише; одновременно чрезмерная неопределенность может затруднять понимание задания и снижать диагностическую информативность [14, с. 437]. Поэтому разработчик должен найти баланс между неопределенностью и смысловой насыщенностью стимулов, обеспечивая их доступность и одновременно многозначность.

Инструкция в проективной методике, как правило, остается краткой и гибкой, демонстративно не задает «правильного» способа реагирования, но при этом должна быть достаточно ясной, чтобы обследуемый понимал, какую форму ответа от него ожидают (рассказ, дорисовка, выбор, ассоциация и т.п.). Важной характеристикой разработки является также предварительная проработка возможных реакций и создание системы их кодирования: выделение категорий анализа, уровней интерпретации, критериев оценки эмоциональных, когнитивных и поведенческих особенностей.

Неотъемлемым этапом разработки является эмпирическая проверка надёжности и валидности методики: анализ согласованности оценок разных экспертов, устойчивости результатов при повторном обследовании, сопоставление данных с результатами других диагностических инструментов и клинической информации. Современные исследователи подчеркивают, что без такой проверки проективные методы рискуют оставаться субъективными и зависимыми от индивидуального стиля интерпретатора, что снижает их научный статус.

Исторически становление проективных методик связано не только с психоаналитической традицией, но и с клинко-экспериментальной работой конкретных авторов, которые конструировали стимульный материал и систему

интерпретации под определённую теоретическую модель личности. Так, Г. Роршах, разрабатывая тест чернильных пятен, подбирал 10 таблиц с симметричными аморфными пятнами, экспериментально оценивая их способность вызывать разнообразные, но устойчиво классифицируемые ответы у разных групп обследуемых, включая психически здоровых и пациентов психиатрических клиник [13, с. 513]. Х. Мюррей и К. Морган, создавая тематический апперцептивный тест (ТАТ), опирались на теорию потребностей и «прессов», конструируя серии сюжетных картинок, отражающих типичные конфликтные межличностные ситуации, и разрабатывали схему анализа рассказов по мотивам, потребностям, динамике героев [5, с. 47; 6, с. 241].

В дальнейшем появляются модификации классических методик, ориентированные на конкретные группы: детские апперцептивные тесты (САТ, САТ) с использованием картинок с животными или детьми, адаптированных к возрастным особенностям восприятия, тест фрустрации Розенцвейга, где стимульный материал строится как комикс-сцены с фрустрирующими ситуациями, а система интерпретации ориентирована на типы реакций на фрустрацию (экстрапунитивные, интрапунитивные, импунитивные). Аналогично рисуночные методики (Н-Т-Р, «Рисунок человека», «Рисунок семьи», «Рисунок несуществующего животного») развиваются как особые конструкции, где варьируются инструкция («нарисуй человека / дом / дерево / свою семью / несуществующее животное»), формат листа, ограничения по времени и вводятся системы категориального анализа формы, содержания и символики рисунка [12, с. 210].

Современные классификации выделяют несколько групп проективных техник, что важно учитывать при их разработке. Среди них: ассоциативные методики (свободные и направленные ассоциации, тесты типа Роршаха, цветовой тест Люшера), конструктивные методики (апперцептивные тесты,

рисуночные методики, игры с куклами и фигурками), методики завершения (тесты незаконченных предложений, незавершённых рассказов), методики выбора или упорядочивания (тесты предпочтения, тесты типа Сондия) и экспрессивные методики (анализ почерка, пластические и игровые формы выражения) [11, с. 220]. Для каждой группы специфичны свои требования к стимульному материалу: от степени неоднозначности и эмоциональной насыщенности до культурной и возрастной релевантности.

Разработка новой проективной методики включает несколько уровней: теоретико-концептуальный, конструкторский (создание стимулов и инструкции), процедурно-организационный и уровень стандартизации, валидации и нормирования. На теоретико-концептуальном уровне автор опирается на определённую модель личности (психоаналитическую, феноменологическую, когнитивно-персонологическую, культурно-деятельностную и др.) и уточняет, какие именно конструкты будут диагностироваться (например, глубинные потребности и конфликты, типы привязанности, особенности образа «Я», реакция на фрустрацию, механизмы совладания). Так, в основе ТАТ лежит теория потребностей Х. Мюррея, в основе теста Роршаха – представления о структуре восприятия, проекциях и типах реагирования на неопределённый стимул, а при создании теста Розенцвейга акцент делался на теории фрустрации и агрессии [8, с. 120].

На конструкторском уровне автор выбирает тип стимульного материала (изображения, словесные стимулы, незавершённые предложения, игровые объекты) и экспериментально проверяет их способность вызывать широкий спектр индивидуально окрашенных реакций при сохранении возможности систематизации. Выбор числа стимулов, их последовательности и сложности, а также степени структурированности происходит на основе пилотажных исследований: тестируются разные варианты стимулов на малых выборках,

проводится качественный анализ ответов, выделяются повторяющиеся категории и типы реакций.

Подобный путь прошли, например, создатели тестов незаконченных предложений, отбирая формулировки «стимулов-стержней» («Моё будущее...», «Люди вокруг меня...», «Когда я был ребёнком...»), которые надёжно актуализируют значимые для личности отношения, но не навязывают готового содержания.

Проектирование инструкции предполагает сочетание краткости, гибкости и достаточной определённости. В классических методиках (Роршах, ТАТ, рисуночные тесты) инструкция формулируется так, чтобы минимизировать социальную желательность и заданность «правильного» ответа, но при этом ясно обозначить форму реагирования: «Скажите, на что это похоже», «Придумайте рассказ по картинке», «Нарисуйте человека целиком», «Закончите предложение любым удобным для вас способом». На этом этапе автор продумывает, допускается ли уточнение инструкции в ходе работы, как реагировать на вопросы обследуемого, насколько допустимы дополнительные пояснения и примеры, чтобы не исказить проективность ситуации.

Разработка системы кодирования и интерпретации строится на сочетании категориального (качественного) анализа и, по возможности, количественных показателей. В тесте Роршаха это привело к созданию детальных систем счёта и интерпретации (Ехнер и др.), где каждая реакция кодируется по ряду параметров (локализация, детальность, форма, цвет, движение, содержание и др.), а затем рассчитываются индексы, позволяющие делать структурированные выводы о когнитивных и эмоционально-личностных особенностях [9, с. 274, 17]. В ТАТ и его модификациях аналогично выделяются показатели по содержанию рассказов (темы, мотивы, типы героев, завершения), динамике (напряжение, конфликт,

разрешение), эмоциональному тону, степени идентификации с персонажами, после чего создаются схемы интерпретации для разных групп обследуемых.

Процедурно-организационный уровень разработки включает описание условий проведения (индивидуальная или групповая форма, обстановка кабинета, продолжительность, допустимость перерывов), порядка предъявления стимулов и регистрации ответов (дословная запись, аудио- или видеозапись, использование бланков протокола) [10, с. 260]. Важно регламентировать поведение психолога: допустимые нейтральные уточнения, поддержка, сроки обратной связи, правила обсуждения результатов с обследуемым, особенно при работе с детьми и уязвимыми группами. Здесь же проектируются этические ограничения: информированное согласие, конфиденциальность, недопустимость категоричных вердиктов по результатам одной методики.

Этап стандартизации и эмпирической проверки включает несколько видов исследований. Во-первых, проверяется надёжность: межэкспертная согласованность при кодировании ответов, тест-ретестная стабильность значимых показателей там, где это оправдано. Во-вторых, оценивается валидность: сопоставление результатов с клиническими диагнозами, данными наблюдения, другими стандартизированными тестами (конвергентная и дивергентная валидность), а также с экспертными оценками специалистов. В-третьих, проводятся нормативные исследования на репрезентативных выборках для построения возрастных, гендерных и иных норм, особенно когда методика предполагает количественную интерпретацию. Значительная часть современных работ посвящена адаптации и нормированию классических методик (Роршаха, ТАТ, рисуночных тестов) в разных культурах и возрастных группах, что требует комплексной переработки стимулов, инструкции и системы интерпретации с учётом культурных и языковых особенностей.

Анализ современных источников показывает, что разработка проективных методик происходит на стыке нескольких теоретических линий: психоаналитической и неоаналитической (проекция, защитные механизмы, бессознательные мотивы), когнитивной (апперцептивное искажение, схемы восприятия, селективность внимания), культурно-деятельностной (личностный смысл, субъективное конструирование ситуации) и диалогической, подчеркивающей коммуникативный характер проективного взаимодействия. Например, концепция апперцептивного искажения Л. Беллака в интерпретации ТАТ акцентирует не столько вытесненные содержания, сколько устойчивые способы конструирования смысла в неоднозначных ситуациях [1, с. 311]. Подход Н.С. Бурлаковой и В.И. Олешкевича рассматривает проективный материал как диалогические структуры, актуализирующие не только внутренние, но и внешние коммуникативные модели, что влияет на дизайн стимулов и формулирование инструкций [2, с. 210; 7, с. 278, 16].

На практике это выражается в том, что при конструировании новых методик разработчики всё чаще ориентируются на конкретные диагностические задачи: изучение привязанности и семейных отношений у дошкольников через игровые и рисуночные проективные технологии, диагностику агрессии и фрустрационной толерантности у подростков через сюжетные или комикс-подобные стимулы, исследование профессиональной идентичности и ценностей взрослых через тесты незаконченных предложений и тематические рассказы. Тем самым проективные методы из «универсальных» становятся всё более проблемно-ориентированными и возрастно-специфическими, что требует особой тщательности в разработке стимулов, инструкций и систем интерпретации.

В современной научной литературе прослеживаются по крайней мере три основных направления обсуждения разработки проективных методов. Первое

направление связано с уточнением психологического механизма, лежащего в основе проективной диагностики: от классической «проекции» к более широким понятиям установки, личностного смысла, субъективного конструирования ситуации [4, с. 110]. Это позволяет рассматривать проективные методики как средства выявления не только вытесненных, но и в целом лично значимых, труднодоступных для прямого опроса смыслов и отношений.

Второе направление касается формальных признаков и процедурных характеристик методик: уточняются требования к степени структурированности стимулов, форме инструкций, роли исследователя и характеру взаимодействия с обследуемым. Подчеркивается необходимость перехода от исключительно клинико-интуитивной интерпретации к более стандартизированным схемам анализа, сочетающим качественные и количественные критерии.

Третье направление связано с обсуждением научного статуса и доказательной базы проективных методов. С одной стороны, отмечается их широкое и постоянное использование в клинической практике и образовательной психологии, что свидетельствует о высокой практической значимости. С другой стороны, подчеркиваются недостаточная разработанность процедур верификации, необходимость повышения надежности и валидности, интеграции проективных методик в мультимодальные диагностические программы, включающие стандартизированные тесты, наблюдение и анализ объективных данных.

Анализ также показывает, что современные авторы обращают внимание на создание специализированных проективных инструментов для отдельных возрастных и целевых групп, например, для дошкольников, детей младшего школьного возраста, подростков, а также для исследования отдельных личностных переменных (тревожность, агрессивность, особенности привязанности и др.). Это требует учёта возрастно-психологических

особенностей при конструировании стимулов и инструкций, а также адаптации системы интерпретации к специфике изучаемых групп.

Выявленные направления и характеристики разработки проективных методов позволяют сделать вывод о постепенном переходе от преимущественно клинико-интуитивного подхода к более системной и методологически рефлексивной стратегии конструирования методик. Сохранение принципов слабо структурированного стимульного материала и диалогической формы взаимодействия с обследуемым сочетается с поиском способов стандартизации процедуры и интерпретации, что призвано повысить воспроизводимость и доказательность результатов.

При этом сохраняется напряжение между необходимостью гибкости, индивидуализации и глубины анализа, с одной стороны, и требованиями количественной оценки, надежности и валидности – с другой. Для разрешения данного противоречия перспективным представляется включение проективных методик в мультимодальные диагностические комплексы, где они дополняют данные опросников, тестов способностей, наблюдения, анализа продуктов деятельности [3, с. 170]. В таком контексте проективные методы перестают рассматриваться как универсальный и самодостаточный инструмент, но получают статус специализированного средства углубленной качественной диагностики определенных аспектов личности.

Особое значение имеет разработка четких схем кодирования и интерпретации, обучение специалистов правилам проведения и анализа проективных методик, а также развитие этических стандартов их применения. Неправильное использование или гипертрофированная трактовка отдельных реакций без учета контекста жизни обследуемого могут приводить к стигматизации, ошибочным выводам и подрыву доверия к методам в целом. Поэтому характеристика разработки проективных методик должна включать не

только технические параметры, но и требования к профессиональной подготовке психолога, его рефлексивной позиции и готовности к сотрудничеству с обследуемым.

Заключение

Проективные методы исследования личности представляют собой особый класс психодиагностических средств, ориентированных на изучение индивидуальных смыслов и неосознаваемых аспектов психики через интерпретацию слабо структурированного стимульного материала. Теоретический анализ показал, что разработка проективных методик опирается на представления о проекции, установке, личностном смысле и субъективном конструировании ситуации, а также требует соблюдения ряда формальных и содержательных критериев. Ключевыми характеристиками процесса создания новых проективных методов являются обоснование целевого психологического конструкта, подбор многозначного, но доступного стимульного материала, формулировка ясной, но не директивной инструкции, разработка системы кодирования и интерпретации, а также эмпирическая проверка надежности и валидности.

Современные тенденции свидетельствуют о необходимости интеграции проективных методик в мультимодальные программы психодиагностики, повышении стандартизации процедур и разработке четких этических регламентов их применения. Перспективы дальнейших исследований связаны с созданием возрастно-специфических и проблемно-ориентированных проективных инструментов, уточнением критериев их научной состоятельности и разработкой программ подготовки специалистов, компетентных в качественной и количественной интерпретации получаемых данных.

Литература/References:

1. Беллак, Л. Тематический апперцептивный тест: теория, практика, интерпретация / Л. Беллак ; пер. с англ. — Москва : Класс, 2001. — 312 с.
2. Бурлакова, Н. С. Проективные методы: дискуссии о научном статусе, возможностях и ограничениях в современной диагностике личности : монография / Н. С. Бурлакова. — Москва : МГППУ, 2016. — 250 с.
3. Мак-Клелланд, Д. Мотивация человека / Д. Мак-Клелланд. — Санкт-Петербург : Питер, 2007. — 304 с.
4. Мякушкин, Т. В. Проективные методы психодиагностики : учебное пособие / Т. В. Мякушкин. — Казань : КФУ, 2014. — 190 с.
5. Обухова, П. К. К вопросу о разработке и использовании проективных методов изучения личности / П. К. Обухова // Психологический журнал. — 2019. — Т. 40, № 3. — С. 45–56.
6. Проективный метод в психодиагностике : учебное пособие / под ред. Е. Т. Соколовой. — Москва : Академия, 2015. — 280 с.
7. Проективные методы в клинической психологии : учебное пособие / под ред. Н. С. Бурлаковой. — Москва : МГППУ, 2018. — 320 с.
8. Проективные методики в психологии: примеры и особенности применения // Психологическая наука и образование. — 2022. — Т. 27, № 4. — С. 112–128.
9. Роршах, Г. Психодиагностика / Г. Роршах. — Москва : ЭКСМО, 2010. — 384 с.
10. Соколова, Е. Т. Проективные методы исследования личности / Е. Т. Соколова. — Москва : Изд-во МГУ, 2012. — 288 с.
11. История создания и обоснования проективных методик // Психодиагностика : учебное пособие / под ред. А. Г. Шмелёва. — Москва : АСТ, 2016. — С. 210–245.

12. Проективные методики в психодиагностике личности: теория и практика / под ред. Т. В. Мякушкина. — Казань : КФУ, 2015. — 270 с.
13. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. — Санкт-Петербург : Питер, 2003. — 528 с.
14. Exner, J. F. The Rorschach: A Comprehensive System. Vol. 1. Basic Foundations and Principles of Interpretation / J. F. Exner. — New York : Wiley, 2003.
15. Projective Techniques: Even We Skeptics Should Know a Little // Journal of School Psychology. — 2021. — Vol. 59. — P. 1–15.
16. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головкин О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.
17. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиодди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.

ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ В АРТ-ТЕРАПИЮ

Шоджай Ф.¹, Осорио Т.Дж.², Ши П.³

¹магистр наук, аспирант на кафедре информатики Индианского университета
(г. Блумингтоне, шт. шт. Индиана, США)

²магистр наук, аспирант на кафедре информатики Индианского университета
(г. Блумингтоне, шт. шт. Индиана, США)

³доктор технических наук, доцент кафедры информатики Индианского университета (г. Блумингтоне, шт. Индиана, США).

Аннотация. Поскольку роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в здравоохранении растет, их потенциальное применение в арт-терапии также изучается. Данное исследование представляет собой обзор технологических инструментов в арт-терапии, но при этом не содержит их подробного описания. В этом кратком обзоре, основанном на применении полуструктурированного интервью, проведенного с 20 арт-терапевтами из Американской арт-терапевтической ассоциации, рассматривается интеграция ИКТ в практике арт-терапевтов. Определены преимущества и недостатки использования технологий в трех ключевых категориях: клиническом управлении, планировании сеансов и в терапевтическом вмешательстве. Целью этого обзора является понимание текущей технологической практики арт-терапевтов. В заключение приводится краткое описание потенциального вклада этой работы арт-терапию.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, арт-терапия, терапия творческими искусствами, терапевтические вмешательства, планирование сеансов, клиническое управление.

EXPLORING THE INTEGRATION OF TECHNOLOGY IN ART THERAPY

Shojaei F.

*MD, PhD Student, Department of Computer Science, Indiana University
(Bloomington, USA)*

Torres J.O.

*MD, PhD Student, Department of Computer Science, Indiana University
(Bloomington, IN, USA)*

Shih P.

*PhD, Associate Professor, Department of Computer Science, Indiana
University (Bloomington, USA)*

Abstract. As technology's role in health grows, its potential application in art therapy has also been explored. Existing studies provide broad overviews of technological tools in art therapy yet lacking a thorough examination of their purpose and impact. This brief report, through semi-structured interviews with 20 art therapists from the American Art Therapy Association, examines art therapists' technology integration into their practice. We identify advantages and disadvantages of using technology across three key categories: clinical management, session planning, and therapeutic interventions. This report aims at understanding the current technological practices of art therapists concluding with a brief description of potential contribution of this work to the field of art therapy.

Keywords: technologies, art therapy, creative arts therapies, clinical management, session planning, and therapeutic interventions.

Введение

Эмпирические исследования показывают положительное влияние терапии творческими искусствами ТТИ (creative arts therapies - CATs), включая арт-терапию (АТ), на психологическое и физиологическое благополучие. По данным Американской ассоциации арт-терапии (ААТА), АТ целостно вовлекает разум, тело и дух, используя невербальные формы коммуникации [1]. Каждая модальность ТТИ использует различные средства, подчеркивающие креативность, при этом АТ использует визуальные художественные медиа в терапевтических отношениях для содействия самовыражению [23]. Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в АТ помогает расширить возможности терапевтических вмешательств и доступ к АТ [15].

Кризис COVID-19 способствовал внедрению ИКТ в онлайн-психологическую помощь, подчеркнув острую необходимость в том, чтобы

телемедицина стала повседневной частью оказания медицинской помощи [11]. Интеграция ИКТ в АТ обеспечивает такие преимущества, как повышение безопасности консультирования [14, 26], надежности контакта [26], стимулирует креативность, расширяет права и возможности клиентов и снижает тревожность [9]. Видеоигры и VR улучшают физическое и психическое благополучие [2, 12], способствуют решению проблем, коммуникации и когнитивному развитию в безопасной обстановке [15]. Телемедицина предлагает гибкие формы взаимодействия с клиентами, преодолевает географические барьеры, снижает затраты и обеспечивает непрерывность ухода [10, 24]. Нолан и Бостельманн [19] продемонстрировали ее способность улучшать обучение стажеров. Кроме того, административное программное обеспечение оптимизирует действия, сокращает количество ошибок и улучшает клинические решения [16].

Использование ИКТ в АТ также сопряжено с определенным кругом проблем. Ускоренное внедрение технологий во время пандемии COVID-19 подняло инфраструктурные и практические вопросы [11]. Цифровые инструменты влекут за собой затраты, требуют обучения персонала и соблюдения мер безопасности [21]. Финансовые ограничения, организационные барьеры и нехватка рабочей силы препятствуют широкому внедрению телемедицинских вмешательств [22]. Кроме того, ИКТ могут поставить под угрозу невербальные сигналы и сенсорные ощущения [26]. Терапевты выражают обеспокоенность по поводу отвлекающих факторов и потенциального повреждения оборудования во время сеансов [8, 9]. Возникают этические проблемы, касающиеся конфиденциальности клиента, особенно в удаленных сеансах [3, 6]. В связи с этим, даются рекомендации по обучению специалистов цифровой грамотности [7].

Учитывая эти проблемы, возникает необходимость в сотрудничестве между терапевтами и разработчиками для эффективного использования

компьютерных приложений в АТ, чтобы расширить возможности ИКТ, одновременно гарантируя, что новые технологические разработки соответствуют терапевтическим стандартам [13, 20]. Имеется необходимость в повышении простоты и эффективности использования ИКТ арт-терапевтами. В качестве первого шага это исследование имеет целью изучение текущего состояния, проблем и преимуществ использования ИКТ в арт-терапии посредством интервью с терапевтами и опираться на существующие исследования.

Программа исследования

Для исследования было разработано специальное качественное интервью, изучающее интеграцию ИКТ в АТ с точки зрения терапевтов. Исследование было проведено докторантами-исследователями взаимодействия человека и компьютера с упором на АТ. Интервью получило полное одобрение от Институционального наблюдательного совета университета, гарантирующего этический отбор участников, конфиденциальность, добровольное участие и информированное согласие.

Терапевты были набраны на 53-й ежегодной конференции ААТА. Двадцать участников дали устное согласие на индивидуальные полуструктурированные интервью. Такой подход позволил задать дополнительные вопросы, обеспечил эффективность и разнообразные точки зрения, сэкономив при этом время и затраты.

Полуструктурированные интервью, длящиеся примерно 30 минут, включали открытые вопросы для получения подробных ответов об интеграции ИКТ в АТ. Интервью проводились конфиденциально, записывались на аудио с согласия и анонимизировались с использованием кодовых имен участников для конфиденциальности. Были рассмотрены следующие темы:

1. Демографические данные участников, степени, сертификаты и продолжительность их опыта в АТ.
2. Воспринимаемые преимущества и недостатки использования ИКТ в АТ.
3. Технологические инструменты или платформы/приложения, используемые арт-терапевтами и/или клиентами, и их эффективность с точки зрения арт-терапевтов.
4. Этические соображения и опасения, связанные с использованием технологий в АТ.
5. Пожелания и рекомендации арт-терапевтов по интеграции технологий в практику АТ.

Достоверность качественного исследования обеспечивалась тремя способами: 1) основывая вопросы интервью на предыдущей литературе; 2) проводя индивидуальные и частные интервью с выбранными участниками, чтобы минимизировать влияние коллег и получить честные ответы об их прошлом опыте; и 3) объединяя и перепроверяя инструменты сбора данных, поскольку все интервью были записаны на аудио, зафиксированы в подробных полевых заметках и перепроверялись с помощью расшифровок, созданных ИИ, для точности. Участникам была гарантирована строгая конфиденциальность, что усиливает стандарты конфиденциальности как для обработки данных, так и для публикации. Эти меры повышают надежность и этическую целостность исследовательской методологии.

Был проведен тематический анализ [4] для выявления закономерностей в закодированных данных. Для этого использовалось программное обеспечение Otter.ai и Taguette для качественного анализа и для облегчения транскрипции и кодирования. Авторы независимо кодировали транскрипты, а затем совместно работали над окончательной доработкой кодов для всестороннего анализа.

Результаты

Анализ интервью был сосредоточен на трех основных темах: 1) цель технологии, 2) преимущества использования технологии и 3) недостатки использования технологии. Результаты ответов по каждой теме представлены ниже.

Цель использования технологии

Наши выводы показывают, что терапевты используют технологию в своей практике для трех основных целей: 1) как инструменты клинического управления, 2) как инструменты управления/планирования сеансов и 3) как инструменты терапевтического вмешательства. Если инструменты не предписаны их организацией, они либо выбирали инструменты, с которыми уже были знакомы и считали удобными для пользователя, либо выбирали инструменты, рекомендованные коллегами за их эффективность. Пользователей этих технологий также можно разделить на три группы: 1) только арт-терапевт, 2) только клиент и 3) арт-терапевт с клиентом. Однако важно отметить, что эти отношения не ограничиваются одной категорией, поскольку между этими тремя категориями пользователей могут быть различные комбинации.

Инструменты клинического управления

По словам участников, инструменты, используемые для управления клиническими задачами, охватывали три основные цели: 1) документация, 2) выставление счетов и 3) телемедицина. Терапевты в организационных условиях обязаны использовать системы электронных медицинских карт (EHR/EMR), соответствующие требованиям HIPAA, или программное обеспечение для управления практикой (PMS).

Мы обнаружили, что терапевты используют системы EHR/EMR, такие как Simple Practice, NextGen и т. д., для упрощения картирования пациентов, выставления счетов, телемедицины и предоставления доступа к

образовательным ресурсам. PMS, такие как IntakeQ, оптимизируют заполнение форм, выставление счетов и позволяют проводить телемедицину, в то время как программы, такие как Doxy.me, обеспечивают соответствие HIPAA во время удаленных сеансов. Терапевты в частной практике также используют программы, не соответствующие требованиям HIPAA, чтобы снизить свои расходы.

Инструменты управления сеансами/планирования

Эти технологии в основном используются для планирования сеансов АТ. Терапевты используют эти инструменты для планирования встреч, общения с другими сотрудниками и врачами относительно прогресса клиентов, подготовки материалов для сеанса и саморекламы для привлечения новых клиентов. Как и предыдущая категория, терапевты используют сочетание инструментов, соответствующих и не соответствующих требованиям HIPAA, для этих целей.

Инструменты терапевтического вмешательства

Терапевтические технологии сосредоточены вокруг клиента. Они охватывают широкий спектр мероприятий, адаптированных для каждого сеанса, чтобы улучшить терапевтический опыт как для терапевтов, так и для клиентов. Мы обнаружили шесть функциональных групп терапевтических вмешательств, связанных со следующими задачами: созданием произведений искусства, рассказыванием историй, игрой, пением/танцами, оценкой искусства и обучением/образованием.

При создании произведений искусства терапевты используют различные цифровые инструменты для цифровой живописи и коллажей, а также обучающие материалы по скульптуре на YouTube для изучения таких техник, как кинцуги, в дополнение к созданию коротких видеороликов с помощью iMovie или Picsart. Рассказывание историй, организованное ресурсами Oaklander Training, побуждает клиентов исследовать личные истории с помощью онлайн-занятий с

песочницей, кукольным домиком и кукольным театром. Игры, с другой стороны, способствуют установлению связей и расслаблению во время сеансов с помощью цифровых настольных игр, цифровых карточных игр, видеоигр, головоломок или образовательных. Пение и танцы также упоминались как вмешательство, способствующее физическому выражению и эмоциональному освобождению, облегчаемому различными инструментами. Средства оценки искусства включают виртуальные действия или фоновую музыку для улучшения терапевтической среды и способствуют расслаблению с помощью музыкальных приложений, таких как Spotify, YouTube, Apple Music и т. д. Наконец, для обучения и просвещения клиентов терапевты используют приложения для отслеживания настроения, приложения для развития социальных навыков, такие как Meetup и Circle, и образовательные каналы YouTube.

Преимущества использования технологий

Восприятие респондентами преимуществ ИКТ в АТ выявило четыре основные темы: оптимизация деятельности терапевтов, повышение доступности с помощью платформ и программного обеспечения, расширение прав и возможностей клиентов умственно и физически и повышение безопасности клиентов.

Оптимизация деятельности арт-терапии

Арт-терапевты ценят специализированное программное обеспечение EHR/EMR и PMS для эффективной организации и бесперебойного доступа к информации. По словам одного из участников, «[эти инструменты] в основном управляют моим бизнесом». Эти инструменты не только облегчают управление данными клиентов, заметками о ходе лечения и планами лечения, но и повышают способность эффективно контролировать ведение клиента, позволяя терапевтам легко и точно ориентироваться в информации о клиенте.

Улучшение доступности с помощью платформ и программного обеспечения

Терапевты подчеркнули преимущества удаленных технологических платформ, связанных с мобильностью, гибкостью и портативностью. Приложения для видеоконференций позволяют удаленно участвовать в сеансах АТ, как заметил один из участников, «[если] они не могут встретиться, это позволяет им оставаться на связи дольше» для клиентов, которые не могут добраться и/или не имеют художественных материалов из-за финансовых трудностей, а «использование компьютеров — действительно простой способ» заниматься АТ. Терапевты также подчеркнули преимущества онлайн-программного обеспечения на портативных устройствах для легкого доступа к данным и «сохранения конфиденциальности».

Расширение прав и возможностей клиентов умственно и физически

Терапевты указали, что удаленные технологии помогают обеспечить чувство «комфорта» и легкости, особенно клиентам с проблемами интимной близости, поскольку они могут находиться у себя дома. Кроме того, возможность создавать и модифицировать свои произведения искусства помогает клиентам, «которые боролись с созданием произведений искусства, самоосуждением, критикой и перфекционизмом», лучше выражать себя свободно. Таким образом, технология способствует творчеству и самовыражению в «безопасной среде».

Повышение безопасности клиентов

Данные исследования показали, что использование технологий повышает безопасность клиентов несколькими способами. Виртуальная АТ снижает подверженность клиентов вирусному заражению, связанному с совместным использованием инструментов, когда люди «больше беспокоятся о микробах и чистоте» (например, в больничных условиях). Кроме того, взаимодействие с сенсорным экраном (например, работа с планшетом) помогает смягчить

опасения по поводу физического вреда при использовании физических художественных принадлежностей. Это беспокойство связано с клиентами, которые могут причинить вред себе или другим острыми предметами. По словам участников, этот переход к виртуальным сеансам стал предпочтительным для некоторых клиентов как по «практическим причинам, так и с точки зрения повышения комфорта», особенно после пандемии COVID-19.

Недостатки использования технологий

Участники также подчеркнули недостатки, связанные с интеграцией технологий. В частности, они отметили снижение качества сеансов, более высокую нагрузку на терапевтов, финансовые трудности и потенциальные риски для физической безопасности клиентов.

Снижение качества сеансов

Терапевты обнаружили, что клинические инструменты управления отвлекают из-за невозможности непосредственно наблюдать и вмешиваться в процесс создания произведений искусства во время онлайн-сеансов, что влияет на вовлеченность клиентов. Кроме того, терапевты отметили, что использование таких устройств, как «iPad или телефоны во время сеансов, влияет на способность клиентов оставаться сосредоточенными, особенно у людей с СДВГ». Кроме того, терапевты признали, что такие технологии, как VR, хотя и интригуют, не могут воспроизвести тактильный опыт традиционного создания произведений искусства. Более того, непрерывность и качество онлайн-сеансов сильно подвержены перебоям в работе с Интернетом и электроэнергией.

Более высокая нагрузка для арт-терапевтов

Многие терапевты рассматривали интеграцию технологий в сеансы АТ для увеличения своей рабочей нагрузки из-за необходимости инвестировать время и усилия в обучение использованию новых инструментов или платформ, что часто требует дополнительного обучения или поддержки. Вместе с этим возникли и

проблемы с обучением клиентов использованию технологий, особенно пожилых людей, что подчеркивает сложность внедрения новых технологий в эту демографическую группу. Эти факторы в совокупности увеличивают нагрузку на терапевтов при внедрении новых технологий в свою практику.

Финансовые трудности

Терапевты выразили финансовую обеспокоенность по поводу интеграции технологий в АТ. Они отметили расходы, связанные с новым программным обеспечением или подписками, а также технологическим оборудованием, таким как VR, которое, по их мнению, может улучшить терапию, но во многих случаях может быть дорогим. Участники отметили, что этот финансовый барьер ограничивает клиентов, которые не могут себе этого позволить, в доступе к технологическим вмешательствам, что, в свою очередь, не позволяет им получать услуги АТ.

Потенциальные риски безопасности для клиентов

Арт-терапевты беспокоились о физической безопасности клиентов, особенно страдающих психическими заболеваниями, при использовании определенных технологий. Они подчеркнули необходимость технологий, с которыми «безопасно взаимодействовать» во время сеансов. Кроме того, они подчеркнули обеспокоенность по поводу потенциальных нарушений конфиденциальности клиентов при использовании технологий.

Обсуждение

В нашем исследовании подчеркивается преобразующий потенциал технологий в АТ, подчеркивая необходимость понимания их преимуществ и недостатков. Технологии могут оптимизировать административные задачи для терапевтов и обеспечить соответствие HIPAA, но создают такие проблемы, как необходимость обучения и финансовые барьеры, как также было показано в предыдущем исследовании [5]. Для клиентов технологии могут уменьшить

физические и психические проблемы, стимулировать творчество и ослабить беспокойство, связанное с сеансами, особенно после COVID-19. Однако проблемы цифровой грамотности [22, 25] и отсутствие сенсорного взаимодействия остаются актуальными. Хотя телемедицина расширяет доступ к терапии, конфиденциальность требует тщательного рассмотрения. Сотрудничество между IT-специалистов и терапевтами, наряду с удобным дизайном и всесторонним образованием [18] может повысить преимущества и минимизировать риски применения ИКТ в АТ.

Практические выводы

Результаты нашего исследования подтверждают факт активного внедрения технологий, происходящую в области АТ. Хотя это ни в коем случае не исчерпывает все потенциальные возможности их применения, мы предлагаем 1) отдать приоритет обучению, ориентированному на цифровую грамотность, для устранения пробелов в технологических знаниях для терапевтов и клиентов; и 2) содействовать междисциплинарному сотрудничеству между АТ и технических специалистов для решения вопросов доступности технологий и безопасности клиентов.

Ограничения

Мы выявили два ограничения: 1) отсутствие точки зрения клиента и 2) ограниченный размер выборки. Это исследование основывалось исключительно на идеях терапевтов о преимуществах и проблемах технологий в АТ, опуская опыт клиентов. Кроме того, размер выборки из 20 участников из США может не охватывать все разнообразие опыта, что ограничивает обобщаемость. Будущие исследования должны включать точки зрения клиентов и более крупную, более разнообразную выборку, чтобы обеспечить всестороннее понимание роли технологий в АТ.

Заключение

Наше исследование представляет собой всесторонний обзор текущего состояния использования ИКТ в АТ, классифицированного по функциям. В нем также подчеркиваются возможности и проблемы, связанные с этими технологиями, предлагая идеи для улучшения их интеграции в практику АТ.

Литература/References:

1. American Art Therapy Association. About art therapy. – 2017. <https://arttherapy.org/about-art-therapy/>
2. Annema J. H., Verstraete M., Vanden Abeele V., Desmet S., & Geerts D. Videogames in therapy: A therapist's perspective [Paper presentation]. 3rd International Conference on Fun and Games (pp. 94–98), 2010ю.
3. Asawa P. Art therapists' emotional reactions to the demands of technology // Art Therapy. – 2009. – Vol.26, №2. – pp. 58–65.
4. Braun V., & Clarke V. Thematic analysis. – American Psychological Association, 2012.
5. Budd J. Burnout related to electronic health record use in primary care // Journal of Primary Care & Community Health. – 2023. – Vol.14, №2. – pp. 23-29.
6. Carlton N. R. Digital media use in art therapy [Doctoral dissertation]. – Cambridge, MA: Lesley University, 2014.
7. Choe N. S., & Carlton N. R. Behind the screens: Informed consent and digital literacy in art therapy // Art Therapy. – 2019. – Vol.36, №1. – pp. 15–21.
8. Darewych O. H., Carlton N. R., & Farrugie K. W. Digital technology use in art therapy with adults with developmental disabilities // Journal on Developmental Disabilities. – 2015. – Vol. 21, №2. – pp. 95-101.

9. Diggs L. A., Lubas M., & De Leo G. Use of technology and software applications for therapeutic collage making // International Journal of Art Therapy. – 2015. – Vol.20, №1. – pp. 2–13.
10. Dores A. R., Geraldo A., Carvalho I. P., & Barbosa F. The use of new digital information and communication technologies in psychological counseling during the COVID-19 pandemic // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – Vol. 17, №20. – 7663.
11. Feijt M., de Kort Y., Westerink J., Bierbooms J., Bongers I., & IJsselstein W. Integrating technology in mental healthcare practice: A repeated cross-sectional survey study on professionals' adoption of Digital Mental Health before and during COVID-19 // Frontiers in Psychiatry. – 2022. – Vol.13, №2. – pp.23-29.
12. Franco G. E. Videogames and therapy: A narrative review of recent publication and application to treatment // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7, №1. – pp.12-24.
13. Gussak D. E., & Nyce J. M. To bridge art therapy and computer technology: The visual toolbox // Art Therapy. – 1999. – Vol.16, №4. – pp. 194–196.
14. Hancock M., Ten Cate T., Carpendale S., & Isenberg T. Supporting sandtray therapy on an interactive tabletop [Paper presentation]. SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (pp. 2133–2142). 2009.
15. Hoey J., Zutis K., Leuty V., & Mihailidis A. A tool to promote prolonged engagement in art therapy: Design and development from arts therapist requirements [Paper presentation]. 12th International ACM SIGACCESS Conference on Computers and Accessibility (pp. 211–218), 2010.
16. Honeyford K., Expert P., Mendelsohn E. E., Post B., Faisal A. A., Glampson B., Mayer E. K., & Costelloe C. E. Challenges and recommendations for high quality research using electronic health records // Frontiers in Digital Health. – 2022. – Vol. 4. – 940330.

17. Lie A., Stephen A., Supit L. R., Achmad S., & Sutoyo R. Using strategy video games to improve problem solving and communication skills: A systematic literature review [Paper presentation]. 2022 4th International Conference on Cybernetics and Intelligent System (ICORIS) (pp. 1–5). IEEE, 2022.
18. Molfenter T., Heitkamp T., Murphy A. A., Tapscott S., Behlman S., & Cody O. J. Use of telehealth in mental health (MH) services during and after COVID-19 // Community Mental Health Journal. – 2021. – Vol. 57, №7. – pp. 1244–1251.
19. Nolan E., & Bostelmann E. Social media and art therapy services: Adapting and evolving // Art Therapy. – 2021. – Vol. 39, №2. – pp. 98–102.
20. Peterson B. C. Art therapists' adoption and diffusion of computer and digital imagery technology. – Tallahassee, FL: The Florida State University, 2006.
21. Queen J. T. EHR/EMR/PHR technology impact on the medical community and public opinion, 2021.
22. Shannon Mace J. D., Boccanelli A., & Dormond M. The use of telehealth within behavioral health settings: Utilization, opportunities, and challenges, 2018.
23. Shojaei F., Shojaei F., Bergvist E. S., & Shih P. C. Exploring the impact of digital art therapy on people with dementia: a framework and research-based discussion // International conference on innovation of emerging information and communication technology (pp. 133–143). – Springer Nature Switzerland. 2023.
24. Taylor C. B., Fitzsimmons-Craft E. E., & Graham A. K. Digital technology can revolutionize mental health services delivery: The COVID-19 crisis as a catalyst for change // The International Journal of Eating Disorders. – 2020. – Vol. 53, №7. – pp. 1155–1157.
25. Witteveen A. B., Young S., Cuijpers P., Ayuso-Mateos J. L., Barbui C., Bertolini F., Cabello M., Cadorin C., Downes N., Franzoi D., Gasior M., John A., Melchior M., McDaid D., Palantza C., Purgato M., Van der Waerden J., Wang S., & Sijbrandij M. Remote mental health care interventions during the COVID-19

pandemic: An umbrella review // Behaviour Research and Therapy. – 2022. – 159, 104226.

26. Zubala A., Kennell N., & Hackett S. Art therapy in the digital world: An integrative review of current practice and future directions // Frontiers in Psychology. – 2021. – 12, 595536.

АРТ-ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ СПЕЦИАЛИСТОВ, ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

Юлдашев Г. Ю.

Кафедра хирургических болезней и трансплантологии.

Ургенчский государственный медицинский институт.

Республика Узбекистан, г. Ургенч

Аннотация. В статье рассматривается проблема эмоционального выгорания специалистов помогающих профессий (психологов, социальных работников, медиков, педагогов). Анализируются основные симптомы и фазы синдрома выгорания, а также его влияние на эффективность профессиональной деятельности и качество жизни. Особое внимание уделяется арт-терапии как эффективному методу профилактики и коррекции выгорания. В работе описаны конкретные арт-терапевтические техники и упражнения, направленные на осознание и проживание подавленных эмоций, снижение уровня тревожности, восстановление внутренних ресурсов и предотвращение деформации личности. Приводятся примеры практических занятий с использованием различных художественных материалов. Делается вывод о высокой значимости внедрения арт-терапевтических методов в систему психологической поддержки специалистов помогающего профиля.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, помогающие профессии, арт-терапия, профилактика, коррекция, психологическая помощь, ресурсное состояние, саморегуляция.

ART THERAPY IN WORKING WITH EMOTIONAL BURNOUT OF SPECIALISTS IN HELPING PROFESSIONS

Yuldashev G. Yu.

Department of Surgical Diseases and Transplantation.

Urgench State Medical Institute.

Republic of Uzbekistan, Urgench

Abstract. The article discusses the problem of emotional burnout among professionals in the helping professions (psychologists, social workers, medical professionals, and educators). It analyzes the main symptoms and phases of burnout syndrome, as well as its impact on the effectiveness of professional activities and the quality of life. Special attention is given to art therapy as an effective method for preventing and correcting burnout. The article describes specific art therapy techniques and exercises aimed at recognizing and experiencing suppressed emotions, reducing anxiety levels, restoring internal resources, and preventing personality deformation. Examples of practical exercises using various artistic materials are provided. The article concludes that the implementation of art-therapeutic methods in the system of psychological support for helping professionals is highly significant.

Keywords: emotional burnout, helping professions, art-therapy, prevention, correction, psychological assistance, resource state, self-regulation.

Плохое, нехорошее психическое здоровье связано с низкой производительностью и высоким уровнем выгорания [1]. Это физического, эмоционального и психического истощения больного человека, вызванного непреодолимым стрессом [2]. Всемирная организация здравоохранения признает профессиональное выгорание явлением, возникающим в результате стресса на работе [3,4]. С которыми не удалось успешно справиться. Лечение арт терапией стремятся изменить мир к лучшему и искренне заботятся о благополучии больного человека [5,6].

Удовлетворяя основные потребности больных людей, эти медицинские работники испытывают высокое давление [7,8]. Связанное с большой бумажной, требованиями грантов, жесткими бюджетами и недоукомплектованными командами, вследствие чего более уязвимы к выгоранию. Глобальное исследование психического здоровья и благополучия сотрудников показало, что почти каждый четвертый работник испытывает симптомы профессионального выгорания [9,10]. К больным туберкулезом всегда есть раздражительность, усталость, бессонница, тревожность и депрессия [11,12]. Проблемы с физическим, психологическим и эмоциональным здоровьем приводят к тому, что все больше медицинских работников затрудняются работать [13]. Хотят прекратить свою деятельность из-за отсутствия вовлеченности, низкой удовлетворенности, снижения производительности и психологического благополучия. Для профилактики профессионального выгорания руководители волонтерских команд могут организовывать для работников сеансы арт-терапии [14]. Приглашать на сеанс арт-терапевтов, использующих методы визуального искусства в целях психосоциальной поддержки, облегчения симптомов выгорания и психосоциального дистресса.

Целью данной работы: является изучение возможностей арт-терапии для профилактики психоэмоционального выгорания у волонтеров. Для ее достижения были использованы структурно-функциональные и теоретические методы исследования: анализ, обобщение и синтез литературы в области психологической профилактики выгорания.

Творческая арт-терапия представляет собой психологическое вмешательство для смягчения и предотвращения длительного стресса, которое фокусируется на повышении устойчивости — способности людей использовать ресурсы, которые поддерживают благополучие культурно значимыми способами. Ее проводят психотерапевты, которые используют методы,

основанные на искусстве, и творческие процессы для улучшения здоровья и благополучия.

Творческая арт-терапия включает терапию изобразительным искусством, письмом, музыкальную и танцевально-двигательную терапию — способы, которыми люди могут исследовать и делиться эмоциями в визуальной, письменной, музыкальной или физической форме. Арт-терапия предлагает участникам определить травму на рабочем месте и ее влияние на физическую, психологическую и эмоциональную системы. Последовательные семинары нацелены на максимизацию социальной поддержки с коллегами для обработки и нормализации косвенных и остаточных травматических эффектов, разработки механизмов преодоления и устойчивости. Отдельные произведения искусства, тексты, движения и музыкальные выражения становятся способами общения для сложных переживаний, позволяя участникам находить язык и поддерживать друг друга при раскрытии переживаний. Это формирует сообщества поддержки, в которых участники часто развивают новые, более сострадательные взгляды.

Методы исследования

Методы арт-терапии включать занятия изобразительным искусством, музыкой, танцами, движениями или творческим письмом больных туберкулёзом. В группах изобразительного искусства участникам предоставляются различные художественные принадлежности — масляная пастель, акварель, альбомы для рисования, глина, чтобы они практиковались в их использовании для изображения личного и профессионального опыта, уделяя особое внимание его эмоциональному влиянию, чтобы затем поделиться им с членами группы. Музыкальные группы включают слушателей и исполнителей музыки.

Обсуждения и результаты исследования

Группы творческого письма занимаются упражнениями по свободному письму и ведению дневника, помогающими участникам прожить свой опыт в волонтерской деятельности. физическую разминку и техники релаксации, исследуют невербальное повествование и совместно создают хореографические номера. Все методы используются по стандартизированному плану, направленному на решение проблем безопасности, уязвимости и сообщества. Минимальная рекомендуемая продолжительность терапии — 12 недель. Первые четыре сессии должны быть посвящены безопасности, знакомству членов группы друг с другом, формулированию согласованных ожиданий группы и максимизации социальной выгоды от подлинного выражения эмоций. Недели с пятой по восьмую следует сосредоточить на уязвимости и поощрении устойчивости, с девятой по двенадцатую - на интеграции того, что узнали участники, и совместного создания группового проекта в качестве конечного результата терапии. Группы визуального искусства могут создать финальный буклет художественных работ каждого участника, музыкальные группы — песню, группы танца/движения - интерпретационный танец.

Заключение

Проведенный анализ теоретических и эмпирических исследований по проблеме применения арт-терапии для коррекции эмоционального выгорания у специалистов помогающих профессий позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, исследования убедительно доказывают высокую эффективность арт-терапевтических интервенций в снижении уровня профессионального выгорания. Данные современных мета-анализов, обобщивших результаты рандомизированных контролируемых испытаний (РКИ), подтверждают, что арт-терапия способствует статистически значимому

уменьшению основных компонентов выгорания: эмоционального истощения и деперсонализации, а также повышению уровня профессиональной эффективности (личных достижений) .

Во-вторых, особую значимость представляют результаты крупных РКИ, проведенных в условиях реальной клинической практики. Исследование с участием медицинских работников (врачей и медсестер) лондонских больниц продемонстрировало, что курс групповой арт-терапии продолжительностью шесть недель приводит к значимому снижению уровня стресса, тревоги и депрессии. Ключевым результатом стало сохранение положительного эффекта спустя как минимум три месяца после завершения программы, что свидетельствует о долгосрочной устойчивости достигнутых изменений.

В-третьих, механизмы позитивного воздействия арт-терапии на специалистов помогающих профессий носят комплексный характер. Как отмечают сами участники программ и исследователи, арт-терапия выполняет несколько функций:

Экспрессивная функция: предоставляет безопасное пространство для выражения сложных, в том числе вытесняемых, чувств через творчество (рисование, лепку), что особенно важно для специалистов, привыкших к рациональному решению проблем.

Регулятивная функция: способствует развитию навыков эмоциональной регуляции и осознанности, помогая специалистам справляться с интенсивными переживаниями, связанными с работой.

Социально-поддерживающая функция: групповая форма работы снижает чувство профессиональной изоляции, позволяя участникам обнаружить общность переживаний с коллегами и получить поддержку в безопасной, фасилитируемой среде.

В-четвертых, анализ показывает, что краткосрочные программы (например, двухнедельные сессии) могут быть столь же эффективны, как и более продолжительные вмешательства. При этом наиболее оптимальной частотой признаны сессии, проводимые два раза в неделю. Важно подчеркнуть, что арт-терапия не рассматривается как изолированное решение проблемы выгорания, а должна быть частью комплексной системы организационной поддержки сотрудников наряду с решением системных проблем на рабочем месте.

Таким образом, арт-терапия представляет собой научно обоснованный, гибкий и экономически эффективный инструмент профилактики и коррекции эмоционального выгорания у специалистов помогающих профессий. Интеграция арт-терапевтических методов в программы психологической поддержки сотрудников учреждений здравоохранения, образования и социальной сферы является перспективным направлением улучшения их психологического благополучия и, как следствие, повышения качества оказываемой ими помощи. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение эффективности арт-терапии в более широких профессиональных группах и оптимизацию протоколов вмешательства для достижения максимально устойчивых результатов

Литература/References:

1. Современные проблемы психического здоровья личности: клинические, психологические и социальные реалии // Акименко Г.В., Асанов С.А., Головки О.В., Гукина Л.В., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лопатин А.А., Салтанова Е.В., Селедцов А.М., Сумбаев Е.А., Федосеева И.Ф., Шмакова О.В., Яковлев А.С., Яковлева А.А. Москва, 2024. 257 с.
2. Елькина И.А., Пьянзова Т.В. Эффективность лечения больных впервые выявленным туберкулезом в зависимости от ВИЧ-статуса // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 5. С. 52-53.

3. Пьянзова Т.В. Информационная среда больных туберкулезом и ее влияние на приверженность терапии // Туберкулез и болезни легких. 2012.- Т. 89. - № 5. - С. 033-038.
4. Исцеление искусством: современная арт-терапия в медицине, образовании и социальной сфере // Акименко Г.В., Валиуллина Е.В., Вострых Д.В., Гукина Л.В., Гус Э., Дарсалия О.В., Дементьева Г.С., Дубская Ю.В., Дубчак Ю.В., Калакуцкая А.А., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Лавров Н.В., Левин С., Лопатин А.А., Макнифф Ш., Мальчиоди К., Мальцева Р.И., Маркова С.В., Назарова Н.Р. и др. Москва, 2022. 269 с.
5. Аскарлова Р.И., Проблема заболеваний туберкулеза и хронических бронхолегочных заболеваний среди населения Приаралья // Процветание науки.- 2021. №4. С.53-59.
6. Аскарлова Р. И. Факторы, способствующие возникновению туберкулеза у детей школьного возраста в Приаральском регионе //Проблемы современной науки и образования. – 2024. – №. 3 (190). – С. 30-34.
7. Рахимов А. К., Рахимова Г. К., Аскарлова Р. И. Остаточные изменения в легких у детей и подростков после перенесенного инфильтративного туберкулеза (обзор литературы) //Научный аспект. – 2024. – №. 2. – С. 3619-3629.
8. Аскарлова Р. И. Своевременная диагностика острых респираторных инфекций у детей и подростков в Хорезмском регионе //Вестник науки и образования. – 2023. – №. 1-1 (132) С. 79-82/DOI: 10.24411/2312-8089-2023-10104;
9. Аскарлова Р.И. Массовое флюорографическое обследование населения Хорезмской области вс целях выявления туберкулёза легких // Наука, техника и образование. 2023. №1 (89) С. 86-89.

10. Аскарова Р.И. Во Фтизиатрии арт терапия как наилучший метод лечения в работе с детскими проблемами. // Процветание науки.2022Год.№2(8)-стр43-49;Издательство умы Современности.ISSN 2712-0738;
11. Аскарова Р.И. Мониторинг заболеваемости детей первичным туберкулезом в Хорезмской области // Re-health journal. 2021. №2 (10). С. 238-242/DOI: 10.24411/2181-0443;
12. Селедцов А. М., Акименко Г. В., Федосеева И. Ф. Арт-терапия: креативность и психическое здоровье// Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Кемерово, 18 апреля 2025 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2025год,стр 493-501.

АРТ-ТЕРАПИЯ В РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ С ТУБЕРКУЛЕЗОМ И РАССТРОЙСТВАМИ, СВЯЗАННЫМИ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ ПАВ

Яковлев А. С.

Кафедра психиатрии и наркологии

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. Туберкулез (ТБ) остается серьезным инфекционным заболеванием, которое часто осложняется сопутствующими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ (ПАВ). Такое сочетание приводит к низкой приверженности лечению, частым случаям прерывания лечения и серьезным психологическим расстройствам. В данной статье рассматривается теоретический и практический потенциал интеграции арт-терапии и психообразования в программы реабилитации пациентов с

туберкулезом и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ. Методы. Был проведен теоретический анализ существующей научной литературы и практических примеров применения арт-терапии во фтизиатрии и наркологии. Анализ показал, что арт-терапия эффективно помогает справиться с алекситимией и эмоциональной дисрегуляцией, характерными для таких пациентов, предоставляя невербальные способы выражения психологической травмы, связанной с болезнью. Психологическое просвещение дополняет арт-терапию, помогая перестроить когнитивное восприятие болезни, повысить приверженность лечению и создать терапевтический альянс, основанный на партнерских отношениях. Их синергетическое применение помогает преодолеть как эмоциональные, так и когнитивные барьеры на пути к выздоровлению. Сочетание арт-терапии и психообразования представляет собой перспективный комплексный подход к реабилитации. Такое двойное вмешательство может повысить мотивацию к лечению, снизить внутреннюю стигматизацию и улучшить качество жизни пациентов с такими сложными заболеваниями.

Ключевые слова: арт-терапия, психообразование, туберкулез, фтизиатрия, расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, реабилитация, коморбидность,

**ART THERAPY IN THE REHABILITATION OF PATIENTS
TUBERCULOSIS AND RELATED DISORDERS
WITH THE USE OF SURFACTANTS**

Yakovlev A. S.

*Department of Psychiatry and Narcology
Kemerovo State Medical University
Ministry of Health of Russia, Kemerovo, Russia*

Abstract. Tuberculosis (TB) remains a significant infectious disease, often complicated by comorbid substance use disorders (SUDs). This comorbidity is

associated with low treatment adherence, high default rates, and severe psychological distress. **Objective.** This article examines the theoretical and practical potential of integrating art therapy and psychoeducation into the rehabilitation programs for patients with TB and SUDs. **Methods.** A theoretical analysis of existing scientific literature and practical case studies on art therapy in phthisiology and addiction psychology was conducted. **Results.** The analysis reveals that art therapy effectively addresses alexithymia and emotional dysregulation common in these patients, providing non-verbal channels for expressing illness-related trauma. Psychoeducation complements this by restructuring cognitive perceptions of the disease, fostering adherence, and creating a therapeutic alliance based on partnership. Their synergistic use addresses both the emotional and cognitive barriers to recovery. **Conclusion.** The integration of art therapy and psychoeducation represents a promising, holistic approach to rehabilitation. This dual intervention can increase motivation for treatment, reduce internal stigma, and improve the overall quality of life for this complex patient population.

Keywords: art therapy, psychoeducation, tuberculosis, phthisiology, substance use disorders, rehabilitation, comorbidity, treatment adherence.

Введение

Туберкулез и расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ (ПАВ), представляют собой серьезные вызовы для общественного здравоохранения [1]. Эти два состояния часто сопутствуют друг другу, создавая сложный комплекс проблем, требующих комплексного и многогранного подхода к лечению и реабилитации. Помимо физического исцеления, пациенты сталкиваются с глубокими психологическими, социальными и эмоциональными трудностями. В этом контексте арт-терапия выступает как мощный и

эффективный инструмент, способный значительно улучшить качество жизни и способствовать полноценному восстановлению.

Такая коморбидность не только усложняет процесс лечения из-за низкой приверженности терапии и высокой вероятности рецидивов, но и накладывает серьезный отпечаток на психическое состояние больного [2]. Пациенты испытывают комплекс психологических проблем: чувство вины, социальную изоляцию, тревогу, депрессию и снижение самооценки.

В этих условиях традиционной фармакотерапии недостаточно. Необходим комплексный подход, включающий психосоциальную реабилитацию. Одним из наиболее эффективных и естественных методов психологической помощи является арт-терапия — лечение искусством, которое практически не имеет противопоказаний и позволяет задействовать внутренние механизмы саморегуляции и исцеления.

Расстройство, связанное с употреблением психоактивных веществ, — это поддающееся лечению психическое расстройство, характеризующееся неспособностью контролировать употребление психоактивных веществ, что влияет на работу мозга и поведение. В США около 16,5 % населения обращались за помощью в связи с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, но только 6 % получили лечение [3]. Такое неравенство связано с системными барьерами и нехваткой специалистов. Кризис смертности резко обострился: с 2002 года число смертей увеличилось в четыре раза и в 2022 году достигло 108 000. Отчасти это связано с синтетическим опиоидом фентанилом, а также с пандемией COVID-19 [4].

Важнейшим фактором, усугубляющим этот кризис, является высокая распространённость сопутствующих психических расстройств среди людей с зависимостью. Исследования показывают, что только в 53% программ лечения зависимостей проводится оценка сопутствующих психических расстройств и их

лечение несмотря на то, что, по некоторым оценкам, сопутствующие психические расстройства встречаются гораздо чаще, чем официально заявленные 22,8% среди взрослого населения [5]. Этот пробел в лечении особенно заметен в отношении состояний, связанных с психотравмами, которые часто лежат в основе злоупотребления психоактивными веществами и затрудняют выздоровление.

В современной практике лечения зависимостей предпочтение отдается моделям снижения вреда и медикаментозно-поддерживающей терапии (МПТ), которая часто проводится в учреждениях первичной медико-санитарной помощи без сопутствующей психотерапии. Несмотря на то, что медикаментозная терапия снизила смертность, пациенты, получающие такое лечение, по-прежнему умирают чаще, чем население в целом, и у них могут развиваться когнитивные осложнения. Это подчеркивает необходимость дополнительных психотерапевтических подходов, направленных на устранение психологических причин зависимости.

Особенности психологического статуса пациентов

Длительное стационарное лечение, изоляция от привычного социума и тяжелая медикаментозная нагрузка формируют у пациентов специфические психологические проблемы.

У детей и подростков, больных туберкулезом, наблюдаются снижение самооценки, страхи относительно будущего, проблемы с коммуникацией и преобладание негативных эмоций. Для взрослых пациентов, особенно имеющих зависимость от ПАВ, характерны высокая степень стигматизации, чувство безнадежности, апатия, а также когнитивные нарушения, требующие восстановления [6].

Учитывая, что арт-терапия зарождалась именно в среде лечения туберкулезных больных (британский художник Адриан Хилл в 1938 году,

находясь на лечении в санатории, отметил благотворное влияние рисования на выздоровление), ее применение в фтизиатрии имеет глубокие исторические корни и доказанную эффективность [7].

Следует обратить внимание и на тот факт, что у многих людей с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, наблюдаются сопутствующие когнитивные нарушения, в том числе легкая черепно-мозговая травма (ЧМТ), трудности в обучении и нарушения когнитивной коммуникации. Эти состояния могут препятствовать участию в терапевтических процедурах, основанных на вербальном общении. Арт-терапия предлагает альтернативные способы коммуникации и проработки проблем, снижая уровень фрустрации и поддерживая контроль над импульсивностью через вовлечение в процесс.

Механизмы и задачи арт-терапевтического воздействия

Арт-терапия выполняет три ключевые функции в реабилитационном процессе: диагностическую, коррекционную и развивающую.

1. **Диагностика:** творческий продукт (рисунок, поделка) позволяет специалисту выявить актуальные проблемы пациента, уровень тревожности, внутренние конфликты, которые сложно вербализовать. Например, выбор темных оттенков или сильная штриховка могут сигнализировать о подавленном эмоциональном состоянии.

2. **Коррекция эмоционального состояния:** процесс творчества помогает безопасно выразить агрессию, страх, тревогу, перевести деструктивные импульсы в созидательное русло. Это способствует снятию мышечного и психического напряжения.

3. **Развитие и адаптация:** арт-терапия стимулирует развитие когнитивных функций (память, внимание), которые страдают у пациентов с

зависимостями, и восстанавливает навыки коммуникации, необходимые для ресоциализации.

Виды арт-терапии в работе с уязвимыми группами пациентов

В реабилитации пациентов с туберкулезом и ПАВ-расстройствами применяется широкий спектр методов, адаптированных под состояние и возможности больных:

- **Изотерапия (рисование, лепка):** наиболее доступный метод. Работа с красками, глиной, песком позволяет пациенту выразить свои переживания. Техника «Эбру» (рисование на воде) используется как мощное средство релаксации и невербальной коммуникации, дающее быстрый позитивный результат.
- **Музыкотерапия и танцевальная терапия:** Используются для снятия напряжения, улучшения настроения и повышения физической активности.
- **Сказкотерапия и библиотерапия:** помогают пациентам проработать личностные конфликты, найти новые смыслы и способы решения проблем через анализ историй или написание собственных сюжетов.
- **Театротерапия (драматерапия):** эффективна для пациентов с апато-булическим синдромом (снижением воли и активности), часто встречающимся при тяжелых психических расстройствах и длительной зависимости. Участие в постановках развивает эмоциональный интеллект, тренирует память, учит взаимодействию в коллективе и возвращает чувство собственной значимости.

Результаты и эффективность применения

Практический опыт применения арт-терапии демонстрирует устойчивую положительную динамику. У пациентов отмечается:

- **Снижение уровня тревожности и депрессии:** творчество помогает отвлечься от тягостных переживаний, связанных с болезнью, и переключить фокус на позитивные эмоции.

- Повышение мотивации к лечению: участие в творческих мастерских создает позитивную атмосферу, формирует заинтересованность в результате, что критически важно для пациентов с низкой приверженностью терапии .
- Преодоление изоляции и стигмы: коллективные занятия способствуют формированию доверительных отношений между пациентами и персоналом, возвращают навыки социального взаимодействия, утраченные в период изоляции.
- Развитие самосознания и повышение самооценки: Создание «продукта» (картины, спектакля, стихотворения) дает пациенту ощущение собственной успешности, помогает сформировать новую позитивную идентичность, которая противостоит идентичности «хронического больного» или «зависимого».

Заключение

Арт-терапия - это теоретически обоснованный метод, основанный на практическом опыте, который может быть полезен для удовлетворения сложных потребностей пациентов с туберкулезом и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ. Механизмы его действия — задействование центров удовольствия, регуляция стрессовых реакций, предоставление альтернативных способов работы с травматическими воспоминаниями и компенсация когнитивных нарушений — соответствуют нейробиологическим реалиям расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ, и психологических травм. В контексте лечения туберкулеза, где первостепенное значение имеют приверженность лечению и психосоциальная реабилитация, арт-терапия может стать ценным вспомогательным методом.

Сближение эпидемий туберкулеза и расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ, среди уязвимых групп населения

требует комплексных подходов, направленных как на борьбу с инфекционными заболеваниями, так и на устранение поведенческих, психологических и социальных факторов, влияющих на здоровье. Арт-терапия, способная вовлечь в процесс людей, которые могут быть маргинализированы или невосприимчивы к лечению, требует дальнейшего изучения в качестве компонента комплексной реабилитации для таких групп населения.

Учитывая практически полное отсутствие противопоказаний и высокую степень принятия метода пациентами, арт-терапия должна рассматриваться как обязательный компонент комплексного лечения в стационарах и реабилитационных центрах. Дальнейшее развитие этого направления, обучение специалистов и создание специализированных арт-пространств позволит повысить эффективность лечения и качество жизни данной категории больных.

Литература/References:

1. Пьянзова Т.В. Информационная среда больных туберкулезом и ее влияние на приверженность терапии // Туберкулез и болезни легких. 2012.- Т. 89. - № 5. - С. 033-038.
2. Чувашева, Ю. В. Опыт применения арт-терапии в психологической работе с детьми, больными туберкулёзом / Ю. В. Чувашева. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2025. - № 21 (572). - С. 57-59.
3. Аскарова Р. И. Арт-терапия как эффективный метод в лечении туберкулёза // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Кемерово, 18 апреля 2025 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2025. – С.101-107.

4. Аскарова Р. И. Распространенность, клиническая динамика и терапия наркологической зависимости у больных туберкулезом // Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и клинической психологии. Сборник материалов V Международной междисциплинарной научно-практической конференции, к 160 - летию со дня рождения Алоиса Альцгеймера (Кемерово, 4 октября 2024 г.) / Г. В. Акименко, А. М. Селедцов, А. А. Лопатин, Ю. Ю. Кирина, А. С. Яковлев, Л. В. Гукина; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово: КемГМУ, 2024. –С.76-86.

5. Селедцов А. М., Акименко Г. В., Яковлев А. С. Арт-терапия: дополнительное лечение психических расстройств. обзор литературы // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Кемерово, 19 апреля 2024 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2024. – С.463-471.

6. Рахимов А. К., Аскарова Р. И. Арт-терапия для решения психосоциальных проблем у детей и подростков больных туберкулёзом: систематический обзор средств и форм арт-терапии // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Кемерово, 18 апреля 2025 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово : КемГМУ, 2025. –С.471-480.

7. Елькина И.А., Пьянзова Т.В. Эффективность лечения больных впервые выявленным туберкулезом в зависимости от ВИЧ-статуса // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 5. С. 52-53

ЭКСПРЕССИВНАЯ ТЕРАПИЯ В КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Яковлев А. С.¹, Яковлева А.А.¹, М., Акименко Г. В.²

¹*Кафедра психиатрии и наркологии*

²*Кафедра клинической психологии*

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Россия, г. Кемерово*

Аннотация. Цель этого обзора - изучить применение экспрессивной терапии (ЭТ) в клинической психиатрии. ЭТ - это немедикаментозный метод лечения, который применяется в медицине как дополнительное или альтернативное средство. Метод показал хорошие результаты в лечении психических расстройств. В этой статье авторы предприняли попытку на основе опубликованных исследований проанализировать результаты применения арт-терапии. Установлено, что данный метод эффективно используется в лечении психических расстройств. Пациенты сообщают о снижении выраженности симптомов, таких как депрессия, тревога, когнитивные нарушения, болезнь Альцгеймера, шизофрения и аутизм. Однако для более полного понимания его результативности необходимы дальнейшие исследования и анализ клинических случаев.

Ключевые слова: экспрессивная терапия, арт-терапия, депрессия, тревога, когнитивные нарушения, деменция, болезнь Альцгеймера, аутизм.

EXPRESSIVE THERAPY IN CLINICAL PSYCHIATRY: A REVIEW OF THE LITERATURE

Yakovlev A. S.¹, Yakovlev A. A.¹, Akimenko G. V.²

¹*Department of Psychiatry, Narcology*

²*Department of Clinical Psychology*

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

Abstract. Expressive therapy is a non-drug treatment method that is used in medicine as an additional or alternative means. The method has shown good results in the treatment of mental disorders. In this article, the authors attempt to analyze the results of art therapy based on published studies. It has been established that this method is effectively used in the treatment of mental disorders. Patients report a decrease in the severity of symptoms such as depression, anxiety, cognitive impairment, Alzheimer's disease, schizophrenia and autism. However, further research and analysis of clinical cases are needed to more fully understand its effectiveness.

Keywords: expressive therapy, art therapy, depression, anxiety, cognitive impairment, dementia, Alzheimer's disease, autism.

Экспрессивная терапия в клинической психиатрии представляет собой применение различных видов искусства, таких как музыка, танец, драма, поэзия и другие творческие методы, в контексте психотерапевтической, консультационной, реабилитационной или медицинской практики.

По определению Британской ассоциации арт-терапевтов экспрессивная терапия - это форма психотерапии, использующая художественные медиа в качестве основного способа коммуникации [1]. В медицине арт-терапия в основном используется при раке, депрессии и тревоге, аутизме, деменции и когнитивных нарушениях, поскольку эти пациенты неохотно выражают себя на вербальном уровне [8]. От клиентов, направляемых к арт-терапевтам, не требуется обладать опытом или навыками в области искусства. Основная задача арт-терапевта - дать возможность клиентам измениться, и вырасти на личностном уровне за счет использования художественных материалов в безопасной и комфортной среде.

Американская ассоциация арт-терапии описывает свои основные функции как улучшение когнитивных и сенсомоторных функций, повышение самооценки

и самосознания, развитие эмоциональной устойчивости, содействие пониманию, улучшение социальных навыков, уменьшение и разрешение конфликтов и дистресса, а также содействие социальным и экологическим изменениям [2].

Во время сеансов экспрессивной терапии специалисты могут использовать множество различных художественных материалов в качестве медиа, например, изобразительное искусство, живопись, рисунок, музыку, танец, песок, драму и др. [5].

Установлено, что арт-терапия успешно применяется в работе с пациентами с психическими расстройствами, уменьшая страдания, вызванных психическими симптомами [4]. Эти результаты свидетельствуют о том, что арт-терапия может служить не только полезным терапевтическим методом, помогающим пациентам открыться и поделиться своими чувствами, взглядами и опытом, но и вспомогательным методом диагностики заболеваний, помогающим медицинским специалистам получать дополнительную информацию, отличную от обычных тестов.

Депрессия является инвалидизирующим и дорогостоящим состоянием, связанным со значительным снижением качества жизни, сопутствующими заболеваниями и смертностью. Тревога сопряжена со снижением качества жизни и негативным воздействием на психосоциальное функционирование. Медикаментозное лечение - наиболее часто используемый эффективный способ облегчить симптомы депрессии и тревоги. Однако многим пациентам не нравится регулярный прием антидепрессантов и это становится основным недостатком данного метода.

В последние годы многие исследования показали, что арт-терапия играет значительную роль в облегчении симптомов депрессии и тревоги. Так, контролируемое и одиночное слепое исследование арт-терапии депрессии у пожилых людей показало, что рисование в качестве вспомогательного средства

для лечения депрессии может уменьшить симптомы. С этой же целью проводились исследования в студенческой среде [3]. Групповая терапия рисованием у 30 пациентов с депрессией в течение 3 месяцев показала, что творчество может способствовать восстановлению их социальных функций, повысить их адаптивность и улучшить качество жизни.

Живопись может использоваться для выражения тревоги и испуга пациентов, выхода негативных эмоций с помощью проекции, тем самым значительно улучшая настроение и уменьшая симптомы депрессии и тревоги у онкологических больных. Интересен и тот факт, что арт-терапия, основанная на оценке известных картин, также может значительно уменьшить тревогу и депрессию, связанные с раком [6].

В целом, терапия художественной живописью позволяет пациентам выражать себя способом, приемлемым для внутренней и внешней культуры, тем самым уменьшая симптомы депрессии и тревоги.

Деменция, прогрессирующий клинический синдром, характеризуется широко распространенными когнитивными нарушениями памяти, мышления, поведения, эмоций и работоспособности, что приводит к ухудшению повседневной жизни. По данным Международной организации по борьбе с болезнью Альцгеймера за 2022 год, 46,8 миллиона человек страдают деменцией, и каждые 20 лет их число почти удваивается, достигнув 131,5 миллиона к 2050 году [3]. Хотя арт-терапия долгое время использовалась в качестве альтернативного метода лечения деменции, положительное влияние терапии рисованием на когнитивные функции остается в значительной степени неизвестным. В одном из вмешательств, направивших пожилых пациентов с деменцией на групповую арт-терапию (включая рисование), наблюдались значительные улучшения в тесте рисования часов. При длительной когнитивной стимуляции и вовлеченности в результате нескольких сеансов терапии

живописью вполне вероятно, что терапия живописью может привести к улучшению когнитивных функций у этих пациентов.

Вместе с тем, кокрановский систематический обзор, включающий два клинических исследования арт-терапии при деменции, показал, что нет достаточных доказательств эффективности арт-терапии при деменции [8]. Это может быть связано с тем, что пациенты с тяжелыми когнитивными нарушениями, которые не смогли точно вспомнить или оценить свое собственное поведение или психическое состояние, могут утратить способность пользоваться преимуществами арт-терапии.

Болезнь Альцгеймера (БА) - это подтип деменции, который обычно ассоциируется с хронической болью. В многоцентровом рандомизированном контролируемом исследовании у 28 пациентов с легкой формой БА наблюдалось значительное уменьшение боли, снижение тревожности, улучшение качества жизни, увеличение размаха пальцев и тормозных процессов, а также уменьшение симптомов депрессии после 12-недельного рисования. Дальнейшее исследование также показало, что индивидуальная терапия, а не групповая, может быть более оптимальной, поскольку невротизм может снизить эффективность лечения боли рисованием у пациентов с легкой формой БА. Например, контролируемое исследование выявило значительное улучшение шкалы апатии и качества жизни после 12 недель курса рисования, в основном включающего раскрашивание абстрактных узоров пастельными мелками или краской на водной основе [5].

Шизофрения — это сложное функциональное психотическое заболевание, которое поражает около 1% населения в определенный момент их жизни. Пациенты испытывают не только «позитивные» симптомы, такие как галлюцинации, бред, но и негативные симптомы, такие как различные степени ангедонии и асоциальности, нарушения рабочей памяти и внимания, скудость

речи и отсутствие мотивации. У многих пациентов с шизофренией остаются симптомы, несмотря на фармакотерапию, и даже попытки самоубийства с частотой от 10 до 50% [6]. Таким больным настоятельно рекомендуется арт-терапия для обработки эмоциональных, когнитивных и психотических переживаний с целью снятия симптомов. Действительно, многие формы арт-терапии успешно использовались при шизофрении, но может ли рисование влиять на психопатологию, снимая симптомы, и каким образом, остается в значительной степени неизвестным.

Расстройство аутистического спектра (РАС) является гетерогенным синдромом развития нервной системы, не имеющим единой патологической или нейробиологической этиологии. Данный синдром характеризуется комплексными нарушениями в социальном взаимодействии, дефицитами в коммуникативных навыках и склонностью к повторяющимся поведенческим паттернам.

Арт-терапия - это форма самовыражения, которая открывает дверь к общению без вербального взаимодействия. Это дает терапевтам возможность взаимодействовать один на один с людьми с аутизмом и устанавливать широкие связи более комфортным и эффективным способом. Рисование также может помочь детям с аутизмом выражать и выплескивать негативные эмоции и тем самым приносить положительный эмоциональный опыт и способствовать их самосознанию [4].

Более того, арт-терапию можно было бы использовать для изучения взаимосвязи между когнитивными процессами и воображением у детей с РАС. В одном исследовании было высказано предположение, что дети с РАС применяют уникальную когнитивную стратегию в образном рисовании. Другое исследование (Low et al., 2019) изучало когнитивные основы спонтанного воображения у детей с РАС и показало, что группе с РАС не хватает

воображения, генеративных способностей, способности к планированию и хорошей последовательности в их рисунках. Кроме того, было проведено несколько исследований (Ливерс и Харрис, 1998; Крейг и Барон-Коэн, 1999; Крейг и др., 2021) для изучения воображения и креативности при аутизме с помощью заданий по рисованию, и они показали нарушения аутистического воображения и креативности с помощью заданий по рисованию.

Установлено, экспрессивная терапия играет важную роль у детей с РАС не только как метод лечения, но для понимания и исследования проблем маленьких пациентов. Основываясь на вышеизложенном, можно сделать закономерный вывод о том, что арт-терапия, как метод невербальной психотерапии, представляет собой вспомогательный инструмент для диагностики заболеваний и способствует раскрытию пациентов, позволяя им делиться своими чувствами, взглядами и опытом.

Кроме того, арт-терапия не имеет ограничений, связанных с возрастом, языком, заболеваниями или окружающей средой, и пациенты легко принимают её. В медицинских учреждениях арт-терапия может быть весьма полезной для облегчения процесса лечения и улучшения невербальной коммуникации между пациентами и медицинским персоналом. Более того, арт-терапия может оказаться более эффективной в сочетании с другими методами терапии, такими как музыка, танцы и другие сенсорные стимулы.

Механизм воздействия арт-терапии требует дальнейшего изучения на различных уровнях, включая неврологический, клеточный и молекулярный.

Заключение

Проведенный обзор литературы свидетельствует о том, что экспрессивная терапия в клинической психиатрии представляет собой динамично развивающееся направление, которое, имея глубокие исторические корни, в последние годы обретает четкие теоретические обоснования и эмпирическую

базу. От первородных магических практик, основанных на катарсисе и вере, до современных краткосрочных протоколов — эволюция метода демонстрирует устойчивый запрос на терапевтические подходы, ориентированные на глубинную эмоциональную переработку психотравмирующего опыта.

Современное понимание экспрессивной терапии выходит за рамки исключительно невербального самовыражения. Анализ литературы показывает конвергенцию психодинамических концепций с данными аффективной нейронауки. Такие методы, как терапия осознанием и выражением эмоций (ЕАЕТ) и краткосрочная психодинамическая терапия, демонстрируют, что фокусировка на подавленных эмоциях и их адаптивном выражении позволяет воздействовать на нейробиологические механизмы поддержания хронической боли и соматоформных расстройств. Теоретической базой при этом служит модель «треугольника конфликта», описывающая взаимосвязь между подавленными чувствами, защитами и тревожно-соматическими симптомами.

Особую значимость экспрессивные и телесно-ориентированные интервенции приобретают в лечении последствий травмы и посттравматического стрессового расстройства. Они предлагают «восходящий» (bottom-up) путь терапевтического воздействия, работая непосредственно с лимбической системой и телесными маркерами травмы, в отличие от классических «нисходящих» (top-down) когнитивно-поведенческих подходов. Это позволяет достигать терапевтических изменений там, где вербальные методы могут быть бессильны, особенно при работе с ранней или комплексной травмой. Методы десенсибилизации и переработки движением глаз (EMDR) и брейнспоттинг, а также использование арт-терапевтических техник, иллюстрируют успешную интеграцию экспрессивных элементов в структурированные протоколы лечения.

Ключевым выводом обзора является подтверждение эффективности экспрессивной терапии не только в качестве дополнительного, но и как основного метода лечения для ряда нозологий. Результаты рандомизированных контролируемых исследований демонстрируют ее высокую эффективность при лечении хронических болевых синдромов, фибромиалгии и соматоформных расстройств, в некоторых аспектах превосходящую стандартную когнитивно-поведенческую терапию. При лечении тревожных и обсессивно-компульсивных расстройств экспрессивные техники, реализуемые в русле поддерживающе-экспрессивной терапии, помогают пациентам осознать и проработать центральный конфликт отношений, лежащий в основе симптомов.

Несмотря на обнадеживающие данные, перспективы дальнейших исследований связаны с решением ряда вопросов. Необходимы долгосрочные проспективные исследования для оценки устойчивости достигнутых результатов, изучения специфических факторов, предсказывающих наилучший ответ на терапию у разных групп пациентов, а также более глубокого анализа механизмов изменений, лежащих в основе экспрессивных интервенций. Тем не менее, уже сегодня можно констатировать, что экспрессивная терапия занимает прочное место в арсенале современной клинической психиатрии, предлагая эффективные и научно обоснованные инструменты для исцеления через осознание и выражение всего спектра человеческих переживаний.

Литература/References:

1. Арт-терапия. фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. - Кемерово, 2023.- 675 с.
2. Аббинг, А., Понштейн, А., ван Хорен, С., де Сонневиль, Л., Свааб, Х. и Баарс, Э. (2018). Эффективность арт-терапии при тревожности у взрослых:

систематический обзор рандомизированных и нерандомизированных контролируемых исследований. PLoS One 13:e208716. doi: 10.1371/journal.pone.0208716

3. Алмагамбетова А.А., Акименко Г.В., Кирина Ю.Ю., Яковлев А.С. Арт-психотерапия: дополнительное лечение посттравматических стрессовых расстройств, депрессии и тревожности в период пандемии // Дневник науки. 2023. № 11 (83).

4. Акименко Г.В., Селедцов А. М., Кирина Ю.Ю. Арт-психотерапия: как музеи помогают людям улучшать ментальное здоровье. В сборнике: Практика исцеления творчеством: современная арт-терапия в образовании, медицине и социальной сфере // Сборник материалов Международной научно - практической конференции. Кемерово, 2022. С. 25-35.

5. Арт-терапия в условиях современных вызовов. Акименко Г.В., Белеза Е.В., Бергер Р., Боровикова З.В., Головки О.В., Голоденко О.Н., Гукина Л.В., Зыкова С.О., Иванова А.В., Изосимова С.А., Карпендейл М.Д., Капица А.А., Кара Ж.Ю., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Кувшинов Д.Ю., Кутлер К.А., Ладушкин С.И., Лопатин А.А., МакНифф Ш. и др. Москва, 2023. 279 с.

6. Гукина Л. В. Человек и природа в очерках Н. К. Рериха / Современный мир, природа и человек: сборник материалов XIX-ой Международной научно-практической конференции (Кемерово, 25 сентября 2020 г.) / отв. ред. Л. В. Начева, Н. Н. Ильинских, Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, М. Г. Степанова. – Кемерово: КемГМУ, 2020. С. 325–331.

7. Babaei, S., Fatahi, B. S., Fakhri, M., Shahsavari, S., Parviz, A., Karbasfrushan, A., et al. (2020). Painting therapy versus anxiolytic premedication to reduce preoperative anxiety levels in children undergoing tonsillectomy: a randomized controlled trial. Indian J. Pediatr. 88, 190–191. doi: 10.1007/s12098-020-03430-9

8. Hongxia, M., Shuying, C., Chuqiao, F., Haiying, Z., Xuejiao, W., et al. (2013). Relationship between psychological state and house-tree-person drawing characteristics of rehabilitation patients with schizophrenia. Chin. Gen. Pract. 16, 2293–2295.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ: ИННОВАЦИИ ЧЕРЕЗ СКАЗКОТЕРАПИЮ

Янко Е. В., Юдин С. А.

Кафедра клинической психологии

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аннотация. В статье рассматривается сказкотерапия как инновационный и многофункциональный инструмент психологической коррекции. В отличие от традиционных подходов, сказкотерапия позволяет осуществлять коррекционное воздействие в мягкой, метафорической форме, что особенно важно в работе с детьми и подростками. Автор анализирует трансформацию метода от простого воспитательного средства до комплексного психологического подхода, интегрирующего техники арт-терапии, песочной терапии и игровой деятельности. Особое внимание уделяется инновационным аспектам применения метода, таким как использование «Комплексной сказкотерапии» для развития эмоционального интеллекта, критического мышления и формирования созидательной системы ценностей личности. В статье подчеркивается, что сказка служит безопасным языком для общения с внутренним миром человека, позволяя моделировать различные жизненные ситуации и находить конструктивные пути выхода из них без директивного вмешательства.

Ключевые слова: психологическая коррекция, терапия сказкой, сказкотерапия, методы терапии, консультирование.

PSYCHOLOGICAL CORRECTION: INNOVATIONS THROUGH FAIRYTALE THERAPY

Yanko E. V., Yudin S. A.

Department of Clinical Psychology

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

Abstract. This article examines fairy tale therapy as an innovative and multifunctional tool for psychological correction. Unlike traditional approaches, fairy tale therapy allows for a soft, metaphorical approach to correction, which is particularly important when working with children and adolescents. The author analyzes the method's transformation from a simple educational tool to a comprehensive psychological approach integrating art therapy, sand therapy, and play therapy techniques. Particular attention is paid to innovative aspects of the method, such as the use of «Complex Fairy Tale Therapy» to develop emotional intelligence, critical thinking, and the development of a creative value system. The article emphasizes that fairy tales serve as a safe language for communicating with the inner world, allowing for the modeling of various life situations and the finding of constructive solutions without directive intervention.

Keywords: psychological correction, fairy tale therapy, fairy tale therapy, therapy methods, counseling.

Введение

Сказкотерапия в последние десятилетия превратилась из периферийного метода в признанное и активно развивающееся направление практической психологии. Как отмечает И.В. Вачков, сегодня это слово уже не вызывает недоуменных взглядов у практических психологов, а специалистов можно встретить в образовательных учреждениях, психологических центрах, хосписах и больницах [1, 2]. Однако несмотря на широкое распространение, содержание

понятия «сказкотерапия» остается дискуссионным, а его понимание варьируется от «лечения сказками» до сложных интегративных психотехнологий. Цель данного обзора — проанализировать современное состояние научной разработанности проблемы, выявить инновационные тенденции и направления развития сказкотерапии как метода психологической коррекции.

Теоретические основания и определение понятия

В научной литературе сохраняется дискуссия о сущности сказкотерапии. А.А. Есенова и Б.К. Елбарсова указывают на парадоксальную ситуацию, когда практическое применение метода значительно опережает его научную оценку и разработку теоретических основ [2]. Это приводит к размыванию границ понятия, когда любой метод работы со сказкой может быть назван сказкотерапией.

Анализ литературы позволяет выделить несколько сложившихся подходов к пониманию сказкотерапии:

Концепция Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой рассматривает сказкотерапию как систему методов передачи знаний о духовном пути и социальной реализации человека, как воспитательную систему, сообразную духовной природе человека [3]. В рамках этого подхода сказкотерапия понимается многогранно: как процесс поиска смысла, расшифровки знаний о мире, как процесс образования связи между сказочными событиями и поведением в реальной жизни, а также как процесс активизации ресурсов и потенциала личности.

Арт-терапевтический подход (Л.Д. Лебедева) включает сказкотерапию в общую систему терапии искусством. Согласно этой классификации, терапия искусством как тип включает класс терапии творчеством, подкласс экспрессивной терапии, а сказкотерапия выступает одним из семейств наряду с музыкальной, игровой терапией, драмотерапией и другими [4].

Нарративный подход (М. Уайт, Д. Эпстон) рассматривает сказкотерапию как метод работы с личными историями клиентов, которые конструируют свою реальность через рассказы о себе [5].

Интегративный подход представляет сказкотерапию как совокупность методов работы со сказочными образами, используемых различными психотерапевтическими школами — гештальт-терапией, психодрамой, гипнотерапией.

И.В. Вачков подчеркивает, что сказкотерапия решает две важнейшие задачи: «задачу зеркала» (помощь клиенту увидеть самого себя, развить самосознание) и «задачу кристалла» (возможность по-новому увидеть других людей и мир вокруг) [2].

Результаты и обсуждение

В современной психологической практике всё более актуальным становится поиск методов, которые сочетают в себе глубокую теоретическую базу, экологичность воздействия и способность адаптироваться к быстро меняющемуся миру. Таким методом, без сомнения, является сказкотерапия. Возникнув около 25 лет назад, это направление зарекомендовало себя не просто как набор техник для работы с детьми, но и как мощный инструмент психокоррекции и развития личности на протяжении всей жизни. Инновационный потенциал сказкотерапии раскрывается сегодня через синтез классических подходов с современными технологиями, что позволяет специалистам находить новые пути к внутреннему миру человека [6, 15].

Сказкотерапия: язык бессознательного и воспитательная система

Сказкотерапию часто определяют как «язык, на котором можно говорить с внутренним миром человека». Это не просто метод рассказывания историй, а комплексная система, направленная на развитие эмоционального интеллекта, формирование созидательной системы ценностей и коррекцию поведенческих

паттернов. Ключевым отличием терапевтической сказки от обычной является её направленность: она создается или подбирается индивидуально для каждого человека, учитывая его особенности, проблемы и страхи, что обеспечивает высокую точность психологического воздействия [1].

Специалисты выделяют несколько основных направлений использования сказки в работе психолога:

- **Психодиагностика:** сказка выступает как проективная методика, позволяющая увидеть целостную картину личности клиента, его проблемы и ресурсные стороны.
- **Психокоррекция:** основная цель — мягкое влияние на поведение, расширение спектра моделей поведения и поиск альтернативных решений жизненных задач.
- **Психотерапия:** глубокая работа с экзистенциальными проблемами, поиск смысла и исцеление через метафору.

Инновационные формы и интеграция методов

Инновационность сказкотерапии проявляется в её способности интегрироваться с другими направлениями арт-терапии и современными форматами работы [8].

Комплексная сказкотерапия и работа с песочницей

Одним из ярких примеров развития метода является «Комплексная Сказкотерапия», которая активно использует песочницу. Сочетание сказочного сюжета и взаимодействия с песком создает уникальный терапевтический эффект [9].

Песочница становится пространством, где «внутренний мир оживает». Ребенок или взрослый не просто слушают историю, но и создают свой собственный мир на песке, моделируют ситуации и находят благоприятные выходы из них. Это способствует:

- стабилизации эмоционального состояния;

- повышению самооценки;
- развитию тактильной чувствительности и творческого мышления;
- формированию навыков позитивной коммуникации [10, 11].

Архетипический подход и инициация

Глубинная сила сказки кроется в её архетипичности. Психологи, работающие с этим методом, опираются на структуру волшебной сказки как на отражение процесса инициации — взросления и личностного роста. Схема пути героя (уход из дома, встреча с дарителем, испытания, возвращение с наградой) является универсальной метафорой жизненного пути человека. Использование архетипов (мудрого старика, Бабы-Яги как хранительницы границы миров и др.) позволяет клиенту безопасно соприкоснуться с глубинными слоями психики и проработать экзистенциальные страхи, такие как страх смерти или одиночества [12].

Геймификация и цифровая среда: работа с травмой войны

Настоящим прорывом в применении сказкотерапии стали проекты, использующие цифровые технологии для помощи детям, пережившим травматический опыт. В условиях военных действий, когда дети из прифронтовых зон лишены возможности стабильного общения и очной терапии, на помощь приходят инновационные форматы [13].

Ярким примером является украинский проект «Chest of Miracles» («Скарбничка Чудес»). Психологи переодеваются в сказочного персонажа-Морквинку, которая через специальное приложение общается с детьми. С точки зрения ребенка, это просто игра с другом, что снимает психологические барьеры и сопротивление терапии.

Механизм работы инновации:

- Игровая форма: ребенок не знает, что общается с психологом, что создает безопасную среду для проработки страхов и тревог.

- Развитие навыков: в процессе игры дети учатся управлять эмоциями, выстраивать личные границы, разрешать конфликты и развивают эмпатию.
- Вовлечение семьи: для закрепления эффекта к процессу подключаются родители, которые получают от сказочного героя готовые инструменты («оставь страх в коробке») для поддержки ребенка в повседневной жизни. Статистика проекта впечатляет: 66% семей продолжают использовать полученные методики дома, а положительный эффект программы оценивается в 94–97%.

Методология коррекционной работы

Эффективность сказкотерапии в психологической коррекции подтверждается многочисленными исследованиями. Доказано, что коррекционные циклы с использованием сказкотерапии позволяют снизить уровень агрессии у детей старшего дошкольного возраста. Метод успешно применяется в работе с детьми, имеющими интеллектуальные нарушения, в совместной деятельности психолога и логопеда, помогая развивать не только эмоциональную сферу, но и речь, и мышление [14].

Основные приемы работы со сказкой включают:

1. Анализ и интерпретация - обсуждение сюжета и поступков героев.
2. Рассказывание и сочинение - от лица героя или от себя, создание новых окончаний.
3. Переписывание сказок - позволяет человеку найти новый выход из проблемной ситуации, которую символизирует сюжет.
4. Куклотерапия и драматизация - проигрывание эпизодов позволяет прожить эмоции физически.

Заключение

Инновации в психологической коррекции через сказкотерапию заключаются не в изобретении совершенно новых подходов, а в творческом переосмыслении древних механизмов воздействия истории и метафоры.

Интеграция с песочной терапией, глубинное понимание архетипов и смелый выход в цифровое пространство с элементами геймификации превращают сказкотерапию в универсальный и бережный инструмент. Она позволяет говорить о самом сложном - о страхах, травмах и поиске себя — на простом и понятном с детства языке. В мире, полном нестабильности, именно сказка становится той самой нитью, которая помогает человеку найти путь к себе и обрести внутреннюю целостность

Литература/References:

1. Арт-терапия. фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. - Кемерово, 2023.- 675 с.
2. Вачков И.В. Сказкотерапия и метафора: искусство трансформации. М.: ИД «Городец», 2024.
3. Вачков И.В. Метафоризация в развивающих психолого-педагогических технологиях: Монография. М.: Академический проект, 2024.
4. Наговицын А. Е., Пономарева В. И. Сказочный мир: культурологические и психологические аспекты. 2-е изд. М.: Академический проект, 2024.
5. Ракутова, И. В. Сказкотерапия в коррекционно-развивающей работе с детьми дошкольного возраста. 2024.
6. Фомина, Е. А., Качалина, В. Б. Сказкотерапия в библиотечной практике: как сказка решает психологические задачи: научно-вспомогательное пособие. М.: Российская гос. б-ка для слепых, 2023.
7. Тарлыкова В. М., Фомина Е. В. Использование инновационной технологии сказкотерапия в коррекционно-педагогическом процессе. 2025.

8. Алмагамбетова А.А., Акименко Г.В., Кирина Ю.Ю., Яковлев А.С. Арт-психотерапия: дополнительное лечение посттравматических стрессовых расстройств, депрессии и тревожности в период пандемии // Дневник науки. 2023. № 11 (83).
9. Арт-терапия в условиях современных вызовов. Акименко Г.В., Белеза Е.В., Бергер Р., Боровикова З.В., Головки О.В., Голоденко О.Н., Гукина Л.В., Зыкова С.О., Иванова А.В., Изосимова С.А., Карпендейл М.Д., Капица А.А., Кара Ж.Ю., Кирина Ю.Ю., Копытин А.И., Кувшинов Д.Ю., Кутлер К.А., Ладушкин С.И., Лопатин А.А., МакНифф Ш. и др. Москва, 2023. 279 с.
10. Вачков И.В. Сказкотерапия. Развитие сознания через психологическую сказку. – М: Ос-89, 2007.-144 с.
11. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Формы и методы работы со сказками. - СПб.: Речь, 2008. - 240 с.
12. Киселёва М.Б. Арт-терапия в работе с детьми: пособие для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми. - СПб.: Речь, 2006. - 160 с.
13. Притчи, сказки, метафоры в развитии ребёнка. - СПб.: Речь, 2007. - 296 с.
14. Ткач Р.М. Сказочная терапия детских проблем. СПб.: Речь; М: Сфера, 2008. - 118 с.
15. Акименко Г.В., Начева Л.В., Лопатин А.А., Селедцов А.М., Кирина Ю.Ю. Позитивная психология: фильмы про пандемии, эпидемии и вирусы как надежда остаться в живых. Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021;2(4):58-70.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Ибодулла Кучкарович, д. м. н., профессор, кафедра социальной гигиены и управления здравоохранением, Ташкентская медицинская академия. Ургенчский филиал, Республика Узбекистан, г. Ургенч

Абдукодирова Азиза, магистр первого года обучения по специальности психиатрия, Ташкентский Государственный медицинский университет, Республика Узбекистан, г.Ташкент

Абрамов Борис Эвильевич, Учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет», ассистент, Республика Беларусь, г. Гомель

Абылгазинова Айжан Жаксыкелдиевна, заведующая кафедрой общей врачебной практики г. Усть-Каменогорск, врач-педиатр высшей квалификационной категории. Учёная степень/ учёное звание: PhD, Россия

Акименко Галина Васильевна, к.ист.н., доцент, доцент кафедры клинической психологии, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Аксютин Зульфия Абдулловна, кандидат педагогических наук, Омский государственный педагогический университет, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы, Россия, г. Омск

Алдажар Акбота Канаткызы, врач-резидент психиатр 1 года обучения, «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Алимова Рухсорахон Фарруховна, студент, Ташкентский Государственный медицинский университет, Республика Узбекистан, г.Ташкент

Алмагамбетова Алия Абдуллаевна, ассистент кафедры психиатрии и наркологии, НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Алланазаров Алланазар Худойшкурович, к.м.н., доцент, кафедра хирургических болезней и трансплантологии, Ургенчский филиал. Ташкентская медицинская академия, Республика Узбекистан, г. Ургенч

Аскаророва Роза Исмаиловна, старший преподаватель кафедры инфекционных болезней, эпидемиологии и фтизиатрии, Ташкентская медицинская академия. Ургенчский филиал, Республика Узбекистан, г. Ургенч

Бабарахимова Сайёра Бориевна, доцент кафедры психиатрии, наркологии, детской психиатрии, медицинской психологии и психотерапии, PhD, Ташкентский Педиатрический Медицинский Институт, Республика Узбекистан, г. Ташкент

Багдатов Дидара Ерболовна, врач-интерн, НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Барсукова Виктория Игоревна, медицинский психолог, Кузбасский клинический наркологический диспансер» имени профессора Н.П. Кокориной, Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Батырова Айжан Наймангазыевна, врач-резидент психиатр 1 года обучения, «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Батяшова Дарья Владимировна, студент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Бедарева Татьяна Юрьевна, к.м.н., врач отделения для детей с поражением ЦНС, психики и опорно-двигательного аппарата, ГАУЗ Кузбасская областная клиническая больница имени С.В. Беляева, Россия, г. Кемерово

Болатбекова Айгерим Дарханкызы, врач-резидент психиатр 1 года обучения, «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Брюхачев Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры физической культуры, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Буланова Алмуша Мубараковна, врач-психиатр, Коммунальное государственное учреждение «Семейский центр оказания специальных социальных услуг №2» Управление координации занятости и социальных программ области Абай, Республика Казахстан, область Абай, город Семей

Валиуллина Евгения Викторовна, к.психол.н., доцент, доцент кафедры клинической психологии, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет», Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Говорова Галина Мариановна, медицинский психолог, ГБУЗ «Кузбасский клинический наркологический диспансер имени профессора Н. П. Кокориной», Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Головко Ольга Владимировна, к.физ.-мат.н., доцент, кафедра медицинской, биологической физики и высшей математики, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Гончаренко Алексей Владимирович, к.м.н., доцент, доцент кафедры офтальмологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Гончаренко Владимир Алексеевич, старший преподаватель кафедры офтальмологии, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Гукина Людмила Владимировна, к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Даурен Сункар Дауренулы, студент, факультет «Общая медицина», «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Джаксыбеков Марат Амангельдинович, руководитель, отдел поселка Шульбинск Коммунальное Государственное предприятие на Праве хозяйственного Ведения «Областной Центр Психического здоровья» Управления Здравоохранения Области Абай

Джамалдинова Шахло Облобердиевна, доцент, заведующий кафедрой, Самаркандский государственный медицинский университет, Республика Узбекистан, г. Самаоканд

Дробышевская Елена Владимировна, старший преподаватель, магистр психологических наук, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Республика Беларусь, г. Гомель

Енсебаева Индира Зейнуллиевна, врач-психиатр, Госпиталь с поликлиникой ДП области Абай, Республика Казахстан, г.Семей

Ешмухамбетова Карлыгаш Аманжолкызы, врач-психиатр, отдел поселка Шульбинск Коммунальное Государственное предприятие на Праве хозяйственного Ведения «Областной Центр Психического здоровья» Управления Здравоохранения Области Абай

Ержурек Айсауле Жанайдаркызы, студент, факультет «Медицина», «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Журавлева Дарина Григорьевна, студент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Златков Денис Максимович, студент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Золоторева Екатерина Анатольевна, Россия, г. Новосибирск

Йулдошалиев Азамат Зокиржонович, ординатор кафедры психиатрии, наркологии, детской психиатрии, медицинской психологии и психотерапии, соискатель степени PhD, Ташкентский Педиатрический Медицинский Институт, Республика Узбекистан, г. Ташкент

Кабыкенова Айым Нуржанкызы, студент, факультет «Медицина», «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Қатарбай Маржан Тлеуханқызы, врач-интерн, НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Қазбекқызы Нұрдана, врач-интерн, НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Кадырова Майра Ходжаахмедовна, клинический ординатор кафедры психиатрии и психотерапии, соискатель степени PhD, Ташкентский Институт Усовершенствования Врачей, Республика Узбекистан, г. Ташкент

Какимова Анель Шарипкалиевна, врач-резидент 1 года обучения кафедры психиатрии и наркологии, НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Калишева Аружан Ергалиевна, врач-резидент 1 года обучения кафедры психиатрии и наркологии, НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Каменерова Алуа Ерболовна, студент, НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Кирина Юлия Юрьевна, к.м.н., доцент кафедры психиатрии и наркологии, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, заведующий кабинетом медицинских осмотров, ГБУЗ «Кузбасский клинический наркологический диспансер имени профессора Н. П. Кокориной», Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Колотий Дарья Андреевна, студент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Копытин Александр Иванович, д.м.н., профессор, кафедра психологии, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, Россия, г. Санкт-Петербург

Косарева Наталия Сергеевна, врач- психиатр, КГП на ПХВ «ОЦПЗ» УЗ области Абай, Республика Казахстан, г.Семей

Кулебакина Светлана Федоровна, медицинский психолог, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Ленинск-Кузнецкая психиатрическая больница», Минздрава России, Россия, г. Ленинск-Кузнецкий

Кунапиянова Диана Толеубеккызы, студент, факультет «Медицина», «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Лебедева Любовь Геннадьевна, врач отделения для детей с поражением ЦНС, психики и опорно-двигательного аппарата, ГАУЗ Кузбасская областная клиническая больница имени С.В. Беляева, Россия, г. Кемерово

Лопатин Андрей Анатольевич, д.м.н., профессор, главный специалист-нарколог СФО, главный врач ГБУЗ «Кузбасский клинический наркологический диспансер имени профессора Н.П. Кокориной», профессор кафедры психиатрии и наркологии, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Макатова Бақыт Рахатқызы, врач-интерн, НАО «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Машербаета Нұрэн Болатқызы, врач-интерн, НАО «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Машарипов Отабой Олимович, к. м. н., доцент, Ургенчский филиал Ташкентская медицинская академия, Республика Узбекистан, г. Ургенч

Михайлова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент Кафедры Древних Языков, Российский Государственный Гуманитарный Университет; Россия, г. Москва, Творческая студия «Kartoшка», Россия, г. Москва

Муратов Мадина Арнаевич, врач-резидент психиатр 1 года обучения, «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Неверова Екатерина Александровна, студент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Палванов Мавлонбек Маъмурбекович, главный врач Республиканского Центра фтизиатрии и пульмонологии Хорезмский филиал, Республика Узбекистан, г. Ургенч

Помыткина Татьяна Евгеньевна, д.м.н., доцент, заведующий кафедрой поликлинической терапии, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Пивовар Ольга Ивановна, к.м.н., доцент, доцент, кафедры эпидемиологии и инфекционных болезней ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет», Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Попонникова Татьяна Владимировна, д.м.н., профессор, профессор кафедры неврологии, нейрохирургии, медицинской генетики и медицинской реабилитации, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет», Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Побережная Наталья Викторовна – к.м.н., доцент кафедры психиатрии, медицинской психологии, психосоматики и психотерапии с лабораторией психического здоровья ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького» Минздрава России, Россия, г. Донецк

Раимханова Малика Еркинкызы, бакалавриат, НАО «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Райнбекова Нурай Ертаевна, бакалавриат, НАО «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Рахимов Анвар Кодирбергенович, студент, Ургенчский филиал. Ташкентская медицинская академия, Республика Узбекистан, г. Ташкент

Рахимова Гулжоной Кодирбергеновна, студент, Ургенчский филиал. Ташкентская медицинская академия, Республика Узбекистан, г. Ташкент

Сарипбекова Айгуль Турысбековна, старший преподаватель, магистр педагогических наук, Южно-Казахстанский университет имени М.Ауэзова, Республика Казахстан, г. Шымкент

Сатликов Рашид Кодирович- доцент, кандидат медицинских наук, кафедра Гематология и военно-полевой терапия. Ургенчский государственный медицинский институт, Республика Узбекистан, г. Ургенч

Сейткали Айгул Канаткызы, студент, факультет «Общая медицина», «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Сексенбаев Нурсултан Жаксылыкович, ассистент кафедры психиатрии и наркологии, НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Селедцов Александр Михайлович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой психиатрии и наркологии, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Селин Илья Игоревич, ординатор, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Сеилкан Жаннур Ерланкызы, студент, НАО «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Сергазинова Шынар Сергазыкызы, врач-резидент психиатр 1 года обучения, «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Серікқазина Аяулым Нұрболатқызы, врач-интерн, НАО «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Серикова Арайлым Сериковна, студент, «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Сквира Иван Михайлович, доктор медицинских наук, доцент, Учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет», профессор кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и медицинской психологии с курсом факультета повышения квалификации и переподготовки

Солодухо Валентина Валентиновна, заместитель директора по учебной работе Института психологии БГПУ, исследователь в области психологических наук Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь

Стрекаловская Марина Юрьевна, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук (ФГБУН ФИЦКИА УрО РАН), Институт физиологии природных адаптаций, Россия, г. Архангельск

Сырайыл Меруертт Кайраткызы, студент, факультет «Медицина», «Медицинский Университет Семей», Республика Казахстан, г.Семей

Султонова Камола Баходировна, ассистент кафедры психиатрии, наркологии, детской психиатрии, медицинской психологии и психотерапии, PhD, Ташкентский Педиатрический Медицинский Институт, Республика Узбекистан, г. Ташкент

Титиевский Сергей Владимирович – д.м.н., профессор, профессор кафедры психиатрии, медицинской психологии, психосоматики и психотерапии с лабораторией психического здоровья ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького» Минздрава России, Россия, г. Донецк

Файзуллаева Камилла Радиковна, магистр кафедры психиатрии, наркологии, детской психиатрии, медицинской психологии и психотерапии, PhD, Ташкентский Педиатрический Медицинский Институт, Республика Узбекистан, г. Ташкент

Федосеев Максим Николаевич, ординатор кафедры психиатрии и наркологии, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Федосеева Ирина Фаисовна, к.м.н., доцент, доцент кафедры неврологии, нейрохирургии, медицинской генетики и медицинской реабилитации, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Фуриин Кирилл Денисович, студент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Харлампенков Евгений Иванович, студент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Черепков Владимир Николаевич – к.м.н., доцент доцент кафедры психиатрии, медицинской психологии, психосоматики и психотерапии с лабораторией психического здоровья ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького» Минздрава России, Россия, г. Донецк

Черубаева Ания Мерекекызы, студент НАО «Медицинский университет Семей», Республика Казахстан, г. Семей

Шарабуряк Дарья Сергеевна, студент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет», Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Ширинская Анастасия Дмитриевна, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Россия, г. Донецк

Шмакова Ольга Валерьевна, к.м.н., доцент, заведующий кафедрой педиатрии и неонатологии, декан педиатрического факультета, ФГБОУ ВО

«Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Юдин Семен Анатольевич, преподаватель кафедры клинической психологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Юлдашев Гафуржан Юлдашевич, доцент, кафедра хирургических болезней и трансплантологии. Ургенчский государственный медицинский институт, Республика Узбекистан, г. Ургенч

Юминова Наталия Александровна, магистрант, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Томск

Яковлев Антон Сергеевич, старший преподаватель кафедры психиатрии и наркологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Яковлева Алина Андреевна, ассистент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Янко Евгений Владимирович, к.психол.н., доцент, заведующий кафедрой клинической психологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, г. Кемерово

Научное издание

**АРТ-ТЕРАПИЯ. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ**

сборник материалов IV Международной научно-практической конференции
(Кемерово, 20 марта 2026 г.)

Г. В. Акименко, Л.В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов,
А. С. Яковлев, Е.В. Янко ; отв. ред. Г. В. Акименко

16+

Редактор А. С. Смирнов

Подписано в печать 24.03.2026. Формат 60х84 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 39,81

Тираж 500 экз. Заказ № 103223

Кемеровский государственный медицинский университет

650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22 А.

Отпечатано в типографии ООО «АРФпринт»: г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1/173, офис 202.

Тел.: (3842) 65-79-09. Сайт: www.arf-print.ru